

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Электронный научный журнал

Главный редактор – Рыбакова Татьяна Игоревна, заместитель главного редактора – Незнамова Юлия Николаевна.

Редакционная коллегия: Гаевская Екатерина Юрьевна, доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук; Глазырин Валерий Алексеевич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, доктор социологических наук; Гончаров Максим Владимирович – доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук; Григорьев Иван Владимирович – доцент кафедры трудового права, кандидат юридических наук; Дикусар Яна Сергеевна – доцент кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева, кандидат юридических наук; Новикова Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук; Сергеев Андрей Михайлович – доцент кафедры предпринимательского права имени В.С. Якушева, кандидат экономических наук; Файзрахманов Рафаил Андреевич – доцент кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева; Цветкова Светлана Александровна - доцент кафедры цивилистического процесса Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации; Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук; Шерпаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева, доктор политологических наук.

Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. с. 620.

**Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-75805
ISSN: 2687-007X**

Адрес редакции:

ул. Колмогорова, д. 54, каб. 117А, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620034

Е-mail: iustitia.quastio@gmail.com

Тел. / факс: +7 (343) 367-40-91

Учредитель:

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

ул. Комсомольская, д. 21, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620137

Тел. / факс: +7 (343) 374-43-63.

Е-mail: rektorat@usla.ru

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы российской юстиции», допускается только с разрешения редакции.

© Вопросы российской юстиции, 2024

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Войнов Александр Сергеевич. РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАВЛА I.....	9
Екимова Ульяна Алексеевна. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ.....	24
Махмутова Альбина Зуфаровна. АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОВУЮ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ И ПРАВОСОЗНАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	38

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Елфимова Анна Евгеньевна, Логинова Дарья Викторовна. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВА В БОЛГАРИИ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	57
Кусакин Александр Андреевич. МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ: СПЕЦИФИКА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА.....	74
Насонова Полина Сергеевна. КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА: ПРАВОВАЯ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ИЛИ РЕЦЕПЦИЯ ПРАВА ПРИ СОХРАНЕНИИ УСТОЙЧИВЫХ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ.....	84
Уфимцев Антон Дмитриевич, Беляев Илья Николаевич. КОНСТИТУЦИОННО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ГРАЖДАНСТВА КНЯЖЕСТВА МОНАКО: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	95
Щекутьев Илья Николаевич. ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	102
Якушина Дарья Владимировна. О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА.....	108

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

Бурова Софья Михайловна. СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ОСНОВНОЙ ВИД ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ ДОГОВОРА	120
Вахитова Карина Ленаровна. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В САДОВЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ	138
Демина Дарья Александровна. К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА	151
Зайченко Анна Максимовна. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЛДИНГОВ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ	161
Колганова Любовь Евгеньевна. СПЕЦИФИКА ПРИОБРЕТЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ПРОЦЕССЕ СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	167
Мифтяхетдинов Айрат Тахирович. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА	173
Осокин Александр Владиславович. ИСКЛЮЧЕНИЕ УЧАСТНИКА КАК СПОСОБ ПРЕКРАЩЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	188
Полякова Анастасия Сергеевна. КРЕДИТНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ДОГОВОРЫ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ПОСРЕДСТВОМ МОШЕННИЧЕСКИХ СХЕМ: ПРОБЛЕМАТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ СТОРОНЫ СДЕЛКИ	208
Попова Елена Дмитриевна. СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ	218
Силиванова Алёна Анатольевна. ОКАЗАНИЕ УСЛУГИ ПСИХОЛОГА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	224
Стукаленко Семен Михайлович. ОСОБЕННОСТИ КУПИ-ПРОДАЖИ ТОВАРА В КРЕДИТ	235

Трощенко Джульетта Грантовна. **САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА: ПОНИМАНИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ ДЛЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПУТЕМ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ.....** 242

Харунжа Виктория Владимировна. **ПОРОЧНЫЕ СДЕЛКИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.....** 252

Храмцов Андрей Алексеевич. **АККРЕДИТИВНАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ.....** 258

Черкашина Юлия Константиновна. **К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ РОСКОШНОСТИ ЖИЛЬЯ В РАМКАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ** 263

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Артамонова Дарья Алексеевна, Киселёв Андрей Михайлович. **ПРОЦЕСС ГАРМОНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....** 272

ГраMATчикoв Владимир Андреевич. **ОХРАНА ПРИВАТНОСТИ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ: РОЛЬ И ВИДЫ СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ.....** 283

Сиротинина Вероника Александровна. **ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ СКРЫТЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ** 292

Шабалина Ксения Витальевна. **СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУЛТАНАТА ОМАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СПИСОК РАЗРЕШЕННЫХ ИЛИ СПИСОК ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРОФЕССИЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН.....** 302

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Еретнова Мария Денисовна. **ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....** 313

Сариев Георгий Спартакович. **ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ** 323

Удекюль Инна Владимировна. **ЭКОНОМИКА ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА КАК
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ 334**

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

Багирян Елизавета Павловна. **СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО
ВРЕДА ЛИЦАМ ПОДВЕРГШИМСЯ НЕЗАКОННОМУ УГОЛОВНОМУ
ПРЕСЛЕДОВАНИЮ 342**

Борисов Никита Викторович. **ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ
КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 349**

Васильева Дарья Петровна. **ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ,
ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О
ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЗАКУПОК..... 356**

Волколупова Владислава Владимировна. **УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЮ ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И
МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ И МАРОДЕРСТВУ В УСЛОВИЯХ
НОВЕЙШИХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 365**

Лаврентьева Алина Олеговна. **БЫТОВЫЕ УБИЙСТВА И ХАРАКТЕРНЫЕ
ОРУДИЯ ИХ СОВЕРШЕНИЯ..... 378**

Недиков Вячеслав Борисович. **ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО: ОПЫТ
РОССИИ И ГЕРМАНИИ..... 394**

Обломова Екатерина Романовна. **КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В
УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 411**

Рыбакова Татьяна Игоревна. **НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
ПО СТАТЬЕ 165 УК РФ..... 423**

Рыбакова Татьяна Игоревна, Трубеева Мария Сергеевна. **ОСОБЕННОСТИ
НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ..... 431**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кушнарев Александр Сергеевич, Мецлер Валерия Эдуардовна. **К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ – ЕАЭС** 438

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бикуллова Эмилия Раисовна. **ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ** 445

Каунов Руслан Игоревич, Багдасаров Владислав Александрович. **ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ** 450

Филатов Никита Владимирович. **«ПАУТИНА» ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**..... 458

Харламова Маргарита Витальевна. **ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ВС РФ ПО СТАТЬЕ 20.3.3. КоАП РФ** 467

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Демидова Анна Владимировна. **К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РФ** 475

Соромотина Владислава Алексеевна, Титов Павел Михайлович. **ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ** 481

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Азарова Анастасия Сергеевна. **ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА В СОВРЕМЕННОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**..... 489

Вострикова Анастасия Михайловна. **ЭСТОППЕЛЬ И ПРЕКЛЮЗИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ** 496

Гируть Анастасия Сергеевна. **АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СУДЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ** 504

Дмитриев Дмитрий Александрович. **ПРИЧИНЫ СУДЕБНЫХ ОШИБОК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**..... 511

Корякова Екатерина Александровна. **О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДОКАЗЫВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**..... 531

Курячая Юлия Дмитриевна, Малолеткова Екатерина Александровна. **ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ** 537

Матчоновна Оксана Алишеровна, Федотов Владислав Александрович. **ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**..... 543

Новикова Валерия Дмитриевна. **ПОДПИСКА ЭКСПЕРТА**..... 550

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Береснева Нина Андреевна. **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ**..... 561

Зарипов Шамиль Ришатович. **ТЕХНОЛОГИЯ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ РЕЕСТРОВ (НА ПРИМЕРЕ БЛОКЧЕЙН), КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВХОДЯЩИХ В ПРЕДМЕТ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ** 569

Лебедев Николай Александрович. **ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СВЕТЕ
ФИСКАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА** 582

Макарова Милена Витальевна. **МНОГОСТОРОННИЙ ИНСТРУМЕНТ ПО
ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕР ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ BEPS:
ЭФФЕКТИВНОСТЬ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА НАЛОГОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ В РФ** 589

Сухарькова Дарья Михайловна. **ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СРЕДСТВО
ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ САНКЦИЙ В НЕФТЕГАЗОВОЙ
СФЕРЕ** 598

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Казакова Диана Анатольевна. **СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ** 606

Сидельникова Элина. **ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОМПЬЮТЕРНОЙ СФЕРЕ
(МОШЕННИЧЕСТВО) И ИХ ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА** 615

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УДК 323**

Войнов Александр Сергеевич
Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Киров
aleksandrsergeevichvoinov@mail.ru

Voynov Alexander
Volga-Vyatka Institute (branch) of the
University named after O.E. Kutafin (MSAL)
Russia, Kirov

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАВЛА I

Аннотация: в данной статье рассматривается законотворческая деятельность Императора Павла Первого. Приводятся аргументы и мнения относительно характера его деятельности. Вырабатывается понимание законотворческой деятельности Павла как реформаторской. А также, даётся краткая характеристика некоторых реформ.

Ключевые слова: Император Павел I, реформы, XVIII век, Российская империя, реформаторская деятельность Павла I, история России.

THE REFORMATORY ACTIVITY OF PAUL I

Annotation: this article examines the legislative activity of Emperor Paul the First. Arguments and opinions are given regarding the nature of his activities. An understanding of Paul's legislative activity as reformatory is being developed. And also, a brief description of some of the reforms is given.

Key words: Emperor Paul I, reforms, XVIII century, Russian Empire, reform activity of Paul I, history of Russia.

В отечественной истории, одним из самых неоднозначных правителей принято считать Павла I. Уже к началу XIX века, сложилось две основные точки зрения на его деятельность. Павла рассматривали и как безумца, имеющего своей единственной целью уничтожение наследия матери и как царя-реформатора, пытавшегося ограничить произвол дворян. Ярким представителем первой точки зрения, принято считать небезызвестного Николая Михайловича Карамзина, который писал о Павле Первом так: «он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким Уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды — прелесть; унижил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери» [1, с. 45]. Представителем обратного мнения об императоре, принято считать Александра Ивановича Вейдемейера. Он отзывался о Павле так: «Павель явилъ всю дѣятельность свою и оказалъ неусыпное попеченіе о народѣ, которому даровалъ большія милости.... Милости, оказанныя Имъ атогимъ лицамъ, особливо заслуженнымъ старцамъ, неимовѣрны» [2, с. 176-177].

Но, рассматривая не отдельные аспекты деятельности, а всё законотворчество, правление императора Павла характеризуют скорее как крайне неудачную попытку контрреформ. Такого мнения, к примеру, придерживался А. Б. Каменский, писавший о правлении Павла Петровича следующее: «конец столетия ознаменовался полной остановкой процесса преобразований и попыткой осуществления контрреформ. Такой контрреформой император пытался не только затормозить идущие в стране социально-политические процессы и развитие общественной мысли, но и фактически вернуть страну к предшествующим стадиям её развития» [3, с. 156-157]. В целом, точка зрения Александра Борисовича весьма и весьма распространена. Критикуют также Павла и за неоднозначность,

противоречивость и запутанность законов. «Ряд как русских дореволюционных, так и современных отечественных и зарубежных историков отказывают Павлу в существовании у него какой-либо политической программы и рассматривают его действия как хаотичные, непродуманные и вызванные, прежде всего, стремлением разрушить созданное его предшественницей» [4]. Если обобщать всё вышесказанное, законодательство Павла Первого принято считать либо контрреформами, либо кучкой беспорядочных указов, принятых исключительно в пику своей матери.

Наше же мнение заключается в том, что законодательство Павла Первого не было ни беспорядочным, ни уж тем более контрреформистским. Павел Первый, к моменту вступления на престол уже имел свою определённую программу правления и действовал согласно ей.

По сути, находясь долгое время в стороне от государственных дел и имея достаточно влиятельный статус, Павел I получил уникальную для правителя возможность – быть наблюдателем. В то время как все министры, мать Павла (императрица Екатерина Великая) и, отчасти, даже его собственный сын находились внутри государственной системы и, как следствие, сосредотачивались на выполнении своих определённых задач, Павел Первый видел всю их деятельность, а также её последствия в роли стороннего наблюдателя, получая возможность для объективной и трезвой оценки проводимых мероприятий. Павел прекрасно понимал все недостатки реформ Екатерины. Он осознавал, что возрастающая коррупция, вседозволенность дворянства и усилившийся гнёт помещиков в отношении крепостных, оставленные ему и потомкам его императрицей не приведут страну решительно ни к каким положительным последствиям.

Между тем, отчасти, именно осознание этого и заставляло Павла принимать множество странных и неоднозначных законов. Говоря словами Ключевского: «Мысль, что власть досталась слишком поздно ... заставляла Павла торопиться ... недостаточно обдумывая предпринимаемые меры» [5].

Подтверждением этих слов может служить само законодательство в период правления Императора Павла.

Во-первых, за весь период его царствования было издано порядка 2000 нормативно правовых актов (НПА). А во-вторых, сами указы, в большинстве своём, боролись не с коренной причиной проблемы, а с её проявлениями. К примеру, «Запрещение танцевать вальс»; «Запрещение иметь тупей, на лоб опущенный»; «Запрещение дамам носить через плечо разноцветные ленты наподобие кавалерских»; «Запрещение всем носить широкие большие букли»; «Чтобы никто не имел бакенбард»; «Запрещение немецких кафтанов и сюртуков с разноцветными воротниками и обшлагами; но чтоб они были одного цвета»; «Чтоб кучера и фореиторы, ехавши, не кричали».

Сами законы Павла Петровича делилось на две группы: законы, направленные на действительное решение существенных проблем государства и законы, призванные бороться с внешним проявлением этих самых проблем. Однако множество других продуманных и действительно работающих законопроектов, просто терялись в нескончаемом потоке мелких, порой абсурдных указов.

В частности, указы, обозначенные выше, были призваны бороться с одной проблемой: излишняя распущенность дворян. Павел понимал, что уменьши он привилегии дворянства и помещиков – количество бунтов сократится в разы. Он знал, что тем больше недовольство крестьян и, как следствие число бунтов, чем более праздную жизнь ведут их хозяева. Не мог не осознавать он и того, что дворяне априори самые образованные люди в России. Следовательно, работай они на государство, а не прозябай жизнь исключительно в поездках, танцах и театре, его страна могла бы развиваться гораздо более высокими темпами.

Между тем, в отличие от Ключевского, который считал, что самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды Павла к своей матери, мы полагаем, что Павел понимал и

разделял абсолютистскую политику матери, не принимая, между тем, её излишний либерализм и вольность. Ему хотелось сосредоточить её (Империи) силы, замкнуть их в рамки существующей территории, привести в порядок весь этот громоздкий хаос запутанных дел и отношений. В то время как Екатерине была нужна великолепная панорама империи-победительницы, империи-завоевательницы [6].

Идеальным государством Павла было государство, в котором каждый шаг человека был чем-либо регламентирован со стороны власти. «Основной целью ... политики Павла I ... было дисциплинирование всего общества путем принуждения к поголовному служению императору. В этом отношении его политические идеалы совпадали с идеалами Петра I, но при этом Павел представлял себе служение, в особенности дворянства, в архаичных формах рыцарской верности вассала сюзерену. Фактически он отрицал право личности на самостоятельное развитие ... полагая, что служение государю должно быть образом жизни подданного» [4]. Примером такого идеального государства для Павла Петровича служила Пруссия. Свидетельством этому служат проводимые им реформы, которые мы рассмотрим далее.

Для начала, стоит затронуть реформу государственного управления. Первым и самым важным законом в данном направлении, который Павел принял, едва взойдя на престол, стал закон о престолонаследии от 5 апреля 1797 года. И уже как минимум то, что Павел Первый принял этот закон в день своей коронации, может служить доказательством подготовки Павла к своему правлению. Суть закона, сам Павел изложил так: «избираем наследником, по праву естественному, после смерти моей, Павла, сына нашего большого, Александра, а по нем все его мужеское поколение. По пресечении сего мужескаго поколения наследство переходит в род второго моего сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшаго моего сына, и так далее, если бы более у меня сыновей было» [7, с. 588]. Иными словами, теперь наследником назначается самый старший из живых детей нынешнего

императора по мужской линии. На первый взгляд, закон кажется несколько странным. Особенно это заметно при упоминании того, какой именно НПА отменяло Павловское законодательство и, что самое главное, по какой причине Пётр Великий принимал свой закон о престолонаследии. По сути, этот закон «откатывал» Российскую империю к допетровскому периоду.

Однако, если мы сопоставляем содержание этого НПА с «идеальной моделью» Павла Первого, то всё встаёт на свои места. Дело в том, что для Павла важнее всего была точная и простая механика действий. Он понимал, что одной из причин дворцовых переворотов как раз таки и послужил указ о престолонаследии Петровского образца. «Право царствующего государя назначать себе преемника по своей воле служит источником интриг и заговоров» [8, с. 86-88]. Из этого следовал простой вывод – оставление закона о престолонаследии без изменений непременно могло повлечь новые перевороты.

Основным направлением реформы государственного управления стала централизация власти. Для этого было проведено несколько мероприятий. Во-первых, Павел, как и когда-то его мать, сократил число губерний и уездов. «Число губерний было сокращено с 50 до 41, а уездов с 572 до 429. Должность представителя верховной власти в губерниях упразднялась, теперь же все средства управления концентрировались в лице губернатора, который подчинялся Сенату» [3, с. 158]. Так же, как и Екатерина, Павел Петрович продолжил ограничивать функционал Сената, оставляя за ним исключительно судебные полномочия. Помимо сената, существенное изменение претерпели коллегии. Павел Первый практически полностью восстановил их прежнее значение. Но, в отличие от каноничных, Петровских коллегий, решения принимались не совещательным путём, а волей одного человека.

Существенным же отличием было то, что Павел начал масштабную борьбу с коррупцией. Именно при Павле Петровиче генерал-прокурор можно сказать стал ближайшим помощником императора. Зачастую генерал-прокурор

совмещал свои непосредственные обязанности с исполнением должности генерал-губернатора, что усиливало его влияние.

Для пресечения краж впоследствии, Павел Первый проводит ряд показательных расправ в Тамбовской, а также в Вятской губернии, которая, по свидетельству современников, представляла собой «золотое дно, из которого ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами» [9].

Таким образом, во многом, деятельность Павла в сфере государственного управления была схожа с Екатерининской. В своей реформе он не стремился сделать всё наперекор матери. Наоборот, ряд её мероприятий (централизация власти, ограничение сената) при нём получили продолжение.

Кардинально же отличались от Екатерининских Военная и социальная реформа. Как уже было оговорено ранее, основной парадокс царствования Павла Первого заключался в том, что он намеревался выстроить сильное единоличное, по сути своей, абсолютистское государство, уничтожая, при этом, свою единственную опору: дворянство и военных.

Из этих двух, наиболее интересна именно военная реформа. Вообще, следует сказать, что Павел «систематически знакомился с состоянием российской армии и флота, знал их нужды не понаслышке» [10, с. 54]. Более того, вопреки мнению о плагиате Павлом Прусского устава 1759 года, в своём уставе от 1796 года, Павел Петрович кардинально пересмотрел нормы Прусского устава и адаптировал их под нужды Российской армии. Таким образом, можно сказать, что военная реформа Павла проводилась не из симпатий к Пруссии и не вследствие ежесекундного решения, а имела длительный этап подготовки.

Ещё во время поездки по Франции, «Павел, интересовавшийся армией прежде всего, не мог не обратить внимания на то, что из девяноста миллионов, которые тратила казна Людовика XVI на содержание армии, сорок шесть шло на офицеров и лишь сорок четыре на солдат. Если принять во внимание, что на каждого офицера приходилось до пятидесяти и более нижних чинов, то

становится очевидной безобразная несправедливость в распределении государственных средств. Павлу казалось, что система эта напоминает порядки Екатерины» [6].

Разница подходов Екатерины Великой и Павла к армии была очевидна. Армия Екатерины была ориентирована на единичных сильных личностей. По сути своей, вооружённые силы Российской империи, во времена правления Екатерины Великой, представляли собой группу армий, командовали которыми наиболее талантливые полководцы (Г. А. Потемкин, А. В. Суворов). Внутри своей армии они могли, пользуясь практически полным доверием со стороны короны, действовать по своему усмотрению. Безусловно, данный подход давал свои плоды. Но, основная проблема заключалась в сильной распущенности дворян. Прежде всего, последствиями этого стали многочисленные и многолетние отгулы офицеров, разворовывание армии, отсутствие дисциплины, а, самое главное, - воровство солдат, которые вместо службы уходили на поля к высшим офицерским чинам, где обращались в крепостных. В это же время, армия Павла должна была стать примером дисциплины и выдержки для всей России. Император не был ориентирован на отдельных сильных личностей. В его задачи входило, прежде всего, формирование единой сильной армии. Были возвращены из многолетнего отпуска офицеры, начались массовые аресты по обвинениям в расхищении государственного имущества, были полностью ликвидированы камергеры и камер-юнкеры, не выполнявшие практически никаких функций. В итоге, служба в армии стала гораздо сложнее для дворян и, вполне естественно, вызывала их недовольство. Тем не менее, неверным будет полагать, что Павел имел своей целью навредить дворянству. Доказательством этому может послужить то, что в «1798 г. Павел I уволил из армии всех офицеров недворянского происхождения и категорически запретил шефам полков представлять к производству в офицеры унтер-офицеров не из дворян» [11, с. 49]. Таким образом, Император Павел своими действиями не хотел как-то навредить или помочь дворянам. Его целью, как видно из вышесказанного,

являлось прежде всего формирование единой и дисциплинированной армии, возможно, в ущерб интересам дворян.

Самой последней будет рассмотрена социальная реформа. По сути, вся реформа заключается в двух направлениях: табель о рангах от 1799 и отмена жалованной грамоты дворянству и прочие мелкие указы, с целью дисциплинировать дворян.

Во-первых, Табель о рангах. Фактически, он не поменял своей структуры, но, стоит отметить, что вышедший в 1799 году указ существенно изменил порядок чиновничества. По сути, этот указ являлся продолжением Екатерининского указа от 16 декабря 1790 года и устанавливал сроки для производства в новый чин. Требуется пояснить, изначальная схема Петром задумывалась таким образом, что чин являлся лишь дополнением к работе. Какую работу выполняешь – такой чин и имеешь. Соответственно, на местах, то и дело, возникали задержки в повышении, поскольку дворяне, являясь непосредственными начальниками, не были заинтересованы в приобретении кем-либо дворянского статуса. Новые же указы устанавливали сроки службы. После того, как чиновник отслужит свой срок, ему присваивали новый чин.

Однако, подобная схема имела и свои недостатки. Дело в том, что к тому времени чины превратились в самостоятельную единицу статуса и были отделены от должностей. Иными словами, чиновник служащий коллежским асессором, на самом деле мог иметь чин выше. Это создавало определённые неудобства и недомолвки. К тому же, теперь государственные служащие были убеждены в «неотъемлемом праве на очередной чин» [12, с. 102], что существенно снижало их мотивацию к хорошей и качественной работе. Логика такая – государственному служащему не к чему работать лучше остальных, добиваясь повышения и, тем самым, статуса дворянина, поскольку, так или иначе, при выполнении им необходимого минимума он всё равно получит дворянское звание, даже оставаясь в этой должности, поскольку в новый чин он будет производиться автоматически, по истечении определённого срока. Это,

несмотря на денежную мотивацию и возможности внеочередного повышения за качественную работу, в массе своей оказало достаточно сильное отрицательное влияние на государственных служащих.

Что же касается всяческих ограничений дворян, то о них мы говорили в самом начале, приводя в качестве примера к неудачному законодательству Павла Первого, имевшему целью своей скорее досадить дворянству, нежели улучшение государственного строя. Однако, к тому великому множеству мелких и мелочных указов, рассмотренных ранее, следует добавить и отмену жалованной грамоты дворянству. Вообще, о полной отмене грамоты речи не шло. К моменту правления Павла, эта грамота воспринималась как закон, который закреплял те права, которых дворяне были достойны и без него. Иными словами, никому и в голову бы не пришло, что все те права, которые когда-то давно они получили в обмен на верность, могут быть отняты. Этот документ, по сути своей, был именно тем НПА, который обеспечивал преданность дворянства короне. Именно поэтому, наложение даже небольших ограничений на, казалось бы, естественные и неотъемлемые права дворянства, воспринималось бы ими как своего рода предательство.

Соответственно, не трудно будет предугадать реакцию дворян, которые в 1797 году неожиданно узнали, что отныне их право на свободу от телесных наказаний отменено. Также, были «запрещены губернские дворянские собрания, но оставлены дворянские собрания уездов. Павел сохранил губернских дворянских предводителей, но теперь выбирать их должны были под контролем губернаторов уездные предводители дворянства. Были реорганизованы дворянская опека и сиротский суд. Все это вызвало ропот и возмущение дворянства» [13, с. 301].

Но, самому Павлу их ропот был безразличен. Как мы говорили в начале, Павел Петрович был сторонником сильной единоличной власти. Поэтому, в его картине мира частичная отмена жалованной грамоты была его полным правом и даже необходимостью, так как конечной целью «было дисциплинирование

всего общества путем принуждения к поголовному служению императору» [4]. Однако, «россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права» [1, с. 45].

Итак, нами были рассмотрены некоторые реформы Павла Первого. Безусловно, не были рассмотрены такие моменты как отношения Павла с Купцами и производственниками, не был рассмотрен крестьянский вопрос и ряд других немаловажных аспектов в законодательстве Павла Петровича. Несомненно, данная статья содержит в себе не более чем поверхностный обзор его деятельности. Однако, целью данной статьи было вовсе не рассмотрение всей реформаторской деятельности указанного императора, а доказательство того, что законодательство императора Павла можно считать реформаторским.

Что же мы увидели в итоге? Павел Первый с самого начала своего правления имел определённый набор законопроектов, которые служили основой его реформаторской деятельности. Он регулярно знакомился с состоянием армии и флота и был достаточно хорошо подготовлен к восшествию на престол.

Несмотря на то, что в определённых моментах его политика противоречила политике Екатерины Великой, само наличие противоречий в законах не делает из Павла контрреформатора. Павел Первый не пытался вернуть Российскую Империю в прошлое. Он не хотел проведения контрреформ. Павел Первый осуществлял реформы и изменял сферы деятельности государства в соответствии с той концепцией, которую считал наиболее эффективной и жизнеспособной. Таким образом, можно сделать вывод, о том, что деятельность Павла Первого действительно можно охарактеризовать как реформаторскую.

Список литературы:

1. Н.М. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Текст] / Н. М. Карамзин ; [предисл., подгот. текста и примеч. Ю. С. Пивоварова]. - Москва : Наука, 1991. - 125, [2] с.; 16 см.
2. Вейдемейер, А.И. (1789-1852). Двор и замечательные люди в России, во второй половине XVIII столетия [Текст]. Ч. 1-2. — Санкт-Петербург : издание Э. Эйнерлинг : в Библиотеке классических книг на разных языках, 1846, 1846. — XII, 212, VIII, 222.
3. М. А. Чашников Реорганизация системы управления в царство Павла I / Текст: непосредственный // Вестник науки. – 2021. – № 1 (34). – С. 156-161.
4. Каменский, А. Б. Россия в XVIII столетии. Общество и память [Текст] : исследования по социальной истории и исторической памяти / А. Б. Каменский. - Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. - 336 с.
5. Ключевский, В. О. Курс русской истории [Текст] / В. О. Ключевский. - Москва : Академический проект, 2015-. - 22 см.
6. Чулков, Г. И. Императоры [Текст] : психологические портреты / Георгий Чулков ; [вступ. ст. и коммент. В. Н. Баскакова]. - Москва : Худож. лит., 1993. - 380, [2] с.; 21 см.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXIV (С 6 ноября 1796 по 1798). (№ 17910.) СПб., 1830.
8. Ключевский, В. О. Исторические портреты / В. О. Ключевский. - Москва : Эксмо, 2008. - 510, [1] с., [12] л. цв. ил., портр. : ил., портр., факс.; 28 см.
9. Т. И. Заева Сенатор И.В. Лопухин о проблемах гражданской ответственности личности / Текст: непосредственный // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2014. – № 4. – С. 681-686.
10. Е. В. Гавриленко Военная реформа Павла I [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-reforma-pavla-i> (дата обращения: 11.08.2024)

11. Золотарев, В.А. Во славу Отечества Российского : (развитие воен. мысли и воен. искусства в России во второй половине XVIII в.) / В. А. Золотарев, М. Н. Межевич, Д. Е. Скородумов. - Москва : Мысль, 1984. - 335 с.
12. А. А. Белых Три века Табели о рангах / Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2023. – № 2. – С. 97-113.
13. Милов, Л. В. История России XVIII-XIX веков [Электронный ресурс] URL:
https://vk.com/doc35528094_511254762?hash=EE9c4tCtuatKooRzEs7GtCOzrZM6uVXQkqyzWZTLrHX&dl=HubQGrHPDLyUz3wsZjXAaGSeNrCTdXuv3pf16NM6gz (дата обращения: 11.08.2024)
14. Клочков, Михаил Васильевич (1877-). Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М. В. Клочков. - Пг. : Сенат. тип., 1916. - [4], IV, 628, [3] с. - (Записки Историко-филологического факультета Петроградского университета ; ч. 132). - Библиогр. : с. 605-613.
15. Е. А. Волкова Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatelstvo-v-period-pravleniya-pavla-i-i-ego-vliyanie-na-sostoyanie-pravoporyadka-v-strane> (дата обращения: 11.08.2024)
16. О. И. Визавитин Павел I и реформа военного законодательства / Текст : непосредственный // История и археология : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). — Санкт-Петербург : Свое издательство, 2017. — С. 28-30.
17. А. Б. Магомедова Реформы государственного управления при Екатерине II: историко-правовой аспект / Текст: непосредственный // Вестник науки. – 2019. – № 11 (20). – С. 83-88.

18. А. С. Костев Фридрих II Прусский и Павел I: параллели жизни и деятельности/ Текст: непосредственный // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2022. – № 6. – С. 41-48.

19. И. Л. Абрамова, И.В. Берснева Деспот или опекун подданных: сословная политика Павла I в Российской дореволюционной историографии / Текст: непосредственный // Манускрипт. – 2019. – № 4. – С. 17-21.

20. Е. А. Волкова Борьба с должностными преступлениями и злоупотреблениями в период правления Павла I [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-dolzhnostnymi-prestupleniyami-i-zloupotrebleniyami-v-period-pravleniya-pavla-i> (дата обращения: 11.08.2024)

21. Н. Е. Леонтьева Концепция правового статуса в жалованной грамоте дворянству 1785 года / Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 8. – С. 33-38.

22. С. Е. Байкеева Эволюция законодательства о гражданском чиновничестве в системе государственной службы Российской империи / Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 4 (36). – С. 18-21.

23. А. В. Львов Табель о рангах 1722 года и эволюция чиновничества в XVIII веке [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tabel-o-rangah-1722-goda-i-evolyutsiya-chinoproizvodstva-v-xviii-veke> (дата обращения: 11.08.2024)

24. С. В. Юферова Успехи и неудачи «Муниципальной» реформы Екатерины II (Отечественная историография результатов губернской реформы 1775 г.) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspehi-i-neudachi-munitsipalnoy-reformy-ekateriny-ii-otechestvennaya-istoriografiya-rezultatov-gubernskoy-reformy-1775-g> (дата обращения: 11.08.2024)

25. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Отв.ред. Е.И.Индова. М., Юридическая

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 33

литература, 1987. [Электронный ресурс] URL:
https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm (дата обращения: 11.08.2024)

УДК 340.12

Екимова Ульяна Алексеевна
Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Киров
uyekimova@bk.ru
Ekimova Ulyana
Volgo-Vyatka Institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)
Russia, Kirov

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: в статье проводится анализ следующих современных теорий происхождения государства: гидравлическая теория К. Виттфогеля, кризисная теория А. Б. Венгерова и инцестная теория К. Леви-Стросса. Автор выделяет отличительные признаки современных теории, вызванных историческим прогрессом. Актуальность темы происхождения государства обусловлена отсутствием общепринятой теории, не имеющей противоречий и в полной мере, объясняющей процесс появления государственности у древних народов. Данный вопрос является дискуссионным уже несколько сотен лет, однако, закон уплотнения исторического времени дает надежду на относительно скорое завершение полемики.

Ключевые слова: происхождение государства, гидравлическая теория, кризисная теория, инцестная теория, древнейшая цивилизация.

THE ORIGIN OF THE STATE: MODERN THEORIES AND THEIR FEATURES

Annotation: the article analyzes the following modern theories of the origin of the state: the hydraulic theory of K. Wittfogel, the crisis theory of A. B. Vengerov and the incest theory of K. Levi-Strauss. The author highlights the distinctive features of modern theories caused by historical progress. The relevance of the topic of the origin of the state is due to the lack of a generally accepted theory that does not have contradictions and fully explains the process of the emergence of statehood among ancient peoples. This issue has been debated for several millennia, however, the law of consolidation of historical time gives hope for a relatively soon end to the controversy.

Key words: the origin of the state, hydraulic theory, crisis theory, incest theory, ancient civilization.

Многие рассуждения о перспективах развития современного государства в итоге приводят к закономерному вопросу о его происхождении. Следствием этого является не только человеческое любопытство, но и ряд существенных причин. При понимании того, что послужило отправной точкой в становлении государства и при каких обстоятельствах, общество может сделать ценнейшие выводы для его будущего развития. Это предоставит данные о сторонах общественной жизни, имеющих решающее значение, позволит скорректировать политический курс и на основе сопоставления древних государств с народами, не образовавшими его, усвоить историко-политические уроки прошлого.

На данный момент существует множество теорий происхождения государства, каждая из которых имеет свои достоинства, но в силу имеющихся недостатков делать вывод о завершении и исчерпаемости изучаемого вопроса представляется невозможным. Научное знание и человеческая мысль не стоят на месте, что порождает новые теории относительно вопроса становления государственности.

Современные теории происхождения государства, коими принято считать теории, выдвинутые не более ста лет назад, обладают рядом особенностей,

обусловленных общественным прогрессом. В ходе изучения рассматриваемых в данной работе теорий, мы выделили следующие главные из них:

1. Во время Восточных походов Наполеона и продолжительной британской экспансии в тихоокеанском регионе были открыты древнейшие цивилизации Египта и Месопотамии, а также появилась возможность знакомства с коренными народами Океании, что позволило этнографам переключить внимание с Европы на изучение мест обитания древнейших людей – Африки и Азии [9, с. 29-30]. Развитие исторической и этнографической наук позволило исследователям углубиться в повседневный уклад жизни древних людей, выявить важнейшие факторы их объединения в группы и, как следствие, получить неизвестные ранее сведения о возникновении государственных образований.

2. Изменения в человеческом сознании привели к постепенному отказу от религиозной и мифологической картин мира, что привело к становлению критериев научного знания, среди которых выделяют: а) доказательность, то есть логическая обоснованность положений другими, ранее доказанными положениями; б) непротиворечивость – отсутствие взаимоисключающих суждений; в) эмпирическая проверяемость, как возможность установления истинности знания посредством его соотнесения с практическими результатами, полученными с помощью эксперимента или наблюдения; г) воспроизводимость эмпирического материала, подразумевающая устойчивое воспроизведение фактических сведений теории в наблюдении или эксперименте; д) однозначность, заключающаяся в отсутствии двойного толкования терминологии, позволяет наряду с доказательностью обусловить точность научного знания и другие [5, с. 26-37].

3. В современном мире наука является независимой от политики, что исключает создание политизированных или соответствующих определенной идеологии теорий происхождения государства, имевших место в Средние века и Новое время.

Изложенные выше особенности позволяют проследить существенные изменения в научной сфере за последние несколько столетий, повлекшие более детальное и соответствующее фактологическим материалам обоснование теорий происхождения государства среди современных исследователей. В нашей статье будут рассмотрены гидравлическая (ирригационная), кризисная и инцестная теории.

Гидравлическая теория.

Карл Август Виттфогель – германский социолог, синолог и историк, автор гидравлической теории происхождения государства. В период обучения в университете на формирование его научных взглядов большое влияние оказали воззрения М. Вебера и концепция азиатского способа производства К. Маркса [8, с. 10], отразившиеся впоследствии в работах самого К. Виттфогеля. Наиболее известными его работами являются «Пробуждающийся Китай» (1926 г.), «Экономика и общество Китая» (1931 г.), и, конечно же, «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти» (1957 г.), где он анализирует процесс возникновения государств в восточных районах и развитие гидравлического государства в следующих аспектах: гидравлическая экономика, деспотическая власть, бюрократический аппарат и классовая структура общества. Гидравлическая теория описывает происхождение таких древнейших государств, как Египет, Месопотамия, Индия, Китай и другие, находящиеся близ аллювиальных рек или в засушливых районах востока.

К. Виттфогель в работе «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти» называет несколько природных факторов, определяющих направление развития общества, а именно климатические условия, куда входит количество солнечного тепла и длительность вегетационного периода, рельеф, наличие приспособляемых растениеводческих культур и самый главный фактор – вода. Перечисленные параметры сельскохозяйственной пригодности земли автор делит на два типа в зависимости от возможности преобразования их человеком. Единственным

природным фактором, поддающимся воздействию человека в доиндустриальную эпоху, являлась вода [16, с. 13-14], но с вытекающим из этого последствием – радикальным изменением общественной организации труда.

Крупномасштабные ирригационные работы приводят к разделению труда на общинном, территориальном и национальном уровне, из-за чего появляется необходимость в управлении большими коллективами, требующая умелой организации работ. На роль руководителя строительства выбирали опытных и осмотрительных людей, пользующихся доверием и уважением, но, безусловно, организация труда не строилась исключительно на добровольном повиновении сведущим в ирригационном мастерстве управленцам, имел место и физический фактор, включающий в себя применение силы. Организационная сеть ирригации, разрастаясь, привлекала все большее количество людей и, как следствие, привела к появлению бюрократического аппарата [16, с. 26-27].

К. Виттфогель высказывает предположение о том, что именно те формы руководства и социального контроля, которых требовало гидравлическое земледелие, послужили толчком для возникновения государств в восточных странах. При этом исследователь не разделял способы прихода к власти - независимо от того, являлись ли правители руководителями работ, создавали ли гидравлические аппараты сами или же захватывали их, были ли они выходцами из управленческой элиты, главным фактором в образовании государства оставалась сама система, сложившаяся в данном обществе в силу природных условий [16, с. 27]. Следовательно, главная идея К. Виттфогеля заключается в том, что процессы становления государственности и развития ирригации являются поэтапными и взаимосвязанными – усложнение сооружений требует более высокой степени организации государственного управления, которая также была обусловлена предыдущим развитием.

Большое количество племен проживало в местности с гидравлическим потенциалом, но несмотря на возможности, которые могло дать строительство

ирригационных сооружений, они не решались на это из-за сопутствующих рисков и необходимости приложения немалых усилий. Тем не менее исторические свидетельства указывают на то, что многочисленные группы людей вставали на этот путь развития вне связи с другими восточными народами. Именно поэтому, как считает К. Виттфогель, нужно рассматривать данную систематичность как закономерность [16, с. 15-17].

Обращаясь к критике гидравлической теории происхождения государства, следует отметить, что в Советском Союзе после отхода К. Виттфогеля от марксистских взглядов его работы перестали издавать, в том числе до сих пор не напечатан рассматриваемый нами труд «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти». Сложившиеся обстоятельства усложняют исследование данной теории и делают ее изучение менее распространенным в российской научной среде, вследствие чего мы приняли решение остановиться на зарубежной критике.

Американский политолог М. Мидларски в статье «Environmental influences on democracy: aridity, warfare, and a reversal of the causal arrow» утверждает, что гидравлическая теория объясняет не причинно-следственные связи возникновения государств у восточных племен, а приобретение ими деспотического характера, из-за чего теория К. Виттфогеля воспринимается ошибочно [13, с. 226].

Статья доктора философии Д. Прайса «Wittfogel's neglected hydraulic/hydroagricultural distinction» посвящена защите гидравлической теории, основанной на отсутствии понимания заложенных К. Виттфогелем идей. Главной ошибкой критиков теории Д. Прайс считает игнорирование разницы между гидравлическими и гидроагрикультурными сооружениями [14, с. 187], понятия которых были наглядно разделены К. Виттфогелем в рассматриваемом нами труде. Главным отличием является то, что экономика, порождаемая строительством крупномасштабных гидравлических сооружений, нуждалась в высокой степени организации управления, которая постепенно, по

мере усложнения ирригационных планов, преобразовывалась в государственную, тогда как экономические отношения, вытекающие из возведения гидроагрикультурных сооружений, контролировала община в связи с их небольшими размерами [3, с. 163].

Профессор археологии Д. Сайер в статье «Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen» утверждал о необходимости разделения теории гидравлического общества на две самостоятельные концепции: гидравлической экономики и гидравлического общества. Описанная К. Виттфогелем экономическая организация, то есть гидравлическая экономика, по мнению Д. Сайера, имеет разумное начало и может быть использована для исследования региональных и национальных экономик по всему миру, а не только в восточных странах. Сам автор доказал это на примере болотистых областей Восточной Англии в средневековый период. В применимости второй концепции автор статьи сомневается, как и в существовании гидравлического общества в целом, поскольку политическая надстройка теории К. Виттфогеля является малоприменимой, в отличие от ее экономического базиса [15, с. 146-147].

Кризисная теория.

Основные материалы, на которых строится кризисная теория были получены учеными в начале XX века и выделены в трудах австралийского историка и археолога Г. Чайлда. Он внес в археологическую и историческую науки неоценимый вклад, заключающийся во введении понятия «неолитическая революция» и обобщении точных фактологических сведений о процессе неолитизации. На основе научно-исследовательской работы археолога советский и российский ученый-правовед А. Б. Венгеров вывел кризисную теорию происхождения государства.

Согласно данной теории, причиной происхождения государства стали необратимые кризисы в жизни человека. Около 10-12 тысяч лет назад, в ходе климатических перемен, началось вымирание мегафауны, которая в некоторых

районах была основным источником питания для людей, что запустило переход человечества к производящей экономике, иначе говоря состоялась «неолитическая революция» - первый кризис. В это время появляются новые формы организации хозяйственной жизни, а именно земледелие и скотоводство. Например, в Передней Азии начинают одомашнивать животных, среди которых были овцы, козы и коровы, а также выращивать злаковые культуры [11, с. 35-37]. Занятие сельским хозяйством привело человечество ко второму кризису – оседлости [2, с. 29-30].

«Неолитическая революция» послужила формированию ранних земледельческих обществ, где основными отраслями экономики стали развитые формы земледелия и скотоводства, на основе которых возникают первые цивилизации – раннеклассовые общества. Древнейшие цивилизации начали свой исторический путь в долинах таких крупных рек, как Нил, Инд, Тигр, Ефрат и другие. Следствием перехода к производящей экономике стал «демографический взрыв», обусловленный скоплением людей в рамках общины. Также производящая экономика привела к необходимости организации сельскохозяйственного производства, хранения и распределения продуктов. Развитие экономики после «неолитической революции» породило потребность общества в разделении труда: нужны были сельскохозяйственные работники, организаторы труда, надзиратели за справедливым распределением результатов производства. Дальнейшее социальное расслоение общества было обусловлено появлением новых форм собственности, усложнением производственной деятельности и отделением верхушки от основной массы производителей, что привело к становлению классов и зарождению государственности [2, с. 31-32].

Древнейшими государственными образованиями являются города-государства, представляющие собой административно-хозяйственный центр небольшой сельскохозяйственной местности, жителями которого являются свободные общинники-земледельцы. В городе-государстве появляются

основные аппараты управления, выраженные городской общиной, дворцом и храмом. Постепенно это государственное образование начинает управлять и прилегающими местностями. Сама по себе первичная форма государственности – город-государство – возникает как завершение «неолитической революции», становится важнейшим условием для выживания человечества в новой действительности и имеет своей целью организационное обеспечение производящей экономики [2, с. 33-34].

По причине «молодости» кризисной теории, в сравнении с другими концепциями, научных работ, рассматривающих взгляды А. Б. Венгерова о происхождении государства, не так много. Но, безусловно, одной из самых значимых является статья профессора А. Н. Тимонина «Проблема происхождения государства в советской и постсоветской юридической науке», где он характеризует кризисную теорию как более сложное и современное воплощение марксистской теории. А. Б. Венгеров сводит все причины, послужившие возникновению первичных государств, к «неолитической революции», с чем автор статьи не согласен. Переход к производящей экономике А. Н. Тимонин выделяет лишь как условие для образования государства, опираясь на тот факт, что история знает большое количество народов, осуществивших данный переход, однако, не сумевших самостоятельно создать государство [10, с. 97-99].

Инцестная теория.

Крупнейший французский антрополог, этнограф и социолог XX века, Клод Леви-Стросс, является автором таких значимых трудов, как «Структурная антропология», «Тотемизм сегодня», «Путь масок» и другие. Ученый принимал участие в многочисленных экспедициях в малоисследованные районы Южной Америки, долгие годы преподавал и занимался научной деятельностью в университетах Франции, США и Бразилии [4, с. 124-126]. В данной работе нам интересен его труд под названием «Элементарные системы родства», где изложена теория инцеста, то есть кровосмешения.

К. Леви-Стросс принимает за аксиому положение о том, что запрет инцестов является правилом. В ходе изучения взятой во внимание темы, среди различных племен он увидел закономерность в виде наличия этого правила, однако, проявляющегося по-разному. Некоторые культуры запрещали иметь половые связи с матерью, сестрой и дочерью, реже – с дядей и тетей. Запрет на половое сношение с сестрой отличается разнообразием и может распространяться как на всех сестер, так и сугубо на младших [12, с. 9-10]. Следовательно, запрещение брака между близкими родственниками варьировалось в зависимости от того, что каждая из групп подразумевала под термином «близкое родство». Несмотря на различия в понимании запрета, без сомнений остается факт применения наказаний к нарушителям – от всеобщего порицания до смертной казни.

Формирование запрета инцеста, как фундаментального и имеющего всеобщее значение правила, по мнению К. Леви-Стросса, указывает на переход общества от простых социальных структур к более сложным, от кровного родства к культурному союзу. Именно социальные отношения, подразумеваемые терминами «отец», «мать», «сын» и «сестра», а не биологическая связь, выступают определяющим фактором в появлении запрета [12, с. 29-30].

Устанавливая общее правило подчинения, каким бы это правило ни было, группа утверждает свою юридическую власть над тем, что она на законных основаниях считает ценным. Запрет на инцест «замораживает» женщин в семье, делая их распределение и конкуренцию за них, по аналогии с пищей, групповой задачей, а не частной. В связи с этим происходит усложнение социального порядка, формирование новых общностей и правил, выраженных в превосходстве социального над естественным и коллективного над индивидуальным [12, с. 42-345]. После оформления контроля общины над женщинами, брак перестает регулироваться личным желанием и превращается

в своего рода инструмент, с помощью которого происходит обмен и устанавливаются межгрупповые связи.

Советский и российский историк Л. С. Васильев, сторонник инцестной теории К. Леви-Стросса, в статье «Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом)» писал, что отказ от права на женщину из своей группы порождал условия для заключения социального контракта с другими группами. Это заложило основу для систематических коммуникаций, состоящих из обмена женщинами, дарами и социальными регуляторами (культурная коммуникация) [1, с. 177].

Развитие взаимовыгодных отношений между племенами приводит к формированию родоплеменных отношений и экономического начала, что характерно для протогосударственных форм, позднее перерастающих в полноценное государство. Отправной точкой для перечисленных выше преобразований и возникновения государства является запрет на кровосмешение, в чем и состоит инцестная теория происхождения государства К. Леви-Стросса.

Французский философ и культуролог Рене Жирар в своем труде «Насилие и священное» подвергает критическому разбору теорию кровосмешения. Автор задается вопросом, почему правило было поставлено К. Леви-Строссом на первое место. Правило является обычным порядком вещей, некой привычной действительностью, но на инцесты были введены запреты, подкрепляемые санкциями, а значит запрет является первостепенным. В пользу главенства запретов на инцест говорит также то, что они «сохранились до сегодняшнего дня, когда система уже изжила себя». Также Р. Жирар указывает на отсутствие объяснения мотивов введения данного запрета, оставляя проблему боязни инцестов без комментариев [6, с. 288-289].

Доктор юридических наук и профессор Т. В. Кашанина в труде «Происхождение государства и права» отмечает непреложность исторических фактов, использованных К. Леви-Строссом для обоснования своей теории.

Переход общества от эндогамной формы брака к экзогамной, как пишет автор, действительно существовал и представлял собой значимый рубеж в развитии общества, а введение запрета инцеста способствовало укреплению рода и развитию межплеменных связей. Несмотря на положительную оценку фактологической базы теории, Т. В. Кашанина считает ее неспособной дать полное представление об истинных причинах происхождения государства, поскольку, по мнению автора, люди способны создать государство, когда появляются кардинальные и устоявшиеся отличия между человеком и животным, например, способность человека к производству материальных благ, выразившаяся на рубеже перехода человечества от собирательства к производящей экономике. Запрет инцестов профессор не считает достаточным отличием от животных, так как половым отношениям различных популяций также присуща сложность [7, с. 60-61].

Вопрос происхождения государств у древнейших племен сложен и многогранен. Он важен как для понимания хода исторического процесса, так и для развития современных политической, этнографической, социальной и других наук. Теории, касающиеся вопроса возникновения государства, продолжают появляться и по сей день, но ни одна из них в полной мере не отвечает на поставленный вопрос и встречается с критикой других ученых. Тем не менее современные исследователи обладают большими возможностями в разработке теорий, к которым относятся невиданный ранее технический прогресс и более широкий круг материалов для исследований.

С нашей точки зрения, отвечая на вопрос политогенеза, ошибочным является заострение внимания исключительно на одной конкретной стороне жизни древнейших народов, чем характеризуются все известные на сегодняшний день теории. Предполагаем, что рассмотрение различных факторов в совокупности позволит если и не найти истину, то существенно приблизиться к ней.

Список литературы:

1. Васильев Л. С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки, 1980. № 1. С. 172-186.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник / 8-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2011. 607 с.
3. Галеев К. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение, 2011. Т. 10. №3. С. 155-179.
4. Гарбовский Н. Клод Леви-Стросс (1908-2009) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2009. №4. С. 124-126.
5. Губанов Н. И., Губанов Н. Н., Третьяков Н. Г. Критерии некоторых аспектов научного знания // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия, 2016. №1(01). С. 25-36.
6. Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. 396 с.
7. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права / Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. 299 с.
8. Латов Ю. В. «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «Странной» книги) // Историко-экономические исследования, 2007. Т. 8. №2. С. 8-37.
9. Сухолинский П. Р. Право в догосударственных социальных системах : дис. канд. юрид. наук : 12.00.01; Ин-т государства и права РАН. - Москва, 2013. 220 с.
10. Тимонин А. Н. Проблема происхождения государства в советской и постсоветской юридической науке // Правовое государство: теория и практика, 2014. №2(36). С. 96-101.

11. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации / пер. с англ. М. Б. Свиридовой-Граковой и Н. В. Ширяевой ; под ред. Т. С. Пассек ; предисл. А. Л. Монгайта. – М.: Изд-во иностранной лит., 1952. С. 466.
12. Levi-Strauss C. The elementary structures of kinship. – Boston : Beacon Press, 1969. 541 с.
13. Midlarsky M. Environmental influences on democracy: aridity, warfare, and a reversal of the causal arrow // Journal of Conflict Resolution, 1995. Vol. 39. No. 2. С. 224-262.
14. Price D. Wittfogel's Neglected Hydraulic/Hydroagricultural Distinction // Journal of Anthropological Research, 1994. Vol. 50. No. 2. С. 187-204.
15. Sayer D. Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen // World Archaeology, 2009. Vol. 41. No. 1. С. 134-150.
16. Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power. – New Haven, London : Yale University Press, 1967. 570 с.

Махмутова Альбина Зуфаровна

Уральский государственный экономический университет

Институт магистратуры

Россия, Екатеринбург

albina2003makhmutova@gmail.com

Makhmutova Albina

Ural State University of Economics

Institute of Master's Degree

Russia, Yekaterinburg

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОВУЮ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ И ПРАВОСОЗНАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: в данной статье анализируется влияние цифровых технологий на правовую осведомленность, правосознание и правовую грамотность несовершеннолетних. Рассматриваются как положительные аспекты, такие как доступность правовой информации, развитие юридических онлайн-услуг и цифровых образовательных платформ, так и отрицательные, связанные с распространением дезинформации, использованием цифровых технологий для совершения преступлений и кибербуллингом. В заключении автор приходит к выводу о необходимости разработки специальных программ и инструментов для повышения правовой грамотности и стимулирования ответственного использования цифровых технологий несовершеннолетними.

Ключевые слова: правосознание, правовая осведомленность, несовершеннолетние, цифровизация, цифровая грамотность.

ANALYZING THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE LEGAL AWARENESS AND LEGAL CONSCIOUSNESS OF MINORS

Annotation: this article analyzes the impact of digital technologies on legal awareness, legal consciousness and legal literacy of minors. It considers both positive aspects, such as the availability of legal information, the development of online legal services and digital educational platforms, and negative aspects, such as the spread of misinformation, the use of digital technologies to commit crimes and cyberbullying. The author concludes that it is necessary to develop special programs and tools to improve legal literacy and encourage responsible use of digital technologies by minors.

Key words: legal consciousness, legal awareness, minors, digitalization, digital literacy.

На сегодняшний день ученые справедливо отмечают в своих исследованиях, что процесс цифровизации уже охватывает практически все сферы общества, в том числе правовое регулирование, в частности, правотворчество и правоприменение [17, с. 32]. Причем В.Ю. Самородов подчеркивает необходимость постепенного и своевременного внедрения цифровых технологий в правотворческий процесс [18, с. 169], ведь некоторые наработки уже эффективно используются в этой сфере (например, система обеспечения законодательной деятельности [27]).

Юристы-практики, как отечественные, так и зарубежные, стали активно использовать такие понятия, как «цифровое право» [14], «цифровые правоотношения» [25] и «компьютеризация права» [26]. Исследователи утверждают, что развитие права в цифровом пространстве может привести не только к изменению нормативной роли, границ и пределов права, но и к изменению его восприятия [23]. И поскольку, как отмечают Т.В. Корчагина и А.И. Николаев, правосознание – это отражение существующей правовой действительности и того, как отдельные субъекты ее воспринимают и интерпретируют [13, с. 43], то и изменения в социально-правовой сфере повлияют на правосознание субъектов общественных отношений, в частности,

несовершеннолетних, основы развития которого определяются государством на уровне отечественного законодательства [7].

Вспоминаются и слова И.А. Ильина о том, что люди еще не поняли фундаментальной аксиомы всякой политики, что именно через правосознание создается право и государство для внутреннего мира [36, с. 105]. В связи с этим, формирование высокого уровня правосознания граждан – задача и цель развития каждой страны, а пренебрежение этим важным аспектом жизни человека ведет к росту преступности, деградации государства, застою в развитии целых поколений, повышению риска конфликтов и вооруженного противостояния. Поэтому необходимо учитывать влияние цифровых технологий на правосознание молодого поколения.

Для начала обратимся к определению понятия «правосознание» с научной точки зрения.

Так, по мнению В.Н. Протасова, правосознание – это совокупность мыслей и чувств, выражающих отношение людей, социальных групп к нынешнему, будущему и прошлому праву [22, с. 254]. Причем правосознание носит подлинно исторический характер. Ведь на каждом историческом этапе развития человечества возникали различные, иногда неоднозначные взгляды на право (оправдание рабства, классовое деление населения, понятия демократии и свободы личности, отношение к смертной казни и т.д.). Соответственно, субъективная реакция (положительное, отрицательное, разумное, рациональное, эмоциональное отношение) людей на объективное право будет являться тем самым *правосознанием*.

А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев придерживаются аналогичного определения, указывая, что правосознание представляет собой форму общественного сознания, комплекс взглядов, идей, представлений, чувств людей, объединений, общества в целом о праве и правовых явлениях [21, с. 465]. Иными словами, правосознание, являясь неотъемлемой частью правовой жизни общества и специфической формой общественного сознания,

которую нельзя наблюдать непосредственно ввиду ее особой структуры, относится к *идеальной стороне правовой действительности*, в то время как нормативно-правовые акты, юридическая практика составляют ее *материальную сторону*.

Поэтому, сопоставив приведенные выше определения, можно сделать вывод, что *правосознание – это система мыслей, убеждений, представлений, чувств, эмоций и переживаний о праве, роли права в обществе и юридической практике*.

Правосознание, будучи неотъемлемой частью механизма правового регулирования, характеризуется своей включенностью в работу как правотворческой, так и правоприменительной стадий правового воздействия. И поскольку именно сознание, мысли, идеи и воля направляют поведение людей, выступают инициаторами и регуляторами их поступков во всех сферах жизни, то и роль правосознания наиболее очевидна на стадии *правоприменения*, где его уровень, качество, характер и содержание во многом определяют, является ли поведение человека в обществе правомерным и социально полезным или противоправным, социально вредным и опасным.

Как и любое другое правовое явление, правосознание имеет свою *структуру*, состоящую из: *правовой психологии* (эмоционально-волевая сторона) и *правовой идеологии* (познавательная сторона), а также правовой информации и правовой оценки.

Правовая психология – это совокупность чувств, привычек, эмоций, психических состояний и переживаний, обусловленных отношением людей к праву [15, с. 176]. При этом люди руководствуются житейским сознанием, здравым смыслом, иными словами, теми мыслями и чувствами, которые связаны с развитием правовых норм, состоянием действующего права и практической реализацией правовых предписаний. *Правовая идеология* – это правовые принципы, теории и убеждения, выражающие отношение к праву, формируемое учеными-юристами, практиками и политиками для решения

социальных проблем [13, с. 47]. Это теоретическое отражение правовой действительности, полученное посредством рационального познания и научного изучения правовых явлений. Результаты абстрактного мышления выражаются здесь в форме концепций, правовых идей, как, например, в работе Г. Гегеля «Философия права».

Далее рассмотрим взаимосвязь правосознания и цифровизации.

Так, цифровое правосознание развивается благодаря активному и повсеместному использованию информационных технологий и способствует более глубокому пониманию правовых явлений.

Согласно подп. «н» п. 26 Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [28], развитие пространства информационного общества в России включает в себя создание и развитие правосознания граждан, их ответственное отношение к использованию информационных технологий, включая потребительскую и пользовательскую культуру. Новые вызовы (глобализация, цифровизация, пандемии, информационные эпидемии и т. д.) привели некоторых ученых к выводу, что «рост новых ценностей, необходимых для преодоления цивилизационного кризиса, стоящего перед человечеством, еще не произошел» [19, с. 77].

Результаты исследований, представленные в современных юридических изданиях, свидетельствуют о необходимости институционализации новых правовых субъектов – «цифровых личностей» [20, с. 9]. Например, российский правовед В. А. Вайпан считает, что особых правовых препятствий для законодательного закрепления за роботами прав и обязанностей субъектов различных правоотношений не существует [10, с. 20], поскольку попытки наделения искусственного интеллекта правосубъектностью уже были предприняты в 2017 году, когда робот Фран Пеппер стал первым в мире гуманоидным субъектом, официально зарегистрированным в реестре населения Бельгии, а робот-гуманоид София получила гражданство в Саудовской Аравии.

В связи с текущей тенденцией к цифровизации законодательства многие правоведы указывают на будущее появление отдельных субдисциплин цифрового права (право цифровых валют, право споров, доступ и защита данных и т. д.) и нового типа прав человека – *цифровых*, закрепленных ст.141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], и утилитарных цифровых прав, предусмотренных Федеральным законом от 2 августа 2019 г. №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], который закрепляет правовые основы работы инвестиционных платформ.

Однако непринятие необратимого процесса цифровизации традиционным правосознанием вызывает судебные споры. Например, общество с ограниченной ответственностью «Оператор информационной системы» оспорило конституционность статьи 128 ГК РФ, в которой говорится, что гражданские права включают в себя цифровые права, но Конституционный суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы [8].

В целях удовлетворения своих, в частности, *образовательных потребностей*, несовершеннолетние с раннего возраста становятся активными участниками киберпространства, правового регулирования прав интеллектуальной собственности, использования авторских и иных прав (создание и распространение фотографий, видео, подкастов и т.д.), права на доступ к данным, защиту доступа к личной информации, конфиденциальности и анонимности. Практика показывает, что эти права все чаще нарушаются (ущемляются) злонамеренными пользователями киберпространства «путем атак на мобильные устройства и приложения, смарт-контракты, аккаунты в социальных сетях и т.д.» [24, с. 58]. Несовершеннолетние, как участники различных взаимодействий в киберпространстве, входят в сферу повседневной виртуальной деятельности человека, например, становятся объектом нейромаркетинговых исследований, проводят изучение потребностей

потребителей и быстро получают доступ к скрытой информации о предпочтениях своих клиентов [16, с. 80].

Переход образования в электронную среду привел к активному развитию *маркетинга образовательных услуг*. Специалисты в области образования разрабатывают методы и инструменты для определения прототипов и потребностей целевых аудиторий учащихся, построения потребительских маршрутов для образовательных организаций, а также применяют методы *нейромаркетинга и нейровизуализации*. Поскольку *нейромаркетинг* сосредоточен на изучении влияния различных стимулов на подсознание потребителя, некоторые исследователи считают, что визуализация мозга не может быть использована таким образом, чтобы гарантировать конфиденциальность, и развитие нейромаркетинга может привести к нарушению свободы воли и злонамеренному использованию информации. В качестве примера можно привести использование визуализации мозга для изучения влияния политической рекламы во время выборов [11, с. 21].

В то же время ученые считают, что исследования в этой области позволяют эффективно выявлять скрытые антисоциальные формы поведения (игровая зависимость, наркомания, алкоголизм, делинквентность), что может помочь своевременно диагностировать и уменьшить эти проблемы у подростков. Социологи определяют современную эпоху общественного развития как эпоху фрагментации, в которой информационное общество развивается разными путями и в больших масштабах, создавая значительный разрыв между прошлым и будущим обществами.

Перейдем к анализу инструментов и методов развития цифровой грамотности у несовершеннолетних.

Большое влияние на развитие цифровой грамотности и правосознание оказывают социальные сети, контент которых характеризуется легкостью распространения информации, легкодоступностью и содержанием, соответствующим фрагментарному мышлению.

В соответствии с принципами государственной политики в области развития правовой грамотности и правосознания граждан Российской Федерации (Президент Российской Федерации, 2011г. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г.), в пункте 3 части 3.12 указано, что на формирование правовой культуры, позитивного правосознания и законопослушного поведения влияет, в том числе, распространение и использование доступных информационных материалов, в том числе в электронной форме. 1 декабря 2022 года в Российской Федерации вступили в силу изменения в Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [3], которые устанавливают, что государственные органы, органы местного самоуправления, их подразделения и суды обязаны размещать информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в социальной сети. Подведомственные органы и суды обязаны публиковать информацию в социальных сетях «ВКонтакте» или «Одноклассники». Соответствующая информация публикуется на официальном сайте «Одноклассников» [29].

Создание социальных сетей с удобным доступом к информации – это, безусловно, еще один шаг к повышению цифровой грамотности, в том числе и среди молодежи. Однако многие сайты не пользуются популярностью. Например, сообщество Второго совета Кассационной палаты насчитывает 366 пользователей [30], сообщество Министерства экономики Тюменской области - 104 пользователя [31] и т.д. Причин такой ситуации много: от однообразного контента до современной информационной перегрузки.

А. А. Бабаева, исследуя коммуникационную стратегию администрации города Москвы в социальных сетях, пришла к выводу, что наиболее популярными формами публикации являются изображения и видео, что доказывает важность создания качественных визуальных материалов [9, с. 210]. Тематические предпочтения пользователей подтверждают общее

предположение о социальных сетях: аудитория приходит в них, чтобы отдохнуть от повседневной жизни.

В то же время нельзя отрицать важность поддержания сайтов государственных учреждений в социальных сетях. Это может стать перспективным направлением для молодых специалистов. Например, в сфере юриспруденции молодые юристы (в том числе студенты) могут способствовать своему профессиональному развитию и цифровой правовой грамотности, поддерживая различные сайты в социальных сетях, чтобы представить сложный материал, в том числе с использованием юридического дизайна, широкой аудитории в более простом и доступном формате. Студенты также могут взять на себя инициативу по созданию информационных сообществ для освещения событий в правовой сфере.

Примером может служить сообщество проекта социальной сети «ВКонтакте» «Школа-семинар по конституционной пропаганде» [32]. В этом сообществе студенты Российского государственного университета правосудия публикуют посты о событиях в области конституционного права и конституционного управления [33], описывают структуру Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) [34] и конституционных судов во всем мире [35], а также анализируют наиболее интересные решения Высшего совета юстиции по конституционному контролю с помощью инфографики. Каждый пост сопровождается визуальным материалом: схемами, фотографиями, изображениями, которые являются типичным контентом социальных сетей, помогающим пользователям социальных сетей переварить сложную информацию (например, 25-30 страниц решений КС РФ), представив ее в легком для восприятия формате. В результате, качественный контент привлекает внимание не только студентов, но и преподавателей и юристов.

Такой подход позволяет предположить, что социальные сети органов государственной власти, местного самоуправления, подведомственных учреждений и судов ждет светлое будущее благодаря молодым специалистам –

студентам и выпускникам вузов, которые освоили определенные технологии и умеют профессионально подавать информацию в цифровом формате для повышения цифровой грамотности граждан. Мы считаем, что игровой формат может стать одним из важнейших образовательных методов и инструментов для развития правовой грамотности несовершеннолетних в цифровой среде.

Целью правового обучения, воспитания и образования в киберпространстве является формирование у несовершеннолетних: способности принимать решения и действовать в изменяющейся социально-правовой среде, изучать поступающую правовую информацию и выносить суждения; приобретение правового опыта в цифровой среде на основе усвоения содержания правовых обязанностей и компетенций, необходимых в конкретной ситуации.

Несомненно, современному несовершеннолетнему необходимо знать содержание цифровых прав, знать, какие данные о нем имеются, кто их собрал, какая информация является уникальной для него и какие данные могут быть забыты в цифровом виде. Кроме того, процессы цифровизации и роботизации изменили характер отношений между людьми и технологическими устройствами (роботами), создав новый статус вне правового статуса личности и новые правила принятия решений и ответственности для искусственного интеллекта, участвующего в социальной коммуникации. Эти новые обстоятельства создают условия для развития у несовершеннолетних соответствующих технических и правовых компетенций.

На наш взгляд, активное присутствие несовершеннолетних в праве или в правовой жизни – это область правового существования несовершеннолетних, состоящая из ряда позитивных и негативных проявлений, обусловленных их деятельностью, связанной с правом: изучение права в теории и на практике, совершение правовых или противоправных действий, пребывание в юридически значимых ситуациях, участие в нарушении или применении права, вынесение оценочных суждений и выражение размышлений о праве.

Иными словами, правовая жизнь несовершеннолетнего складывается из исходных данных его правосознания, выражающихся в четком и конкретном восприятии правовой действительности. Она также может быть выражена как процесс накопления, интерпретации и интернализации правовых смыслов, которыми руководствуется несовершеннолетний в своей повседневной жизнедеятельности. Постепенное развитие правосознания и правовой культуры личности требует от несовершеннолетних формирования привычек в правовой среде. Знакомый и доступный характер правовой информации станет предпосылкой для понимания несовершеннолетними норм в виде установок и убеждений, устойчивых реакций, образцов поведения. Однако стоит помнить о том, что в правовой жизни несовершеннолетних присутствуют не только позитивные правовые начала (правовая грамотность, правосознание, социально-правовая активность), но и негативные проявления: преступления в цифровой среде, такие как фишинг, хакерство, домогательства, вовлечение в различные формы нарушения прав, бесправие, формирование аберрантного чувства справедливости.

В связи с чем возникает вопрос: *если правовая жизнь несовершеннолетних проходит преимущественно в цифровом пространстве, что происходит с чувством справедливости и содержанием компонентов их правовой культуры данных субъектов общественных отношений?* На наш взгляд, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выделить основные компоненты, составляющие когнитивно-смысловой образ (идеал) несовершеннолетнего.

Информационное наполнение виртуальных ресурсов в сети Интернет, которыми в основном пользуются несовершеннолетние, может содержать правовой контент или же информацию противоправной направленности. Однако, исходя из этой информации, несовершеннолетний выбирает тот вариант поведения, который он считает правильным. И выбор эталона поведения не обязательно связан со степенью законности той правовой

реальности, в которой находится несовершеннолетний. В то время как в реальной жизни могут происходить различные жизненные процессы и противоречивые правовые реалии, в виртуальном пространстве эти границы могут быть пересечены и представлены в искаженном и гипертрофированном виде, полном фальши, игры и фантазий.

Для того чтобы понять процесс становления несовершеннолетнего субъектом права, необходимо разобраться в основных характеристиках субъекта права.

В философско-правовом контексте дисциплинированность понимается как внутреннее правовое качество, означающее способность человека строго и точно выполнять установленные обществом правовые правила, нормы и требования (писаные и неписаные). По мере формирования нормативного характера поведения ребенка (примерно к трем годам) можно говорить об установлении его правовой индивидуальности. Очевидно, что управлять развитием дисциплины несовершеннолетних в киберпространстве непросто.

Поэтому Д. А. Керимов рассматривает правосознание как диалектическое сочетание трех уровней: обыденного, практического и научного сознания [12, с. 42].

Отличие этих трех уровней не только возможно, но и необходимо для правового образования несовершеннолетних. В условиях популяризации электронных форм обучения распространенным методом обучения являются игры. Игровое обучение в современном образовании называют рекреационным. Оно проявляется в различных формах досугового обучения (без принуждения), при этом создаются условия для приобретения участниками игры различного социального опыта (знаний, навыков, умений, эмоций и оценочной деятельности, если таковая имеется). Процесс геймификации методов правовой педагогики, вовлечение несовершеннолетних в среду электронного обучения, способствует моделированию цифровой правовой реальности, вовлекает несовершеннолетних в процессы и явления виртуальной правовой жизни и

развивает правосознание на уровне виртуальных игр. Вопрос о влиянии развития уровня правосознания в виртуальных играх на процесс правовой социализации несовершеннолетних в реальной жизни требует дальнейшего исследования. Известно, что обучение игроков связано с эмоциональным напряжением и стимулирует эмоциональный тон их поведения.

Эмоции, как кратковременные переживания, отражающие значимые для несовершеннолетних правовые явления, первоначально формируют грубую оценку правовой информации (полезно – вредно, опасно – безопасно), а в дальнейшем становятся частью личной шкалы ценностей, пригодной для социально-правовой адаптации. Правовые эмоции всегда сопровождают деятельность несовершеннолетних, независимо от того, в какой сфере она протекает и в какой форме. Достоверность восприятия правовой информации основывается именно на положительных эмоциях несовершеннолетних. Эмоции и чувства играют важную роль в развитии правосознания несовершеннолетних. Поощрение со стороны общества, справедливая оценка достигнутых результатов и преодоленных трудностей в решении правовых проблем придают несовершеннолетним уверенность и оптимизм. Правовые эмоции (вина, осуждение, виновность, законность и т. д.) органично порождают ощущения, восприятие и осознание правовой действительности. Правовую психологию несовершеннолетних не следует сводить к чувствам, эмоциям, ощущениям и переживаниям. Она включает в себя понятия и идеи, которые еще не нашли более точной и четкой идейно-правовой формулировки и научно-теоретического осмысления в среде несовершеннолетних.

Согласно психологии личности, обыденное сознание состоит из убеждений, представлений и понятий, спонтанно возникающих в результате непосредственных условий жизни несовершеннолетних и воздействия на них повседневного опыта. Развитие повседневного правосознания несовершеннолетних происходит на основе непосредственных неформальных и межличностных отношений. Полагаем, что в структуре повседневного

правосознания несовершеннолетних, помимо повседневного правосознания, желательно выделить промежуточный уровень практики, который ориентирован, прежде всего, на использование права в соответствии с социально-правовыми потребностями общества, в котором они живут в данный период своей жизни. Это не исключает разрушения иллюзорного или искаженного восприятия права, сопровождающего эмоционально-чувственные переживания.

Приобретение правовых знаний, понимание природы правовых явлений, знание юридической практики и развитие правосознания несовершеннолетних могут внести значительный вклад в формирование эффективной правовой грамотности несовершеннолетних. На наш взгляд, правосознание несовершеннолетних, то есть их социально-правовой статус и роль в правовой жизни общества, является наиболее сложным для изучения феноменом в условиях цифровизации общественных отношений. Заслуживает внимания изучение социально-правовой солидарности несовершеннолетних в интернет-коммуникации, которая выражается в лайках, репостах и комментариях к событиям в правовой жизни государства и общества, что вызывает их симпатию и поддержку. Уровень правосознания несовершеннолетних не позволяет делать выводы о моральной солидарности на основании нарушений, вызывающих сочувствие. Проявление правовой солидарности несовершеннолетними напрямую связано с их поступками, основанными на чести, достоинстве и обязанности действовать. Благодаря Интернету и другим источникам информации у несовершеннолетних формируется чувство собственного достоинства и ответственности за свои решения и поступки, что особенно важно для развития у несовершеннолетних личного чувства прав и формирования правовой культуры.

Для того чтобы в какой-то мере *снизить влияние негативных факторов, искажающих правосознание*, государству необходимо осуществлять более жесткий контроль за распространением социально вредной информации в

интернете. Несмотря на попытки государства ужесточить контроль (были приняты: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [2], Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ [4], Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 5 декабря 2016 г. № 646 [6]), этот вопрос до сих пор остается нерешенным. Разумеется, ужесточение контроля не означает всеобщую цензуру электронных СМИ, социальных сетей и блогосферы, которые, не являясь средствами массовой информации, выполняют коммуникативную функцию, являются важными источниками воспроизводства информации и влияют на формирование общественного мнения. Пресечение распространения социально вредной информации в глобальной сети должно осуществляться не только правоохранительными органами (Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации и Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций), но и гражданским обществом.

Мы считаем, что негативному влиянию цифровизации на трансформацию правосознания граждан *необходимо противостоять*: постоянным совершенствованием нормативно-правовой базы в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); мониторингом интернет-ресурсов и уведомлением компетентных органов об обнаружении нелегального контента; введением в учебные программы вузов и профессиональных училищ кейсов для развития у студентов знаний и навыков в сфере информационных технологий и телекоммуникации; реализацией национальной программы цифровой грамотности и правового образования для повышения уровня правовой грамотности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024)// "Собрание законодательства РФ", N 32, 1994, ст. 3301
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Финансовая газета. Региональный выпуск", N 35, 2006
3. Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления"// "Собрание законодательства РФ", 16.02.2009, N 7, ст. 776
4. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 12.06.2024) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"// "Российская газета", N 297, 31.12.2010
5. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 авг. 2019 г. №259-ФЗ // Российская газета. 2019. 7 авг.
6. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // [Электронный ресурс] // URL: Официальный интернет-портал правовой информации, 06.12.2016 (дата обращения: 15.07.2024)
7. "Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан" (утв. Президентом РФ 28.04.2011 N Пр-1168)// [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Оператор информационных систем» на нарушение его конституционных прав статьей 128 Гражданского кодекса

Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 апр. 2022 г. №945-О. [Электронный ресурс] // URL: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/)

9. Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов Правительства Москвы // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2021. № 3. С. 198–215

10. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Библиодосье к парламентским слушаниям на тему «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики». М., 2018. 29 с.

11. Дершень В. Инструменты нейромаркетинга: проблемы и перспективы // Наука и инновации. 2018. № 6 (184). С. 21—22.

12. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – Репр. воспроизведение изд. 1972 г. – М. : Норма : Инфра-М, 2019. – 471 с.

13. Кодирзода, Т. К. Понятие и структура правосознания / Т. К. Кодирзода // Академический юридический журнал. – 2020. – № 1(33). – С. 47-52.

14. Мансуров, Г. З. Цифровое право : Рекомендовано Советом по учебно-методическим вопросам и качеству образования Уральского государственного экономического университета в качестве учебного пособия / Г. З. Мансуров. – Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2020. – 122 с.

15. Насков, Д. С. Правосознание: теоретико-правовая интерпретация / Д. С. Насков // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 3. – С. 175-191

16. Неделько А. Ю. Возможности и ограничения использования методов нейромаркетинга // Управленческие науки. 2018. № 8 (4). С. 77—83

17. Палеха, Р. Р. Правосознание как элемент содержания правового воздействия / Р. Р. Палеха // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 4(184). – С. 82-84.

18. Саламаткин С. Н. Правовое воспитание личности. Красноярск : КГПУ, 1990. 123 с.
19. Полякова, Т. А. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, Н. В. Кроткова // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 75-87.
20. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2(254). – С. 5-17.
21. Теория государства и права : учебник и практикум для среднего профессионального образования / В. Н. Протасов. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 368 с.
22. Теория государства и права : учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев ; под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 516 с.
23. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5-16.
24. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46—63
25. Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни/П. Хлебников // Жилищное право, 2017, N № 9.-С.93-101
26. Шабаева, О. А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы / О. А. Шабаева // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1(84). – С. 16-20.
27. Портал государственных услуг Российской Федерации: [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gosuslugi.ru/>
28. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] // URL: www.pravo.gov.ru

29. В России вступил в силу закон об обязанности госорганов вести страницы в соцсетях. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16469577>

30. Второй кассационный суд общей юрисдикции. [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/public217171732>

31. Департамент экономики Тюменской области. [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/public195460482>

32. Школа-практикум «Интерес защищать». [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/interest2protect>

33. Оплата судебной экспертизы в гражданском процессе: продолжение истории. [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_378%2Fall

34. Секретариат Конституционного Суда РФ. [Электронный ресурс] // URL: [https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_223%](https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_223%2Fall)

35. Конституционные суды мира: СНГ. [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/interest2protect?w=wall-216479262_311%2Fall

36. Ильин И. А. О сущности правосознания. / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. — М.: «Рарогъ», 1993. — 235 с. — Текст: непосредственный

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 342.71

Елфимова Анна Евгеньевна

Логинова Дарья Викторовна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт государственного и международного права

Россия, Екатеринбург

anyaelfimova03@gmail.com

loginovadasha.09@mail.ru

Elfimova Anna

Loginova Daria

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of International and domestic law

Russia, Ekaterinburg

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВА В БОЛГАРИИ:

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в данной статье исследуются особенности законодательства Болгарии в области гражданства: вопросы приобретения гражданства, его восстановления и утраты. Также анализируются права и обязанности граждан Болгарии, затрагиваются вопросы взаимодействия Болгарии и Евросоюза в рамках возможности приобретения европейского гражданства.

Ключевые слова: гражданство, государство Болгария, приобретение гражданства, восстановление гражданства, утрата гражданства.

LEGAL REGULATION OF CITIZENSHIP IN BULGARIA:

ANALYSIS OF LEGISLATION

Annotation: this article examines the peculiarities of Bulgarian legislation in the field of citizenship: issues of acquisition of citizenship, its restoration and loss. The rights and obligations of Bulgarian citizens are also analyzed, and issues of interaction between Bulgaria and the European Union within the framework of the possibility of acquiring European citizenship are touched upon.

Key words: citizenship, the state of Bulgaria, acquisition of citizenship, restoration of citizenship, loss of citizenship.

В современном глобализированном мире вопрос гражданства приобретает всё большее значение, становясь ключевым фактором в определении жизненных перспектив и возможностей человека.

Болгария, являясь полноправным членом Европейского Союза с 2007 года, предлагает уникальную и привлекательную возможность для тех, кто стремится получить не только болгарское, но и европейское гражданство. Этот путь открывает широкие двери к свободному передвижению по всей территории Евросоюза, предоставляет право на работу и проживание в любой из 27 стран-членов ЕС, а также дает доступ к ряду других существенных преимуществ, включая высококачественное образование, медицинское обслуживание и социальное обеспечение на европейском уровне.

Гражданство Болгарии — это не просто юридический статус или формальность, а настоящий ключ к новым захватывающим возможностям, глубокому культурному обогащению и широким экономическим перспективам. Оно позволяет не только пользоваться всеми правами гражданина Евросоюза, но и открывает доступ к богатому историческому и культурному наследию Болгарии, её уникальной природе и гостеприимству местных жителей. В данной статье мы подробно рассмотрим основные аспекты процесса получения болгарского гражданства, детально обсудим его многочисленные преимущества и потенциальные вызовы, с которыми могут столкнуться заявители на пути к обретению нового гражданства.

Авторы Даниэль Смилов и Елена Жилева в главе «Политика болгарского гражданства: национальная идентичность, демократия и другие виды использования» пришли к выводу, что в разное время различные группы, контролирующие правительство и парламентское большинство в стране, в тот или иной момент пытались закрепить привилегированный статус в болгарском законодательстве. Однако, в болгарском случае, устойчивость социального плюрализма одержала верх над подобными попытками. Общим результатом стала определенная нормативная последовательность в регулировании гражданства в Болгарии, что делает ее способной приспосабливаться к различным историческим повествованиям и нормативным видениям. Таким образом, эта всеобъемлющая непоследовательность имела и продолжает иметь решающее значение для болгарского государства [6].

Наш всесторонний анализ начнется с детального рассмотрения основных путей получения болгарского гражданства. Мы тщательно изучим процесс натурализации, который включает в себя длительное проживание в стране и интеграцию в болгарское общество. Затем мы перейдем к инвестиционным программам, предоставляющим ускоренный путь к гражданству для тех, кто готов внести значительный вклад в экономику Болгарии. Кроме того, мы осветим другие специальные программы, такие как получение гражданства по происхождению или через брак с болгарским гражданином.

В ходе нашего обсуждения мы подробно рассмотрим требования к кандидатам на получение болгарского гражданства. Это включает в себя анализ возрастных ограничений, требований к знанию языка и культуры, а также финансовых и правовых аспектов. Особое внимание будет уделено типичным срокам рассмотрения заявлений, с учетом различных факторов, которые могут повлиять на продолжительность процесса. Также будут затронуты вопросы восстановления болгарского гражданства и его утраты.

Приобретение гражданства Болгарии

Согласно статье 3 действующего закона Болгарии «О гражданстве»: любой гражданин Болгарии, который также является гражданином другого государства, должен считаться гражданином Болгарии только при применении болгарского законодательства, если иное не предусмотрено законом.

Как указывает Тодоров в статье: «Гражданство по рождению по гл. 93, раздел 2 от Конституции, Право на жизнь», Конституция 1991 года определяет два понятия: 'лицо болгарского происхождения' (болгарин) и "гражданин Болгарии". Болгарин — это лицо, которое по своему происхождению имеет болгарскую "кровь". Статья 8 Закона 1998 года определяет, что "лицо болгарского происхождения — это тот, чьи восходящие предки (или, по крайней мере, один из них) являются болгарами'. Болгарин не обязательно является гражданином Болгарии. Он или она может, например, быть гражданином Молдовы, Македонии или Венгрии. Понятие 'болгарин' относится к этнической идентичности, а не к правовому статусу. Единственная привилегия, которую Конституция предоставляет этническим болгарам, — это возможность получить болгарское гражданство посредством упрощенной процедуры натурализации. Напротив, понятие 'гражданин Болгарии' является юридическим и гражданским по своему содержанию. Граждане Болгарии, в том числе по рождению, могут быть этническими болгарами, но также и представителями других этнических групп, такими как турки, армяне, китайцы и другие. Следовательно, этническое определение термина "болгарин" играет роль только в правилах натурализации [5].

1. Происхождение. Лица болгарского происхождения пользуются особым статусом, учитывая их исторические и культурные связи с Болгарией.

Заявителю необходимо предоставить убедительные доказательства своего болгарского происхождения. Это могут быть документы, подтверждающие, что один или оба родителя являются или являлись гражданами Болгарии, а также другие документы, свидетельствующие о болгарских корнях.

Также Закон предусматривает, что болгарским гражданином по происхождению является и любое лицо, чье болгарское происхождение установлено судебным решением.

При этом Законом уточняется, что “лицо болгарского происхождения” – это лицо, имеющее по восходящей линии хотя бы одного родственника болгарской национальности.

2. Месторождение. Согласно действующему законодательству Республики Болгарии, одним из критерием приобретения болгарского гражданства является принцип права почвы. Законом о болгарском гражданстве предусматривается, что болгарским гражданином по месторождению является любое лицо, родившееся на территории Республики Болгария, если оно не приобретает другого гражданства по происхождению.

При этом не имеет значения гражданская принадлежность родителей - решающим является именно место появления на свет ребенка. Данная норма направлена на обеспечение гражданской принадлежности всех лиц, родившихся в пределах болгарской государственной территории.

Особое внимание в законодательстве уделяется ситуации с обнаружением ребенка на территории Республики Болгария, когда его родители неизвестны. Такой ребёнок также считается рожденным на территории государства и, следовательно, приобретает болгарское гражданство. Данная норма направлена на обеспечение правовой защиты и социальной интеграции таких детей, предотвращая их возможную апатридность.

3. Натурализация. Натурализация является одним из наиболее распространенных и традиционных способов получения гражданства Болгарии. Этот процесс предполагает постепенную интеграцию иностранного гражданина в болгарское общество и требует выполнения ряда условий, установленных законодательством страны.

Закон Болгарии о гражданстве в статье 12 определяет условия для натурализации:

1) Совершеннолетний возраст лица, желающего приобрести болгарское гражданство.

2) Проживание в Болгарии на законных основаниях в течение не менее 5 лет на основании вида на жительство. Этот период должен быть непрерывным, что подразумевает постоянное физическое присутствие в стране с возможностью кратковременных выездов.

3) Владение болгарским языком на уровне, достаточном для повседневного общения и решения административных вопросов. Знание языка проверяется в ходе специального собеседования.

4) Наличие стабильного источника дохода или официального трудоустройства в Болгарии. Это условие призвано подтвердить финансовую независимость заявителя и его способность обеспечивать себя без обращения к системе социальной поддержки государства.

5) Отсутствие судимостей за умышленное преступление общего характера болгарским судом. Кандидат на получение гражданства должен иметь чистую криминальную историю и предоставить соответствующие документы, подтверждающие это.

6) Отказ от прежнего гражданства. Двойное гражданство возможно только при наличии соответствующего международного договора между странами.

4. Особые заслуги. Согласно статье 16 Закона Болгарии о гражданстве, в исключительных случаях болгарское гражданство может быть предоставлено за особые заслуги перед государством. Эта категория применяется редко и предназначена для лиц, внесших значительный вклад в развитие и процветание Болгарии.

Признание может быть получено за выдающийся вклад в различные сферы жизни страны, включая науку, культуру, спорт или экономику. Это могут быть научные открытия, культурные достижения, спортивные победы

международного уровня или значительные экономические инвестиции, способствующие развитию страны.

Решение о предоставлении гражданства за особые заслуги принимается на высоком государственном уровне, обычно с участием президента или парламента Болгарии. Процесс рассмотрения таких случаев индивидуален и требует тщательного изучения вклада кандидата.

Так, процесс получения гражданства Болгарии представляет собой сложную и многоступенчатую процедуру, требующую тщательного изучения действующего законодательства и выполнения ряда специфических условий. Каждый из описанных способов имеет свои особенности, преимущества и потенциальные сложности.

Утрата гражданства Болгарии

Гражданство Болгарии представляет собой важнейший правовой статус, который определяет взаимоотношения между индивидом и государством. Этот статус наделяет человека широким спектром прав и обязанностей, но при определенных обстоятельствах он может быть утрачен. В данной статье мы подробно рассмотрим основные причины, по которым может произойти утрата болгарского гражданства, а также детально опишем процедуры, связанные с этим процессом.

Как правило, есть три способа утратить болгарское гражданство:

- 1) Добровольный отказ от гражданства
- 2) Отмена натурализации
- 3) Лишение гражданства

1. Добровольный отказ от гражданства

Одним из наиболее распространенных и законных способов утраты гражданства Болгарии является добровольный отказ, что предусмотрено статьей 20 Закона “О гражданстве” Болгарии. Закон также провозглашает, что граждане Болгарии по рождению могут потерять свое гражданство только в том

случае, если они выразят явное желание на это и приобретут другое гражданство.

Этот процесс инициируется самим гражданином и требует соблюдения ряда условий, предусмотренных в Законе о «Гражданстве».

Гражданин Болгарии имеет право подать официальное заявление о выходе из гражданства при соблюдении следующих критериев:

1) Достижение совершеннолетия: заявитель должен быть в возрасте, позволяющем самостоятельно принимать такие серьезные решения.

2) Отсутствие неисполненных обязательств перед государством: это может включать в себя финансовые, правовые или иные обязательства.

3) Наличие гражданства другой страны или надежных гарантий его получения: это условие обеспечивает, что человек не станет лицом без гражданства.

2. Отмена натурализации

Натурализация гражданина может быть отменена по следующим обстоятельствам:

1) Лицо использовало для оформления болгарского гражданства данные или факты, которые в судебном порядке были признаны ложными.

2) Лицо скрывало данные или факты, которые если были бы известны, послужили основанием для отказа в приобретении гражданства.

3) Лицо не уведомило Министерство юстиции об изменениях, связанных с приобретением болгарского гражданства по натурализации, освобождение от гражданства или восстановление гражданства.

Важным условием является установленный срок в 10 лет, в течение которого допустима отмена натурализации с момента приобретения болгарского гражданства.

3. Лишение гражданства по решению государства

В некоторых исключительных случаях государство Болгария может принять решение о лишении человека болгарского гражданства. Такие меры

применяются в строго определенных законом ситуациях, которые включают, но не ограничиваются следующими обстоятельствами:

1) Предоставление ложных сведений или сокрытие существенных фактов при получении гражданства: это считается серьезным нарушением процедуры натурализации.

2) Совершение тяжких преступлений против государства: такие действия рассматриваются как нарушение лояльности гражданина к своей стране

3) Служба в вооруженных силах другого государства без официального разрешения болгарских властей: это может расцениваться как потенциальная угроза национальной безопасности.

4. Автоматическая утрата гражданства

Существуют определенные ситуации, при которых утрата болгарского гражданства может произойти автоматически, без необходимости инициировать специальную процедуру. К таким случаям относятся:

1) Принятие гражданства другого государства, если это противоречит действующему законодательству Болгарии: некоторые страны не допускают двойного гражданства.

2) Вступление в брак с иностранным гражданином, если законодательство страны супруга предусматривает автоматическое предоставление гражданства: в таких случаях может потребоваться выбор между гражданствами.

5. Процедура утраты гражданства

Процесс утраты гражданства Болгарии, независимо от причины, обычно включает в себя следующие основные этапы:

1) Подача официального заявления заинтересованным лицом в Министерство Юстиции или дипломатическое или консульское представительство Республики Болгария. Дипломатическое или консульское представительство Республики Болгарии должны дать мотивированное заключение по данному заявлению. Это первый шаг, запускающий весь процесс.

2) Тщательное рассмотрение дела компетентными органами: на этом этапе изучаются все обстоятельства, имеющие значение для вынесения итогового решения и документы.

3) Принятие обоснованного решения уполномоченными инстанциями: это ключевой момент всей процедуры.

Предложение об аннулировании натурализации или лишение болгарского гражданства принимает генеральный прокурор. Однако, если произошла отмена натурализации или же лицо было лишено гражданства за тяжкое преступление против республики, министр юстиции может сам сделать предложение об отмене натурализации или лишение болгарского гражданства.

Затем, Министр юстиции, основываясь на мнении Совета по гражданству, направляет предложения президенту Республики Болгария о издании указ или отмене издания указа на приобретение, восстановление, освобождение или лишение болгарского гражданства, а также аннулирования натурализации

Освобождение и лишение гражданства и натурализации производится Указом Президента Республики Болгарии. Указ вступает в силу с даты его опубликования.

Официальное уведомление заинтересованного лица о принятом решении: это обеспечивает прозрачность процесса и позволяет лицу предпринять дальнейшие шаги, если это необходимо.

После получения указа об освобождении или о лишении Болгарского гражданства Министерство юстиции уведомляет:

а. мэров и муниципалитеты, где сохраняются акты о рождении лица, - для вписывания изменений в гражданство в записях гражданского состояния.

б. мэров и муниципалитеты, где находится постоянный адрес лица, - для вписывания изменений в гражданство в список населения.

с. Министерство внутренних дел и Министерства иностранных дел - для выдачи или отзыва болгарских документов, удостоверяющих личность

По просьбе заинтересованного лица Министерства юстиции выдает свидетельство о гражданстве, в котором указывается, является ли лицо гражданином Болгарии или нет, согласно регистрации, которое ведут в Министерстве.

Таким образом, утрата гражданства Болгарии представляет собой чрезвычайно серьезный шаг, который может повлечь за собой значительные правовые, социальные и личные последствия. Этот процесс может существенно повлиять на различные аспекты жизни человека, включая его права на проживание, работу, социальное обеспечение и многое другое.

Так, в случае утраты гражданства, лицо:

- 1) Лишается всех прав и обязанностей, связанных с гражданством.
- 2) Теряет право на получение государственных услуг, таких как социальное обеспечение, медицинское обслуживание и т.д.
- 3) Может столкнуться с трудностями при проживании и работе в Болгарии, так как ему может потребоваться вид на жительство или рабочая виза.
- 4) Теряет право на защиту со стороны болгарского государства за рубежом.

Восстановление гражданства Болгарии

Законодательство Болгарии “О гражданстве” регулирует порядок и процедуру восстановления гражданства при наличии определенных условий.

Гражданство может быть восстановлено в случаях, если:

- 1) Лицо не было осуждено за умышленное преступление в государстве, в котором живет, или в Республике Болгария.
- 2) Лицо не представляет угрозы для общественного порядка, морали, здоровья или национальной безопасности страны.
- 3) Лицо не менее 3 лет назад получило разрешение на постоянное или долгосрочное пребывание в Республике Болгария.

Также гражданство может быть восстановлено, если будут установлены данные, что для лишения гражданства не было основания или в случаях, когда основание потеряло свое значение.

Важным является тот факт, что в случае восстановления Болгарского гражданства родителей болгарскими гражданами становятся и их дети, которым еще не исполнилось 14 лет.

Дети с 14 до 18 лет становятся болгарскими гражданами, если и они этого пожелали.

Восстановление болгарского гражданства имеет большое значение для лица, так как позволяет ему вновь обрести все права и обязанности гражданина Болгарии, включая:

- 1) право на проживание в Болгарии: без необходимости получения вида на жительство или других разрешений.
- 2) право на работу в Болгарии: без необходимости получения разрешения на работу.
- 3) право на социальное обеспечение: получение государственных пособий и льгот.
- 4) право на участие в политической жизни: участие в выборах и референдумах.

Конституционные права и обязанности граждан Болгарии

Конституция Болгарии, принятая в 1991 году после падения коммунистического режима, представляет собой фундаментальный правовой документ, определяющий как широкий спектр прав и свобод граждан, так и их обязанности перед государством и обществом. Конституционные обязанности являются краеугольным камнем гражданской ответственности и играют ключевую роль в формировании и поддержании здорового, функционирующего демократического общества. Они отражают баланс между индивидуальной свободой и коллективной ответственностью, необходимый для устойчивого развития страны.

Граждане обладают широким кругом политических, гражданских, социально-экономических и культурных прав. К ключевым политическим правам относятся: право на участие в управлении государством, свобода слова, собраний, объединений и др. Гражданские права включают в себя неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, свободу передвижения и выбора места жительства. Социально-экономические права граждан Болгарии охватывают право на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, здравоохранение. Культурные права предполагают свободу творчества, доступ к национальным и мировым культурным ценностям.

Остановимся подробнее на некоторых конструктивных обязанностях граждан Болгарии:

1. Соблюдение Конституции и законов. Граждане Болгарии обязаны неукоснительно соблюдать Конституцию и законы страны, а также уважать права и свободы других граждан. Эта обязанность является основополагающей для поддержания правопорядка и обеспечения равенства всех перед законом. Она подразумевает не только пассивное подчинение правовым нормам, но и активное участие в поддержании законности в повседневной жизни.

2. Защита Родины. Защита Отечества рассматривается как священный долг и высокая честь каждого гражданина Болгарии. Эта обязанность включает в себя не только готовность к военной службе в случае необходимости, но и участие в альтернативной гражданской службе, предусмотренной законом. А измена и предательство по отношению к Отечеству являются самыми тяжкими преступлениями и наказываются со всей строгостью закона. Данное положение отражает приверженность граждан к сохранению независимости, территориальной целостности и суверенитета страны, а также их готовность защищать национальные интересы Болгарии.

3. Уплата налогов. Граждане обязаны своевременно и в полном объеме уплачивать налоги и сборы, установленные законодательством, в соответствии со своими доходами и имуществом. Эта обязанность имеет важное значение

для функционирования государства, так как налоговые поступления обеспечивают финансирование общественных благ, социальных программ и государственных услуг.

4. Охрана окружающей среды. Конституция Болгарии налагает на граждан обязанность бережно относиться к окружающей среде, охранять природные ресурсы и культурное наследие страны. Эта обязанность отражает признание важности экологической устойчивости и сохранения природного богатства для будущих поколений. Она подразумевает активное участие граждан в природоохранных мероприятиях, рациональное использование ресурсов и поддержку государственных инициатив в области защиты окружающей среды.

5. Образование. Конституция устанавливает обязательное школьное образование для всех граждан Болгарии до достижения ими 16-летнего возраста. Эта обязанность подчеркивает важность образования как фундамента личностного развития и социального прогресса. Обязательное образование обеспечивает равные стартовые возможности для всех граждан, способствует формированию образованного и компетентного общества, что в свою очередь является залогом экономического роста и социальной стабильности страны.

6. Язык. Важной особенностью является также то, что Конституция закрепляет, что изучение и использование болгарского языка - это одновременно право и обязанность болгарских граждан. Данное положение находит свое обоснование в правовой, социолингвистической и образовательной плоскостях, отражая важность владения государственным языком для полноценного участия граждан в жизни Болгарии.

Таким образом, конституционные обязанности граждан Болгарии представляют собой комплексную систему, направленную на поддержание стабильности, безопасности и благополучия государства и общества. Выполнение этих обязанностей является не просто юридическим требованием, но и неотъемлемой частью гражданской ответственности, отражающей

зрелость демократического общества. Соблюдение конституционных обязанностей способствует укреплению правового государства, развитию гражданского общества и обеспечению устойчивого прогресса Болгарии в долгосрочной перспективе.

Членство Болгарии в Европейском союзе и его влияние на институт гражданства

Присоединение Болгарии к Европейскому союзу в 2007 году ознаменовало собой важный этап в развитии национальной правовой системы и статуса болгарских граждан. Членство в ЕС повлекло за собой существенные изменения в области регулирования гражданства, определив новые права и обязанности болгарских граждан как граждан Европейского союза.

Гражданство ЕС представляет собой особый правовой статус, дополняющий национальное гражданство государств-членов. Граждане ЕС наделяются рядом дополнительных прав, таких как свобода передвижения и проживания на территории Союза, право на дипломатическую и консульскую защиту, участие в выборах в Европейский парламент и др. При этом гражданство ЕС производно от гражданства государства-члена и не может быть приобретено отдельно от него. Так, вступление Болгарии в Европейский союз внесло существенные изменения в правовой статус болгарских граждан.

Вместе с тем членство в ЕС, с одной стороны, расширило права болгарских граждан, но с другой - привнесло дополнительные обязанности, связанные с членством в интеграционном объединении. Граждане Болгарии должны соблюдать законодательство ЕС, уплачивать взносы в бюджет Союза, участвовать в реализации общей политики и т.д.

Также Законы о гражданстве большинства государств Союза в разной степени, но предусматривают отдельные исключения для граждан Европейского Союза. Например, гражданам ЕС нет необходимости в любом государстве Союза проходить стадии получения вида на жительство (ВНЖ) и постоянного места жительства (ПМЖ), а также им сокращены сроки (2-4 года)

получения гражданства (например, для граждан Эстонии, Болгарии, Литвы и Румынии) [3].

Следует отметить, что институт гражданства Болгарии сохраняет свою ключевую роль, оставаясь основным правовым статусом, определяющим права и обязанности индивида перед государством. Гражданство ЕС выступает в качестве дополнительного правового статуса, производного от национального гражданства Болгарии.

Таким образом, членство Болгарии в Европейском союзе оказало существенное влияние на правовой статус болгарских граждан, наделив их новыми правами и обязанностями в рамках интеграционного объединения. В то же время национальное гражданство Болгарии сохраняет ведущую роль, определяя основополагающий правовой статус личности. Членство в ЕС дополняет, но не заменяет болгарское гражданство, создавая многоуровневую систему правового положения граждан.

Список литературы:

1. «Конституция на Република България» от 13.07.1991 г. URL: (дата обращения 04.10.2024)
2. "Закон за Българското гражданство" от 20.02.1999 г. № 136 // «Държавен вестник» URL: (дата обращения 04.10.2024)
3. Макуев Руман Харонович Правовое положение личности и институт гражданства европейского союза // Вестник государственного и муниципального управления. - 2016. - №2 (21). - С. 110-119.
4. Договор о функционировании Европейского Союза. URL: (дата обращения 04.10.2024)
5. Todorov T 'Grazhdanstvo po rozhdenie po chl. 93, al. 2 ot Konstitutzijata', Pravna misul // 1996. - С. 7-14.

6. Daniel Smilov and Elena Jileva The politics of Bulgarian citizenship: National identity, democracy and other uses // Citizenship Policies in the New Europe. - Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. - С. 211-246.

УДК 342.4

Кусакин Александр Андреевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Юридический факультет

Россия, Нижний Новгород

mr.kusakin@mail.ru

Kusakin Alexandr

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Law faculty

Russia, Nizhny Novgorod

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ: СПЕЦИФИКА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о технико-юридических проблемах изменения Конституции РФ: затрагиваются вопросы соотношения юридической силы Конституции РФ и законов РФ о поправках к Конституции РФ, включения в конституционный текст актов Конституционного Суда РФ, а также об иерархичности конституционных норм и проблемных аспектах проверки их на соответствие друг другу.

Ключевые слова: правотворческая техника, Конституция Российской Федерации, поправки к Конституции Российской Федерации, акты Конституционного Суда Российской Федерации, юридическая сила, правовое равноправие, модернизация.

MODERNIZATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: SPECIFICS, PRACTICE, TECHNIQUE

Annotation: the article deals with the issue about technical-law problems the changing of the Constitution of the Russian Federation: the issues of correlating the legal force of the Constitution of the Russian Federation and the laws of the Russian

Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation, including acts of the Constitutional Court of the Russian Federation in the constitutional text, as well as the hierarchy of constitutional norms and problematic aspects of checking them for matching to each other.

Key words: the lawmaking technique, the Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation, acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, a legal force, a legal regulation, a modernization.

Конституция Российской Федерации, принятая в конце 1993 года в разгар конституционного кризиса в России, представляет собой интереснейший с точки зрения юридической техники и теории права нормативный правовой акт: с одной стороны, Конституция РФ выступает не только правовым, но и политическим актом, к ней обращаются сторонники властных решений, а также субъекты, имеющие альтернативную позицию, с другой стороны, для правоведов Конституция выступает, прежде всего, актом со своей особенной структурой, уникальным предметом регулирования, целями и задачами. Приемы, методы и средства юридической техники, используемые в данном нормативном правовом акте, представляют собой креативную комбинацию, позволяющую донести до адресата нормативные предписания, идеи, целевые установки Конституции.

Особого внимания заслуживает анализ изменений, вносимых в Конституцию РФ, что актуально в свете событий последних лет – трансформации конституционных положений, внедрения новых терминов, касающихся вопросов модернизации деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления [2], политико-территориальных вопросов [4]. Все это с точки зрения изучения технико-юридической стороны данного документа обладает высокой ценностью для перспективного, многоуровневого анализа представителями правовой доктрины и юридической практики.

С высокой долей уверенности можно утверждать, что основных возможных вариантов изменения Конституции четыре – пересмотр глав 1.2 и 9 Конституции РФ (ст.135 Конституции РФ) [1], что может кардинально изменить содержание Основного Закона; изменение глав 3-8 Конституции РФ, производимое органами государственной власти в порядке принятия особого нормативного правового акта – закона РФ о поправке к Конституции РФ (Закон о поправке), имеющего статус, отличный от статуса Федерального конституционного закона (ФКЗ) [6]; внесение в текст Конституции РФ изменений в части включения в нее нового субъекта федерации, либо изменения конституционно-правового статуса уже существующего субъекта, производимого в форме ФКЗ (ч.1 ст.137 Конституции РФ), либо в части переименования уже существующего субъекта без изменения его статуса, производимого на основании указа Президента РФ (ч.2 указанной статьи). Соответственно, в настоящее время на практике можно наблюдать три разновидности нормативных правовых актов, изменяющих текст Конституции РФ: Закон о поправке, ФКЗ о формировании нового субъекта федерации и указ Президента РФ о изменении наименования существующего субъекта РФ. Данные правовые акты в разной степени вовлечены в сферу конституционно-правового регулирования, фактически только закон РФ о поправке к Конституции именно модернизирует Основной Закон (меняет текст существующего акта), поскольку и ФКЗ и указ Президента РФ, во-первых, не меняют установленные Конституцией РФ порядки организации федеративного устройства, органов государственной власти, органов местного самоуправления, во-вторых, не содержат в себе обновленного текста конституционных норм, а обеспечивают включение в ее текст наименование нового субъекта или новое наименование уже существующего субъекта, что не позволяет не позволяет относить их к актам модернизации Конституции РФ. Можно предложить с определённой долей допустимости оперировать понятием «собственная модернизация», подразумевающая внесение изменений

непосредственно в текст существующих конституционных положений, в отличие от «общей модернизации», охватывающей весь процесс изменения конституционных регламентов, совокупно с внесением новых отправных норм.

Вместе с тем Закон о поправке представляет собой, с точки зрения юридической техники, своеобразный акт, который, можно сказать, является уникальным по своей правовой природе. Он не является органическим законом, т.е. стоит выше федерального конституционного закона РФ [22, с. 46], в т.ч. тех ФКЗ, которые вносят изменения в текст ст.65 Конституции РФ, он не подлежит проверке на соответствие Конституции РФ [13], за исключением норм, не содержащих текст Конституции РФ и не определяющих порядок его принятия [14], вместе с тем отдельные авторы приравнивают Закон о поправке по юридической силе к Конституции РФ [22, 24].

Вышеизложенное не позволяет сделать однозначный вывод о правовой природе Закона о поправке, тем более что новый акт принимался в особом порядке и с использованием новых правовых инструментов. Речь идет о прецедентном по сути заключении Конституционного Суда РФ о соответствии принимаемого Закона о поправке главам 1, 2, 9 Конституции РФ [16]. Данное заключение примечательно тем, что в нем был поставлен вопрос о проверке норм Конституции РФ на соответствие другим нормам Конституции РФ. Здесь стоит отметить, что в свое время Конституционный Суд РФ (КС РФ) отказался от подобной практики [25, с. 45-46], однако сейчас он не просто применил данное действие *ad hoc*: подобная возможность с 2020 года закреплена законодательно [3].

Стоит отметить, что основание проверять на соответствие отдельным положениям Конституции главы 3-8 есть – ч.2 ст.16 Конституции РФ, устанавливающая запрет противоречия иных положений Конституции РФ главе первой данного акта. Однако, во-первых, это положение устанавливает примат только первой главы Конституции, но не второй и девятой, во-вторых, как уже было отмечено выше, КС РФ не проверяет нормы Конституции РФ на их

конституционность [11], презюмируя непротиворечивость текста Конституции РФ [15]. Вместе с тем сам КС РФ правовом регулировании данного вопроса допустил проверку на конституционность фактических норм Конституции РФ, но проверку после того, как они станут частью Основного Закона, что де-факто влияет на установленное правило непротиворечивости текста Конституции.

Отмеченное позволяет говорить о спорной целесообразности технико-юридических оснований проверки Законов о поправках на конституционность, поскольку после вступления в силу Закона о поправках (Определение КС РФ № 1567-О) он утрачивает свое самостоятельное юридическое значение, что не исключает при проверке норм закона, не вступившего в законную силу, фактическую проверку норм самой Конституции на конституционность и непротиворечивость.

Следующий сложный момент – равенство юридической силы Закона о поправке и Конституции РФ. Их юридическая сила неравнозначен, что касается, в первую очередь, переходных и заключительных положений указанного НПА, что следует из текста Определения КС РФ № 1567-О. С одной стороны, как было указано выше, положения Закона о поправке в части воспроизведения текста Конституции РФ утрачивают самостоятельное юридическое значение и потому сам по себе данный акт формально не является частью Конституции РФ, но с другой, допускается проверка акта на соответствие акту более высокому по юридической силе. Из этого следуют два предположения: Закон о поправке обладает меньшей юридической силой, тогда вносимое им изменение в акт большей юридической силы технико-юридически недопустимо, либо данные акты юридически равноправные, тогда должна исключаться возможность проверки Закона о поправках на конституционность, поскольку это противоречит правовой сущности таких проверок. Особо следует отметить, что данные сомнения обусловлены существующими в правовой доктрине и практике российской национальной правовой системы правил, но формально, опираясь на положения Конституции РФ, можно утверждать, что

противоречий здесь нет. Таким образом, можно предположить, что данные сложные моменты станут интересным, перспективным направлением доктринального изучения.

Вопрос модернизации Конституции РФ через акты КС РФ поднимался многократно, тщательно исследовался правоведами, но по-прежнему актуальным представляется изучение вопроса юридической силы отдельных его актов. Если сами судьи КС РФ говорят о неравнозначности различных положений Основного Закона [21] в ответ на ч.2 ст.16 Конституции РФ, тогда возникает вопрос о том, являются ли акты КС РФ актами нормативного характера, дополняющие и разъясняющие ее отдельные положения. КС РФ как единственный орган, уполномоченный давать официальное толкование положений Конституции РФ (ч.5 ст.125 Конституции РФ), выносит постановления по делам о толковании норм, входящих в состав норм глав 3-8 Конституции РФ [8], глав 1, 2, 9 [7], а также постановления, в которых он совокупно [5] толкует нормы из указанных глав. Также толкование норм Конституции РФ может содержаться в постановлениях по вопросам проверки отдельных норм законов на их конституционность [9], а также в разъяснениях к указанным постановлениям [10, 12]. Соответственно, исходя из признаваемой авторитетными исследователями [17, 18, 19] нормативности актов КС РФ, а также указанной выше иерархичности норм Конституции РФ, можно предположить наличие иерархической системы правовых позиций данного органа: если обнаруживается противоречие в двух актах КС РФ, применению подлежит то, которое основано на норме из глав 1, 2, 9 – по этой логике постановления КС РФ, в которых затрагиваются вопросы из разных групп глав, следует также дифференцировать и положения, указанные в них, размещая в иерархической зависимости.

Данный вывод имеет право на жизнь, если учитывать позиции судей КС РФ о правотворческом характере решений актов КС РФ и равенстве их по юридической силе Основному Закону [20, 26]. При условии того, что КС РФ

вправе в своих актах высказывать правовые позиции по каждой статье Конституции РФ, на наш взгляд, такая проблема, как возможная внешняя или даже внутренняя иерархичность положений по разъяснению текста Конституции РФ, устанавливаемых данным актом, представляется достаточно весомой. Учитывая указанные выше проблемные моменты, при более активной работе по толкованию Конституции РФ этот вопрос рано или поздно возникнет.

Таким образом, выявленные проблемные моменты модернизации Конституции РФ путем издания поправок отдельными законами или принятия актов КС РФ влекут за собой вопросы практического характера, и главный из них – это иерархичность или равенство положений Конституции РФ. В настоящий момент можно предложить, например, следующий вариант иерархии норм Конституции РФ (основание: положения закона) – доминантное положение занимает глава первая (ч.2 ст.16 Конституции РФ), далее совокупность глав 1, 2, 9 (по отношению к главам 3-8 – положения о возможности проверки этих глав на соответствие главам 1, 2, 9 при рассмотрении проекта Закона о поправках), далее главы 3-8 Конституции РФ. Проблемными остаются вопросы о равенстве или иерархической зависимости глав 3-8 Конституции РФ и положений Закона о поправках, не содержащих конституционный текст и нормы о порядке вступления закона в силу; о включенности в иерархию постановлений КС РФ; о возможности устранения противоречий или о непреодолимой презумпции внутренней непротиворечивости текста Конституции РФ в части соотношения главы 1 с 2 и 9. Также остается актуальным вопрос проверки на конституционность глав 3-8 Конституции РФ, так как на практике это может создать проблемы, а также КС РФ такой процедуры не допускает. Эффективным, результативным средством гармонизации норм Конституции РФ между собой остается профессиональное, качественное толкование отдельных положений Основного Закона, эта процедура автономна от процедуры защиты прав и свобод граждан в рамках конституционного судопроизводства, что моржат позволить применять нормы

Конституции РФ, содержащиеся в главах 3-8, без угрозы для основ конституционного строя и положений, касающихся прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Конституция РФ: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru/>). 2022. № 0001202210060013.

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // «Российская газета».2020. № 55.

3. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // «Российская газета». 1994. № 138-139.

4. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики» // «Российская газета».2022. № 226.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П // «Российская газета». 1995. № 8.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 12 // «Российская газета».1995. № 217.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1995 г. № 15-П // «Российская газета».1995. № 240.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П // «Российская газета». 1998. № 121.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П // «Российская газета». 1999. № 25.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2001 г. № 68-О// «Вестник Конституционного Суда РФ». 2001. № 4.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 177-О [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://ksrf.ru/ru/Decision/pages/default.aspx> (дата обращения 27.08.2023)
12. Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // «Российская газета». 2009. № 226.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 года № 922-О-О [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ksrf.ru/ru/Decision/pages/default.aspx> (дата обращения 27.08.2023)
14. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-О // «Российская газета». 2014. № 172
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016г. №12-П // «Российская газета». 2016. № 95.
16. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020г. №1-З // «Российская газета». 2020. № 56.
17. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного суда как источник права // Журнал российского права. 2007. № 4. С.75-85.
18. Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28). С. 81-85.
19. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3-10.
20. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке / В.Д. Зорькин. 2-е изд., доп. М: НОРМА, 2008. 592 с.
21. Кокотов А. Н. Действие и реализация Конституции России 1993 года // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4(33). С. 14-20.

22. Овсепян Ж. И. Теория федерального закона (обыкновенные, или простые, ординарные федеральные законы) как источника права в России в период глобализации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 64-74.

23. Таева Н. Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8(117). С. 43-54.

24. Фоков А. П. О поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российский судья. 2013. № 11. С. 2-6.

25. Шустров Д. Г. Конституционный Суд РФ и конституционный контроль за реформированием Конституции РФ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 4. С. 44-64.

26. Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5-12.

УДК 342.4

Насонова Полина Сергеевна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

nasonova.polina2004@gmail.com

Nasonova Polina

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА: ПРАВОВАЯ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ИЛИ РЕЦЕПЦИЯ ПРАВА ПРИ СОХРАНЕНИИ УСТОЙЧИВЫХ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Аннотация: в настоящей работе определены критерии различия рецепции и трансплантации права, предпринята попытка сравнения российской, американской, немецкой и французской моделей конституционализма, а также проведен ретроспективный анализ конституционных ценностей в практике конституционного строительства Российской Федерации. Автором презюмируется, что в России присутствуют конституционно-правовые традиции и опыт конституционализма, но этот опыт является недостаточным, и только последние десятилетия формируется концепция русской конституционной идентичности посредством адаптации норм и деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: рецепция, правовая трансплантация, имплементация, конституция, конституционная девиация, конституционный параллелизм.

CONSTITUTION OF 1993: LEGAL TRANSPLANTATION OR RECEPTION OF LAW WHILE PRESERVING SUSTAINABLE LEGAL TRADITIONS

Annotation: in this paper the criteria for distinguishing between the reception and the transplantation of law are defined, an attempt is made to compare the Russian, American, German and French models of constitutionalism, and a retrospective analysis of constitutional values in the practice of constitutional construction of the Russian Federation was also carried out. The author presumes that there are constitutional legal traditions and experience of constitutionalism in Russia, but this experience is insufficient, and only in recent decades the concept of Russian constitutional identity is being formed through adaptation of norms and activities of state authorities.

Key words: reception, legal transplantation, implementation, constitution, constitution deviation, constitutional parallelism.

Актуально говорить о таких категориях в праве как «рецепция права», «правовая трансплантация», «юридическая аккультурация», «имплементация» и др. При обсуждении конституционного строительства не исключается солирование таких правовых категорий, так как часто ставится вопрос о степени и характере правовой преемственности Конституции 1993 года. Немаловажную роль здесь играет «исходная точка» русского конституционализма, так как именно в ней многие исследователи видят «предтечу» конституционных ценностей и государственных конструкций Конституции России 1993 года.

Следует двигаться от общего к частному и дать характеристики юридических понятий. Понятие «правовой трансплант» в сравнительное правоведение было введено А. Уотсоном и определялось им как «перемещение нормы из одной страны в другую, или из одного сообщества в другое» [1, с. 13]. Важно отметить, что правовой трансплант в рамках данной работы рассматривается как норма, которая была пересажена из одной правовой системы в другую без учета исторического, культурного, экономического, политического и правового опыта страны, в которую эта норма

трансплантируется, следовательно, эффективность действия данного правила подвергается сомнению, так как на развитие правовых механизмов влияет культура как совокупность достижений социально-экономической, политической и духовной жизни народа. Так, П. Легранд утверждал, что значение нормы права не сводится к ее форме, оно всегда тесно связано со специфическим контекстом и интерпретациями, которые обусловлены историей и культурой [2, с. 115]. При осуществлении оценки и анализа Конституции РФ 1993 года этот факт является важным, поскольку способствует определению эффективности правовых механизмов ввиду их согласованности или же несогласованности с культурно-правовыми реалиями многовековой страны.

Рецепция права больше изучена в отечественной правовой науке, чем правовые транспланты, которые анализируются преимущественно зарубежными учеными. Данный факт обуславливает неоднозначность определения рецепции. Так, М. А. Пшеничнов характеризует рецепцию как «принятие государством норм национального права, текстуально повторяющих нормы иной системы права, а также конкретизирующих и адаптирующих их к особенностям социального строя и правовой системы страны-реципиента» [3, с. 119]. Данное определение является спорным в ключе текстуального повторения норм иной системы права, так как зачастую при рецепции права меняется внешняя форма выражения правовой нормы. Но ключевым в определении является то, что страна-реципиент адаптирует правовую информацию под особенности политического, правового, экономического и духовного контекста, что существенно отличает рецепцию права от правовых трансплантов. Как отметил С. В. Ткаченко, «Процесс рецепции гораздо сложнее, так как переносятся, прежде всего, правовые идеи, принципы» [4, с. 15]. Важно отметить, что рецепция, как и трансплантация правовых норм, может приводить к негативным правовым последствиям – в частности, правовой деградации ввиду несовместимости правовых систем донора и реципиента,

поэтому в рамках анализа Конституции 1993 года важно обратить внимание на схожесть правовых традиций «донора» и «реципиента», чтобы определить потенциал эффективности и рациональность внедрения норм зарубежного права.

Имплементация норм международного права в конституционном строительстве играет важную роль ввиду процесса глобализации. Имплементацию норм международного права можно охарактеризовать как «совокупность международных норм, регламентирующих совместную организационно-правовую деятельность субъектов международного права, направленную на осуществление целей, заложенных в международных обязательствах» [5, с. 104-110]. Правовая имплементация представляет собой механизм, который способствует унификации национального законодательства большинства стран мира, особенно учредительного законодательства. В нем закрепляются конституционные ценности, на основе которых осуществляется дальнейшее правовое регулирование.

Традиции конституционализма представляют собой установки в области государственного, учредительного строительства, отражающие взаимодействие частного лица и государства в области государственного устройства, формы правления, политического режима, прав и свобод человека и гражданина, отражающие переход от одного поколения к другому, процесс наследования государственно-правовых форм и основных ценностей от предшествующих поколений.

В отечественной литературе существует много позиций в области конституционных традиций в России, при этом анализируется как период империи, так и советский период, и исходную точку этих традиций каждый исследователь отмеряет на свой манер. Так, А. М. Осавелюк констатирует, что «...между конституциями Российской империи и Российской Федерации больше общего, чем между советскими конституциями и Конституцией Российской Федерации» [6, с. 26-30]. Обратную же позицию выдвигает С.А.

Белов: «Принято считать, что политическая система, которая была сформирована Манифестом 17 октября 1905 года, а потом Основными государственными законами 1906 года, – это и есть первая конституционная система в нашей стране. В реальности Конституцией эти документы назвать сложно, так как созданная ими политическая система была очень далека от идей конституционализма» [7, с. 71]. Данная позиция кажется справедливой, так как сословное деление в данном акте не было отменено абсолютно, права личности были регламентированы после обязанностей, что противоречит идеям конституционализма, где преобладающая доля конституционного дизайна предоставляется правам и свободам. Кроме того, данный акт носил октроированный характер, что противоречит ценностям конституционализма, который предполагает прямой учредительный характер власти. Основные государственные законы 1906 года стали актом переходного периода в области внедрения конституционных ценностей, которые были обусловлены объективными потребностями общества первой половины XX века.

Наиболее правдоподобной кажется позиция С. А. Авакьяна в области формирования традиций конституционализма, их развития в правовой политике Временного правительства, который утверждал, что «За месяцы, отведенные ему историей, Временное правительство приняло немало актов, направленных на утверждение в России демократического строя и политических свобод» [8, с. 122-140]. Так, в постановлении «О печати» 15 марта 1917 г., постановлении «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» 22 марта 1917г. и др. актах были по-настоящему раскрыты принципы конституционализма.

В развитии советского государственного права при соотношении с конституционными ценностями, которые нашли отражение в Конституции РФ, мы находим мало общего в формальном ее оформлении ввиду существенного конституционного параллелизма и конституционных дисфункций советского нормотворческого строительства. Также отмечается преобладающее значение

неформальных практик в СССР при принятии государственных решений, но склонность российского общества к неформальным практикам в том числе - результат советской правовой политики.

Итак, в историческом развитии России имеется опыт внедрения базовых конституционных ценностей на правовой ландшафт, что было обусловлено объективными потребностями общества начала XX века и, следовательно, дискредитирует позицию о несвоевременности таких преобразований. Внедрение конституционных ценностей в нормы права происходило постепенно, начиная с Основных государственных законов 1906 года и заканчивая политикой Временного правительства в области демократических преобразований и построения правового государства. Однако это носило недолговременный характер для консолидации этих ценностей в российском обществе и имело негативный окрас ввиду кризисов Временного правительства. Указанные обстоятельства привели к деконституционализации этих ценностей ввиду Октябрьской революции 1917 года и переходу на другой лад. Другими словами, конституционное строительство происходило не в том месте и не в то время, что привело к категорическому снижению шансов консолидации ценностей на долгосрочной перспективе. Важно отметить, что это в любом случае отразилось на российском обществе в 90-х годах XX века, так как не полное усвоение буржуазных норм конце XX века обусловлено не только масштабным опытом их реального функционирования в начале XX века, но исторической связью, которая передается через века и десятилетия, и в правовой ментальности русского народа сохранились некоторые западноевропейские конструкции.

В процессе формирования нового конституционного дизайна РФ влияние оказали американская, французская и немецкая конституционные модели.

Влияние американской модели конституционализма было существенным на начальных стадиях процесса обсуждения новой Конституции РФ, так как именно США стали родоначальниками письменной Конституции и

конституционных ценностей в классическом его понимании в XVIII веке. Ввиду этого американская модель была более авторитетной в сравнении с западно-европейскими. В проект Конституции, который разрабатывала команда Б.Н. Ельцина, «был включен ряд характерных положений американской системы, таких как президентская прерогатива контролировать исполнительную власть; право президентского вето на любой принятый парламентом закон, которое парламент должен преодолеть большинством в две трети голосов; право быть избранным на общенациональных выборах на шестилетний срок в тандеме с вице-президентом, автоматически становящимся спикером верхней палаты парламента» [9, с. 540-621].

Но впоследствии экспертам стало очевидно, что американская модель не подходит под особенности российской правовой системы в постсоветский период ввиду следующих причин: Конституция США отличалась абстрактностью, что затрудняло ее использование в процессе конституционного конструирования в России в период социальной бифуркации; толкование Конституции США прерогатива Верховного Суда и нижестоящих федеральных судов, что затрудняло бы их деятельность в России, так как был низкий уровень доверия к системе судов, преобладали неформальные практики. Кроме того, Дик Ховард отметил следующую трудность в процессе заимствования американской конструкции: «Чтобы понять американский конституционализм, начинают с ее текста, но затем приходится штудировать пятьсот томов отчетов Верховного Суда США. У разработчиков нет никаких способов, которые позволили бы выделить из них квинтэссенцию и отразить ее в каком-либо документе» [10, с. 53-59]. Представленный факт также становится причиной отхода от американской модели в процессе оформления российского конституционного дизайна в постсоветский период. При этом важно отметить, что США и Россия имеют разные правовые традиции и относятся к разным правовым семьям. Так, если в правовой традиции России имеется приоритет публичного (общественного)

интереса над частным, то в США частные интересы превалируют над общественными, что обуславливает неестественность активного внедрения американского конституционализма .

Французская конституционная модель отражена в главе Конституции РФ, посвященной Президенту. Так, и в Конституции России, и в Конституции Франции Президент назначает премьер-министра и является гарантом Конституции, а также устанавливаются ограничения в сроках полномочий Президента. Помимо этого он является верховным главнокомандующим и определяет основы политики в области обеспечения безопасности и др.

Влияние немецкой конституционной модели отражено в избирательном праве, а также в положениях, посвященных федеральной конституционной юстиции. Выборы парламента, при которых происходит смешивание пропорциональной и мажоритарной системы, а также барьер 5% при пропорциональной системе - новация Германии.

В результате процесса глобализации и прекращения «холодной войны» в ходе конституционного строительства РФ влияние оказало международное право посредством имплементации норм в Российскую правовую систему. Так, значительное влияние оказала Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [11] , что отразилось в ряде конституционных принципов и моделей: запрет пыток, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода мысли, совести и религии и др.

При анализе российской конституционной почвы верно выразился Р. Шарлет: «В Конституции РФ 1993 года можно увидеть конституционный эквивалент европейского автобуса, собранного из деталей, изготовленных в нескольких странах» [12, с. 16].

Важно обратить внимание на то, что в России существовал переходный период внедрения этих новаций - это процесс перестройки, проведение конституционных реформ в 1988-1990-х годах, которые отражали основные демократические ценности, вводили механизмы конституционного надзора

норм права, а также существенно изменяли механизмы участия граждан в политике посредством функционирования Съезда Народных Депутатов, но не в полной мере удовлетворяли потребности общества.

Ключевым в процессе конструирования конституционного дизайна РФ стало то, что нормы и механизмы западного права проходили фильтрацию.

Происходит переоценка влияния зарубежных конституционных моделей со стороны Запада и США. Это обуславливается стремлением этих стран продемонстрировать несостоятельность российской конституционной мысли, дискредитировать достижения правовой политики.

Процесс правовой революции проходил циклично, нормы начинали работать не сразу. Результаты опыта существенных изменений Конституции РФ отражены в ходе конституционного мониторинга, демонстрирующего уровень конституционных дисфункций в области конституционных принципов: «По уровню отклонений конституционной практики от норм Конституции Российской Федерации, рассмотренные сферы конституционного регулирования располагаются в следующей последовательности: политическое, идеологическое, духовное, культурное и иное многообразие (плюрализм) (значение отклонения 0,39); принцип разделения властей (0,39); федерализм (0,53); независимость и самостоятельность судебной власти (0,53); политические права и свободы (0,62)» [13, с. 76]. Это свидетельствует о существенных конституционных девиациях на российской правовой почве. Другими словами, нормы полностью не реализуются на практике.

Общие выводы:

1. Конституция РФ не является правовым трансплантом, а является документом, который включил в себя достижения доноров из разных правовых систем. При проектировании конституционного дизайна учитывался исторический, политический, правовой опыт, а также объективные потребности общества.

2. В России присутствуют конституционно-правовые традиции и опыт конституционализма, но этот опыт является недостаточным, и только последние десятилетия формируется концепция русской конституционной идентичности посредством адаптации норм и деятельности органов государственной власти.

3. Конституционные дисфункции обусловлены не трансплантацией норм права зарубежных стран, а сложностью процесса их принятия с точки зрения наличия конфликта интересов, а также недостатком исторического опыта взаимодействия с конституционными ценностями со стороны бюрократического аппарата, а также населения. Но это требует не отказа от конституционных принципов, а их развития.

Список литературы:

1. Watson A. (1993). *Legal Transplants: An Approach to Comparative Law*. Legal Transplants. 2nd ed. University of Georgia Press. pp. 14-21.
2. Legrand P. The Impossibility of «Transplants» // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 1997. Vol. 4. Iss. 2. pp. 111-124.
3. Пшеничнов М. А. Конституция России и международное право: проблемы взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 119 с.
4. Ткаченко С. В. Рецепция Западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов: монография. — С.: СамГУПС, 2009. - 15 с.
5. Белянская О. В., Пугина О. А. Условия имплементация международно-правовых норм в российское законодательство.// *Право и политика*. 2005. № 8. С. 104-110.
6. Осавелюк А. М. Конституция Российской Империи — предтеча Конституции России 1993 г.? // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2018. №4. С. 26-30.
7. Белов С. А. Курс лекций по конституционному праву ч.1. СПб., 2020. 266 с. // Сайт архива открытого доступа Санкт-Петербургского

государственного университета. URL:
<https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18010?mode=full> (дата обращения:
04.04.2024)

8. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. — М.: РЮИД, «Сашко», 2000. - 528 с.

9. Ludwikowski, Rett R. Constitution-making in the region of former Soviet dominance. Durham, NC. : Duke University Press, 1996. 641 p.

10. Howard, A. E. Dick. The Constitution-Making Process and the Rule of Law // American University Journal of International Law and Policy, 1997. vol. 12, no. 1, pp. 53-59.

11. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 10.09.2024 г.).

12. Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах. // Конституционное Право: Восточное Обозрение. 1999. №2. С. 14-21.

13. Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: Аналитический доклад / отв. ред. А. Н. Медушевский. — М.: Институт права и публичной политики, 2014. — 76 с.

Уфимцев Антон Дмитриевич

Беляев Илья Николаевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт государственного и международного права

Россия, Екатеринбург

Anufimcev04@gmail.com

beljaev_ilja@ro.ru

Ufimtsev Anton

Belyaev Ilya

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of International and domestic law

Russia, Ekaterinburg

КОНСТИТУЦИОННО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ГРАЖДАНСТВА КНЯЖЕСТВА МОНАКО: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в статье подробно рассматриваются правовые основы гражданства Монако, включая различные способы его приобретения, восстановления и утраты. Также анализируются права и обязанности, которые накладываются на граждан Монако. Конституционно-правовой анализ правового статуса гражданина включает не только юридическую, но и социальную значимость гражданства в контексте современного глобализированного мира.

Ключевые слова: гражданство, Княжество Монако, натурализация, филиация, восстановление гражданства, утрата гражданства.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CITIZENSHIP OF THE PRINCIPALITY OF MONACO: FEATURES OF LEGAL REGULATION

Annotation: the article examines in detail the legal basis of Monaco citizenship, including various ways of acquiring, restoring and losing it. The rights and obligations imposed on the citizens of Monaco are also analyzed. The constitutional and legal analysis of the legal status of a citizen includes emphasizes not only the legal, but also the social significance of citizenship in the context of the modern globalized world.

Key words: citizenship, Principality of Monaco, naturalization, filiation, restoration of citizenship, loss of citizenship.

Гражданство Монако представляет собой уникальную и сложную правовую категорию, которая имеет множество особенностей и исторических предпосылок. Княжество Монако, одно из самых маленьких государств в мире, обладает специфическим набором законодательных норм, регулирующих вопросы гражданства. Ввиду ограниченного размера территории и небольшой численности населения, правительство Монако придерживается строгих критериев при предоставлении гражданства. Это обусловлено как историческими, так и социально-экономическими факторами, которые формировали и продолжают формировать политику государства в этой области.

История гражданства в Монако неразрывно связана с его географическим положением и политическим статусом. Расположенное на берегу Средиземного моря, княжество всегда привлекало внимание благодаря своему стратегическому положению и экономическим потенциалу. Однако, несмотря на свою привлекательность, Монако сталкивалось с вызовами, связанными с сохранением национальной идентичности и обеспечения устойчивого развития на ограниченной территории [1, с. 192-193]. Эти аспекты стали ключевыми в формировании строгих критериев предоставления гражданства.

Современные нормы и процедуры получения гражданства в Монако отражают не только необходимость защиты интересов государства, но и стремление поддерживать высокий уровень жизни и социального благополучия

своих граждан. Граждане страны пользуются рядом привилегий, включая доступ к уникальным образовательным и медицинским ресурсам, а также возможностями для ведения бизнеса в благоприятных условиях.

Конституция Княжества Монако [2] устанавливает основные принципы гражданства княжества. Ст. 17-18 Конституции излагают основные положения о гражданстве кратко и передают основную суть, это важно в контексте принятия новой Конституции в середине XX века. Поскольку в предыдущей Конституции данные нормы занимали половину страницу и были сложны для восприятия. При смене Конституции сохранились все основные положения, что показывают некую преемственность и устойчивый подход Монако к вопросу гражданства [3, с. 44-45]. Законодательство княжества Монако о гражданстве и миграционное законодательство базируется на нескольких наиболее важных нормативно правовых актов: Закон № 1.155 от 18 декабря 1992 г. о гражданстве [4], Суверенный указ № 3.153 от 19 марта 1964 г. об условиях въезда и пребывания иностранцев в Княжестве [5], Закон от 28 июня 2017 года № 1.448 о международном частном праве [6].

При анализе законодательства можно констатировать, что существует несколько способов получения гражданства Княжества, и каждый из них имеет свои особенности и требования. Нельзя не отметить, что одной из важных причин, повлиявших в том числе на отношение княжества Монако к вопросам гражданства, стали демографические особенности страны. Монако можно отнести к государствам со стареющим населением, что определяет интерес страны в привлечении новых молодых граждан [7, с. 247-259]. Существует ряд и правовых особенностей княжества, которые влияют на привлекательность страны для новых граждан, например, такой особенностью является отсутствие прямого налогообложения [8, с. 116-117].

Сейчас предлагается разобрать каждый из способов получения гражданства ниже.

Право рождения. Гражданство Монако может быть предоставлено по праву рождения. Об этом говорит ст. 1 Закона о гражданстве. Так, гражданство княжества без дополнительных условий может получить лицо, рожденное от отца гражданина Монако. К лицам, рождённым от матери-гражданки Княжества существуют дополнительные требования о сохранении гражданства на момент рождения ребёнка, а также она должна иметь предков-монегассков. То есть гражданство предоставляется лицам, рожденным от матери, родившейся в Монако, которая все еще имела это гражданство на день рождения, рожденное от матери гражданки княжества, любое лицо, рожденное от матери гражданки Монако, получившее гражданство Монако путем натурализации или восстановления, а также любое лицо, родившееся в Монако от неизвестных родителей.

Натурализация. Это один из наиболее распространенных способов получения гражданства, регламентирующийся ст. 2 Закона «О гражданстве». Для этого необходимо прожить в княжестве Монако не менее 10 лет после достижения совершеннолетия, т.е. 18 лет и подать прошение о натурализации. Кроме того, претендент должен владеть французским языком на достаточном уровне, иметь стабильный доход, доказать свою интеграцию в общество Монако, отказаться от прежнего гражданства, а также быть освобождённым от воинской повинности или же не иметь обязательств к военной службе в стране происхождения. Процесс натурализации включает в себя подачу заявления и прохождение собеседования, где оценивается его нравственность, социальное положение, знание истории и культуры княжества. Эта процедура может происходить в более упрощённой форме, если Князь сочтёт соискателя достойным.

Через брак. Статьей 3 Закона княжества. Гражданство можно получить через брак с гражданином или гражданкой Монако. Однако для этого необходимо прожить в браке не менее 10 лет. Важно, что в течение этого времени супруги должны поддерживать совместное проживание и вести общий

семейный быт. Закон указывает и на то, что супруг-гражданин Монако не должен был получить своё гражданство в результате предыдущего брака и сохранил своё гражданство к моменту подачи заявления. Этот процесс требует подтверждения подлинности отношений и отсутствия фиктивного брака. Стоит отметить, что смерть одного из супругов-монегасков не лишает права на получение гражданства, вдовец или вдова – всё также имеет право на его получение, главное – не вступать в новый брак.

По заявлению. После 18-летнего возраста лицо, родившееся в Монако от родителя, бывшего гражданином Монако по рождению или предки которого по одной линии были монегаски по рождению, но отказалось от гражданства, может перед регистратором сделать заявление о желании получить гражданство Монако. Это можно сделать при условии, что лицо проживало в Княжестве и может доказать, что имело своё юридическое или обычное местожительство в Княжестве в детском возрасте. Кроме того, те, кто родился до 11 июля 1975 года, до приобретения гражданства Монако своим отцом, также могут сделать заявление без условий относительно места рождения, обычного места жительства или юридического места жительства.

По усмотрению князя. Данный механизм предусмотрен ст. 6 Закона. Закон указывает, что гражданство может быть даровано любому, кого сочтёт достойным князь. Это возможно в связи с особыми заслугами перед государством или значительным вкладом в развитие общества Монако. Такие случаи всегда индивидуальны и требуют непосредственного рассмотрения со стороны властей княжества.

Восстановление гражданства. Ст. 7 Закона указывает, что любое лицо, утратившее гражданство Монако, может восстановить его, восстановив его на основании суверенного постановления. Это возможно при условии, что отпали причины, по которым гражданство было утеряно, но об этом позже. Важно отметить, что глава в которой находится данная статья имеет название «О других способах приобретения гражданства». Законодатель Монако называет

восстановление в гражданстве в качестве одного из самостоятельных способов приобретения гражданства. Также статус гражданина Монако может быть предоставлен тем же постановлением жене и совершеннолетним детям, если они обратятся с такой просьбой. Несовершеннолетние дети лица, утратившего статус гражданина в соответствии с положениями статьи 1 настоящего Закона, восстановленные в гражданстве Монако, являются гражданами Монако. Однако они могут отказаться от этого права, подав заявление в течение одного года после достижения совершеннолетия, как это предусмотрено Гражданским кодексом.

Согласно статье 8 Закона «О гражданстве», гражданин Монако теряет свой статус в следующих случаях:

- в случае натурализации за границей или же если приобретает по своему заявлению иностранное гражданство;
- в случае, если лицо, отказывается от гражданства Монако на условиях, предусмотренных законом;
- в случае, если лицо, добровольно и без разрешения правительства поступает на службу в иностранную армию.

В итоге можно сказать, что правовое регулирование института гражданства в княжестве Монако во многом обусловлено историческим, политическим, культурным и социальными аспектами. В условиях постоянной борьбы за свой суверенитет и попытках обрести настоящую независимость от Франции целью княжество изначально было сохранение собственной идентичности. В дальнейшем же, с началом конструктивного сотрудничества с Францией, началось и быстрое экономическое развитие, что позволило Монако стать одной из самых богатых стран Европы, а значит и очень привлекательной для туристов и потенциальных граждан [9, с. 25-28]. Именно в таких условиях институт гражданства княжества развивается и по сей день.

Список литературы:

1. Абрамов В. С. Языковая политика Монако / В. С. Абрамов, И. С. Голованова // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2017. – № 2(36). – С. 191-194.
2. Constitution du 17 décembre 1962 de la Principauté. URL: <https://legimonaco.mc/constitution/> (дата обращения 23.09.2024)
3. Старков К. А. Сравнительно-правовая характеристика двух Конституций княжества Монако / К. А. Старков // Время науки. – 2024. – № 2. – С. 42-47.
4. Loi n° 1.155 du 18 décembre 1992 relative à la nationalité. URL: <https://legimonaco.mc/tnc/loi/1992/12-18-1.155@2021.12.18/index.html#qndV5nAqBYbOZKWfHfK6Pg> (дата обращения 23.09.2024)
5. Ordonnance Souveraine n° 3.153 du 19 mars 1964 relative aux conditions d'entrée et de séjour des étrangers dans la Principauté. URL: <https://legimonaco.mc/tnc/ordonnance/1964/03-19-3.153/> (дата обращения 23.09.2024)
6. Loi n° 1.448 du 28 juin 2017 relative au droit international privé. URL: <https://legimonaco.mc/tnc/loi/2017/06-28-1.448/> (дата обращения 23.09.2024)
7. Субботина Я. П. Социальная политика в стареющих обществах: анализ Японии и Монако / Я. П. Субботина, Д. Р. Хусейнов, Т. Н. Субботина // Modern Economy Success. – 2023. – № 1. – С. 244-252.
8. Читая Р. Г. Права налогоплательщиков в Монако и Швейцарии / Р. Г. Читая // IV Студенческий юридический форум: Сборник докладов и тезисов выступлений участников: в 4-х томах, Москва, 10 ноября 2017 года / Под общ. ред. А.В. Сладковой. Том II. – Москва: ООО "ТПС", 2017. – С. 116-119.
9. Морозов Е. В. Эволюция внешнеполитического положения Монако в конце XIX - начале XXI вв / Е. В. Морозов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 5-2. – С. 25-28.

Щекутьев Илья Николаевич
Донбасский государственный университет юстиции
Институт нотариата и адвокатуры
Россия, Донецк
ishchekutev03@mail.ru
Shchekutyev Ilya
Donbass State University of Justice
Institute of Notaries and Lawyers
Russia, Donetsk

ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы влияния норм международного права на законодательства государств, преодоления возможных коллизий между ними, обеспечения взаимодействия национальных норм с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, в том числе с участием Российской Федерации. Подчеркнуто значение природы международного права как фактора, определяющего роль принципа добросовестного соблюдения международных обязательств в процессе имплементации международных норм в национальное законодательство.

Ключевые слова: международное право, международный договор, государство, конституция, законодательство РФ.

THE IMPACT OF INTERNATIONAL LAW ON THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article examines the issues of the influence of international law norms on the legislation of states, overcoming possible conflicts between them,

ensuring the interaction of national norms with generally recognized principles and norms of international law, international treaties, including with the participation of the Russian Federation. The importance of the nature of international law as a factor determining the role of the principle of conscientious observance of international obligations in the process of implementing international norms into national legislation is emphasized.

Key words: international law, international treaty, state, constitution, legislation of the Russian Federation.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире значимым аспектом в развитии законодательства большинства стран считается воздействие норм международного права. Итогом данного процесса, как правило, является компромисс, суть которого состоит в соразмерных уступках сторон по отношению друг к другу. Поэтому, во многом благодаря этой характерной черте, государствам удаётся создать соглашение на дву- и многосторонней основе, которое должно стать общепризнанным актом.

Цель исследования – определить правовую природу развития влияния международного права на национальное законодательство, выявить особенности трансформации конституционного законодательства.

Значимое место в международном праве представляют его главные принципы, которые имеют властный характер. Среди них стоит выделить такие принципы, как: неприменение силы и угрозы силой; разрешение международных споров мирными средствами; невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; обязанность государств сотрудничать друг с другом; равноправие и самоопределение народов; добросовестное соблюдение международных обязательств. Любой международный акт, который им противоречит, необходимо признать не имеющим юридическую силу [4, с. 35].

Следует выделить отдельно принцип добросовестного соблюдения международных обязательств. В нём идёт речь о том, что законы каждой страны обязаны соответствовать нормам международного права, которые влияют на государственную систему права. Проблема исполнения международных обязанностей должна решаться страной, которая приняла на себя данное обязательство [3, с. 25].

Разнообразные общепризнанные акты, как правило, имеют разное по степени важности воздействие на законодательную базу конкретного государства. Например, на формирование законных и подзаконных актов РФ, в основном, имеют влияние международные договоры, обязательность которых Российская Федерация одобрила, и которые вступили в силу, что проистекает из самой Конституции РФ. Также это обуславливается тем, что на сегодняшний день международный договор является основой современного международного права. Международно-правовой обычай имеет меньшую значимость, по той причине, что регулировка международных взаимоотношений при помощи этой нормы происходит на основании законов, которые функционируют в однородной области международных социальных отношений, и их наличие зачастую требует подтверждений не только лишь со стороны государств – членов международного сообщества, но и судебных органов [4, с. 36-37].

Анализируя природу постановления международных учреждений, необходимо упомянуть, что они утверждаются, основываясь на актах международных организаций, а именно международных договоров, которые устанавливают полномочия органов данных учреждений. При помощи соблюдения международных договоров страна совершенствует законодательную базу, обогащает её содержание, вносит поправки в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также формирует условия, при помощи которых возможно создание правового государства [2, с. 38]. Заключение этих договоров возможно только с соответствующего разрешения государства.

При этом из большого количества международных договоров РФ необходимо выделить разносторонние, которые заключаются не только на универсальном уровне, но и на региональном. Помимо этого, является целесообразным обратить внимание на то, что и более распространённые двусторонние международные договоры РФ имеют значимое воздействие на совершенствование законотворческой базы России. К подобным соглашениям следует отнести договоры, которые касаются взаимоотношений государств в финансовой области, в сфере культуры, а также акты по вопросу экстрадиции физических лиц [4, с. 37].

Серьёзную роль в совершенствовании сначала для советского, а после и российского законодательства о международных договорах, сыграла Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. Законодательство Российской Федерации заимствовало понятийный аппарат Венской конвенции, принципы заключения, действия и прекращения международных договоров и подходы к выполнению международных договоров [1].

Законодательным органам следует брать во внимание и то, что международные договоры часто корректируются, устаревшие договоры обновляются, а в совершенствовании договоров участвуют и другие соглашения [2, с. 39].

Правовая база реализации международных договоров Российской Федерации определена Конституцией РФ, но вместе с ней для исполнения международных договоров важное место занимают законные и подзаконные нормативно-правовые акты. К ним можно относить кодексы, федеральные законы, указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, акты министерств и ведомств, а также решения судов РФ.

На сегодняшний день в юридической науке выполнение международных договоров обычно связывают с термином «имплементация» (от англ. *implementation* – осуществление, проведение в жизнь, выполнение, реализация). Выделяют два последовательных этапа имплементации: формулировка

согласия на обязательность договора и его выполнение. Благодаря ей, в государственном праве развивается уровень защиты прав и свобод человека, увеличиваются финансовые, социальные и культурные условия жизни, а также растёт область взаимоотношений между иными государствами [4, с. 40].

Необходимо отметить, что не смотря на значимую роль международного права в законодательстве большинства стран мира, в том числе Российской Федерации, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, оно никак не может стоять выше основного закона государства [5]. Это значит, что никакой противоречащий Конституции России международный договор не может являться частью её правовой система. Если он по каким-то причинам был подписан, то он не должен ратифицироваться и вступать в силу. Данную позицию занимает Конституционный суд Российской Федерации, указывая, что правовой системе России, основанной на верховенстве Конституции РФ, правила международного договора, если они противоречат её положениям, не могут находить своего применения. Обязанностью органов государственной власти является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина и недопущение нарушений основ конституционного строя при имплементации международных договоров в правовую систему Российской Федерации [3, с. 26-27].

Дуалистическая концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права подчёркивает, что сфера действия норм права представляет собой самостоятельную правовую систему. Современное национальное право, несмотря на определённое взаимодействие, не находится в подчинении международному праву. Хотя международное право и национальное законодательство не могут существовать обособленно, следует отметить, что международное право является вторичным для государства, так как тенденции по реформированию международного права могут не учитывать национальных интересов.

Следует выделить, что в воздействии на законодательную базу РФ нормы международного права не занимают первое место. С одной стороны, это является недостатком, ведь любая страна, которая желает сотрудничать с мировым сообществом, обязана соблюдать определённые правила, принятые в нём. При этом, следует учитывать особенности национального законодательства, развитие общества.

Список литературы:

1. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс]: принята 23 мая 1969 года URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

2. Анисимов Л.Н. Природа норм международного права [Электронный ресурс] / Л.Н. Анисимов // Ленинградский юридический журнал – 2010. – № 3 (21) – С. 32-42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-norm-mezhdunarodnogo-prava>

3. Барнашов А.М. Конституции государств и международное право [Электронный ресурс] / А.М. Баршанов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 24-28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsii-gosudarstv-i-mezhdunarodnoe-pravo-1>

4. Тиунов О.И., Кашаркина А.А., Морозов А.Н. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства [Электронный ресурс] / О.И. Тиунов, А.А. Кашаркина, А.Н. Морозов // Журнал российского права. – 2010. – № 6. – С. 35-44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-norm-mezhdunarodnogo-prava-na-razvitiie-natsionalnogo-zakonodatelstva>

5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: официальный текст (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

УДК 342.71

Якушина Дарья Владимировна

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Институт частного права

Россия, Москва

dsh.yakush@yandex.ru

Yakushina Darya

Kutafin Moscow State Law University

Private Law Institute

Russia, Moscow

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Аннотация: предмет исследования – Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ "О гражданстве Российской Федерации". Объект - общественные отношения, возникающие при прекращении гражданства. Цель статьи – сравнительно-правовой анализ норм четвертой главы нового закона и положений закона от 31.05.2002 N 62-ФЗ. Выявлены схожие черты и различия. Введено новое основание прекращения гражданства – совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ. Расширен перечень статей УК РФ, преступления по которым влекут прекращение гражданства. Изменения коснулись и других оснований, например, выхода из гражданства.

Ключевые слова: гражданство, прекращение гражданства, Закон о гражданстве, гражданин, иностранный гражданин, преступление, угроза национальной безопасности.

ON CERTAIN CHANGES IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF TERMINATION OF RUSSIAN CITIZENSHIP

Annotation: the subject of the study is Federal Law No.138-FZ. The object is the social relations that arise upon termination of citizenship. The purpose of the article is a comparative legal analysis of the norms of the fourth chapter of the new law and the provisions of Federal Law No.62-FZ. Similarities and differences have been identified. A new basis for termination of citizenship has been introduced – the commission of actions that pose a threat to the national security of the Russia. The list of articles of the Criminal Code of the Russia, crimes under which entail the termination of citizenship, has been expanded. The changes also affected other grounds, for example, renunciation of citizenship.

Key words: citizenship, termination of citizenship, Law on Citizenship, citizen, foreign citizen, crime, threat to national security.

Гражданство Российской Федерации - устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей.

В России законодательство о гражданстве к настоящему моменту изменялось уже три раза. Мы говорим не просто о поправках и дополнениях к существующим законодательным актам, а о принятии новых законов в период с 1991 года по 2023 год. Преобразования, однако, не случайны, а вызваны значительными изменениями в сферах внешней и внутренней политики и экономики, которые переживало государство в конце XX - начале XXI века [1].

Федеральные законы являются одним из важнейших источников права, регулирующих отношения гражданства. Они содержат нормы, детализирующие вопросы, связанные с данным институтом в нашем государстве. Основным таким актом является вступивший в законную силу 26 октября 2023 года Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О гражданстве

Российской Федерации" (далее ФЗ-138 «О гражданстве РФ»), новеллы которого будут рассмотрены далее. Документ признал утратившими силу целый перечень актов и отдельных положений. Такими, в том числе, являются Закон РСФСР от 28.11.1991 N 1948-1(ред. от 28.11.1991) «О гражданстве РСФСР» и Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О гражданстве Российской Федерации» (далее ФЗ-62 «О гражданстве РФ») [2].

Новый законодательный акт был введен в действие недавно, именно поэтому актуальным является исследование норм института прекращения гражданства, их сравнение с ранее действовавшим одноименным федеральным законом номер 62.

Во-первых, сразу стоит отметить, что институт прекращения гражданства в ныне действующем законе располагается в первую очередь в главе 4, состоящей из статей 22 – 26, в то время как в утратившем силу законе – в главе 3 и 4, включающих в себя статьи 18 - 23.

Во-вторых, невозможно не заметить отличия в том, как же сформулированы сами основания прекращения. Статья 18 ФЗ-62 «О гражданстве РФ» закрепляла всего два основания, которые, на наш взгляд, были сформулированы достаточно абстрактно: выход из гражданства и иные основания, предусмотренные самим федеральным законом и международным договором [3]. В свою очередь закон 2023 года собрал все предпосылки и упомянул, скажем, 4 группы оснований в одной статье 22:

- а) добровольное волеизъявление гражданина РФ (выход из гражданства);
- б) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство РФ, выразившееся в том числе в совершении: преступления (приготовления к преступлению или покушения на преступление) и действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ;
- в) установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений,

на основании которых принималось решение о приеме в гражданство РФ или о признании гражданином РФ;

г) иные основания, предусмотренные международным договором РФ, предоставляющим возможность сохранить или изменить гражданство [4].

Здесь необходимо сразу обратить внимание на то, что такие основания как предоставление подложных документов или заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ «О гражданстве РФ», к которому приравнивалось также совершение ряда преступлений, существовали и в ФЗ-62. Однако перечень таких противоправных деяний значительно расширен. Закон от 2002 года отмечал 18 статей Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) (далее УК РФ), преступления по которым влекли прекращение российского гражданства. Их можно условно разделить на несколько групп:

1) Преступления против общественной безопасности. В первую очередь это преступления террористической направленности (статьи 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 211). К данной категории относилась большая часть преступлений, за совершение которых была предусмотрена отмена решения по вопросам гражданства РФ. Это, например, террористический акт (ст. 205 УК РФ) и содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ). Здесь же можно выделить захват заложника (ст. 206 УК РФ); организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам РФ (ст. 208 УК РФ), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ)

2) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), насильственный захват власти или

насильственное удержание власти (ст. 278) и вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ). Сюда также входит подгруппа преступлений экстремистской направленности: организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) и финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3).

3) Преступления против мира и безопасности человечества, включающие две статьи: 360 (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угроза его совершения) и 361 (акт международного терроризма).

В 2023 году список преступлений увеличился почти в четыре раза. Теперь же ФЗ-138 «О гражданстве РФ» насчитывает 64 статьи Уголовного кодекса РФ. Сразу отметим, что новый закон сохраняет все статьи, предусмотренные предыдущим законодательным актом. Относительно новелл, можно выделить следующие:

Во-первых, теперь прекращение гражданства возможно за совершение ряда преступлений против половой неприкосновенности: изнасилование (части 3-5 статьи 131); половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (части 4-6 статьи 134); развратные действия (части 4 и 5 ст. 135).

Во-вторых, расширился круг преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. В их круг вошли статьи 209 (бандитизм), 210, 210.1, 212 (массовые беспорядки), 239, а также статья 212.1, посвященная неоднократному нарушению порядка организации либо проведения публичных мероприятий. Здесь отдельно стоит отметить преступления в сфере оборота оружия (части статей 222, 222.1, 222.2, 223.1, 226, 226.1), а также наркотических средств и психотропных веществ (части статей 228, 228.1, 229, 229.1, 230). Примерами преступных деяний этой подгруппы могут послужить: хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ);

склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ). Включены также уничтожение либо повреждение мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243.4 УК РФ).

В-третьих, в категорию преступлений против государственной власти добавились следующие преступления: государственная измена (ст. 275 УК РФ); шпионаж (ст. 276 УК РФ); разглашение государственной тайны (ст. 283); посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), и сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), сопряженное с осуществлением террористической или экстремистской деятельности; надругательство над Государственным гербом или флагом РФ (ст. 329 УК РФ); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ). Сюда же вошли и другие статьи – 280, 280.1, 280.2, 282, 284.1, 284.2, 330.1, 354.1.

Отдельно хотелось бы выделить преступления, связанные с военной службой и Вооруженными Силами РФ: публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ (ст. 207.3 УК РФ) и публичные действия, направленные на их дискредитацию (ст. 280.3 УК РФ), уклонение от прохождения военной службы и исполнения ее обязанностей (ст. 328 и 339 УК РФ), дезертирство (ст. 338 УК РФ). Расширен также список преступлений, связанных с диверсионной деятельностью: кроме статьи 281, которая присутствовала и в ФЗ-62 «О гражданстве РФ», появились статьи 281.1-281.3 УК РФ.

За изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (части 2 и 3 ст. 186) также предусмотрена санкция в виде прекращения гражданства.

Как в законе от 2002 года, так и в законе от 2023 года прекращение гражданства возможно не только за оконченные преступления, но и за приготовление или покушение. Укажем также, что время совершения данных деяний не имеет значения.

Важнейшей новеллой является появление неизвестного ранее российскому законодательству основания - совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ. Угроза национальной безопасности - совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам РФ. Интересным нам также представляется то, что факт совершения таких действий устанавливается органами федеральной службы безопасности, о чем выносится заключение. Порядок регулируется Приказом ФСБ России от 08.09.2023 N 399 [5]. Заключение может быть обжаловано в суде в течение 10 дней со дня его получения. При обжаловании человека не могут выслать за пределы РФ до вступления решения суда в силу (ч. 5 ст. 26 ФЗ-138 «О гражданстве РФ»).

Следующее преобразование касается прекращения гражданства вследствие установления факта представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений. Как и ранее данный факт устанавливается судом. Но согласно ч. 5 ст. 25 ФЗ-138 «О гражданстве РФ», установлен 10-летний срок, в течение которого можно прекратить гражданство по данному основанию. Ранее действовавшее законодательство срок не устанавливало. Но необходимо обратить внимание на то, что, во-первых, срок устанавливается только на это основание, а во-вторых, российское гражданство все-таки может быть прекращено и по истечении срока «в исключительных случаях по согласованию с Президентом Российской Федерации или по его решению».

Очень важной новеллой является ликвидация института отмены решения по вопросам гражданства РФ, существовавшего в ранее действовавшем законодательстве. Отмене подлежали решения о приобретении гражданства:

- 1) принятые на основании подложных документов или заведомо ложных сведений;
- 2) в случае отказа заявителя от принесения Присяги;
- 3) принятые на основании сообщения заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство России.

Определенные изменения коснулись и выхода из гражданства. Так, новый закон расширил основания для отказа. К уже существовавшим были добавлены: не выполненное перед субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием обязательство, установленное федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации или нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования, в части уплаты пошлин, налогов, сборов или штрафов (ФЗ-62 «О гражданстве РФ» предусматривал невыполнение обязательства только перед РФ); осуществление исполнительного производства в отношении гражданина РФ.

Несмотря на то, что ФЗ-138 «О гражданстве РФ» вступил в законную силу лишь в конце 2023 года - 26 октября, его положения о прекращении гражданства, в том числе по новым основаниям, уже активно применяются. Так, 13 декабря 2023 года Пресс-служба ГУ МВД России по г. Москве опубликовала информацию о выявлении двух мужчин, получивших российское гражданство в установленном законом порядке и совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Сотрудники полиции задержали 33-летнего мужчину на Привольной улице. Во время личного досмотра у него обнаружили и изъяли 19 свертков с неизвестным веществом. После было проведено исследование, показавшее содержание в нем мефедрона - наркотического средства, общей массой 36,32 грамма.

На Косинском шоссе сотрудники ДПС остановили автомобиль такси с целью проверки документов, но, заметив беспокойство пассажира, приняли решение о его личном досмотре. В ходе которого выяснилось, что это был 31-

летний натурализованный гражданин, у которого изъяли 1 сверток с неопределенным веществом. В ходе исследования выяснилось, что это аналогичное наркотическое средство массой около 3 граммов.

Оба гражданина были привлечены к уголовной ответственности по части 2 статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества») и осуждены в соответствии с действующим законодательством. Более того, в отношении обоих мужчин были вынесены решения прекращения российского гражданства, а их действующие паспорта РФ были изъяты [6].

В феврале 2023 года сотрудники Управления по вопросам миграции и Информационного центра УМВД России по Владимирской области проводили мероприятия по установлению лиц, приобретших гражданство России и совершивших преступления. В результате МВД РФ заявило о принятии решений о прекращении российского гражданства в отношении трех натурализованных граждан в возрасте 29, 44 и 45 лет [7]. В момент извещения данные лица отбывали наказание в исправительной колонии строгого режима за незаконный оборот наркотиков и преступления против личности. Тем не менее, после отбытия наказания, они обязаны покинуть Россию. Если «бывшие граждане» не исполняют предписание, то по отношению к ним будут применены принудительные меры по удалению с территории Российского государства. Также МВД РФ указало, что действующие паспорта осужденных уже изъяты в установленном законодательством порядке.

В новостях также появилась информация о первом прекращении российского гражданства за совершение преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной

информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации...») [8]. Первомайский районный суд г. Краснодара признал виновным Сомрякова А.С. в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с публикацией каких-либо сведений в сети интернет сроком на 4 года. С судебным приговором можно ознакомиться на официальном сайте суда. Сомряков, уроженец Молдавской ССР, разместил недостоверную информацию, позднее опровергнутую Генеральным Штабом Вооруженных Сил РФ и официальными российскими государственными агентствами федерального уровня, о том, что якобы Вооруженные Силы РФ совершили «массовый забой мирного гражданского населения, в том числе убили 260 человек «мирного населения» «в маленьком городишке Буча»; убийство «супругов, когда те вместе с шестилетним сыном и кумой пытались эвакуироваться на авто из Ирпеня»; нападение на «роддом и драмтеатр в Мариуполе», а также иные высказывания [9]. В результате в отношении мужчины было принято решение о прекращении российского гражданства.

Подводя итог, необходимо отметить, что современное Российское государство развивается в условиях обострения международных, экономических и политических отношений. Важное значение приобретает регулирование института гражданства, как средства и способа защиты национальных интересов России и ее граждан [10]. В связи с этим принятие нового федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» в 2023 году представляется логичным и необходимым. Институт прекращения гражданства претерпел значительные изменения. Во-первых, в актуальном документе отсутствует институт отмены решения по вопросам гражданства. Во-вторых, были значительно расширены основания прекращения гражданства: введено новое основание - вследствие совершения действий, создающих угрозу

национальной безопасности Российской Федерации; перечень статей Уголовного кодекса РФ, преступления по которым влекут прекращение российского гражданства, был увеличен почти в 4 раза и составил 64 статьи. Небольшие изменения коснулись и других оснований, например, выхода из гражданства. В настоящее время прекращение гражданства по новым основаниям уже активно реализуется, несмотря на то что федеральный закон вступил в законную силу менее года назад. О случаях прекращения нам сообщают и официальные сайты МВД России, и различные новостные страницы. В первую очередь прекращение гражданства коснулось лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, а также против личности. Лица, в отношении которых было принято решение о прекращении гражданства России, обязаны покинуть территорию государства, а их действующие российские паспорта подлежат изъятию.

В целом новеллы в законодательстве можно оценить как позитивные. Однако, как показывает практика, возможно новые положения федерального закона "О гражданстве Российской Федерации" от 28.04.2023 N 138-ФЗ еще будут изменяться и дополняться.

Список литературы:

1. Горохова С.С., Хватова М.А. О некоторых аспектах трансформации общих положений законодательства Российской Федерации в сфере российского гражданства // Юридические исследования. 2023. № 10. С. 14-26.
2. Гандалоев, Р. Б. Проблемные аспекты в законодательстве о гражданстве / Р. Б. Гандалоев // Право и управление. – 2022. – № 8. – С. 33-37.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

4. Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О гражданстве Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс»
5. Приказ ФСБ России от 08.09.2023 N 399 "Об утверждении Порядка вынесения заключения об установлении факта совершения гражданином Российской Федерации, приобретшим гражданство Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и формы такого заключения" (Зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2023 N 75353) // СПС «КонсультантПлюс».
6. ГУ МВД России по г. Москве. URL: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/45011714/?ysclid=lux4bvwx4wj107919067> (Дата обращения: 20.08.2024)
7. ГУ МВД России по Владимирской области. URL: <https://33.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/48265094/> (Дата обращения: 20.08.2024)
8. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/amp/6580921> (Дата обращения: 20.08.2024)
9. Приговор Первомайского районного суда г. Краснодара от 04.04.2023 по делу № 1-187/2023. URL: https://pervomaisky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=184419140&case_uid=0b68463a-274b-4059-8b0d-7f4c84795a25&delo_id=1540006
10. Шубочкин, О. Н. Институт гражданства и вопросы обеспечения национальной безопасности / О. Н. Шубочкин // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 74-77.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347.441

Бурова Софья Михайловна
Северо-Западный институт управления
РАНХиГС
Россия, Санкт-Петербург
sophaburova02@yandex.ru
Burova Sophia
Northwestern Institute of Management
RANEPA
Russia, Saint Petersburg

**СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ОСНОВНОЙ ВИД ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ
ДОГОВОРА**

Аннотация: в статье рассматривается востребованный для современных права и экономики инструмент – смарт-контракт. Особое внимание уделяется правовой природе данного института, поскольку несмотря на актуальность как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве отсутствует его четкое регулирование. Цифровая форма договора, природа которой обусловлена тем, что условия соглашения прописываются непосредственно в строках программного кода, порождает ряд неразрешенных ни наукой и прямым указанием закона вопросов. Автор, проведя анализ правовых норм и различных точек зрения, приводит в статье возможные пути решения проблем, возникающих при применении смарт-контрактов в гражданском обороте.

Ключевые слова: блокчейн, договор, распределительный реестр, смарт-контракт, цифровая форма договора.

SMART CONTRACT AS THE MAIN TYPE OF DIGITAL CONTRACT FORM

Annotation: the article considers a demanded tool for modern law and economics – a smart contract. Special attention is paid to the legal nature of this institution, because there is no clear regulation of it despite the relevance in national and foreign legislation. The digital form of the contract generates a number of unresolved by science and legislation issues that derives from its nature, because the terms of the agreement are written directly in the lines of the program code. The author, having analyzed the legal norms and various points of view, submits possible ways of solution of the problems that arise in process of application smart contracts in civil turnover.

Key words: blockchain, contract, distribution registry, smart contract, digital form of contract.

Термин «электронный договор» часто используется для обозначения любых контрактов, заключение которых происходит посредством использования компьютерных систем. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ в ст. 160 Гражданского кодекса было добавлено определение электронной формы договора как разновидности письменной [5]. Причем законодатель в качестве обязательного условия закрепил необходимость обеспечения возможности воспроизведения на материальном носителе в неизменном виде содержания сделки, заключенной с помощью электронных либо иных технических средств.

Некоторые из исследователей считают, что программный код, будучи нечитаемым для человека, не может служить формой волеизъявления сторон [10]. Мы придерживаемся мнения, что смарт-контракт вне зависимости от условия самоисполнимости и его существования в виде программного кода, все же является таковой, поскольку для возникновения договорных правоотношений необходимо наличие воли сторон на совершение сделки,

волеизъявление должно содержать все существенные условия договора. А выбор формы волеизъявления обеспечивается свободой договора. В таком случае, если волеизъявление, выраженное в смарт-контракте и записанное с помощью программного кода, может быть обращено в доступную для человека форму посредством программного обеспечения или с помощью эксперта, то нет оснований не признавать его формой договора [14, с. 88].

Кроме того, такое волеизъявление соответствует признакам письменной оферты, содержащимся в ст. 435 ГК РФ, а именно: достаточной определенности, содержанию в тексте существенных условий договора, выражению оферентом намерения считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Так, в ст. 5.3. Декрета Президента Республики Беларусь закреплено, что лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное [7]. Также представляется, что воля сторон на автоматическое исполнение условий договора выражается еще на этапе заключения смарт-контракта, что образует, по мнению А. И. Савельева, фикцию «заранее выраженного согласия» [17, с. 39]. По мнению О.С. Гринь, начало использования смарт-контракта вполне соответствует фикции письменной формы, закрепленной в ГК РФ [13, с. 50].

Таким образом, поскольку воля сторон выражается только на этапе заключения договора, автоматизация исполнения делает невозможным неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Смарт-контракт «спаивает два элемента: волю и волеизъявление» [11, с. 26]. При заключении договора в цифровой форме, по мнению А.И. Савельева, значение имеет лишь волеизъявление, выраженное в программном коде. Принятая концепция обязательственных отношений, которая заключается в обязанности должника совершить определенные действия и право кредитора требовать исполнения (ст. 307 ГК РФ), в рамках такого договора утрачивает свою состоятельность,

поскольку исполнение будет произведено автоматизированной системой. Однако такое исполнение следует воспринимать как гарантированное (*guaranteed performance*), а не принудительное (*enforceability*). В 2019 году в ст. 309 ГК РФ была внесена поправка, которая закрепила право сторон предусматривать исполнение сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Фактически законодателем была предпринята попытка разрешить сложившуюся коллизию.

Кроме того, заключение договора в цифровой форме исключает возможность применения теории *efficient breach*, предусматривающей сознательное нарушение обязательства в том случае, если его неисполнение и несение предусмотренной за это ответственности окажется более выгодным с экономической точки зрения, чем исполнение.

Схожее представление об электронном документе как о документированной информации, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах, содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6].

Постановлением Пленума Верховного суда РФ закреплено понятие электронного документа как документа, созданного в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [8].

Из представленных дефиниций можно выделить следующие признаки, которые характерны для электронного документа: воспроизводимость на материальном носителе и пригодность для восприятия человеком.

Вместе с тем появление в правовой и научной плоскостях такого явления как смарт-контракт дало почву для споров и размышлений относительно его природы и классификации. Смарт-контракт, как определяет А.И. Савельев, есть договор, созданный в форме программного кода, реализуемого на платформе блокчейн, которая обеспечивает автономность и самоисполнимость условий соглашения в случае наступления определенных обстоятельств [17, с. 20]. Как отметил Д.А. Турицын, смарт-контракт существует исключительно в информационном пространстве и непосредственно связан с компьютерным кодом [18, с. 225]. Это дает основание признать их в качестве цифровых договоров. Зачастую смарт-контракт не представляется в виде, привычным для электронных договоров, таких как *click-wrap* и *browse-wrap* соглашений, поскольку часто это программный код и его элементы, внедренные в распределительный реестр. По мнению М.А. Гармашева, смарт-контракт существует в виде программного кода, а не классического текстового договора, что также отличает его от классической электронной формы [12, с. 80].

Анализ современного законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии препятствий для заключения гражданско-правовых договоров в форме смарт-контракта, если для них императивно не установлена специальная форма. Стоит отметить, что таких препятствий нет как в материальном, так и в процессуальном праве. Игнорирование судом при рассмотрении дела электронного документа не является правомерным. Так, Анализируя п. 35 ст. 3 Регламента (ЕС) № 910/2014 Европейского парламента и Совета от 23 июля 2014 г, можно заключить, что смарт-контракт должен восприниматься как электронный документ, хотя он и существует в виде программного кода. В то же толкование ст. 71 ГПК позволяет отнести смарт-контракты к письменным доказательствам.

Одной из существенных проблем применения смарт-контрактов является ограниченная возможность идентификации сторон. Пока нет единой правового решения в отношении электронной идентификации, на данном этапе проблему определения сторон договора можно решить путем выбора применимого права. Вместе с тем, кажется разумной возложении обязанности установления правил идентификации сторон на провайдеров – создателей и регуляторов платформы, на которой заключается смарт-контракт. Например, при создании электронного кошелька некоторые провайдеры требуют от владельца кошелька подтверждения персональных данных, включая предоставление копии документа, удостоверяющего личность, чтобы установить, кем является владелец кошелька и кому он в действительности принадлежит [21].

В процессе практического применения одним из основополагающих вопросов является перевод условий договора на язык программирования смарт-контракта в целях произведения именного того исполнения и достижения именного того результата, на которые рассчитывают стороны соглашения. В процессе использования смарт-контракта необходимо обращение к специальной юридической терминологии, используемой в правовых положениях, и ее корректная имплементация в программный код смарт-контракта. В то же время программный код отличается строгим формализмом, исключающим свободное толкование и использование оценочных категорий. Если воля сторон будет неточно перенесена в программный код, смарт-контракт сможет произвести самоисполнение, однако оно приведет к результату, на который совместная воля была направлена. Это обусловлено невозможностью модификации записи в распределительном реестре.

В таком случае необходимо вмешательство суда, который путем толкования условий договора обнаружит истинную волю сторон, взяв во внимание в том числе отношения сторон, предшествующие заключению договора. Как отмечает Н. В. Лукоянов, практика выяснения судом подлинной воли, характерная для романо-германской правовой системы, затруднительна

для применения судами англо-американской системы ввиду существования фикции понимания договора средним разумным лицом – каким бы поведение этого лица было в аналогичной ситуации [16, с. 61]. При этом для обеих правовых систем характерно буквальное толкование текста договора. Так, согласно заключению Комиссии по законодательству Великобритании, необходимо подвергать смарт-контракты толкованию, поскольку существует риск неверной интерпретации воли сторон в программный код и расхождения с фактическим исполнением. Вместе с тем, в процессе толкования Комиссия предлагает основываться на презумпции понимания и осведомленности лица, обладающего опытом в соответствующей области.

Однако и здесь обнаруживается проблема. Во-первых, смарт-контракт заключается и существует как программный код, что исключает возможность его буквального толкования и создает необходимость его перевода в человеко-читаемый формат, для чего потребуются вмешательство экспертов. Во-вторых, механизм смарт-контракта фактически сводит возможность судебного вмешательства к минимуму, поскольку при наступлении события, заложенного в программном коде, смарт-контракт исполняет заложенный в него алгоритм и такое исполнение не зависит от воли сторон [20, с. 1034].

В таком случае единственным возможным способом решения данной проблемы представляется материализация действительной воли сторон в новой записи, созданной в форме смарт-контракта, поскольку исходная запись не может быть скорректирована или удалена. Создание новой записи зависит от согласия сторон. Не исключено, что одной из сторон может быть выгодна некорректная имплементация воли в программный код, а потому она предпочтет оставить без изменения те последствия, к которым данное исполнение привело, хотя такой результат и будет отличаться ранее согласованного сторонами. В таком случае может потребоваться разработка нового механизма принудительных мер, обеспечивающих сторонами

выполнение требований закона и основанных на нем судебных решений в процессе заключения сделок в цифровой форме.

Самоисполнимость смарт-контракта фактически лишает стороны и суд возможности применения ряда способов защиты, таких как признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделки, присуждение к исполнению обязанности в натуре, восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Любой смарт-контракт, даже де-юре признанный недействительной сделкой, будет порождать правовые последствия в виде отчуждения имущества, произведения расчета и т.д., поскольку воля сторон выражается лишь на этапе заключения смарт-контракта. Таким образом, у суда может появиться правомочие, приравненное по своей фактической природе к присуждению к исполнению обязательства в натуре и восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, но по своей юридической сущности представляющее собой новый способ защиты интересов потерпевшей стороны – наложение обязанности заключения нового смарт-контракта, который будет изменять неблагоприятные последствия, которые повлекло самоисполнение первоначального.

Невозможность изменить или удалить запись в системе блокчейн имеет свое преимущество - хронологическая взаимосвязь информации в блокчейн и позволяет отследить ее до первичного блока, поскольку каждая цепочка обладает целостностью и каждая транзакция аутентифицирована во времени – каждый блок цепочки содержит запись о транзакции и о временной метке последующего блока.

Немаловажным аспектом реализации договорных отношений посредством заключения смарт-контракта является использование внешнего ресурса – оракула. Как уже было отмечено проблема заключается в доверии такому внешнему источнику, которым может выступать как физическое, так и юридическое лицо. Для отдельных видов договоров такое посредничество необходимо. Например, в сфере страховых правоотношений использование

оракулов было бы важно, когда информация представляет собой условие для исполнения страхового договора и связана с наступлением страхового случая – изменение температура, выпадение осадков и т.д. Однако в таком случае может возникнуть проблема, связанная с предоставлением оракулом неверной информации и самоисполнением смарт-контракта в соответствии с заложенным в него алгоритмом. Решение данной проблемы, как уже было предложено, можно найти во введении ответственности для оракулов-физических лиц или юридических, путем заключения с ними договоров. Также к установлению квалификационных требованиям к таким лицам как на уровне договоренностей сторон, так и со стороны законодателя, например, требования об образовании, профессиональной деятельности и т.д. В том случае, если оракулом является роботизированная система, то соответствие информации действительности может определяться путем соотнесения показаний, предоставленных не одним, а несколькими оракулами.

Заключение смарт-контрактов, осложненных иностранным элементом, нуждается в привязке к тому или иному применимому праву ввиду отсутствия унифицированных международных норм, способных урегулировать такие отношения. Так, Палата цифровой коммерции (Digital Chamber) в опубликованном документе, подготовленном Smart Contracts Alliance, отмечает возможным применение в Европе к правоотношениям, опосредованным смарт-контрактом, при условии, что стороны не выбрали применимое право, коллизионных норм Регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»). В соответствии с «Рим I», договор, предметом которого является недвижимое имущество или аренду недвижимого имущества, регулируется правом страны, где находится недвижимое имущество. Подобная норма характерна и для других правопорядков, в том числе для российского [30].

Вместе с тем, большая роль в таких правоотношениях отводится презумпции разумности и добросовестности участников правоотношений, ввиду ограниченности государственного контроля за сделками, совершаемыми в сети интернет, и ее сторонами, которых не всегда возможно идентифицировать. Кроме того, самоисполнимость смарт-контракта существенно ограничивает судебное вмешательство. Решение данной проблемы возможно путем законодательного регулирования, а также создания государственного распределительного реестра, о чем будет указано в следующем параграфе.

В марте 2023 года Европарламент проголосовал за принятие поправок в «Закон о данных», содержащих требование о том, чтобы смарт-контракты могли быть прерваны и прекращены. Данные поправки справедливо вызвали озабоченность и критику блокчейн-сообщества, поскольку они противоречат основам механизма действия смарт-контракта – неизменяемости и автоматизированному исполнению. По мнению профессора Амстердамского свободного университета (Vrije Universiteit Amsterdam) Тибо Шрепеля, положения поправок ставят под угрозу институт смарт-контракта, поскольку предполагают изменение того, что по определению неизменяемо [22]. Потому реализация таких требований законодателя весьма проблематичная для программистов. Кроме того, функция «kill switch», предполагающая отключение смарт-контракта путем его уничтожения, приведет к утрате смарт-контрактом ценности, обусловленной его возможностью хранить в себе информацию и, по мнению ряда экспертов, может привести к сбоям в системе безопасности. Также остается открытым вопрос о том, кто должен «выключать или приостанавливать» - программисты, разрабатывающие смарт-контракт, или орган публичной власти.

Технологический прогресс со всеми своими достоинствами и недостатками неумолим и непоколебим. Потому перед исследователем и законодателем регулярно встает вопрос – закон должен соответствовать

потребностям инноваций или инновации должны следовать букве закона? А. Вашкевич отметил, что особенность российской правоприменительной практики заключается в том, что суды ожидают увидеть норму по каждому правоотношению. Такое положение приводит к уязвимости правопорядка для его нарушения посредством использования возможностей цифровой среды. Так, 28 июня 2023 года Верховный Суд РФ отменил приговор в части оправдания фигуранта за легализацию криптовалюты Bitcoin. Опасения вызывает тот факт, что суды первой и апелляционной инстанции сочли такое оправдание правомерным. Верховный Суд не согласился с этим решением и признал приговор неправомерным и необоснованным [23].

Еще 20 лет Л. Лессиг опубликовал эссе, своим названием отвечающее на поставленный вопрос – «Код – это закон», отводя цифровому коду роль нового регулятора правоотношений [9]. Потому, на наш взгляд, государству стоит последовать принципу «не можешь победить – возглавь».

Как уже было отмечено, главным недостатком механизма смарт-контракта является проблема идентификации сторон, а также минимизация государственного участия в лице суда в охране законности и интересов сторон. На наш взгляд, разумным решением данной проблемы является создание государственно-частного распределительного реестра, блокчейн, на платформе которого будет технически возможно заключение смарт-контракта. Так, М.А. Гармашев отмечает, что почти монопольное существование блокчейн-платформ в частных руках может угрожать конфиденциальности и безопасности личных данных их пользователей [12]. Кроме того, это отводит владельцу платформы почти неограниченную власть, которая может быть использована во вред участникам правоотношений. Автор в качестве примера легальной государственной платформы приводит платформу цифрового рубля, главным оператором которой, а по совместительству и эмитентом цифрового рубля, является Центральный банк России. На данной платформе создаются цифровые кошельки пользователей. Коммерческие банки не имеют

возможность влиять на выпуск цифрового рубля, однако могут проводить с ним банковские операции.

Так, в России появилась новая форма российского рубля – цифровая, функционирующая на платформе блокчейн. Это значит, что появился новый цифровой актив, которым, в отличие от криптовалюты, можно расплачиваться за товары и услуги наряду с безналичной и наличной формой рубля. Стоит отметить, что Центральный Банк отмечает в качестве преимущества от внедрения цифрового рубля создание инновационных финансовых продуктов и сервисов (смарт-контракты) [24]. М.А. Гармашев предлагает создание похожей платформы для реализации смарт-контрактов по, на которой в качестве главного регулятора выступало бы, например, Министерство юстиции, имеющее право административного воздействия при наличии нарушений, но ограниченное во влиянии на смарт-контракты. Так, по мнению автора, смарт-контракт по аналогии с цифровым рублем стал бы третьей формой договора наряду с устной и письменной [12, с. 84].

В международной практике есть пример создания государственно-частного блокчейн для использования не цифрового актива, а недвижимости. Так, в 2017 в Швеции Lantmäteriet, Национальной земельной службой Швеции, консалтинговой группой Kairos Future при поддержке двух банков SBAB и Landshypotek был создан и запущен кадастровый блокчейн, основная задача которого заключалась в регистрации прав собственности на землю. При поддержке банков и кадастровой службы стороны могут заключать смарт-контракты в рамках данной платформы. Однако данный проект находится на этапе разработки и тестирования. Как отметил Магнус Кемпе (Magnus Kempe), управляющий директор направления розничной торговли Kairos Future, полному переходу на цифровой формат работы препятствует законодательное требования о наличии физических подписей на документах [27].

Банки являются востребованными участниками и посредниками в правоотношениях, возникающих из заключения смарт-контракта. Так, в 2016

года в России впервые была проведена сделка-аккредитив с использованием блокчейн между «Альфа-Банком» и S7 Airlines [25]. Банком на платформе Ethereum был составлен смарт-контракты на открытие и закрытие аккредитива. Данные об условиях договора и его сторона фиксировались в виде записи в блокчейн. Вместе с тем проверка торговых документов осуществлялась сотрудниками банка. Также не понятен механизм списания денежных средств, поскольку банковский счет и смарт-контракт работают в разных системах. Для совершения операций с фиатными денежными средствами необходимо, чтобы банковский счет располагался в системе блокчейн [15, с. 37].

Цифровой рубль как третья форма существования национальной валюты наряду с наличной и безналичной формами решает данную проблему. Банки и клиенты получают возможность создавать цифровые кошельки на платформе распределительного реестра. По данным Центрального банка, банками-участниками первого этапа тестирования операций с цифровыми рублями стали Альфа-банк, банк «ДОМ.РФ», «Ингосстрах банк», ВТБ, ГПБ, «Киви банк», банк «Ак барс», МТС-банк, Промсвязьбанк, Совкомбанк, «Синара», Росбанк и ТKB банк [26]. Кредитные организации смогут создавать смарт-контракт, по которому платежные операции будут проводиться автоматизированно, без дополнительного участия банка.

Безусловно, цифровизация договорных отношений будет неумолимо требовать повышения общего уровня компьютерной грамотности юристов и судей. Формулирование условий договора на языке программирования – ключевая особенность смарт-контракта, которая то же время является проблемой в части толкования его условий. Решением этой задачи путем, не умаляющим достижений цифровой формы договора, может явиться объединение смарт-контракта с рикардианским контрактом. Рикардианский контракт, как и смарт-контракт, связан с блокчейн системой. Вместе с тем, введенный в 1995 году программистом Яном Григом рикардианский контракт отличается возможностью фиксировать условия соглашения как на языке

программирования, так и в виде человеко-читаемого текста, доступного для понимания среднестатистическому пользователю. Рикардианский контракт также может быть определен в качестве цифрового, поскольку основная его задача и цель – фиксировать условия договора в распределительном реестре в виде хэша. Рикардианский контракт, существуя в виде одновременно классического и машинного текста, обеспечивает гибкость в реализации договорных правоотношений, поскольку может содержать условия о времени действия договора, содержать исключения и т.д. Таким образом, стороны могут включать в него последовательно условия о событиях, которые будут вести к согласованному, желаемому результату. Доступный формат в виде текстового документа позволяет сторонам использовать их, например, в качестве доказательств в суде. Рикардианский контракт подписывается в цифровом виде, что и обеспечивает высокую надежность такого соглашения – с момента обращения его в программный код, превращения в хэш и сохранения в блокчейн, они не могут быть произвольно изменены и интерпретированы [19, с. 58]. Будучи объединенным со смарт-контрактом, рикардианский контракт может обеспечить и самоисполнение. Потому любой рикардианский контракт может также быть и смарт-контрактом, в то время как смарт-контракты не могут быть рикардианскими контрактами.

На наш взгляд, рикардианский контракт наилучшим образом доказывает, во-первых, то, что цифровая форма договора является письменной, поскольку условия контракта, внесенные в блокчейн на языке программирования должны строго соответствовать прописанным на естественном языке, что и будет исключать их различное толкование, во-вторых, что цифровая форма – специальный вид письменной, поскольку фактически осуществляется перевод текста договора с человеко-читаемого на машинно-читаемый язык.

Из проведенного анализа видно, что существенных препятствий для определения смарт-контракта в качестве договора, существующего в распределительном реестре в цифровой форме, определяющей его

автоматизированное исполнение как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве нет. Так, Н.В. Лукоянов определяет, что смарт-контракт может заключаться исключительно в письменной форме именно ввиду его фиксации в распределительном реестре [16]. Мы приходим к выводу о необходимости признания цифровой формы договора, в которой и заключается смарт-контракт, как специального вида письменной формы договора поскольку:

1. это позволит избежать неопределенности в токовании и разграничить такие понятия, как «электронная» и «цифровая» среде;
2. откроет перспективы для заключения договоров не на естественном, а на строго формализованном языке – языке программирования, а также для широкого использования технологии блокчейн;
3. даст дальнейшее развитие правоотношениям в цифровой среде, где стороны и предмет договора представляют собой виртуальные единицы;
4. и наконец, в цифровой форме уже сейчас можно заключить любой различные виды договоров.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994 г. - № 32 - ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996 г. - № 5 - ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 03.12.2001 г. - № 49 - ст. 4552.; новая редакция

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. - 25.12.2006 г. - № 52 (часть I) - ст. 5496.

5. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета - 20.03.2019 - № 60

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета - 29.06.2006 - № 165

7. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» // [Электронный доступ] <https://nalog.gov.by/upload/iblock/99d/h3meh50m4ikl2czxkn5xkomo6d1e3zi7.pdf>

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // [Электронный ресурс] <https://www.vsrp.ru/files/26294/>

9. Lessig L. Code is Law. On Liberty in Cyberspace // Harvard Magazine. — URL: <https://harvardmaga-zine.com/2000/01/code-is-law-html>.

10. Blockchain Und Smart Contracts Technologien, Forschungsfragen und Anwendungen // Available at: https://www.sit.fraunhofer.de/fileadmin/dokumente/studien_und_technical_reports/Fraunhofer-Positionspapier_Blockchain-und-Smart-Contracts.pdf?_=1516641660

11. Автонова Е.Д. Смарт-контракты в современном российском праве: возможности реализации технологии // Плехановский барометр. - 2017. - № 4. - С. 25-28.

12. Гармашев М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin. - 2023. - №2. – С. 77-86. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-dogovor->

vidy-sposoby-zaklyucheniya-i-soversheniya-problemy-ispolneniya (дата обращения: 20.03.2024).

13. Гринь О. С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. - №6 (103). – С. 49-57. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-trebovaniy-k-forme-dogovorov-s-uchetom-razvitiya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 11.09.2023).

14. Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2020. - №4. – С. 78-105. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-doktrinalnyh-kontseptsiy-pravovogo-regulirovaniya-smart-kontraktov-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 05.09.2023).

15. Камалян В. М. Правовые риски использования цифровых технологий в банковской деятельности // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - №6 (103). – С. 32-39. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/N6/pravovye-riski-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-bankovskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 16.03.2024).

16. Лукоянов Н.В. Legal tech: Смарт-контракты сквозь призму современного частного права // Юридические исследования. 2018. № 7. С. 56-63. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26782

17. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «Умные контракты» как начало конца классического договорного права. // Вестник гражданского права 2016 - № 3 (16) – С. 32-60.

18. Турицын Д. А. К вопросу о форме автоматизированных цифровых контрактов в современном договорном праве: электронные контракты и смарт-контракты // Право и практика. - 2019. - №4. – С. 224-227. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/N4/k-voprosu-o-forme-avtomatizirovannyh-tsifrovyyh>

kontraktov-v-sovremennom-dogovornom-prave-elektronnye-kontrakty-i-smart-kontrakty (дата обращения: 09.03.2024).

19. Gabriel R. De En Goh Smart Contract Disputes and Public Policy in the ASEAN+6 Region // Digital Law Journal. – 2022. - № 4 (3), - С. 32–70.

20. Varbanova G. Legal nature of Smart Contracts: Contract or Program Code // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. - №1(4) – С. 1028-1037.

21. Zahariev, M. Protection of personal data during video surveillance, Intellectual property in the new (ab) normal. // AzBuki. – 2021 – Sofia.

22. Совет ЕС поддержал идею отключения и приостановки смарт-контрактов // [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/crypto/news/642186ef9a79476be3a704ac?from=copy>

23. ВС впервые разрешил считать отмыванием конвертацию биткоинов в рубли // [Электронный ресурс] https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230628/309030466.html

24. Банк России [Электронный ресурс]: <https://cbr.ru/fintech/dr/>

25. S7 и Альфа-банк впервые в РФ провели сделку с использованием blockchain [Электронный ресурс]: <https://tass.ru/ekonomika/3895760>

26. ЦБ назвал 13 банков, которые будут первыми тестировать реальные операции с цифровым рублем // [Электронный ресурс]: <https://tass.ru/ekonomika/18475575>

27. Второй этап запуска кадастрового блокчейна в Швеции [Электронный ресурс]: <https://bits.media/vtoroy-etap-zapuska-kadaastrovogo-blokcheyna-v-shvetsii/>

28. Вашкевич А. Пять выводов о смарт-контрактах // [Электронный ресурс] [Zakon.ru](https://zakon.ru) – 27.12.2017

29. Blockchain & Smart Contracts to be Legally Recognized in Italy // [Электронный ресурс]: <https://coinidol.com/blockchain-legally-recognized/>

30. Chamber of Digital Commerce Releases «Contracts: Is the Law Ready? » White Paper [Электронный ресурс]: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230628/309030466.html

УДК 346.2

Вахитова Карина Ленаровна

Ижевский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Россия, Ижевск

karinava2021@yandex.ru

Vakhitova Karina

Izhevsk Institute (branch)

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Russia, Izhevsk

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В САДОВЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению особенностей правового регулирования деятельности садовых некоммерческих товариществ. Анализируются положения Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», а также нормы гражданского законодательства в сфере корпоративных отношений. Выявлены основные проблемы, а также представлены возможные пути совершенствования норм права в области садоводства.

Ключевые слова: садовое некоммерческое товарищество, члены товарищества, индивидуальные садоводы, правление, председатель, общее собрание, корпоративные отношения.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF CORPORATE RELATIONS IN GARDEN NON-PROFIT PARTNERSHIPS

Annotation: the article is devoted to the consideration of the features of the legal regulation of the activities of garden non-profit partnerships. The provisions of Federal Law dated 07/29/2017 No. 217-FL «On the conduct of gardening and gardening by citizens for their own needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation», as well as the norms of civil legislation in the field of corporate relations, are analyzed. The main problems are identified, and possible ways to improve the norms of law in the field of horticulture are presented.

Key words: gardening non-commercial partnership, members of the partnership, individual gardeners, board, chairman, general meeting, corporate relations.

В настоящее время с тенденцией интенсивного развития общественных процессов, постоянного ускорения ритма жизни, изменчивости требований к каждому члену общества, нескончаемого потока информации на первое место выходит проблема истощения физических и психических ресурсов человека.

Жизнь в городской среде сопровождается феноменом «спешки», люди всё чаще оглядываются на других, создавая себе новые идеалы, отсюда появляется необоснованное чувство вины из-за любой приостановки рабочей деятельности. Безусловно, при таких обстоятельствах неудивительным становится стремление многих к загородной жизни. Если раньше граждане приезжали на свои садовые земельные участки лишь в летний период времени, то сейчас большинство людей хотели бы круглогодично проживать на территории садовых некоммерческих товариществ (далее – СНТ), что доказывает опрос компании «Ренессанс страхование», проведенный в 2023 году [7].

На тенденцию владения земельным участком на территории СНТ в целях постоянного проживания и отдыха обратила внимание 3 октября 2024 года также заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области Елена Толмосова в рамках круглого стола на тему «Обеспечение садоводческих некоммерческих товариществ объектами инфраструктуры, в том числе газификации. Проблемы и перспективы» [8].

Нужно отметить, что в 2024 году были приняты важные решения со стороны законодателя относительно развития СНТ, что несомненно подчеркивает актуальность темы.

Так, Владимир Владимирович Путин во время выступления с посланием Федеральному Собранию в 2024 году предложил включить в программу догазификации СНТ [9].

На данный момент инициатива уже получила законодательное закрепление в Постановлении Правительства РФ от 16.04.2024 № 484 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [3].

22 июля 2024 года Президент Российской Федерации (далее – РФ) подписал закон, позволяющий упростить процесс принятия решений при проведении заочных общих собраний членов садоводческих и огороднических товариществ [10].

«Мы знаем, что большая часть семей имеет дачные участки. Число СНТ год от года растет, увеличивается и количество проблем, которые нужно решать. Замечательно, что вопросы улучшения качества жизни населения прорабатываются на федеральном уровне» - подчеркнул первый заместитель председателя Орловского областного Совета народных депутатов Михаил Вдовин 29 июля 2024 года на мероприятии, посвященном обсуждению проблем социальной газификации СНТ [11].

Среди важных показателей стоит отметить также повышение с каждым годом спроса на земельные участки в СНТ, и как следствие рост цен на них. По данным на май 2023 года в РФ находится около 87 тыс. СНТ, где расположено более 16 млн. участков, общая площадь которых в 5 раз больше Москвы [12].

Значимость освящения рассматриваемой темы подтверждается и ее относительной новизной в научных кругах. Вышесказанное позволяет сделать вывод о высокой степени значимости правового регулирования деятельности СНТ, в том числе в части корпоративных отношений, которые представлены в

виде взаимодействия трех органов: председатель товарищества, правление, общее собрание.

В 2019 году в силу вступил Федеральный закон №217 от 29.07.2017 г. «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – ФЗ-217), который многие охарактеризовали как «долгожданный» [2].

Совместно с принятием данного закона последовали также соответствующие изменения в Гражданском Кодексе РФ (далее – ГК РФ). Так, согласно п.п. 4 п. 3 ст. 50 ГК РФ садоводческие или огороднические некоммерческие товарищества приобрели статус подвида товариществ собственников недвижимости [1].

Как подчеркивает Т.С. Серегина: «Введение в гражданский оборот такой организационно-правовой формы, как «товарищество собственников недвижимости», является закономерным и необходимым, так же как, например, упразднение дачного хозяйства с 1 января 2019 года ввиду отсутствия существенных отличий правового регулирования дачного хозяйства и садоводства» [4, с. 80].

Многие изменения были направлены на единство граждан, проживающих на территории СНТ. Теперь одной из основных целей деятельности СНТ, согласно ст. 7 ФЗ-217, является управление гражданами имуществом общего пользования, а не организация садоводства на частных земельных участках, что было ранее предусмотрено в ст. 4 Федерального закона №66 «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (утратил силу) [2].

Приняты изменения в области урегулирования проведения общих собраний, в том числе возможности обжалования его решений. Более подробно получил отражение в новом законе вопрос прав и обязанностей гражданина со статусом индивидуального садовода, т.е. человека, который владеет участком (участками) на территории СНТ, но не имеющего соответствующего членства в

нем. Однако, несмотря на попытку существенного упорядочения деятельности СНТ, реализация положений нового закона на практике привела к появлению новых пробелов и коллизий в рассматриваемой сфере.

В свою очередь принятие ФЗ-217, как подчеркнула Председатель Профсоюза садоводов России Людмила Даниловна Голосова, кратно увеличило количество судебных споров относительно различных сторон деятельности СНТ [13].

Данное мнение поддерживает в своей научной работе Е.В. Евсикова, обращая внимание на взаимосвязь роста числа судебных споров с ненадлежащим уровнем нормативно-правового урегулирования [5, с. 34].

Стремление законодателя провести четкую границу между не членами и членами СНТ, и в тоже время создание условий для единства этих групп граждан привело к существенным разногласиям норм закона, а также обусловило напряженную обстановку во многих СНТ. Согласно ст. 17 ФЗ-217 индивидуальные садоводы получили право принимать решения по ряду вопросов, которые затрагивают их права коллективных собственников, их экономические интересы по участию в установлении размера расходов на оплату общей инфраструктуры [2].

Как правило, по объему – это 4 вопроса общего собрания. Такие возможности не члены СНТ получили в связи с их статусом – равноправные собственники имущества общего пользования. Однако давая индивидуальным садоводам возможность голосовать за некоторые вопросы на общем собрании, законодатель обязует их платить по сути членские и целевые взносы наравне с непосредственными участниками корпоративных отношений, которые естественно имеют больше прав в товариществах. Так, согласно ч. 4 ст. 5 ФЗ-217 суммарный ежегодный размер платы для индивидуальных садоводов устанавливается в размере, равном суммарному ежегодному размеру целевых и членских взносов члена товарищества [2].

При этом мы сталкиваемся с еще одной проблемой: индивидуальные садоводы, имея возможность голосовать за сумму устанавливаемых взносов, не имеют возможности принять участие в формировании экономической базы размера этих взносов в виде сметы расходов СНТ на общую инфраструктуру. Стоит отметить, что возможности участвовать в выборе органов СНТ, стать инициаторами внеочередного собрания у не членом также нет.

Таким образом, получается, что имея достаточно ограниченные права на участие в корпоративных отношениях, индивидуальные садоводы платят средства как полноценные члены товарищества. Этот пробел в законодательстве также приводит к увеличению нагрузки на судей при рассмотрении дел, связанных с решениями общих собраний. Многие эксперты среди наиболее приемлемых путей решения проблемы в данном случае указывают тот факт, чтобы все собственники недвижимости СНТ находились в едином статусе либо члены, либо просто собственники, так как на практике это деление видится бессмысленным.

Следующей немаловажной проблемой является фактическая недоступность для членом СНТ реестра членом товарищества. Большинство собственников, которые не входят в состав правления, не проинформированы о том, на каких садовых участках живут члены, а на каких нет, что может привести, в том числе к ущемлению их прав.

Так, проведение внеочередного собрания может быть инициировано по требованию 1/5 членом СНТ (ч. 7 ст. 17 ФЗ-217), также при сборе подписей 1/5 членом СНТ возможно преодоления нежелания правления включать ряд вопросов в повестку общего собрания. Решением может стать предоставление всем членам СНТ списка членом, в котором будет указаны такие данные как номер земельного участка и статус собственника без разглашения персональных данных о нем.

С одной стороны законодательством предусмотрен закрытый перечень целей, на которые могут использоваться взносы, но с другой стороны в законе

предусмотрен пункт, который чаще всего порождает злоупотребление правом со стороны органов СНТ в связи с его неопределенность. Согласно п. 5 ч. 6 ст.14 ФЗ-217 целевые взносы могут быть направлены на «реализацию мероприятий, предусмотренных решением общего собрания членов товарищества» [2].

Нужно отметить, что законодатель не уточняет перечень такого рода мероприятий. Вследствие указанной неоднозначности формулировок возможна инициация органами СНТ включения в повестку общего собрания различных целей, на которые будут использоваться целевые взносы и, соответственно, повышение суммы взносов. При этом ревизоры не вправе осуществлять проверку решений, принятых общим собранием (они уполномочены проверять решения только органов).

Проблемным аспектом, который напрямую влияет на построение корпоративных отношений, является непрофессионализм правления. В соответствии с законодательством в органы управления СНТ могут быть избраны исключительно члены товарищества, независимо от их образования, опыта трудовой деятельности.

Результатом такой политики становится рост правового нигилизма в деятельности СНТ, преобладание обыденного толкование норм права, юридическая безграмотность, которая проявляется, в том числе при оформлении документов. Многие СНТ вынуждены нанимать специалистов для решения возникающих трудностей, что естественно, влияет и на расходные показатели. В любом случае проведение собрания предполагает оформление протокола общего собрания членов товарищества или заседания правления. Еще десять лет назад подготовка протокола не составляла особого труда, но сегодня необходимо вооружиться специальными знаниями главы 9.1 ГК РФ «Решения собраний» [1].

По нашему мнению, в настоящее время стоит сделать упор на повышение грамотности самих садоводов. Для этого требуется создание

специализированных курсов для председателя, членов правления, а также членов ревизионной комиссии, которые будут обязаны их пройти. На данный момент такого рода образовательные программы проводятся лишь на платной основе без выдачи впоследствии подтверждающих прохождение обучения документов.

Одним из нововведений, которое могло бы положительно сказаться на разгрузке судебных органов является введение обязательного претензионного досудебного порядка урегулирования споров с участием СНТ. К сожалению, практика показывает, что многие садоводы, которые не согласны с тем или иным вопросом, связанным с деятельностью своего товарищества сразу обращаются в суд, игнорируя перед этим возможность обращения к правлению и председателю из-за личной неприязни. Зачастую именно на судебных разбирательствах обнаруживается факт возможности урегулирования проблемного вопроса без участия органа, осуществляющего правосудие. Таким образом, нужно предусмотреть в законодательстве претензионный порядок урегулирования споров, возникающих по поводу деятельности СНТ, установить срок ответа на обращение гражданина к правлению/председателю.

Также видится более целесообразным уменьшить срок оспаривания решений общих собраний с 6 месяцев, как это предусмотрено ч. 5 ст. 181.4 ГК РФ до 2 месяцев, в связи с тем, что настолько длинный срок никак на практике неоправдан [1].

Если человек не согласен с решением собрания, то он вправе сразу обратиться в суд, а вот осуществление таких действий по истечению, например, 5 месяцев приводят к вопросу о действительной заинтересованности члена СНТ в решении проблемы.

Неопределенность присутствует также в вопросах о прекращении статуса члена СНТ, злоупотреблении правом со стороны органов управления СНТ в части проведения внеочередных собраний и т.д. Однако тот факт, что

законодатель осознает важность регулирования данной сферы, говорит о возможности дальнейшего развития института СНТ.

В 2024 году на официальном сайте союза садоводов России было объявлено о начале работы сервиса для проведения общих собраний в СНТ на портале Госуслуги [14].

После регистрации в личном кабинете председатель сможет вести электронный реестр участников товарищества и проводить заочные голосования. Безусловно, здесь прекрасной идеей может стать выпуск видеоинструкции по использованию такого сервиса, так как многие сталкиваются с трудностями при обращении к данному portalу.

Как данная инициатива работает на практике и насколько она оправдывает ожидания, мы сможем сказать лишь по прошествии как минимум года. Нельзя не отметить и активную работу Союза садоводов России, которые занимаются проведением конференций, выставок, участвуют при обсуждении законодательных инициатив. Олег Валенчук, председатель Союза садоводов России, депутат Госдумы РФ в 2024 году на очередном заседании Правительственной комиссии по развитию садоводства и огородничества подчеркнул, что поддержка садоводов стала задачей государственной важности. «Садоводы производят 60 процентов овощей, 90 процентов ягод и вносят реальный вклад в укрепление продовольственной безопасности страны. Народные инвестиции, направляемые на решение этой важнейшей социально-экономической задачи, составляют ежегодно более 600 миллиардов рублей» - отметил Олег Дорианович [15].

Долгое время бытует мнение о передаче всех СНТ в собственность ближайших муниципальных образований, переводе их в статус населенных пунктов, чтобы таким образом раз и навсегда «закрыть тему» данного вида товарищества собственников недвижимости. Но инициатива со стороны муниципальных образований полностью отсутствует, что понятно, так как на

деле им придется столкнуться с новыми обязательствами и расширением круга ответственности.

Несмотря на мнение приведенное нами выше, говорить о том, что в ближайшем будущем количество СНТ может уменьшиться не приходится. Так, 21 марта 2024 года в рамках заседания председателей Союзов садоводов муниципальных образований Ленинградской области, проводимого Комитетом по агропромышленному и рыбохозяйственному комплексу было высказано предложение о возможности выделению земельных участков под организацию новых садоводческих товариществ для ветеранов боевых действий-участников специальной военной операции и их семей [16].

Таким образом, актуальность рассмотренной темы предопределяет социальную значимость выявления коллизий и пробелов в российском законодательстве о садоводческих и огороднических некоммерческих товариществах, решения выявленных проблем и анализа предложений по совершенствованию норм, вызывающих вопросы или неоднозначное толкование.

Трудно не согласиться с мнением С.А. Ивановой, которая подчеркивает, что сфера правоотношений, возникающих в деятельности садоводческих и огороднических некоммерческих объединений, охватывает широкий спектр социальных, экономических и правовых отношений граждан [6, с. 111].

Несмотря на существенные попытки упорядочения деятельности СНТ реализация положений действующего специального закона сталкивается с рядом трудностей, вызванных непроработанностью существенных положений как самого ФЗ № 217-ФЗ, так и несогласованностью с законодательством в других отраслях права, затрагивающих корпоративные правоотношения в СНТ.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024)// Собрание законодательства РФ.1994. № 32. Ст. 3301.

2. «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I).Ст. 4766.

3. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 16.04.2024 № 484 // Собрание законодательства РФ.22.04.2024. № 17. Ст. 2338.

4. Серегина Т.С. Садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества как вид товариществ собственников недвижимости // Гражданское право. 2019. № 4 (211). С. 79-86.

5. Евсикова Е.В. Актуальные проблемы судебного разрешения дел о садовых спорах (по материалам Республики Крым) // Глаголь правосудия. 2022. №3 (29). С. 34 - 41.

6. Иванова С.А. Деятельность садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ: направления и границы совершенствования правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2022. №6. С. 111-116.

7. Более половины россиян заявило о желании навсегда переехать на дачу [Электронный ресурс] // РБК. - URL: <https://realty.rbc.ru/news/645b7e669a79472f2c6436f4> (дата обращения – 04.10.2024).

8. На Дону доля участков СНТ, занятых под садоводство, снизилась втрое [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7198763> (дата обращения – 04.10.2024).

9. Путин поручил включить в программу социальной газификации СНТ [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. - URL:

<https://www.kommersant.ru/doc/6535834?ysclid=mlwy7iqo5g283638829> (дата обращения – 04.10.2024).

10. Законом упрощён процесс принятия решений на общих собраниях членов садоводческих и огороднических товариществ [Электронный ресурс] // Президент России. – URL: www.kremlin.ru/acts/news/74614 (дата обращения – 05.10.2024).

11. На даче круглый год. В Орловском областном Совете за круглым столом обсудили вопросы социальной газификации СНТ [Электронный ресурс] // Орловский областной Совет народных депутатов. – URL: <https://oreloblsovnet.ru/events/na-dache-kruglyiy-god-v-orlovskom-oblastnom-sovete-za-kruglyim-stolom-obsudili-voprosyi-sotsialnoy-gazifikatsii-snt.html> (дата обращения – 05.10.2024).

12. Дачи в России: аномалия на 2 трлн рублей [Электронный ресурс] // РБК. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/6476ec349a7947f95b62a3fa> (дата обращения – 04.10.2024).

13. Эксперты обсудили правовое регулирование земельно-имущественных отношений в СНТ [Электронный ресурс] // ИЗВЕСТИЯ. – URL: <https://iz.ru/1602256/2023-11-08/eksperty-obsudili-pravovoe-regulirovanie-zemelno-imushchestvennykh-otnoshenii-v-snt> (дата обращения – 04.10.2024).

14. Госуслуги садоводам [Электронный ресурс] // Общероссийская общественная организация союз садоводов России. – URL: <https://souzsadovodov.ru/news/glavnye-novosti/7167-gosuslugi-sadovodam> (дата обращения – 05.10.2024).

15. Поддержка садоводов стала задачей государственной важности [Электронный ресурс] // Общероссийская общественная организация союз садоводов России. – URL: <https://souzsadovodov.ru/news/glavnye-novosti/7198-podderzhka-sadovodov-stala-zadachey-gosudarstvennoy-vazhnosti> (дата обращения – 05.10.2024).

16. Самые злободневные и острые вопросы обсудили председатели садоводческих некоммерческих товариществ Ленинградской области [Электронный ресурс] // Приозерские ведомости. – URL: <https://priozerskvedomosti.ru/2024/04/03/самые-злободневные-и-острые-вопрос/?ysclid=m1wyn981vw172717641> (дата обращения – 05.10.2024).

Демина Дарья Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов
Dema_volley@mail.ru
Demina Daria
Saratov State Law Academy
Graduate Institute
Russia, Saratov

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Аннотация: автор рассматривает принципы реализации имущества должника в процессе осуществления процедуры банкротства. Основополагающе начала имеют важное значение для нормотворческой и правоприменительной деятельности, поскольку выступают ориентиром в процессе реформирования законодательства, способствуют пониманию действительного смысла законодательных актов и позволяют правильно их применять в практической деятельности.

Ключевые слова: банкротство, реализация имущества, торги, принципы, торги.

ON THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF SALE OF THE DEBTOR'S PROPERTY DURING BANKRUPTCY PROCEDURES

Annotation: the author examines the principles of selling the debtor's property in the process of bankruptcy proceedings. Fundamental principles are important for rule-making and law enforcement activities, since they act as a guide in the process of

reforming legislation, contribute to understanding the real meaning of legislative acts and allow them to be correctly applied in practice.

Key words: bankruptcy, sale of property, tenders, principles, tenders.

Принципы представляют собой исходные начала, в соответствии с которыми осуществляется правовое регулирование определенной сферы общественных отношений при обнаружении пробелов в действующем законодательстве. основополагающие начала имеют важное значение для нормотворческой и правоприменительной деятельности, поскольку выступают ориентиром в процессе реформирования законодательства, способствуют пониманию действительного смысла законодательных актов и позволяют правильно их применять в практической деятельности.

Так, М.И. Байтин отмечал, что принципы права представляют собой исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права [1, с. 148].

Стоит отметить, что принципы, первоначально являющиеся основополагающими началами, обусловленными сущностью права, в последствии приобретают признак нормативности. Нельзя не согласиться с точкой зрения В.Г. Румянцевой и Ю.Е. Ширяева, отмечающих, что принципы права закреплены в различных правовых источниках и выражены в правоприменительной деятельности [2, с. 5]. Тем самым подчеркивается необходимость закрепления в банкротном законодательстве Российской Федерации идей, заложенных в принципах отдельных специализированных институтов банкротного права.

В настоящее время среди ученых отсутствует единообразная позиция в отношении принципов, регулирующих общественные отношения в сфере несостоятельности (банкротства). Так, А.И. Белоликов выделяет принципы несостоятельности (банкротства) [3, с. 45-48], М.В. Телюкина рассматривает

принципы конкурсного права [4, с. 120], О.В. Пустошкин изучает принципы института несостоятельности (банкротства) [5, с. 26].

Наиболее детально И.В. Фролов выделяет доктринальные принципы всего банкротного права в целом, разделяя их на следующие группы: общие принципы (равенство лиц, участвующих в деле о банкротстве, социальная справедливость законодательства о банкротстве, приоритетность специализированного законодательства о банкротстве и др.); специальные принципы (процессуальная защита слабой стороны в делах о банкротстве, независимость арбитражных управляющих, добросовестность лиц, участвующих в процессе по делу о банкротстве, и приоритет их защиты над интересами недобросовестных лиц); принципы отдельных специализированных институтов и субинститутов банкротного права (приоритет требований кредиторов по текущим обязательствам, залоговый приоритет в делах о банкротстве, разумность и экономическая целесообразность арбитражного управления); принципы формирования юридических конструкций и правовых моделей (принципы формирования конкурсной массы и системы ее иммунитетов, принципы привлечения контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве, принципы оспоримости конкурсного оспаривания сделок должников) [6, с. 37-38].

Однако, ученые не выделяют принципы института реализации имущества должника, позволяющего обеспечить наиболее полное удовлетворение требований кредиторов. Данный факт отрицательно влияет на правовое регулирование института реализации имущества должника, поскольку принципы права содержат основополагающие идеи, отражающие специфику правового регулирования общественных отношений.

Рассматривая реализацию имущества должника, важно отметить, что правовое регулирование указанного института остается фрагментарным. Действующим законодательством не предусмотрены общие нормы, устанавливающие принципы реализации имущества должника.

Эффективное формирование законодательства о банкротстве невозможно без раскрытия сущности принципов, на которых должна быть выстроена действенная и системная модель процедур банкротства. Существует необходимость развития банкротного права с целью создания условий, при которых законодательство о банкротстве сможет отвечать потребностям общества и экономики, выполняя поставленные перед ним цели и достигая их.

В качестве основополагающего принципа реализации имущества должника стоит выделить принцип экономической целесообразности. Его сущность заключается в необходимости осуществления экономического анализа ключевых действий в процессе реализации имущества должника. Следствием указанного анализа является невозможность их осуществления при отсутствии экономической целесообразности либо допустимость и обязательность для получения максимальной выручки от реализации с целью наиболее полного удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, экономическая целесообразность служит фундаментом для принятия решений, которые связаны с определением приоритетов и эффективным использованием финансовых средств в управленческой деятельности.

Рассматриваемый принцип также применяется в судебной практике. Так, Верховный Суд Российской Федерации допустил отступление от императивных требований Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» о реализации недвижимого имущества на публичных торгах, проводимых на электронной площадке, руководствуясь принципом экономической целесообразности [7]. В рамках дела финансовый управляющий обратился с ходатайством о привлечении иностранных специалистов с учетом мнения конкурсных кредиторов для целей реализации недвижимого имущества, находящегося за рубежом. Как правило, имущество должника реализуется посредством проведения торгов в электронной форме на российской электронной площадке (например, п. 7 ст. 110, п. 3 ст. 111, п. 3 ст. 139, пп. 1-3 ст. 213.26 Закона о банкротстве). Однако, Верховный Суд Российской

Федерации указал, что в ситуации, когда очевидно, что предусмотренные Законом о банкротстве механизмы реализации имущества должника по объективным, независящим от участников дела причинам, недостаточно эффективны и не могут в полной мере обеспечить достижение цели реализации (получение максимальной выручки от реализации с целью наиболее полного удовлетворения кредиторов), арбитражный управляющий по согласованию с кредиторами и с санкции суда вправе отступить от императивного порядка и выработать иной, прямо не предусмотренный Законом, механизм реализации имущества. Таким образом, суд применил принцип экономической целесообразности, установив риск заключения сделки по существенно заниженной (по сравнению с рыночной) цене и утвердив наиболее выгодную (прибыльную для конкурсной массы) стратегию реализации иностранного актива.

Анализируя торги в процессе реализации имущества должника, стоит выделить принцип конкурентоспособности участников торгов. В результате реализации данного принципа торги, используя механизм конкуренции и состязательности участников, позволяют достичь наиболее выгодные результаты в процессе заключения сделок между участниками по реализации имущества должника. Неконкурентоспособность участников торгов противоречит их сущности как особого способа заключения договора.

В качестве примера необходимо рассмотреть Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2017 № 306-ЭС17-10491 [8]. Так в процессе реализации имущества должника на торгах индивидуальный предприниматель подал 177 ценовых предложений подряд с минимальной периодичностью, искусственно повысив цену реализации земельного участка, не имея намерения и финансовой возможности приобретения указанного имущества. Далее ценовое предложение было подано обществом с ограниченной ответственностью, которое в последствии признано победителем аукциона, но отказавшееся от заключения

договора в результате анализа действий индивидуального предпринимателя, который в свою очередь также отказался от заключения договора. По мнению судебной коллегии, количество поданных в условиях отсутствия конкуренции предложений без реального намерения впоследствии заключить договор купли-продажи, в связи с чем была искусственно завышена цена выставленного на торги имущества, свидетельствует о наличии признака притворности и позволяет признать торги недействительными. Таким образом, торги с имитацией конкурентной борьбы, в нарушение принципа конкурентоспособности участников торгов, должны признаваться недействительными, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика [9, 10, 11].

Не менее важным в процессе реализации имущества должника является принцип максимизации стоимости активов. Инвестиционная привлекательность объекта основывается на индивидуальных характеристиках имущества (функциональном назначении, физическом состоянии, рисках) и оказывает непосредственное влияние на уровень потребительского спроса. Одним из наиболее сложных вопросов в процессе продажи имущества должника является вопрос формирования лотов с целью максимизации их стоимости и минимизации убытков для кредиторов. От деятельности по формированию лотов зависит достижение цели максимизации выручки.

Зачастую наличествуют злоупотребления при формировании лотов, направленные на уменьшение участников торгов. Так, в судебном разбирательстве рассматривалась ситуация, где в процессе реализации имущества должника аренда земельного участка со зданиями была выделена в отдельный лот, а аренда подъездных путей к данным зданиям – в другой [12]. Суд отметил, что участник торгов, действуя разумно и добросовестно, не рискнет получить в аренду здания и землю без способов подъезда к ним (подъездных путей). В результате чего принято решение, что искусственное

дробление лотов ограничивает круг участников торгов, в том числе не достигается принцип максимизации стоимости активов должника.

Необходимо учитывать в процессе реализации активов должника рынок данного вида имущества. Например, в процессе реализации недвижимого имущества помимо общеэкономического анализа рынка недвижимости обращают особое внимание на превалирующие тенденции, основных покупателей, механизм ценообразования и т.д. То есть факторы, оказывающие влияние на стоимость реализуемого имущества должника, также будут являться факторами ликвидационной стоимости активов.

Таким образом, деятельность по формированию лотов в процессе реализации имущества должника представляет собой совокупность управленческих решений и действий, которые направлены на максимизацию ликвидационной стоимости имущества должника, и осуществление такой деятельности невозможно без применения рассматриваемого принципа.

Не менее значимым в процессе реализации имущества должника является принцип добросовестности. Существуют многочисленные формы недобросовестного поведения в ходе реализации имущества должника, поэтому отсутствует возможность создания исчерпывающего перечня, и наличествует необходимость формулирования принципа добросовестности, сущность которого заключается в добросовестном поведении лиц при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей в процессе реализации имущества должника.

В настоящее время в правоприменительной деятельности достаточно часто рассматриваются споры, касающиеся кредиторов должника либо уполномоченных органов на предмет наличия в их действиях злоупотреблений в рамках реализации имущества должника. Закон о банкротстве содержит механизм осуществления торгов, однако недобросовестные участники, реализуя разрешенные действия (участие в торгах и последующий отказ от заключения договора купли-продажи), оказывают воздействие на стоимость

предмета торгов, существенно снижая ее посредством подачи одним участником заявки в интересах другого, аффилированности участников и так далее [13, 14]. В данной ситуации кредиторы должника лишаются возможности удовлетворения своих требований при справедливом ценообразовании и реализации имущества должника. Так, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что оказанное участниками торгов, отказавшимися от заключения договоров, недобросовестное воздействие на торговые процедуры повлекло за собой неправильное определение цены продажи, нарушая права и законные интересы кредиторов должника [15]. Кроме того, распространенным способом срыва торгов является подача необоснованной жалобы в отсутствие реального интереса в защите права в случае принятия ее к производству и приостановления торгов [16].

Анализ деятельности организатора торгов показывает, что зачастую нарушения встречаются при описании порядка ознакомления с реализуемым имуществом должника. Поскольку механизм ознакомления детально не урегулирован законодательством: отсутствуют критерии ознакомления участника с объектом торгов, не установлена форма и содержание сведений, составляющих порядок ознакомления с имуществом, суды при разрешении споров о признании деятельности организатора торгов неправомерными ссылаются на положения гражданского законодательства в части добросовестного поведения [17]. Однако, законодательство о банкротстве имеет определенную специфику правового регулирования общественных отношений и нуждается в специализированных принципах.

Таким образом, наличие пробелов правового регулирования реализации имущества должника в банкротном законодательстве может быть разрешено посредством активного и целенаправленного применения судами принципов экономической целесообразности, конкурентоспособности участников торгов, максимизации стоимости активов, добросовестности с целью защиты прав участников процесса банкротства в ходе реализации имущества должника.

Введение указанных принципов позволило бы создать условия, при которых происходило бы максимальное удовлетворение требований кредиторов. В связи с чем, существует необходимость восполнения соответствующими нормами Закона о банкротстве и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые будут отражать сущность предложенных принципов.

Список литературы:

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
2. Румянцева В.Г., Ширяев Ю.Е. Понятие принципа права в контексте законотворческого процесса // История государства и права. 2006. № 8. С. 4-6.
3. Белоликов А.И. Принципы банкротства // Право и экономика. 2004. № 8. С. 45-48.
4. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. – М.: Волтерс Клувер, 2004. 560 с.
5. Пустошкин О.В. Правовые средства достижения цели института несостоятельности (банкротства) юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2005. 221 с.
6. Фролов И.В. Современная доктрина банкротного права в российской юрисдикции: анализ теоретических основ // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 35 - 44.
7. Определение Верховного Суда РФ от 13 октября 2022 г. № 305-ЭС21-1719 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.11.2017 № 306-ЭС17-10491 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Решение Волгоградского УФАС России от 14.12.2023 по делу № 034/10/18.1-1448/2023 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2016 № 308-ЭС14-9028 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2016 № 306-ЭС16-3230 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного суда Российской Федерации от 21.03.2022 № 305-ЭС21-21247 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 сентября 2019 г. № Ф09-3596/19 по делу № А60-6129/201 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 сентября 2017 г. № Ф08-6659/2017 по делу № А63-8067/2015 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.10.2023 № 308-ЭС22-17506 (4,5) по делу № А32-28030/2019 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 декабря 2016 г. № 17АП-14147/2015-ГК по делу № А50-5271/2015 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 марта 2020 г. № 18АП-1017/2020 по делу № А76-27285/2015 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Зайченко Анна Максимовна
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
Россия, Иркутск
yedintsa@icloud.com
Zaychenko Anna
East Siberian branch
Russian state University of Justice
Russia, Irkutsk

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЛДИНГОВ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Аннотация: в статье анализируются существующие проблемы, связанные с отсутствием четкого определения понятия "холдинг", сложностью процедуры регистрации холдинговых компаний и возможностью двойного налогообложения. Отмечается достаточно расхожее мнение о холдинговых компаниях наших государственных органов, также замечено крайне противоречивое отношение к этим юридическим сущностям в практике правоприменения. В статье также предлагаются пути решения этих проблем и улучшения условий для развития предпринимательства в России.

Ключевые слова: холдинги, холдинговые компании, юридическое лицо, правовой статус, правовое регулирование.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF HOLDING COMPANIES IN THE CURRENT LEGISLATION OF RUSSIA

Annotation: the article analyzes existing problems associated with the lack of a clear definition of the concept of "holding", the complexity of the procedure for registering holding companies and the possibility of double taxation. There is a fairly common

opinion about the holding companies of our government agencies, and an extremely contradictory attitude towards these legal entities in law enforcement practice has also been noted. The article also suggests ways to solve these problems and improve the conditions for the development of entrepreneurship in Russia.

Key words: holdings, holding companies, legal entity, legal status, legal regulation.

Проблема правового регулирования деятельности холдингов в Российской Федерации существует более 30 лет [1], когда в период приватизации государственных предприятий на их месте возникали холдинговые компании со сложной структурой и системой управления. Действующее законодательство, в частности ст. 67.3 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ), и выявляет существующие проблемы, связанные с отсутствием четкого определения понятия "холдинг", сложностью процедуры регистрации холдинговых компаний и возможностью двойного налогообложения. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 294-ФЗ "О внесении изменений в часть первую и главу 25 части второй Налогового кодекса Российской Федерации (в части особенностей налогообложения международных холдинговых компаний)" предъявляет специальные административные районы именно к холдинговой компании, что говорит нам о том, что законодатель не только толкует нам о существовании такого субъекта права, но и активно его поощряет. Временное положение которое все также действует на территории и РФ и активно задействуется судами разных уровней [2, с. 170].

Налоговое законодательство занимает важное место в регулировании деятельности холдингов. Законы о налогах определяют порядок налогообложения холдинговых структур, включая налогообложение при реорганизации и ликвидации компаний, налогообложение доходов от инвестиций и дивидендов, налогообложение трансграничных операций и т.д.

Однако, уже в данной отрасли мы сталкиваемся с определенными проблемами в сфере правоприменения. К примеру представлены два отличные

по своей сути письма ФНС, которые показывают отношение к данным непризнанным субъектам гражданского оборота, считая их не самостоятельными субъектами предпринимательских отношений, о том же регламентирует Письмо ФНС России от 08.08.2019 N ЕД-4-13/15696.

Прямо противоположные подходы наводят нас на мысль о том, так является ли деятельность холдингов предпринимательской или все-таки нет? Налоговые нормы также устанавливают обязанности по уплате налоговых платежей и предоставлению отчетности. Помимо указанных основных нормативных актов, к законодательной базе регулирования деятельности холдингов относятся федеральные законы, регулирующие конкретные аспекты хозяйственной деятельности, а также подзаконные акты и нормативные документы, принимаемые компетентными государственными органами, такими как Правительство РФ и Минфин. Важно отметить, что с течением времени законодательная база постоянно совершенствуется и дополняется с целью адаптации к изменяющимся условиям рынка и практике хозяйственной деятельности. Такие изменения могут касаться уточнения правил создания холдингов, расширения прав и обязанностей их участников, а также ужесточения ответственности за нарушение законодательства.

Для успешной работы холдингов необходимо соблюдение законов и правил, адекватное налогообложение и соблюдение установленных процедур, хотя, в целом, законодательная основа деятельности этих субъектов проработана и направлена на эффективный механизм их функционирования, но проблемы, возникающие на практике позволяют сделать вывод о том, что она несовершенна и требует адаптации под реалии развития экономики в России.

Вопросы правоприменительной практики также остаются открытыми. Судами холдинги и холдинговые компании интерпретируются разрозненно и чаще лишаются налоговых преимуществ и льгот по соглашению об избежании двойного налогообложения по причине того, что они холдинговые.

Большинство современных нормативно-правовых актов вкладывает иной смысл, упоминая о данных участников предпринимательских правоотношений только лишь как о форме объединений и уж точно не считают их самостоятельными субъектами такого оборота, чаще всего прослеживается – это просто совокупность формально самостоятельных лиц. И действительно у каждого юридического лица есть свой расчетный счет, свое фирменное наименование и с основной организацией их связывает только экономическая подоплека. Нам представляется интересным позиция законодателя о холдингах в банковской системе, где считается преобладающим участие в другой компании не менее 40 процентов, более нигде в законодательстве такой конкретики мы не наблюдаем.

Противоречивое понимание холдинговых компаний и холдинга законодателем отражается и в правовой доктрине. Одни понимают широко этот термин, включая в него весь набор дочерних организаций с основной компанией, а следовательно не считают холдинг субъектом отношений, а лишь форму предпринимательского объединения. Другие – узко, указывая на правосубъектность головной организации. На наш взгляд, соотношение данных терминов явно не является тождественным, а рассматривается как общее и частное.

Поэтому остается дискуссионным вопрос о правосубъектности холдинговых компаний [3, с. 95] поскольку разночтение наблюдается в понятийном аппарате этих участников экономического оборота. Начиная от того, что это субъект права и он наделяется правами и обязанностями и, заканчивая полным отсутствием или только элементами правосубъектности, поскольку это лишь группа лиц. Что обуславливает необходимость выделить легальные черты правосубъектности, а именно – наличие организационно правовой формы, регистрации и профессиональная компетенция компании, а также обособленность имущественной базы организации и имущественная самостоятельность. Таким образом, ни один из перечисленных признаков не

подпадает под данную форму объединения и не позволяет говорить о правосубъектности этих участников, если только не считать холдингом только одну лишь основную организацию, имеющую экономическое влияние на свои дочерние организации исходя из узкого понимания этого термина.

Раскрывая понятие основного и дочерних обществ (ст. 67.3 ГК РФ, ст. 6 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ "Об акционерных обществах" (далее – Закон об АО), ст. 6 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (далее – Закон об ООО), законодатель прежде всего руководствуется экономической зависимостью между этими формально самостоятельными субъектами, чем обусловлено распространения таких компаний, прежде всего, имущественного или организационного характера, последние чаще всего являются результатом имущественного влияния, договорные и иные отношения также упоминаются законодателем, оставляя перечень условий взаимодействия между этими группами лиц открытым. Именно потому в практике правоприменения учитываются иные критерии экономического и организационного взаимодействия между компаниям для квалификации их в качестве холдинга [4].

В современной экономической среде холдинговая деятельность занимает особое место и является одной из наиболее распространенных форм организации предпринимательской деятельности. Холдинговые компании играют важную роль в развитии экономики, привлекая инвестиции, создавая новые рабочие места и способствуя росту производительности. В связи с этим, вопросы правового регулирования деятельности холдингов в Российской Федерации являются актуальными и требуют детального изучения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Богочаров В.С. Функционирование холдинговых структур в условиях рыночной экономики // Консультант плюс [электронный ресурс]: справочно-правовая система
3. Шиткина И.С. Холдинги: правовой и управленческий аспекты. Законодательные и другие нормативные акты. Профессиональный комментарий кандидата юридических наук. М., 2020. – 284 с.
4. Рахмилович В. А. Перевод федерального государственного унитарного предприятия на холдинговую форму отношений с его дочерними предприятиями // Право и экономика. - 2022. - № 11. - С. 95-97.
5. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15 мая 2002 г. по делу № А56-17968/01 // Консультант плюс [электронный ресурс]: справочно-правовая система

Колганова Любовь Евгеньевна
Российский государственный университет правосудия
Восточно-Сибирский филиал
Россия, Иркутск
kolganova.lyuba@bk.ru
Kolganova Lyubov
Russian State University of Justice
East Siberian branch
Russia, Irkutsk

СПЕЦИФИКА ПРИОБРЕТЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ПРОЦЕССЕ СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности приобретения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности (ИС) в рамках слияний и поглощений (M&A) в России. Обсуждаются правовые аспекты, существующие риски и рекомендации по улучшению процессов, связанных с защитой и трансфертом исключительных прав. Выводы основаны на анализе законодательства и практики российских компаний в области слияний и поглощений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, слияние и поглощение, исключительные права, объекты интеллектуальной собственности, авторские права.

SPECIFICITY OF ACQUISITION OF EXCLUSIVE RIGHTS IN THE PROCESS OF MERGERS AND ACQUISITIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article examines the specifics of acquiring exclusive rights to intellectual property (IP) objects in the context of mergers and acquisitions (M&A) in Russia. Legal aspects, existing risks and recommendations for improving processes related to the protection and transfer of exclusive rights are discussed. The conclusions are based on the analysis of legislation and practices of Russian companies in the field of mergers and acquisitions.

Key words: intellectual property, mergers and acquisitions, exclusive rights, intellectual property objects, copyright.

Введение. Слияние и поглощение компаний являются важными инструментами для достижения стратегических целей бизнеса. В условиях глобальной конкуренции доступ к новейшим технологиям и разработкам становится ключевым аспектом, и исключительные права на объекты интеллектуальной собственности могут представлять собой важнейший актив компаний. В России вопросы, связанные с правами на интеллектуальную собственность при слиянии и поглощении, исполняют важную роль, и их специфика требует детального изучения.

Правовая основа. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть IV), права на объекты ИС включают патенты, товарные знаки, авторские права и другие виды. Исключительные права на служебные результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые работниками, автоматически переходят к работодателю, если иное не предусмотрено трудовым контрактом [1]. Однако процесс передачи прав на ИС в рамках слияний и поглощений требует комплексного подхода, учитывающего множество правовых и коммерческих факторов. В частности, ключевыми аспектами являются:

1. Регистрация прав: Для легитимности передачи исключительных прав все объекты ИС должны быть должным образом зарегистрированы [2].

Основные аспекты процесса регистрации объектов интеллектуальной собственности в России включают особенности, порядок, требования и преимущества регистрации. В России регистрируются следующие основные виды объектов интеллектуальной собственности:

- Авторские права: охватывают литературные, музыкальные и художественные произведения, а также программное обеспечение и базы данных;

- Патенты: защищают изобретения, полезные модели и промышленные образцы.

- Товарные знаки: обозначают товары или услуги и помогают различать их на рынке;

- Секреты производства (ноу-хау): информация, обладающая коммерческой ценностью, не являющаяся общедоступной.

Что касается процесса регистрации прав на объекты ИС, он проходит несколько стадий:

- подготовка документов: Необходимо подготовить заявку, которая включает описание объекта, чертежи (если применимо), доказательства новизны (для патентов) и другие документы, подтверждающие права соискателя;

- подача заявки: Заявка подается в соответствующий орган. В большинстве случаев это Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). Заявка может быть подана как в бумажном, так и в электронном виде;

- экспертиза: По поступившей заявке проводится экспертиза. Она включает формальную экспертизу, которая представляет собой проверку на соответствие заявки установленным требованиям, и субстантивную экспертизу - проверку на новизну, оригинальность и отсутствие совпадений с ранее зарегистрированными объектами.

Последним этапом выступает регистрация: После успешного прохождения экспертизы Роспатент принимает решение о регистрации. При положительном решении выдается свидетельство или патент, в зависимости от типа объекта ИС.

2. Должная проверка (due diligence): На этапе слияний и поглощений необходимо провести полный анализ объектов интеллектуальной собственности для выявления возможных рисков и конфликтов прав.

Специфика приобретения исключительных прав в процессе слияний и поглощений.

1. Оценка объектов интеллектуальной собственности. Оценка исключительных прав представляет собой значительную сложность, особенно для сложных и инновационных технологий. Специфические модели оценки должны учитывать как материальные, так и нематериальные активы. Недостаточная оценка может привести к финансовым потерям и юридическим спорам [3].

2. Конфликты прав. При слиянии и поглощении могут возникать конфликты прав, если на одни и те же объекты ИС претендуют несколько сторон. Эти конфликты могут значительно усложнять процесс сделки, угрожая ее успешному завершению [5].

3. Антимонопольные аспекты. Приобретение контроля над значительными активами интеллектуальной собственности может вызвать вопросы со стороны антимонопольных органов. Важно заранее анализировать возможные риски и степени концентрации на рынке [9].

Рекомендации по улучшению процессов.

1. Улучшение практики «должная проверка»: Необходима разработка специальных методик для анализа исключительных прав, учитывающих специфику объектов ИС [6].

2. Стандартизация договоров: Включение подробных положений о передаче прав на интеллектуальную собственность в сделки о слиянии и поглощении позволит избежать правовых недоразумений и конфликтов [4].

3. Обучение и информирование: Компании должны проводить тренинги для сотрудников по вопросам интеллектуальной собственности, объясняя им важность защиты интеллектуальной собственности [7].

4. Сотрудничество с профессионалами: Привлечение специалистов в области права и антимонопольного регулирования поможет избежать потенциальных проблем [8].

Заключение. Специфика приобретения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в процессе слияния и поглощения в России требует тщательного анализа и внимание к деталям. Решение существующих проблем в этой области не только повысит эффективность сделок M&A, но и укрепит конкурентные позиции российских компаний на рынке. Устранение правовых недостатков, формализация процедур и обеспечение защиты прав на ИС могут стать основой для успешного взаимодействия компаний и создания инновационного потенциала.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года. Федеральный закон № 230-FZ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/

2. Севастьянова, О. В. Интеллектуальная собственность: правовые проблемы и современные тенденции. – М. Юрайт, 2020. – 320 с.

3. Громько, В. А. Правовые аспекты слияний и поглощений: Нормативные основы и практика. – М.: Юрист, 2019. – 250 с.

4. Бабичев, С. В. Слияния и поглощения компаний: стратегии и правовые аспекты. – СПб. Питер, 2021. – 280 с.

5. Костюченко, А. Ю. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в условиях слияний и поглощений. Вестник Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, 2021, № 7, с. 56-65.

6. Топорков, А. И. Интеллектуальная собственность в сделках M&A: вызовы и решения; Право и экономика, 2021, № 12, с. 21-30.

7. Мжельская И. В., Сердюк А. В. Методы оценки интеллектуальной собственности в процессе слияния и поглощения. Экономика и управление, 2020, № 6, с. 14-21.

8. Кудрявцев, М. А. Роль интеллектуальной собственности в процессе M&A: правовые и практические аспекты. Правовая инициатива, 2021, № 8, с. 101-108.

9. Федеральная антимонопольная служба России. Обзор практики антимонопольного контроля сделок слияний и поглощений; (2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=151399>.

10. Ковешникова, А. В. Правовые аспекты передачи прав на интеллектуальную собственность при слиянии и поглощении. Журнал российского права, 2022, № 3, с. 34–42.

Мифтяхетдинов Айрат Тахирович

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт публичного права и управления

Россия, Москва

airatmift@icloud.com

Miftiakhedinov Airat

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of Public Law and Management

Russia, Moscow

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме правовой квалификации смарт-контракта. Автор пишет о причинах существования проблем определения правовой природы смарт-контрактов, а также рассматривает основные подходы их правовой квалификации, проблемы и противоречия этих подходов. Автор отрицает возможность отнесения смарт-контракта к способу обеспечения обязательств и приходит к выводу, что смарт-контракт можно считать как договором, так и способом исполнения обязательств, аргументируя это тем, что стороны сами определяют, как будут использовать смарт-контракт в своих договорных отношениях.

Ключевые слова: смарт-контракт, правовая природа, договор, способ исполнения, обеспечение обязательств, цифровизация.

THE LEGAL ESSENCE OF A SMART CONTRACT

Annotation: the article discusses the current issue of the legal classification of smart contracts. The author explores the reasons behind the difficulty in defining the legal nature of these contracts and examines various approaches to classifying them. He

argues against classifying smart contracts as a means of securing obligations and suggests that they can be seen as both contracts and a way to fulfill obligations. The author emphasizes that it is up to the parties to decide how to utilize smart contracts in their contractual agreements.

Key words: smart contract, legal essence, contracts, method of execution, securing obligations, digitalization.

В 1994 году американский криптограф Ник Сабо впервые ввел в оборот термин «смарт-контракт» (умный контракт) [1]. Весь свой потенциал смарт-контракты раскрывают лишь при использовании технологии блокчейн. Следует отметить, что умные контракты все чаще применяются в практике договорных отношений сторон, например, в страховой и банковской сферах [2, с. 9-11], а Центральный Банк Российской Федерации в «Концепции Цифрового рубля» [3, с. 19] указывает, что «смарт-контракты будут дополнительным функционалом платформы цифрового рубля» и «клиенты получают возможность самостоятельного использования смарт-контрактов, предварительно созданных финансовыми организациями и верифицированных Банком России», следовательно, после введения цифрового рубля смарт-контракты будут применяться намного активнее в практике договорных отношений сторон. В целом, потенциал широкого и активного применения умных контрактов, в частности, обусловлен следующим:

1. Скорость исполнения смарт-контракта намного быстрее скорости исполнения обычной сделки, так как он исполняется автоматически и не зависит от воли сторон.

2. Объективность, надежность и защищенность смарт-контракта обусловлены его действием на технологии распределенного реестра.

3. Автоматическое исполнение (самоисполнимость) предоставляет сторонам возможность отказаться от услуг посредника, что, разумеется, ведет к снижению денежных затрат на исполнение сделки.

При этом, безусловно, споры между сторонами смарт-контракта, как и в любых договорных отношениях, неизбежны, что остро ставит вопрос о правовом регулировании умных контрактов. Полагаем, что определение правовой природы смарт-контракта во многом решит вопрос правового регулирования данного явления. Например, если мы будем понимать под ним договор, то к нему должны будут применяться общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о сделках, обязательствах и договорах. Помимо этого, определение правовой природы сделает возможным дать полное и исчерпывающее определение смарт-контракта в законодательных целях. Таким образом, представляется важным рассмотреть вопрос о правовой природе умного контракта.

Для начала необходимо отметить, что с момента появления технологии блокчейн в 2008 году, которая открыла возможность применения умных контрактов, в юридической доктрине не прекращаются дискуссии по поводу их правовой квалификации. Представляется, что это обусловлено следующими причинами:

1. Отсутствие навыков и знаний программирования среди юристов. Смарт-контракт в первую очередь – программный код, работа с которым требует глубоких знаний в области программирования не только для его написания, но и для понимания сути его работы. Без соответствующих знаний сложно определить, подменяет ли код договор или только способствует исполнению договора и т.д. Например, ряд авторов считает, что смарт-контракты могут существовать вне технологии распределенного реестра (блокчейна) [4, с. 15, 35], а другие считают, что «смарт-контракт - это фрагмент кода, который хранится в блокчейне, запускается блокчейн-транзакциями и который считывает и записывает данные в базу данных этого блокчейна» [5].

2. Смарт-контракт – сложное, нестандартное явление, которое может полностью изменить практику договорных отношений сторон. Его правовая квалификация связана с множеством трудностей, к числу которых, например,

можно отнести возникновение договора, связывающего стороны, без обязательства по смыслу ст. 307 ГК РФ, так как обязанным совершить определенное действие (должником) становится компьютер, а не потенциальный должник – сторона по договору [6, с. 48-50].

3. Не столь массовое применение смарт-контрактов. Безусловно, с каждым годом они все чаще применяются в отношениях между сторонами, но все же их применение на данный момент не настолько распространено, как, например, использование конструкций договора купли-продажи, аренды и т.д., что не позволяет выявить всех особенностей данного явления на практике, что, в том числе, затрудняет комплексное и полное теоретическое обоснование данной конструкции.

Перейдем к основным подходам определения правовой природы умных контрактов.

Смарт-контракт как договор. Многие исследователи определяют смарт-контракт как договор: «Умный контракт – это договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе Blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [6, с. 46]; «под смарт-контрактом следует понимать договор (специальную договорную конструкцию), содержащий волеизъявление его сторон и направленный на возникновение, изменение или прекращение их гражданских прав и обязанностей» [7, с. 73]; «Смарт-контракт в самом общем виде можно определить как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна» [8, с. 5]. При такой квалификации авторы, очевидно, исходят из того, что привычный нам договор, например, купли-продажи, составляется (пишется) сразу на языке программирования, то есть программный код содержит все условия заключаемого договора: его предмет, сроки, права и обязанности сторон и т.д. Такой же квалификации придерживался законодатель

в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», определяя смарт-контракт как «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [9]. В судебной практике также встречается соответствующая квалификация: «Смарт-контракт (англ. smart contract - умный контракт) договор, записанный в виде компьютерной программы» [10]. Отметим, что в данном споре суд целенаправленно не рассматривал правовую природу смарт-контракта, но при этом исходил из того, что он является договором. Напомним, что договором в соответствии с п. 1 ст. 420 ГК РФ признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Подходит ли квалификация смарт-контракта как договора под приведенное легальное определение договора? Предположим, что стороны решили заключить договор купли-продажи, сформулировав его в виде смарт-контракта. Получается, что контрагенты вступают в отношения между собой свободно формируя свою волю и достигая соглашения по всем интересующим их условиям, в ином случае смарт-контракт попросту не будет заключен. Заключив соглашение, стороны приобретают предусмотренные им права и обязанности, а также преследуют определенный интерес в его исполнении, будь то получение экономической выгоды или удовлетворение нематериальных потребностей. То есть заключенный смарт-контракт устанавливает определенные права, которые прописаны в нем в виде компьютерного кода, и, например, в случае своего исполнения, прекращает право собственности продавца, в то время как у покупателя оно возникает. Таким образом, представляется возможным подвести смарт-контракт под квалификацию договора. Можно сказать, что умным контрактом может быть любой как предусмотренный, так и не предусмотренный действующим законодательством договор (ст. 421 ГК РФ). В

связи с этим более точным представляется вывод о том, что смарт-контракт следует квалифицировать как договорную конструкцию, о чем высказывались некоторые исследователи [11, с. 58]. То есть смарт-контракт является «оболочкой», которая представляет собой компьютерный код, который содержит условия традиционного договора и который исполняется автоматически при помощи технологии блокчейна. Именно последние две постоянные, неизменные характеристики смарт-контракта обуславливают его отличительные особенности от других договоров, позволяя говорить о том, что эти отличительные черты, учитывая сказанное выше, могут быть присвоены каждому традиционному договору, а значит, смарт-контракт не должен лежать в рамках традиционного видового деления договоров, он должен быть вынесен за них, расположившись наряду с предварительным, рамочным, опционным и им подобными договорами. Но при этом важно отметить следующее: как уже говорилось выше, смарт-контракты действуют на технологии блокчейна, что неизбежно ведет к тому, что стороны соглашения остаются анонимными, что соответствует природе блокчейна. В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ необходима достоверная идентификация лица, выразившего волю на совершение сделки. Следовательно, для квалификации смарт-контракта как договора нужно обеспечить идентификацию сторон. Также необходимо отметить, что квалификация умного контракта как договора приводит к некоторым практическим трудностям его исполнения. Например, смарт-контракт – это компьютерный код, написанный на определенном языке программирования, который является формализованным языком со строго определенными синтаксисом и семантикой, значит, смарт-контракт не допускает толкования содержащихся в нем условий, что приводит к тому, что стороны при его заключении не могут использовать такие категории как добросовестность, разумный срок, форс мажор и т.д. Их использование в некоторых случаях приведет к невозможности исполнения договора. Помимо этого, неизменяемость смарт-контракта приводит также к определенным

трудностям признания его недействительным, его изменению, уступки прав по нему или переводу долга [12, с. 94-95]. Также, учитывая, что среднестатистический человек не обладает специальными знаниями в программировании, то он попросту не будет понимать условия умного контракта, предложенного ему к заключению. Следовательно, встает вопрос о соответствии заключаемого договора действительной воле сторон. Можно ли считать заключенным договор, который написан на языке, который непонятен стороне (сторонам)? Есть ли в такой сделке совпадение воли и волеизъявления, которое необходимо для признания ее действительной? [13, с. 286-288] Думается, что дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно. Но чтобы эти вопросы не мешали договорным отношениям сторон, можно предусмотреть следующий механизм: текст смарт-контракта должен быть переведен на понятный сторонам язык и эта копия должна храниться у сторон договора. Но есть ли в этом необходимость? Для чего создавать договор, оригинал которого сторонам не понятен и который влечет необходимость его перевода и создания копий? Особенно затруднительно становится ответить на данный вопрос при квалификации смарт-контракта как способа исполнения обязательств, которая будет рассмотрена далее. Все это говорит о том, что квалификация смарт-контракта как договора верна лишь отчасти, так как существование умного договора в киберпространстве накладывает на него определенную специфику.

Смарт-контракт как способ исполнения обязательства. Ник Сабо писал: «Смарт-контракт - это компьютеризированный протокол транзакций, который выполняет условия контракта» [1]. В этой же статье он приводил возможный пример использования смарт-контракта: «Если для покупки этого автомобиля был взят кредит, а владелец не смог произвести платежи, смарт-контракт может автоматически наложить арест, который вернет контроль над ключами от машины банку». Из сказанного можно сделать следующий вывод: Ник Сабо разделял договор и смарт-контракт, возлагая на последний функции заключения, обеспечения, исполнения и прекращения договора. Рожкова М. А.

справедливо отмечает, что «сегодня же смарт-контракт позиционируется как компьютерная программа, которая выступает важнейшим компонентом технологий или приложений, создаваемых с использованием систем блокчейна, и которая может быть вообще не связана с договором» [14]. В связи с этим следует различать смарт-контракты в техническом и юридическом понимании. В юридическом смысле смарт-контракт представлен в приведенном выше понимании его как договора. В техническом понимании под умным контрактом понимается автоматически исполняющийся при наступлении предусмотренных в нем условий компьютерный код. При определении смарт-контракта как способа исполнения договора складывается ситуация, при которой «смарт-контракт «накладывается» на традиционный договор, обеспечивая его заключение, исполнение и прекращение» [15, с. 512-513]. Позиции, что смарт-контракт – это не договор, а способ его исполнения, придерживаются многие отечественные исследователи. Так, Камальян В. М. пишет, что смарт-контракт «это программный код, полностью или частично отражающий и автоматически исполняющий заключенный между участниками договор на базе технологии распределенного реестра данных» [16, с. 124]. Подузова Е. Б. отмечает следующее: «...смарт-контракт договором не является... Смарт-контракт представляет собой программный код, посредством которого совершаются операции по обмену и (или) предоставлению материальных благ» [17, с. 202]. Рожкова М. А. также разводит смарт-контракт и договор: «...смарт-контракт надо рассматривать как вполне самостоятельную "цифровую надстройку", которая очевидно связана с договором и является инструментом его заключения, исполнения или прекращения, но не может рассматриваться как собственно сам договор» [14]. В целом, позиция сторонников такой квалификации умного контракта строится на отрицании его как договора, так как это может вызвать множество практических проблем, а также будет противоречить его технической сущности. Предположим, как могут выглядеть договорные отношения сторон при использовании смарт-контракта как способа

исполнения соглашения, например, купли-продажи. Стороны договорились и заключили договор купли-продажи в письменной форме, предусмотрев в нем следующее условие: если покупатель перечислит денежную сумму на счет продавца, то получит от него одну единицу криптовалюты. Для реализации этого условия стороны либо сами, либо при помощи привлеченного специалиста составляют смарт-контракт, который в последствии и исполнит сделку, если покупатель все же перечислит на счет продавца определенную денежную сумму. Здесь важно отметить, что смарт-контракт в данном случае представляет из себя не текст заключенного между сторонами соглашения, а специальную программу в виде компьютерного кода, которая исполняет этот договор. Представляется, что такое использование умного контракта минимизирует практические трудности его применения, так как в таком случае между сторонами заключается традиционный договор, который регулирует отношения между ними, составлен на понятном для них языке и полностью регулируется действующим правом. В названной выше «Концепции цифрового рубля» также приводится пример использования смарт-контракта в договоре поставки [3, с. 19]. Важно обратить внимание на следующее: первым этапом договорных отношений сторон является заключение соглашения о поставке, то есть заключение между сторонами традиционного договора. Второй этап – создание смарт-контракта по договору. То есть в Концепции также разводится традиционный договор и смарт-контракт, что приводит к выводу о том, что последний скорее тяготеет к способу исполнения заключенного договора, а не к самостоятельному договору.

Смарт-контракт как способ обеспечения обязательств. Ефимова Л. Г. и Сизимова О. Б. пишут: «поскольку автоматическое исполнение договора не может быть отменено или изменено, то эта правовая особенность может быть квалифицирована как новый способ обеспечения исполнения обязательств» [18]. Очевидно, что такой вывод основан только на технической сущности смарт-контракта, а именно его самоисполнимости, которая ведет к его

неотменяемости и неизменяемости. Действительно, воля сторон при использовании смарт-контракта имеет место при его заключении, но исполнение производится самой компьютерной программой, что исключает возможность неисполнения договора при достижении предусмотренных в нем условий. Например, представляется возможным предусмотреть условие в договоре примерно следующего содержания: если договор будет заключен, то со счета покупателя автоматически списывается сумма платежа по договору, которая зачисляется на счет продавца, после чего с электронного кошелька продавца списывается определенная сумма криптовалюты, которая зачисляется на электронный кошелек покупателя (пример №1). Думается, что в данном случае смарт-контракт полностью обеспечивает интересы сторон, так как условием исполнения договора является по сути его заключение. Но что если наступление условия, необходимого для исполнения смарт-контракта, будет лежать в сфере воли обязанной стороны? Например, смарт-контрактом будет предусмотрено условие, которые мы приводили выше: если покупатель перечислит денежную сумму на счет продавца, то получит от него одну единицу криптовалюты (пример №2). Предположим, что покупатель не исполнил возложенную на него обязанность, следовательно, смарт-контракт не исполнился, интерес продавца (кредитора) не удовлетворен. В данном случае умный контракт нельзя рассматривать как механизм, обеспечивающий исполнение обязательства. В доктрине под обеспечением обязательств понимается предоставление кредитору дополнительных возможностей по получению долга в виде либо иного (чем имущественная масса должника) источника удовлетворения требований кредитора (поручительство, гарантия), либо в виде предоставления кредитору приоритета при удовлетворении его требований из имущества должника (залог, удержание, а также возможно обеспечительный платеж), либо в виде предоставления приоритета при удовлетворении долга из иной имущественной массы (залог третьего лица) [19, с. 215]. Важно отметить, что обеспечение обязательства способами,

предусмотренными ст. 329 ГК, создает акцессорное обязательство между кредитором и должником, то есть дополнительное обязательство, по общему правилу неразрывно связанное с основным. Таким образом, обеспечительные права носят акцессорный характер [20, с. 922]. Также способы обеспечения обязательств должны стимулировать должника к «точному и неуклонному исполнению обязательства» (стимулирующая функция) и предотвращать или уменьшать размер негативных последствий неисполнения обязательства (защитная функция) [21, с. 481]. Отвечает ли смарт-контракт, если квалифицировать его как способ исполнения обязательства, приведенным выше характеристикам? Думается, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательный. Умный контракт не предоставляет кредитору дополнительных возможностей удовлетворения своих требований и сам по себе не защищает его негативных последствий неисполнения обязательства. Представляется, что и стимулирующей функцией смарт-контракт не обладает, так как стимулирование должника к исполнению обязательства всегда предполагает создание определенных условий, которые сами по себе должны побуждать обязанное лицо исполнить обязательство надлежащим образом. Получается, что способы исполнения обязательства не гарантируют надлежащего исполнения обязательства должником, а только минимизируют возможность его неисполнения, то есть за должником остается выбор: исполнить или не исполнить обязательство. Этот выбор зависит от воли должника, которую он формирует сам, хоть и под влиянием осознаваемых им последствий нарушения обеспеченного обязательства, которые, в частности, проявляются в негативных имущественных последствиях для должника. Думается, это и есть создаваемые условия для исполнения обязательства. При использовании смарт-контракта ничто не стимулирует должника выполнить условия, необходимые для самоисполнения договора, как минимум, он не будет претерпевать никаких негативных последствий от неисполнения договора, то есть не будут созданы условия, которые должны побудить обязанное лицо исполнить возложенную на

него обязанность (см. пример №2). Ефимова Л. Г. и Сизимова О. Б. квалифицируют смарт-контракт как самостоятельную договорную конструкцию [18], что можно отнести к договору, который имеет свои условия, предмет и т.д. [22]. В таком случае возникает вопрос: смарт-контракт является акцессорным обязательством или основным? Где критерии их разграничения? Гонгало Б. М. отмечает: «...к способам обеспечения обязательств нельзя отнести меры: не создающие акцессорного обязательства...» [23, с. 23]. Следует согласиться с мнением Гринь О. С, который пишет, что смарт-контракт не порождает самостоятельного обязательства и что квалификация его как способа обеспечения обязательства вызовет трудности применения статьи 329 ГК [11, с. 57], в частности, из-за невозможности ответить на поставленные выше вопросы. Получается, если смарт-контракт может обеспечить интересы сторон (см. пример №1), его все равно нельзя отнести к способу обеспечения обязательства, так как он не соответствует вышеприведенным характеристикам способов обеспечения обязательств.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что определение правовой природы смарт-контракта вызывает множество трудностей, которые во многом связаны с его технической сущностью. Полагаем, что в договорных отношениях сторон умный контракт может быть использован как договор, так и как способ исполнения обязательства. Получается, правовая природа смарт-контракта должна определяться исходя из того, как стороны договорились использовать или как используют его в своих отношениях. Следовательно, правовая квалификация смарт-контракта будет зависеть от фактических обстоятельств его применения, но всегда оставаться в рамках либо договора, либо способа исполнения обязательства. Отметим, что одновременно квалифицировать умный контракт двумя перечисленными способами невозможно: смарт-контракт как договор предполагает, что в него заложен механизм автоматического исполнения обязательства, а смарт-контракт как способ исполнения обязательства не соответствует легальной дефиниции

договора, закрепленной в ст. 420 ГК. Таким образом, очевидно, что в доктрине не сложилось единого мнения относительно правовой природы смарт-контракта и что существует необходимость в разработке его единой концепции, которая должна будет помочь в его правовом регулировании на законодательном уровне.

Список литературы:

1. Nick Szabo. Smart contracts. 1994: <https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/L%20Winterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html> (дата обращения: 12.08.2024)
2. "Концепция цифрового рубля" / Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 12.08.2024)
3. Аналитический обзор по теме "смарт-контракты" / Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 12.08.2024)
4. Вашкевич А. М. Смарт-контракты: что, зачем и как. М. : Симплоер, 2018. С. 15, 35.
5. Gideon Greenspan. Beware of the Impossible Smart Contract. Blockchain news. 2016. 12 April. URL: <https://www.the-blockchain.com/2016/04/12/beware-of-the-impossible-smart-contract/> (дата обращения: 12.08.2024)
6. Савельев А.И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. N 3. С. 32 - 60.
7. Смарт-контракт в гражданском праве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Зайнутдинова Елизавета Владимировна; [Место

защиты: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»]. - Новосибирск, 2022. – С. 78.

8. Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. N 12. С. 5 – 7.

9. Проект Федерального закона N 419059-7 "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс

10. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 N 11АП-19145/2022 по делу N А55-7445/2022 // СПС КонсультантПлюс

11. Гринь, О. С. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О. С. Гринь, Е. С. Гринь, А. В. Соловьев // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 8(153). – С. 51-62.

12. Ефимова Л.Г., Михеева И.В., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.

13. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 286–288.

14. Рожкова М.А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора// Журнал Суда по интеллектуальным правам. Март 2023. Вып. 1 (39). С. 60-72.

15. Guerlin G. Considérations sur les smart contracts. Droit de la propriété intellectuelle et dunumérique, 2017, no 10, pp. 512-513.

16. Правовые особенности заключения и исполнения банковских договоров в цифровой экономике : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Камалян Владислав Михайлович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»]. - Москва, 2021. – С. 124.

17. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. – Москва: Проспект, 2023. – С. 202.
18. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. N 1. С. 23 – 30. // СПС КонсультантПлюс
19. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – С. 215.
20. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2020. — С. 922.
21. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – С. 481.
22. Сулейменов М.К. Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32801264 (дата обращения: 12.08.2024)
23. Учение об обеспечении обязательств : вопр. теории и практики / Б. М. Гонгало . – С. 23. // СПС КонсультантПлюс

Осокин Александр Владиславович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Юридический факультет
Россия, Москва
osokin2001@yandex.ru
Osokin Alexander
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Law
Russia, Moscow

ИСКЛЮЧЕНИЕ УЧАСТНИКА КАК СПОСОБ ПРЕКРАЩЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: настоящая статья нацелена на анализ института исключения участника из хозяйственного общества как способа прекращения корпоративных отношений. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены основания прекращения прав участия в хозяйственном обществе, к числу которых относятся добровольные и принудительные основания. Исключение участника из корпорации – классический пример принудительного прекращения прав участия в хозяйственном обществе. Автор приходит к выводу, что исключение участника из хозяйственного общества – способ защиты прав участников корпорации и самой корпорации.

Ключевые слова: корпоративное право, исключение участника из общества, хозяйственное общество, корпорация, права участия.

EXCLUSION OF A PARTICIPANT AS A FORM OF CORPORATE RELATIONS TERMINATION

Annotation: this article is aimed at analyzing the institute of exclusion of a participant from a business company as a method of termination of corporate

relations. This article will consider the grounds for termination of participation rights in a business entity, which include voluntary and compulsory grounds. Exclusion of a participant from a corporation is a classic example of forced termination of participation rights in a business entity. The author concludes that the exclusion of a participant from a business entity is a way to protect the rights of the participants of the corporation and the corporation itself.

Key words: corporate law, exclusion of a participant from a company, business company, corporation, participation rights.

Несмотря на высококонфликтный характер корпоративных отношений и корпоративного права как такового, именно от персонального состава и характера их деятельности зависит не только благосостояние конкретного хозяйственного общества, но и степень его участия в гражданском обороте, поскольку при возможности минимизации корпоративных конфликтов будет существовать реальная возможность реализации корпоративных прав. При невозможности добросовестного осуществления корпоративных прав, которое бы отвечало интересам хозяйственного общества и его участников, участник, злоупотребляющий своими корпоративными правами, а также действующий против интересов хозяйственного общества, может быть исключен.

Сама по себе возможность исключения участника из хозяйственного общества мыслится в качестве экстраординарной меры воздействия на персональный состав хозяйственного общества, которая имеет и должно иметь ограниченную сферу применения. В частности, отечественный правопорядок характеризуется крайне свободным в отношении возможности исключения участников из хозяйственного общества, поскольку допускает такое исключение в отношении широкого круга коммерческих корпораций. При этом зарубежные правопорядки на законодательном уровне либо ограничивают возможность такого исключения (Австрия, Германия, Франция), либо допускают возможность исключения участников товарищества или

кооператива (Великобритания, Нью-Йорк). Как отмечает Е.А. Суханов, повсеместно устанавливается возможность исключения участника из кооператива при наличии «важного основания» (что обычно недопустимо в хозяйственных обществах и товариществах) [1, с. 92].

Для англо-американского корпоративного права характерен подход, связанный с существованием *exit rights*, которые действуют лишь в отношении исключения участника, но не похожи на отечественный институт исключения участника из хозяйственного общества. *Exit strategy* в англо-американском праве представлена двумя правомочиями: (i) правом на изъятие участником стоимости своих вложений в корпорацию, а также (ii) право на продажу акций, характерное для публичных корпораций [2, с. 34].

В целом, проблема исключения участника из хозяйственного общества может быть рассмотрена с точки зрения т.н. агентской проблемы, которая, однако, рассматривает субъектный состав корпорации шире, включая в него не только участников корпорации, но и органы управления совместно с третьими лицами (например, кредиторами общества) [3, с. 1-5]. При этом в отечественном праве исключение участника из общества является преимущественно догматической категорией, которая касается квалификации такого исключения либо в качестве меры гражданско-правовой (корпоративной) ответственности, либо в качестве способа изменения договора, если исходить из договорной теории образования юридического лица. В зависимости от избранной модели будут зависеть правовые последствия такого исключения для общества, участника и иных лиц.

Система оснований прекращения участия в хозяйственном обществе может быть сведена к двум основаниям – добровольному и принудительному прекращению прав участия участника корпорации. Под добровольным прекращением прав участия в хозяйственном обществе понимаются действия участника хозяйственного общества, направленные на выход из состава хозяйственного общества путем продажи долей (акций) такого хозяйственного

общества, а также бездействие участника хозяйственного общества, в результате которого происходит прекращение прав участия в хозяйственном обществе. Кроме того, неоплата долей (акций) в установленный срок также может рассматриваться как добровольное основание прекращения прав участия на том основании, что участник путем бездействия изъявил волю на прекращение участия. Иначе говоря, для целей добровольных оснований прекращения участия в хозяйственном обществе необходимо волеизъявление участника.

В случае с принудительными основаниями прекращения прав участия в хозяйственном обществе классическим примером является исключение участника из хозяйственного общества, которое мыслится в качестве основания, существующего вне воли участника хозяйственного общества, поскольку вменяется участнику со стороны других участников, то есть помимо его воли; кроме того, к числу принудительных оснований прекращения прав участия в хозяйственном обществе допустимо относить ликвидацию хозяйственного общества. Как отмечает Д.В. Ломакин, в результате исключения участника из общества в отношении него как раз и происходит прекращение правоотношений участия (членства) [3, с. 432]. Иначе говоря, именно исключение участника из хозяйственного общества должно рассматриваться в качестве принудительного основания прекращения прав участия.

Следуя выделенному нами волевому критерию, существует любопытное основание прекращения прав участия в хозяйственном обществе, которое не может быть однозначно включено ни в одну из вышперечисленной классификации в силу особенностей ее природы. Банкротство физического лица – участника непубличной корпорации может рассматриваться одновременно как принудительное и добровольное основание прекращения прав участия, поскольку в соответствии с законодательством о банкротстве должник-гражданин в некоторых случаях обязан обратиться с заявлением при

наличии признаков банкротства. При этом, по мнению Т. Абдулкадирова, признание участника-физического лица банкротом и завершение в отношении него процедуры реализации имущества следует признать принудительным основанием прекращения участия лица в хозяйственном обществе, хотя оно и не связано с исковыми требованиями об исключении лица из хозяйственного общества [4, с. 134-135].

При этом дискуссионность данного вопроса на данный момент не поднимается в науке и судебной практике, хотя из толкования положений законодательства о банкротстве следует, что устанавливается пятилетний запрет на участие в управлении юридическим лицом. Представленное положение может быть истолковано как основание для исключения физического лица из состава хозяйственного общества, хоть и помимо воли такого лица, но по его инициативе, если он был признан несостоятельным (банкротом) по собственному заявлению.

Избранный нами волевой критерий эффективно функционирует в контексте реализации способов защиты корпоративных прав, предусмотренных действующим законодательством. В частности, управомоченное лицо (участник, утративший помимо своей воли права участия в хозяйственном обществе) вправе требовать справедливой компенсации, а также возмещения убытков; при этом лицо утрачивает право на реализацию данного средства правовой защиты, если прекращение прав участия было добровольным, то есть связанным с продажей долей (акций) либо выходом из общества. Иначе говоря, дихотомия оснований прекращения прав участия на добровольные и принудительные является на данный момент общепризнанной [5, с. 176].

Переход права собственности на доли (акции) является классическим примером добровольного прекращения прав участия в непубличной корпорации. при этом существуют особенности регулирования такого перехода в отношении долей общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), поскольку там, по общему правилу, действует преимущественное право

покупки таких долей. При этом, по мнению И.С. Чупрунова, отечественная модель преимущественного права приобретения долей основана на транслативной теории, объясняющей механизм реализации преимущественного права покупки доли (акций) через «перевод прав», что является крайне противоречивым решением с точки зрения средств правовой защиты правообладателя и грантора [6, с. 12]. Данный аспект существенным образом влияет на добровольное прекращение прав участия, поскольку лишает сторон договорного иска, а также не описывает правовые возможности сторон, включая механизм реализации преимущественного права на заранее согласованных условиях. Кроме того, характеристикой преимущественных прав является возможность их создания в договорном порядке, в отличие от всех иных способов прекращения участия, предусмотренных в силу закона. Поэтому механизм добровольного прекращения прав участия характеризуется определенными недостатками, связанными с переходом долей (акций).

Выход из ООО также рассматривается в качестве добровольного основания прекращения участия в хозяйственном обществе, хотя функциональное значение данного института было существенным образом сокращено после реформы корпоративного законодательства, которая исключила общее правило о возможности выхода участника из общества. По мнению С.Ю. Филипповой и Н.В. Козловой, политико-правовой смысл такого ограничения со стороны законодателя был связан с тем, чтобы не допустить появления бесхозных долей в уставном капитале [7, с. 514]. Кроме того, А.В. Гурьянов отмечает, что право на выход участника из общества обусловлено сохранением существа обществ с одним участником [8, с. 36-41]. В данном случае ограничение сферы действия данного правила направлено на обеспечение стабильности персонального состава ООО, поскольку в отношении непубличного акционерного общества (далее – нПАО) таких ограничений не предусмотрено. Допустимость выхода единственного участника из общества приведет к прекращению деятельности ООО.

Обращаясь к принудительному основанию прекращения прав участия в хозяйственном обществе, отметим, что данное основание базируется исключительно на положениях корпоративного законодательства и не может быть создано сторонами по их усмотрению. Как отмечает А.А. Кузнецов, стороны, несмотря на отсутствие в законе указания на то, что соответствующие правила являются императивными, не вправе менять их уставом, приводя в пример невозможность исключения участника публичного акционерного общества (далее – ПАО) [9, с. 41]. Вероятно, подобное правило связано с тем, что исключение участника из хозяйственного общества представляет собой крайне жесткий метод реагирования на корпоративный конфликт, возникающий в ходе корпоративных отношений. Иначе говоря, когда вредоносная деятельность участника непубличной корпорации не может быть предотвращена иным способом, отличным от лишения нарушителя участия в управлении обществом, используются механизмы исключения участника из хозяйственного общества.

По справедливому замечанию С.Ю. Филипповой, исключение участника из общества вызывает в качестве правового эффекта прекращение правоотношения, возникающего между ООО и его участником [7, с. 197]. При этом такой правовой эффект возможен лишь в ситуации наличия лично-доверительных отношений, присущих для непубличных, или закрытых, корпораций, поскольку использование такого механизма в публичных корпорациях утрачивает смысл по причине повышенной ликвидности акций ПАО. Именно непубличный статус корпораций, который характерен не только для ООО, но и для нПАО [10, с. 7-24], обуславливает возможность исключения участника как специфического способа защиты корпоративных прав. При этом сам по себе вопрос о возможности исключения акционера нПАО является дискуссионным в науке корпоративного права [11, с. 332].

С точки зрения отечественного корпоративного права, исключение участника из хозяйственного общества ограничивается рядом условий, которые

предотвращают участников непубличной корпорации от злоупотреблений данным инструментом. Во-первых, данная процедура является судебной, то есть только суд может изменить персональный состав хозяйственного общества в принудительном порядке. Судебный контроль обеспечит баланс участников непубличной корпорации, а также повысит защищенность их прав и законных интересов. Как справедливо отмечает Д.И. Степанов, судебный активизм – это не только неотъемлемая часть свободы договора, но также механизм, позволяющий соблюдать довольно гибкий баланс интересов сторон договора и предотвращать оппортунистическое поведение одной из сторон в будущем [12, с. 122]. При этом вовлечение суда в процедуру может создать ряд проблем процессуально-правового характера, связанных с исполнением судебного акта об исключении участника корпорации, а также выплате действительной стоимости доли.

Во-вторых, требовать исключения участника могут лишь другие участники, обладающие не менее 10% долей в уставном капитале. С одной стороны, в данном случае предотвращаются перспективы миноритарного активизма. При этом не всякий миноритарный активизм является неправомерным, следовательно, необходимо разделять позитивные и негативные проявления миноритарного активизма. Д.О. Бирюков проводит разграничение между миноритарным активизмом и гринмейлом (способ корпоративного шантажа со стороны миноритария, при котором он скупает акции компании с целью их продажи по завышенной стоимости) [13, с. 14]. Среди целей гринмейла автор называет: (1) понуждение общества или мажоритарного акционера к выкупу долей по завышенной стоимости; (2) понуждение к смене менеджмента корпорации, борьбу за места в составе органов управления; (3) воздержание общества от совершения определенных корпоративных действий (изменения уставного капитала, дополнительной эмиссии, совершения сделки, реорганизации и т.п.).

Здоровый миноритарный активизм (заинтересованность в деятельности общества, активное участие в общих делах корпорации) можно отличить от корпоративного шантажа и по признаку несоразмерности требований акционера-гринмейлера. Преимущества, которые желает получить гринмейлер, обычно гораздо более весомы, нежели результат, на который участник мог бы претендовать при добросовестном поведении в нормальных условиях гражданского оборота. Злоупотребление миноритарием правом на участие в управлении может выражаться и в неоднократном предъявлении одних и тех же требований (например, о созыве общего собрания участников [14]), либо предъявлении взаимоисключающих требований (например, требования о внесении вопроса в повестку дня собрания о прекращении полномочий членов совета директоров, чьи кандидатуры должны быть избраны на том же собрании) [15, с. 153]. В конечном итоге, такие требования должны наносить вред деятельности общества, а также препятствовать его нормальному функционированию.

С другой стороны, буквальное толкование положений корпоративного законодательства позволяет прийти к выводу, что данный способ защиты корпоративных прав присущ исключительно участникам корпорации, но не самой корпорации, что является крайне противоречивым решением нашего законодателя. По мнению А.В. Терентьева, наделение корпорации правом на предъявление иска в арбитражный суд будет способствовать усилению защиты корпорации от недобросовестных участников, которые своими действиями (бездействием) причиняют вред корпорации [16, с. 49-54].

По мнению О.В. Гутникова, возможна модель, когда иск в суд подает само юридическое лицо на основании решения общего собрания, хотя лишать самих участников возможности подавать косвенный иск в интересах юридического лица нельзя – в ситуации острого корпоративного конфликта может оказаться, что иск от имени общества подавать просто некому, поскольку все органы общества одновременно являются конфликтующими

сторонами [17, с. 369]. По нашему мнению, целесообразно предоставить опциональную возможность исключения участника из хозяйственного общества как по требованию другого участника, так и по требованию самого общества. Следовательно, для обеспечения полноценного функционирования данного способа защиты необходимо дополнить действующее корпоративное законодательство указанием на возможность исключения участника не только по требованию участников ООО, но и по требованию самого общества.

В-третьих, основанием для исключения участника из ООО является (i) грубое нарушение своих обязанностей либо (ii) невозможность деятельности общества или ее существенное затруднение в связи с действиями (бездействием) участника. При этом общие основания, предусмотренные законом, являются крайне общими, в связи с тем, что определить конкретные основания для исключения участника не представляется возможным, и в отношении исключения участника должна присутствовать широкая степень судебной дискреции. Основания исключения участника детализируются в доктрине, в частности, по мнению А.А. Кузнецова, целесообразно выделить следующие основания для исключения участника: (i) причинение вреда обществу, (ii) причинение вреда другим участникам общества, (iii) особенности личности участника (болезнь, преклонный возраст и т.п.), (iv) конкуренция участника с обществом, (v) уклонение от голосования или голосование с целью причинения вреда обществу, (vi) причинение вреда обществу путем обращения в государственные органы с жалобами на действия общества, (vii) невнесение вклада в имущество или уставный капитал [18, с. 81-110].

А.А. Кузнецов также предлагает возможность установления дополнительных оснований исключений участника из общества, поскольку, несмотря на императивный характер действующей нормы ст. 10 Закона об ООО, грубое нарушение обязанностей участника исходит из того, что участниками корпоративных отношений могут быть установлены дополнительные обязанности [18, с. 111]. На наш взгляд, не следует разделять

идею А.А. Кузнецова о диспозитивном характере положений корпоративного законодательства, поскольку сам по себе данный механизм предполагает (i) судебный контроль, а также (ii) не предполагает диспозитивности. Кроме того, возможность признания данного механизма диспозитивным может грубо нарушить баланс интересов сторон, поскольку нарушит правовую определенность деятельности участников, а также существенно сузит пределы осуществления корпоративных прав, поскольку вплоть до рассмотрения дела судом не будет определена сфера правомерной активности участника, в том числе для целей участия в корпоративном конфликте.

Крайне важным является вопрос о правовой природе исключения участника из непубличной корпорации, поскольку ответ на него зависит от того, каким образом квалифицировать корпоративные отношения – как отношения *suī generis* либо как обязательственных отношений. В зависимости от посылки строится умозаключение, которое сводится к квалификации исключения участника из общества как особого вида корпоративной ответственности (подход О.В. Гутникова), либо как способа расторжения договора в связи с его нарушением (подход А.А. Кузнецова). Иначе говоря, исключение участника из общества представляет собой либо способ разрешения корпоративного конфликта, либо санкцию за существенное препятствование деятельности общества. Кроме того, постановка такого вопроса важна в контексте определения направленности исключения участника из непубличной корпорации – на предотвращение корпоративного конфликта или на разрешение дедлока.

Таким образом, основания прекращения участия в хозяйственном обществе на основе волевого критерия могут подразделяться на добровольные, то есть зависящие от воли участника, и принудительные, то есть не зависящие от воли участника. При этом состав банкротства физического лица является крайне проблемной ситуацией, поскольку оно не соответствует волевому критерию, хотя и является крайне редким случаем.

Добровольные основания прекращения прав участия представлены двумя основаниями – переходом долей (акций) и выходом из общества. Необходимо отметить, что добровольные основания прекращения прав участия являются более диспозитивными в сравнении с исключением участника из хозяйственного общества, которое по своему характеру является императивной процедурой. Допускаются лишь отдельные уточнения данного механизма при общей императивной направленности данного института.

На наш взгляд, модель исключения участника из непубличных корпораций в России создана с рядом недостатков, среди которых (i) невозможность обращения самого общества с требованием об исключении участника из состава общества, (ii) проблемы процессуально-правового характера реализации данного механизма, а также (iii) возможность исключения акционера нПАО нуждается в доработке по ряду политико-правовых и экономических соображений в части обеспечения стабильности персонального состава и функционирования корпорации [5].

Исключение участника из хозяйственного общества обладает двоякой ролью: с одной стороны, оно представляет собой способ защиты прав самого общества и обеспечения его полноценного функционирования. С другой стороны, исключение участника из корпорации в действующей конфигурации является способом защиты прав участник корпорации, по требованию которого происходит такое исключение. С нашей точки зрения, исключение участника из общества вряд ли может рассматриваться как способ защиты прав самого общества, поскольку хозяйственное общество не имеет своих интересов, а лишь является воплощением совокупности волей, проистекающих от участников такой непубличной корпорации.

Крайне справедливой является позиция Д.И. Степанова в отношении воли и интересов юридического лица в контексте исключения участника из общества. Он отмечает, что в исключении участника заинтересованы другие участники, которые не желают видеть исключаемого участника в своих рядах,

следовательно, решение об исключении участника юридического лица со ссылкой на интересы юридического лица – уловка юридической техники, которая прикрывает реальные интересы [19, с. 36]. Действительно, существующая конфигурация механизма исключения участника из ООО как раз-таки исходит из того, что оно является механизмом урегулирования внутренних отношений – корпоративного конфликта. В таком случае интерес может быть только у конкретного участника или участников, хотя, с догматической точки зрения, целесообразнее исходить из того, что решение об исключении должно приниматься либо на общем собрании участников, либо по инициативе самого общества.

По содержанию формируемой участниками воли (интересов) выделяются гражданско-правовые сообщества, формирующие (i) только общую волю участников, а также (ii) общую волю участников, которая является волей юридического лица [20, с. 61-71]. Так, проблема формирования воли юридического лица актуализируется при множественности на стороне органа, принимающего решение. Кроме того, при привлечении к гражданско-правовой ответственности также актуализируется исследование процесса формирования воли юридического лица, поскольку необходимо определить круг потенциальных ответчиков, способствовавших принятию вредоносного для юридического лица решения.

В частности, А.А. Кузнецов, ссылаясь на швейцарский опыт, отмечает, что к числу лиц, принявших решение о реорганизации юридического лица, относятся не только официальные должностные лица, но и фактическое руководители, которые оказали на формирование воли юридического лица то же влияние, как и его органы, и любые третьи лица, вовлеченные в реорганизацию юридического лица [21, с. 68-81]. Таким образом, обратной стороной реального формирования воли юридического лица является возможность привлечение реально заинтересованных в принятии убыточного решения лиц, которые будут привлечены к гражданско-правовой

ответственности солидарно с юридическим лицом или субсидиарно, при невозможности удовлетворения имущественных требований кредиторов со стороны юридического лица.

Англо-американское право решает проблему формирования воли юридического лица посредством вышеописанной агентской проблемы, которая строится вокруг конфликта интересов между различными группами участников корпоративных отношений при принятии агентом экономического решения в отношении имущества принципала [3, с. 110-118]. Дисбаланс интересов обуславливает тесное взаимодействие между агентом и принципалом, хотя это обстоятельство осложняется в публичных корпорациях, где автономия воли при принятии решения должна ограничиваться в связи с наличием множественности акционеров. Текущая конфигурация механизма исключения участника из непубличной корпорации является по преимуществу императивной, поскольку она не может быть ограничена или отменена диспозитивным решением сторон. При этом данные положения могут быть уточнены или дополнены самими сторонами в уставе или корпоративном договоре.

Предотвращение и разрешение тупиковой ситуации, прежде всего, должно предусматриваться именно на уровне корпоративного договора. Роль корпоративного договора здесь состоит в (1) детальной регламентации порядка управления обществом и (2) формулировании оснований использования предусмотренных законом инструментов по выходу из корпоративного конфликта (выкуп доли одного из участников другим, исключение участника из непубличной корпорации, ликвидация юридического лица по требованию участника корпорации и др.). При этом максимально эффективным в предотвращении и разрешении споров корпоративный договор будет при вовлечении в него всех участников хозяйственного общества «в силу распространения внутреннего корпоративно-правового эффекта только на

стороны корпоративного договора в их отношениях друг с другом и обществом» [22, с. 62-115].

Прежде всего, стороны могут предусмотреть следующие механизмы, предусмотренные действующим российским законодательством: (1) ликвидацию юридического лица по иску участника в случае невозможности достижения целей, ради которых было создано юридическое лицо; (2) право участников непубличных обществ требовать исключения участников, если те существенно затрудняют деятельность общества и достижение целей создания; (3) выкуп или продажу доли в уставном капитале общества одним участником у другого [23]; (4) реорганизацию общества; (5) добровольную ликвидацию общества (в случае возникновения тупиковой ситуации участники общества обязуются проголосовать на общем собрании за реорганизацию либо ликвидацию общества) [24].

Как отмечает Д.И. Степанов, механизм исключения участника из общества является непригодным для того, чтобы разрешать дедлоки корпорации в ситуациях, когда (i) есть изначально выговоренное равенство голосов участников, (ii) каждый участник, вовлеченный в корпоративный конфликт, так или иначе способствовал его эскалации, а также (iii) стороны не могут прийти к соглашению, в том числе путем выкупа доли друг друга во внесудебном порядке. Действительно, исключение участника из корпорации не может претендовать на универсальность, следовательно, обладает вспомогательным, субсидиарным характером по отношению к иным средствам защиты прав участников корпорации.

Помимо исключения участника из корпорации, существует такой специфический континентально-правовой способ защиты как ликвидация корпорации по иску участника или учредителя. Как отмечает Р. Платонова, ликвидация юридического лица при корпоративном конфликте может применяться лишь при невозможности применения иных мер для исчерпания корпоративного конфликта и продолжения деятельности юридического лица

или при исчерпании всех возможных мер [25, с. 251]. Иначе говоря, корпоративные способы защиты прав исходит из определенной градации по строгости своих последствий для функционирования корпораций, когда исключение участника из общества не является самым существенным способом разрешения корпоративного конфликта, а предлагает возможность исключить наиболее конфликтного участника во избежание усугубления конфликта и препятствования дальнейшему функционированию хозяйственного общества.

Действующее арбитражное процессуальное законодательство исходит из того, что споры об исключении участника из корпорации являются неарбитрабельными, следовательно, в их отношении недопустимо заключение арбитражной оговорки. Важно отметить, что отсутствие единого критерия выделения неарбитрабельных споров не позволяет однозначно объяснить признание неарбитрабельными споров о созыве общего собрания участников юридического лица и споров, связанных с исключением участников юридических лиц. Причины неарбитрабельности таких споров не раскрыты законодателем и активно обсуждаются в юридическом сообществе [26, с. 119-128]. С нашей точки зрения, подобное законодательное решение связано с моделью исключения участника из корпорации, которая в отечественном праве преимущественно императивна, в отличие от зарубежных правовых порядков, которые допускают проявления автономии воли в контексте таких механизмов разрешения корпоративных конфликтов.

Право на исключение участника из непубличной корпорации мыслимо рассматривать в качестве организационно-управленческих корпоративных прав, которые опосредуют неимущественное участие в деятельности корпорации и служат гарантией соблюдения имущественных прав. Перечень прав участников хозяйственных обществ начинается именно с неимущественных прав и включает в себя право на участие в управлении делами корпорации, право на информацию, право на контроль за финансово-

хозяйственной деятельностью корпорации. Отметим, что данный перечень является открытым.

Помимо прочего, запрет на злоупотребление правом при исключении участника из корпорации связан с рядом ограничений, который налагается на заявителя. Для того, чтобы обратиться с требованием об исключении участника из непубличной корпорации необходимо (i) отсутствие оснований для исключения заявителя по делу об исключении участника корпорации (иначе говоря, чтобы «руки заявителя были чисты») [27], (ii) наличие реального влияния участника на деятельность общества, а не формального наличия прав участия в корпорации [28], (iii) наличие заведомо неправомерной позиции одного из участников общества, хотя и при наличии критического недоверия между ними (в ином случае суд не будет исключать участника) [29]. Таким образом, условия для исключения участника из непубличной корпорации формируются судебной практикой вокруг разрешения корпоративных конфликтов, хотя исключение участника из общества не является наиболее оптимальным механизмом разрешения корпоративного конфликта.

Следовательно, исключение участника непубличной корпорации как корпоративное средство защиты направлено, прежде всего, на защиту прав участников корпорации, хотя в конечном итоге она обеспечивает долгосрочную устойчивость хозяйственного общества. Кроме того, оно направлено на предотвращение корпоративных конфликтов и разрешения дедлоков при функционировании непубличной корпорации, когда право на свободный выход существенным образом ограничено. Необходимо отметить, что данное средство правовой защиты активно применяется в связи с широким перечнем оснований, среди которых именуют злоупотребление корпоративными правами, а также вредоносную для общества деятельность.

Список литературы:

1. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. 456 с.
2. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М.: Статут, 2008. 509 с.
3. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Analyses. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. 281 p.
4. Абдулкадиров Т. Принудительное исключение участника из непубличной корпорации. Монография. – М.: Юстицинформ, 2021. 164 с.
5. Гутников О.В. Исключение миноритарного участника из общества с ограниченной ответственностью в связи с утратой доверия как обстоятельством, существенном затрудняющим продолжение деятельности общества // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / О.А. Беляева, В.Г. Богдан, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: Инфотропик Медиа, 2023. Вып. 29.
6. Чупрунов И.С. Преимущественное право покупки доли (акции). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2022. 303 с.
7. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. Т. 1 / под ред. И.С. Шиткиной. – М.: Статут, 2021. 622 с.
8. Гурьянов А.В. Преодоление запрета на существование хозяйственных обществ, единственным участником которых является другое общество «одного лица» // Право и экономика. 2022. № 5.
9. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве. – М.: Статут, 2017. 161 с.
10. Суханов Е.А. Американские корпорации в российском праве (о новой редакции гл. 4 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 5.
11. Шайдуллин А.И. Принудительное исключение акционера из общества: действующее регулирование и его перспективы // Российский

акционерный закон: сборник статей к 25-летию юбилею принятия / отв. ред. А.А. Кузнецов. М.: Статут, 2021.

12. Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 9.

13. Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / Вступ. сл. И.С. Шиткиной. – Москва: Статут, 2020. 300 с.

14. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 <Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации> // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

15. Смирнова Я.А. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2020. 246 с.

16. Терентьев А.В. О правах корпорации как участника корпоративных отношений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 4.

17. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. Монография. – М., 2019. 487 с.

18. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. – М.: Статут, 2014. 141 с.

19. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1.

20. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10.

21. Кузнецов А.А. Взыскание убытков при реорганизации хозяйственных обществ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 8.

22. Степанов Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 10.

23. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 февраля 2017 г. № Ф01-6005/2016 по делу № А11-9506/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.06.2016 № Ф04-2554/2016 по делу № А45-12277/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Платонова Р. Исключение мажоритарного участника из общества // Цивилистика. 2020. № 5.

26. Любимова Е.Е. Арбитрабельность корпоративных споров в свете принятия Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Арбитражные споры. 2017. № 1.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 8, август 2015.

28. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

29. Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2014 № 306-ЭС14-14 по делу № А06-2044/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Полякова Анастасия Сергеевна
Северо-Кавказский Федеральный Университет
Юридический факультет
Россия, Ставрополь
polyakova_lawyer@mail.ru
Polyakova Anastasia
North Caucasus Federal University
Faculty of Law
Russia, Stavropol

**КРЕДИТНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ДОГОВОРЫ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ
ПОСРЕДСТВОМ МОШЕННИЧЕСКИХ СХЕМ: ПРОБЛЕМАТИКА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНОЙ СТОРОНЫ
СДЕЛКИ**

Аннотация: в настоящей научной работе автором исследуются действующие отечественные гражданско-правовые механизмы, направленные на формирование безопасности в сфере кредитования граждан. В заключении констатируется необходимость совершенствования юридической техники регламентации наиболее злободневных аспектов функционирования описанных механизмов с целью недопущения привлечения кредитной организации к деликтной ответственности перед физическим лицом за неосмотрительное осуществление перевода денежных средств.

Ключевые слова: кредитный договор, мошенничество, ничтожность сделки, способы защиты гражданских прав, волеизъявление.

**CONSUMER CREDIT CONTRACTS CONCLUDED THROUGH
FRAUDULENT REMOTE SCHEMES: PROBLEMS OF THE**

FUNCTIONING OF CIVIL MECHANISMS AIMED AT PROTECTING THE RIGHTS OF THE BONTH PARTY TO THE TRANSACTION

Annotation: in this scientific work, the author examines the current domestic civil law mechanisms aimed at creating security in the sphere of lending to individuals. In conclusion, the need to improve the legal technique of regulating the most pressing aspects of the functioning of the described mechanisms is stated in order to prevent a credit institution from being held liable for tort to an individual for the imprudent transfer of funds.

Key words: loan agreement, fraud, nullity of the transaction, methods of protecting civil rights, expression of will.

На современном этапе развития гражданского оборота в целом и банковской системы в частности особо негативную роль занимают лица, осуществляющие мошенническую деятельность в сфере кредитования граждан. Посредством разнообразных схем, зачастую используя телефонные переговоры, убеждая людей в предоставлении необходимых сведений, мошенники оформляют кредитные договоры на них, а впоследствии переводя полученные кредитные денежные средства на себе счет.

Таким способом, гражданин, de-jure оформивший на себя долговое обязательство, лишен права владения и пользования денежными средствами, очевидно, что при таких обстоятельствах нарушается синаллагматическая сущность обязательства, в связи с чем последнее теряет свою сущность как правового связующего элемента возникновения гражданско-правовых отношений.

После оформления кредитных обязательств на гражданина увеличивается долговая нагрузка, вносятся сведения в его кредитные истории, начинаются звонки коллекторских организаций, тем самым существенно подрывается стабильное эмоциональное и материальное положение потерпевшего лица.

Особенности правового положения потребителей определяются тем, что эти лица находятся в экономическом, профессиональном и правовом неравенстве по сравнению с другими участниками оборота, - граждане, как правило, не обладают необходимыми знаниями, умениями, навыками и образованием для ясного понимания условий контракта и положений законодательства, кроме того, их финансовая сфера настолько ограничена, что большинство из них не могут позволить себе полноценную юридическую помощь или профессиональные консультации по экономическим вопросам. В связи с этим для обеспечения равенства в гражданско-правовых, в том числе банковских, правоотношениях требуется соблюдение конституционного принципа соразмерности, в силу которого гражданин как экономически слабая сторона в этих правоотношениях нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, то есть для банков [1, с. 87].

По факту заявления последнего возбуждается уголовное дело по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), однако в дальнейшем предварительное следствие приостанавливается ввиду невозможности установления конкретных лиц. По статистике Банка России, в I квартале 2024 года злоумышленникам удалось похитить у граждан 4,3 млрд руб.

Ввиду вышеизложенного государство в лице законодателя, а также судебных органов предпринимает различные шаги по разработке различного рода гарантий и системы соответствующих гарантий для граждан. Ввиду того, что большая часть подобных уголовных дел приостанавливаются, а впоследствии прекращаются в связи с невозможностью установления виновных лиц, оптимальным способом выработки гарантий по обеспечению защищенности граждан является развитие цивилистических механизмов, с помощью которых гражданин вправе восстановить нарушенные права.

Одним из возможных способов избавления от кредитной нагрузки выступает процедура банкротства (несостоятельности) физического лица, в рамках которого гражданин признает и не оспаривает образовавшуюся на нем задолженность. Так, Решением Арбитражного суда Ставропольского края от 05.02.2024 по делу № А63-21599/2023 был признан банкротом (несостоятельным) должник, чьи кредитные обязательства возникли вследствие умышленных противоправных действий не установленных следствием лиц, которые ввели в заблуждение относительно своих истинных намерений. В мотивировочной части решения суда указано, что должник имеет процессуальный статус «Потерпевшей» по уголовному делу № 12301070069020628, возбужденному Отделом № 2 СУ Управления МВД России по городу Ставрополю по факту мошенничества (ч. 3 ст. 159 УК РФ) [2]. Определением суда от 06.08.2024 по делу № А63-21599/2023 процедура была завершена, долговые обязательства подлежали списанию, однако в силу прямого указания закона ввиду введения процедуры реализации имущества лицо на себя приняло все негативные последствия в виде различных экономических ограничений. Более того, иницируя подобную процедуру, должник несет риски реализации имеющегося у него движимого имущества, оспаривания сделок и формирования конкурсной массы из дохода, превышающего прожиточный минимум на себя и иждивенцев. В связи с этим, представляется, что этот способ избавления от навязанных кредитных обязательств является возможным, однако не всегда оптимально подходящим.

Тем не менее, сам по себе конструкция договора как основы построения синаллагматических кредитных обязательств сторон ввиду отсутствия истинного намерения конкретного субъекта правоотношения предоставляет возможность признания подобного договора ничтожным.

Так, Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в своем Определении от 16.12.2022 по делу № 5-КГ22-127-К2, отменяя решения нижестоящих судебных инстанции, которыми искивые заявления обманутого

мошенниками лица были оставлены без удовлетворения, указал, что выводы суда о заключённости и действительности договора противоречат приведённым выше положениям статьи 153 Гражданского кодекса Российской Федерации о сделке как о волевом действии, направленном на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Кроме того, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2022 г. № 2669-0 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой К.А. обращено внимание на то, что к числу обстоятельств, при которых кредитной организации в случае дистанционного оформления кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует отнести факт подачи заявки на получение клиентом кредита и незамедлительной выдачи банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц).

В заключении мотивировочной части решения суда ВС РФ указал, что банк, являясь коммерческим профессиональным лицом на соответствующем рынке, должен был принять все необходимые меры с точки зрения добросовестности, разумности и осмотрительности при заключении подобного рода договора [3].

Схожую позицию занял ВС РФ в своем Определении от 23.05.2023 по делу №85-КГ23-1-К1, дополнительно отметив, что все действия по заключению кредитного договора и переводу денежных средств в другой банк на неустановленный счет со стороны потребителя совершены одним действием - путем введения четырехзначного цифрового кода, направленного Банком СМС-сообщением, в котором назначение данного кода было указано латинским шрифтом, в нарушение требований пункта 2 статьи 8 Закона о защите прав потребителей о предоставлении информации на русском языке. В нарушение части 2 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации нижестоящими судебными инстанциями также не выяснялось, каким образом в соответствии с Законом о потребительском кредите сторонами

согласовывались индивидуальные условия договора, кем было сформулировано условие о переводе денежных средств в другой банк, а также кем проставлялись в кредитном договоре отметки (V) об ознакомлении потребителя с условиями договора и о согласии с ними, с учетом того, что кроме направления Банком СМС-сообщения латинским шрифтом и введения потребителем четырехзначного СМС-кода, никаких других действий сторон судами не установлено [4].

В целом же вышеуказанный судебный акт полностью консолидируется с фундаментальными положениями отечественного гражданского права, в силу основополагающего принципа обязательственного права - принципа относительности - обязательство не создает обязанностей для лица, в нем не участвующего. Таким образом, именно лицо, совершающее волеизъявление под своим именем, приобретает права и обязанности по сделке.

Это очевидное утверждение кажется настолько простым, что многие не задумываются о его значении, упуская элемент идентификации волеизъявителя как необходимое условие действительности сделки. С практической точки зрения это означает, что в случае спора о личности волеизъявителя суд должен установить, кто именно обязан по сделке. И если будет доказано, что кто-то совершил волеизъявление под именем ответчика, то считать его связанным таким соглашением нельзя [5].

Как отмечено в отечественной цивилистической доктрине, если сделка подписана неустановленным физическим лицом, полномочия которого на подписание сделки невозможно проверить, что вполне отражает такую возможность при оформлении кредитной сделки вышеуказанным образом, то это дает основание для рассмотрения вопроса о возможном нарушении требований, предъявляемых законом к форме сделки [6, с. 146].

Тем не менее, значимым для установления факта добросовестности гражданина-потребителя, на которого был оформлен кредитный договор является факт невнесения платежей с целью демонстрации добросовестности,

поскольку в случае, если гражданин вносит самостоятельно текущий платеж по такому обязательству, банк вправе использовать инструмент эстоппеля с целью защиты уже собственных прав и законных интересов [7, с. 51].

Законодатель, учитывая злободневные общественные требования, принял ряд новелл в Федеральный закон "О национальной платежной системе" № 161-ФЗ, в соответствии с которым был существенно расширен и детализирован перечень обязанностей банковского оператора по принятию мер по установлению наличия волеизъявления конкретного заемщика на получение кредитных денежных средств, например, таких как *ex lege* приостановление операции до двух дней для идентификации плательщика.

Кроме того, еще одним законодательным нововведением, вступающим в силу с марта 2025 года, выступает возможность установления самозапрета на оформление кредитных обязательств, занесенных лицом в собственные кредитные истории. Самозапрет носит дифференцированный подход и может распространяться как на банки и (или) микрофинансовые организации, так и оформленные очно и (или) дистанционно.

Вышеуказанные законодательные и правоприменительные новеллы в комплексном взаимодействии образуют связную конструкцию правовых механизмов, способствующих недопущению нарушению прав и законных интересов граждан, пострадавших от мошеннических схем, накладывая на банковские организации как профессиональных участников рынка дополнительную ответственность. Так, наиболее контрастным выступает сравнительно-правовая характеристика судебной практики, формировавшейся на протяжении последних пяти лет, поскольку формируемая на протяжении нескольких лет практика схожа с полноценным калейдоскопом процессуальных воззрений. Решением Пресненского районного суда 2020 г. Москвы по делу № 02-0471/2020, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, истцу было отказано в удовлетворении его исковых требований к АО «Альфа Банк», ввиду того, что довод истца о том, что в связи нарушением банком

обязательств, предусмотренных п.5.1. ст. 8 ФЗ "О национальной платежной системе", истец понес убытки, суд не может признать состоятельным. Поскольку применение или неприменение Банком мер, предусмотренных п. 5.1 ст. 8 Федерального закона "О национальной платежной системе" не находится в причинно-следственной связи с наступившими у истца убытками [8]. Также было отмечено, что с учетом вышеизложенных обстоятельств при списании денежных средств со счета истца банк исходил из добросовестности и соответствующего поведения истца, ожидаемого от него как владельца банковской карты. Однако по истечении времени практика стала постепенно меняться, уже 2023 ВС РФ в своем Определении от 20.10.2023 по делу № А67-1408/2022 привлек к солидарной гражданско-правовой ответственности банки за перевод не по надлежащим реквизитам организации, ввиду того, что ненадлежащее исполнение поручения плательщика, в том числе путем зачисления денежных средств банком получателя на счет другого лица, влечет солидарную ответственность банка получателя [9]. При этом, исходя из положений пункта 3 статьи 49 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпункта "о" пункта 1 статьи 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», содержащиеся в ЕГРЮЛ сведения об ИНН юридического лица, в отличие от номера его расчетного счета в банке, являются открытыми, общедоступными и могут быть проверены плательщиком, поручающим банку перечислить денежные средства на счет данного юридического лица.

Таким образом, суд сделал заключение о том, что банк, принявший к исполнению платежное поручение о переводе денежных средств юридическому лицу с определенным ИНН, обязан совершить операцию по переводу денежных средств по распоряжению плательщика именно этому юридическому лицу, либо указать плательщику на несоответствие платежного поручения установленным требованиям.

Подводя итог, необходимо отметить, что судьба заключенного кредитного обязательства зависит всецело от добросовестного поведения обеих сторон сделки [9, с. 25]. Как следствие, ввиду того что банки и небанковские кредитные организации выступают профессиональными участниками рынка, законодатель возлагает, первоочередно, ответственность на них при оформлении соответствующих гражданско-правовых отношений с целью соблюдения одного из базисных принципов гражданского права о недопущении извлечения прибыли из собственного недобросовестного поведения.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время разработки действующего законодательства в сфере противодействия мошенничеству в сфере кредитования граждан наиболее остро стоит вопрос о регламентации четких действий банковских операционистов по отслеживанию подозрительных транзакций с целью недопущения реализации противоправной цели мошенников, а также с целью недопущения привлечения кредитной организации к деликтной ответственности перед физическим лицом за неосмотрительное осуществление перевода денежных средств.

Список литературы:

1. Лысова-Бахарева Ю.В. Обеспечение равенства прав заемщиков-потребителей в правоотношениях с кредиторами и заимодавцами: правовое регулирование и судебная практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. N 12. С. 75 – 90.

2. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 05.02.2024 по делу № А63-21599/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d96b4560-441d-4c1c-9ebc-c36e552fd5ee> (дата обращения: 01.10.2024).

3. Определение Верховного суда Российской Федерации от 16.12.2022 № 5-КГ22-127-К2 [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2197940 (дата обращения: 01.10.2024).

4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 23.05.2023 № 85-КГ23-1-К1 [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2250020 (дата обращения: 01.10.2024).

5. Карловский А. Заключение кредитного договора с помощью SMS // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. N 2. С. 60 - 69.

6. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Дефект подписания сделки // Информационно-аналитический журнал "Арбитражные споры". 2016. N 2. С. 145 - 151.

7. Чарина Е.В. Эстоппель как механизм правовой защиты добросовестного лица в практике судов общей юрисдикции // Судья. 2020. N 9. С. 50 - 54.

8. Решение Пресненского районного суда от 13.01.2020 г. Москвы по делу № 02-0471/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/civil/details/a331a9cf-02fe-41cf-982d-93945c2ab458> (дата обращения: 01.10.2024).

9. Определение Верховного суда Российской Федерации от 20.10.2023 № 304-ЭС23-9987 по делу № А67-1408/2022 [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ес.php?id=2298954 (дата обращения: 01.10.2024).

10. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М: М-Логос, 2019. – 1282 с.

Попова Елена Дмитриевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры и заочного обучения
Россия, Саратов
PopovaElena@yandex.ru
Popova Elena
Saratov State Law Academy
Institute of Master's and Distance Learning
Russia, Saratov

СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Аннотация: углубление интеграционных и глобализационных процессов в экономике Российской Федерации, предопределяет расширение использования рыночных инструментов регулирования кредитных отношений. Развитие рынка ипотечного кредитования определено одним из приоритетных направлений деятельности, ведь благодаря ему можно решить ряд проблем, касающихся различных сфер национальной экономики. Ипотечное кредитование играет важную роль в рыночных отношениях в Российской Федерации, поскольку позволяет привлечь сбережения физических лиц к развитию строительного сектора, а, следовательно, к развитию экономики страны.

Ключевые слова: ипотека, кредит, ипотечное кредитование, признаки ипотечного кредитования, ипотекодержатель, ипотекодатель.

ESSENCE AND CONCEPT OF MORTGAGE LENDING

Annotation: deepening of integration and globalization processes in the economy of the Russian Federation predetermines the expansion of the use of market instruments for regulating credit relations. Development of the mortgage lending market is defined as one of the priority areas of activity, because thanks to it it is possible to

solve a number of problems concerning various spheres of the national economy. Mortgage lending plays an important role in market relations in the Russian Federation, since it allows to attract savings of individuals to the development of the construction sector, and consequently, to the development of the country's economy.

Key words: mortgage, loan, mortgage lending, signs of mortgage lending, mortgagee, mortgagor.

Ипотека как вид обеспечения исполнения обязательств известна с давних времен. Ее применение было широко распространено как в странах Западной Европы, так и в Российской империи. Исследуя процесс формирования современного подхода к применению ипотечного кредитования как вида обеспечения обязательств в строительстве, нельзя упускать из виду развитие правоположений, предоставляющих регулирование ипотечным отношениям в целом, не касаясь какого-то определенного предмета ипотеки. Именно они составляют ту основу, на которой всегда базировалось правовое регулирование применения отдельных разновидностей ипотеки, к которым, в частности, относится ипотечное кредитование.

Слово «*hypothèque*» имеет древнегреческое происхождение. Еще в 594 г. до н. э. афинский архонт Солон на смену личной ответственности должника в обязательстве займа ввел имущественную ответственность, которая нашла проявление в том, что в случае невозврата заимствованных средств кредитор получал удовлетворение из определенного имущества должника. Позже такое обременение имущества должника (первоначально это касалось земли) начало накладываться в договорном порядке вместе с заключением договора займа. При наличии соглашения, в соответствии с которым обеспечением возврата займа выступал определенный земельный надел, на таком наделе устанавливался камень с надписью о наличии займа, под который закладывалась земля, суммы займа, а также даты его возврата. Именно он и получил название «*hypothèque*» что в переводе с греческого означает

«подставка», «подпорка». Такой переход от личной к имущественной ответственности был прогрессивным, поскольку предоставлял более действенное средство обеспечения требований кредиторов, которым до этого фактически выступало личное рабство неплатежеспособного должника.

И.П. Воробьев отмечает, что развитие эффективной системы ипотечного кредитования будет способствовать привлечению долгосрочных финансовых ресурсов национальных и зарубежных инвесторов в экономику Российской Федерации; решению проблемы обеспечения жильем населения; активизации рынка недвижимости; развитию фондового рынка и рынков финансовых услуг; стимулированию развития экономики в целом [1, с. 175].

Анализ научных подходов к трактовке сущности категории «ипотека» дает основания утверждать о существовании единого подхода к рассмотрению этой дефиниции.

Понятие «ипотека» толкуется с разных позиций:

- финансового обеспечения – кредит под залог жилой недвижимости, земельных участков и другого недвижимого имущества;
- финансового инструмента – используется в пределах действия финансово-кредитного механизма;
- применение – формы, методы, средства функционирования и использование.

Обобщая аргументацию сторонников вещественно-правового понимания правовой природы ипотеки, можно изложить ее в таких тезисах.

Во-первых, для ипотеки характерно так называемое право следования, ведь возникновение ипотечных правоотношений влечет установление особой правовой связи между залогодателем и вещью. Право ипотеки следует за вещью, которую они обременяют, несмотря на смену владельцев такой вещи. Этот признак характерен для всех вещных прав.

Во-вторых, ипотекодатель становится обладателем абсолютных прав, то есть его право получить удовлетворение своих интересов за счет заставленной

вещи имеет силу не только для ипотекодателя, но и для всех других заинтересованных лиц. Это один из определяющих признаков вещного права.

В-третьих, ипотека, наделяет ипотекодателя преимущественным правом удовлетворения своих требований за счет заложенного имущества перед другими кредиторами должника. Некоторые авторы называют этот признак вещно-правового характера ипотеки правом преимущества. Однако такая приоритетность требований ипотекодателя не является безусловной. В частности, она ограничивается в случае обращения взыскания на предмет ипотеки привилегированных требований.

В современном законодательстве нет конкретного определения этому термину, однако из ст. 334 Гражданского кодекса РФ путем анализа можно выявить, что под ипотекой подразумевается залог недвижимого имущества [2].

Учитывая очерченную трактовку сущности ипотеки, рассмотрим также содержание категории «ипотечное кредитование».

А.А. Волков в своем исследовании пишет: «Ипотечное кредитование – это особая форма кредита, связанная с предоставлением займов под залог недвижимого имущества – земли, производственных или жилых зданий и т.п.» [3, с. 325].

Ипотечное кредитование – система взаимосвязи и взаимообусловленности ее элементов: субъектов – банков кредиторов и заемщиков (основные субъекты), оценщиков недвижимости; агентств по торговле недвижимостью – риелторских фирм; страховых компаний; органов, регулирующих и регистрирующих оборот недвижимого имущества; кредитных агентств, предоставляющих информацию о кредитоспособности клиентов; объектов – залога недвижимого имущества; предметной сферы – видов залоговой недвижимости [3, с. 330].

Как отмечает А.А. Старицина: «Ипотечное кредитование – направление кредитных средств именно на приобретение (строительство, реконструкцию и т.п.) предмета недвижимости с передачей такой недвижимости в обеспечение

этого же кредита, а кредитование под ипотеку – как предоставление кредитных средств на любые другие цели с предоставлением в обеспечение предмета ипотеки» [4, с. 143].

Характерными признаками ипотечного кредитования являются:

1) публичность – это признак, который требует фиксации ипотечного обременения в определенных реестрах. Заинтересованные лица могут получить полную информацию о предмете ипотеки;

2) специальность – установление ипотеки относительно индивидуально определенной вещи;

3) приоритетность – заключается в том, что ранее установленное право ипотекодержателя пользуется преимуществом перед позже установленным правом на ту же вещь и решается по принципу старшинства;

4) обеспечение исполнения обязательства;

5) акцессорность. Ипотека имеет производный (акцессорный) характер (судьба залога связана с судьбой требования) [5, с. 115].

Учитывая сущностное понимание таких понятий, как «ипотека», «ипотечное кредитование», автор предлагает рассматривать понятие «ипотечное кредитование» как единство взаимосвязанных между собой элементов (субъектов ипотечного кредитования), которые взаимодействуют посредством механизма функционирования ипотечных кредитных отношений (ипотечного механизма), основной целью которого является осуществление ипотечного кредитования.

Список литературы:

1. Воробьев И.П. Финансово-правовое регулирование ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации / И.П. Воробьев // Образование и право. – 2023. – №1. – С.175-183.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) //Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32 – Ст. 3301.

3. Волков, А.А. Ипотечное кредитование: сущность, функции и классификация /А.А. Волков // Вестник академии знаний. – 2020. – №3. – С. 324–334.

4. Старицина А.А. Понятие ипотечного жилищного кредитования и его гражданско-правовое регулирование / А.А. Старицина // Молодой ученый. – 2021. – № 9 (351). – С. 143-145.

5. Лоскутова Я.И. Ипотечное кредитование: экономическое содержание и классификация ипотечного жилищного кредитования / Я.И. Лоскутова // Материалы XXII Международной научной конференции. – Тамбов, 2020. – С. 114-120.

Силиванова Алёна Анатольевна

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Россия, Симферополь

silivanovaal@gmail.com

Silivanova Alyona

Russian State University of Justice

Crimean branch

Russia, Simferopol

**ОКАЗАНИЕ УСЛУГИ ПСИХОЛОГА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема привлечения психологов к гражданско-правовой ответственности за оказание некачественных услуг. Выявляются основные проблемы - отсутствие чётких критериев оценки качества психологических услуг, проводится сравнительная линия между психотерапевтом и психологом как специалистами. Автор предлагает разработать специальный договор и приложение к нему, которые будут включать качественную характеристику оказываемой услуги. В рамках исследования проводится социологический опрос. Сделан вывод о необходимости более строгого регулирования в сфере психологической деятельности для обеспечения защиты прав пациентов и гарантирования качества услуг.

Ключевые слова: оказание услуг, психолог, оказание психологической помощи, ответственность по оказанию услуг, юридическая ответственность психолога.

THE PROVISION OF PSYCHOLOGICAL SERVICES AS A BASIS FOR

BRINGING TO CIVIL LIABILITY: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation: this article examines the problem of bringing psychologists to civil liability for providing substandard services. The main problems are identified - the lack of clear criteria for assessing the quality of psychological services, a comparative line is drawn between a psychotherapist and a psychologist as specialists. The author proposes to develop a special agreement and an annex to it, which will include a qualitative description of the service provided. A sociological survey is conducted as part of the study. It is concluded that there is a need for stricter regulation in the field of psychological activity to ensure the protection of patients' rights and guarantee the quality of services.

Key words: provision of services, psychologist, provision of psychological assistance, responsibility for the provision of services, legal responsibility of a psychologist.

На современном этапе существования общественных отношений, которые регулируются нормами права, в последнее время особое место занимают услуги психологов. Договоры по оказанию их деятельности относятся к непоименованным в гражданском законодательстве, что иногда вызывает затруднения как у психологов, так и у получателей услуги, поскольку зачастую невозможно определить, что именно является существенным условием договора, качество предоставляемой услуги, ответственность перед клиентами, кроме того, многие не понимают разницы между оказанием услуг психологов и оказанием медицинских услуг психотерапевтов и психиатров, а также степень вины и ответственности.

Психолог осуществляет свою деятельность путем различных методов, которые помогают людям решать личные проблемы, никак не связанные с психическим состоянием здоровья. Психолог (в идеале) имеет высшее образование (гуманитарное/педагогическое) в области психологии, которое не

связано с медициной либо граждане, которые прошли курсы переподготовки, повышение квалификации в аккредитованных организациях либо вообще прошли онлайн-курсы в интернете (кто и как их оказывает, кто получает свидетельство о прохождении неизвестно) за несколько часов без наличия соответствующего (педагогического) образования.

Клинический психолог – это специалист, имеющий специальность «Медицинская психология» (документ должен быть обязательно гособразца), работает с гражданами, у которых имеются психосоматические расстройства. Такую специальность можно получить как в государственных университетах, так и в медицинских. Специалист помогает справиться с фобиями, депрессией, неврозами, проводит тестирование, при необходимости направляет человека к врачу-психиатру для дальнейшего лечения. Они могут работать в медучреждениях, реабилитационных центрах, консультативно-диагностических организациях.

В юриспруденции существует ряд основных категорий, на которых базируется вся правовая система, один из них - юридический факт (жизненные обстоятельства), которые способствуют возникновению, изменению и прекращению правоотношений, т.е. без конкретных обстоятельств, которые указаны в нормативно-правовых актах, общественные отношения не будут регулироваться правовыми нормами [1, с. 331].

Возникший юридический факт всегда порождает, изменяет или прекращает правоотношения. В этой связи, необходимо отметить тесную связь между жизненными обстоятельствами и наступлением юридической ответственностью.

Если говорить именно об юридической ответственности, то стоит рассматривать применение к лицу, преступившему закон, комплекса мер, которые заключаются в установлении для него определённых негативных последствий, выражающихся в ограничениях как личного, так и имущественного характера, с целью побуждения указанного лица к

соблюдению законодательства [2, с. 240].

Согласно законодательству Российской Федерации, юридическая ответственность различна. Однако любая из них предполагает доказывание факта наличия состава правонарушения/преступления. Остановимся более детально на анализе гражданско-правовой ответственности.

О. С. Иоффе утверждал, что гражданско-правовая ответственность представляет собой санкцию за правонарушение, которая влечёт для нарушителя негативные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав или наложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей [3, с. 97].

О. А. Красавчиков считал, что гражданско-правовая ответственность — это установленная законом негативная реакция государства на гражданское правонарушение, которая выражается в ограничении определённых гражданских прав или установлении имущественных обязанностей, неравноценных нарушенным правам [4, с. 503].

Анализ теории показывает, что гражданско-правовую ответственность можно рассматривать как санкцию за нарушение, обеспечиваемую государственным принуждением. Эта мера воздействия заключается в имущественных ограничениях и применяется для восстановления нарушенных прав потерпевшего и предотвращения новых правонарушений.

Важно подчеркнуть, что гражданско-правовая ответственность наступает не только при совершении правонарушения, так, к ней могут быть привлечены лица, которые своими действиями подвергли изменению или прекращению гражданские правоотношения.

Считаем, что существенной проблемой является факт отсутствия в главе 39 Гражданского кодекса (далее — ГК РФ) мер ответственности сторон при изменении и расторжении договора возмездного оказания услуг.

Согласно статье 779 ГК РФ указывает, что исполнитель обязан предоставить заказчику услугу, которая соответствует законодательству и

условиям договора. В данном случае именно качество услуги имеет решающее значение.

Заказчику может быть причинен имущественный вред, поскольку услуга была оказана не в том качестве или объеме, на которые рассчитывал получатель (связь просматривается в ст. 24.6 «Об оценочной деятельности РФ» при определении ее качества) [5, с. 203].

Данная норма имеют широкую сферу применения: юристы, граждане без соответствующего образования.

Думается, что существует «правовой пробел», требующий устранения: работа специалистов в сфере психологии и оказание ими услуг никак не урегулировано современным законодательством Российской Федерации.

В правовой доктрине не один год обсуждаются следующие вопросы: кто такой психолог? Нужен ли отдельный закон, посвященный оказанию психологических услуг? Нужна ли отдельная глава в ГК РФ для договор об оказании психологических услуг?

В рамках данного исследования необходимо отметить, что ответственность может быть, как внедоговорной, так и договорной. Последняя из указанных может наступать только в связи с нарушением условий договора. Из этого следует, что целый пласт отношений остаётся без урегулирования, например, как оказание психологической помощи, ведь клиент крайне редко заключает договор об оказании услуг.

Безусловно, все эти вопросы необходимы для безопасности граждан, которые обращаются к специалистам данной категории, но не стоит забывать и о психологах, которые подвергаются критике, судебных тяжбам в связи с тем, что в законе не закреплены нормы об их ответственности перед клиентами.

В рамках нашего исследования необходимо отметить об разграничении деятельности психотерапевта и психолога.

Так, согласно приказу Минздрава России от 16 сентября 2003 г. № 438, врач-психотерапевт — это специалист с высшим медицинским образованием по

специальности «лечебное дело» или «педиатрия», прошедший подготовку по специальности «психиатрия» в интернатуре, клинической ординатуре, а также профессиональную переподготовку либо клиническую ординатуру по психотерапии [6].

Психолог — профессионал, способный проанализировать поведение, мысли и эмоции других членов общества, с целью выявления психологических проблем, мешающих нормальной жизнедеятельности субъекта, и оказания помощи. У психологов широкий спектр деятельности: клиническая психология, образование, спортивная психология, психология бизнеса и другие. Они помогают людям лучше разобраться в себе и своих отношениях с окружающим миром, а также преодолеть трудности и найти решение проблем. [7, с. 1325].

Таким образом, можно утверждать следующее: психолог не может нести ответственность по правилам, установленных для психотерапевта, так как у него отсутствует медицинское образование.

Проводя исследование, связанное с возложением ответственности ввиду некачественного представления услуг в сфере психологии, нами был осуществлен опрос, целью которого стало выявление отношения студентов юридических вузов, а также практикующих специалистов к закреплению в законодательстве новой правовой нормы. По нашему мнению, отношение молодых граждан, среди которых возрастает тенденция обращения за психологической помощью, и юристов, имеющих многолетний опыт работы, имеет особую важность, так как может показать дальнейший вектор развития института юридической ответственности в соответствующей области.

Данное исследование было проведено методом анонимного опроса студентов в возрасте от 18 до 25 лет. При оценке сведений учитывались пол и возраст обучающихся. На основе проведенного исследования были получены следующие результаты: 69,7% посещали психолога; 51,5% опрошенных не знает, что в случае нарушения их прав они могут обратиться в суд общей юрисдикции с исковым заявлением. Исходя из этого можно сделать вывод: не

закрепление и, следовательно, отсутствие знаний в данной сфере является проблемой. Данную точку зрения поддержали 77,3% студентов, 80 % считают, что данная норма активно применялась бы на практике.

Среди юристов, которые имеют опыт в судебных разбирательствах, высказали следующее мнение: 53,8% опрошенных считают, что деятельность необходимо урегулировать с правовой точки зрения. В опросе поднималась тема необходимости создания отдельного Федерального закона «О психологической помощи населению» — 30,8% проголосовал «за» данную новеллу, 46,2% посчитало, что эффективнее будет внести правки уже в действующий Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185-1, оставшиеся проголосовали за отсутствие необходимости урегулирования такого рода отношений (см. диаг.1).

Больше половины опрошенных, считают, что на законодательном уровне необходимо закрепить юридическую ответственность за некачественное предоставление психологических услуг. Однако, мнения о том, к чему это приведет поделились на 3 равные доли — одни считают, что норма будет эффективно применяться, другие, что норма данная норма может породить злоупотребление своими правами, третьи — что данная норма применяться на практике не будет.

Проанализировав полученные статистические данные, можно утверждать, что люди расходятся во мнениях, но большинство признает существование проблемы отсутствия нормативного закрепление ответственности психолога за оказание некачественной психологической услуги.

Как решение данной проблемы, мы предлагаем ввести обязательное приложение к договору об оказании психологической (психотерапевтической) помощи, содержащее ожидание клиента от психотерапии. В приложении должны быть указаны следующие обязательные элементы: цель, продолжительность и регулярность сессий, ответственность и результат психотерапии. Данные пункты смогут реализовать главную цель нашего

исследования — обезопасить как психолога, так и клиента.

Полное содержание приложения к договору мы видим следующим образом:

1. Миссия и цели терапевтического процесса: включает в себя подробные стратегические направления и задачи терапевта во время взаимодействия с клиентом. Может включать в себя преодоление конкретных психологических трудностей, повышение качества жизни, развитие навыков саморегуляции и других аспектов психического благополучия.

2. Методологии и терапевтические стратегии: методы и подходы, которые будут активно использоваться в ходе терапии. К ним относятся когнитивно-поведенческая терапия или гештальт-терапия, психодинамический подход и другие инновационные методы и стратегии.

3. Продолжительность и регулярность сессий: количество заранее определенных сессий и регулярность их проведения помогают структурировать рабочий процесс, сохраняя применяемый подход последовательным и методичным.

4. Финансовые аспекты: открытая информация о стоимости платы за одну сессию терапии и полном курсе следования, что позволяет объективно оценить свои финансовые возможности и обязательства.

5. Распределение ответственности: точное определение каждой стороны персональных обязанностей в рамках заключаемого договора, позволяющее завершить терапию в любой момент.

6. Конфиденциальность данных: подтверждение соблюдения принципов конфиденциальности и безопасности информации, получаемой и обрабатываемой в ходе терапевтического процесса

7. Дополнительные услуги: если в рамках психотерапии предоставляются дополнительные услуги (например, консультации по телефону или онлайн), это также можно указать в приложении.

8. Результаты психотерапии: детальное описание ожидаемых перемен

после прохождения курса психотерапии. Например, клиент может надеяться на улучшение эмоционального благополучия, повышение самооценки, развитие коммуникативных навыков и т.д. Продолжительность предоставления услуг психотерапии, а также возможность продления срока по взаимному согласию.

9. Коммуникация вне сеансов: определение правил взаимодействия между клиентом и психотерапевтом за пределами официальных сессий, включая связь через электронную почту или мессенджеры.

10. Изменения в программе терапии: возможность адаптации целей, методов или частоты сеансов в ходе терапии при необходимости.

11. Согласие на запись сеансов: условия и взаимное согласие на запись сессий, если это требуется для документирования или анализа прогресса.

12. Возможность консультации с другими специалистами: информация о возможности привлечения других специалистов (например, психиатра или социального работника) для комплексного подхода к решению проблемы.

С учетом вышеизложенного можно отметить, что ответственность психолога перед клиентом является краеугольным камнем эффективной и этичной практики в психологии. Введение предложенных новаций будет способствовать совершенствованию регулирования отношений между психологом и его клиентом.

Список литературы:

1. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник / В. М. Сырых. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2012. – 704 с.

2. Акмалова А. А. Теория государства и права: учебное пособие / А. А. Акмалова, В. М. Капицын. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 322 с.

3. Иоффе О. С. Обязательственное право: учебник / О. С. Иоффе. – Москва: Юрид. лит., 1975. – 880 с.

4. Красавчиков О. А. Гражданско-правовая ответственность: учебник / О.

А. Красавчиков. – Москва: Высшая школа, 1985. – Т. 1. – 520 с.

5. Незнамова А. А. Гражданско-правовая ответственность в договоре оказания оценочных услуг // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – №2. – С. 202-206.

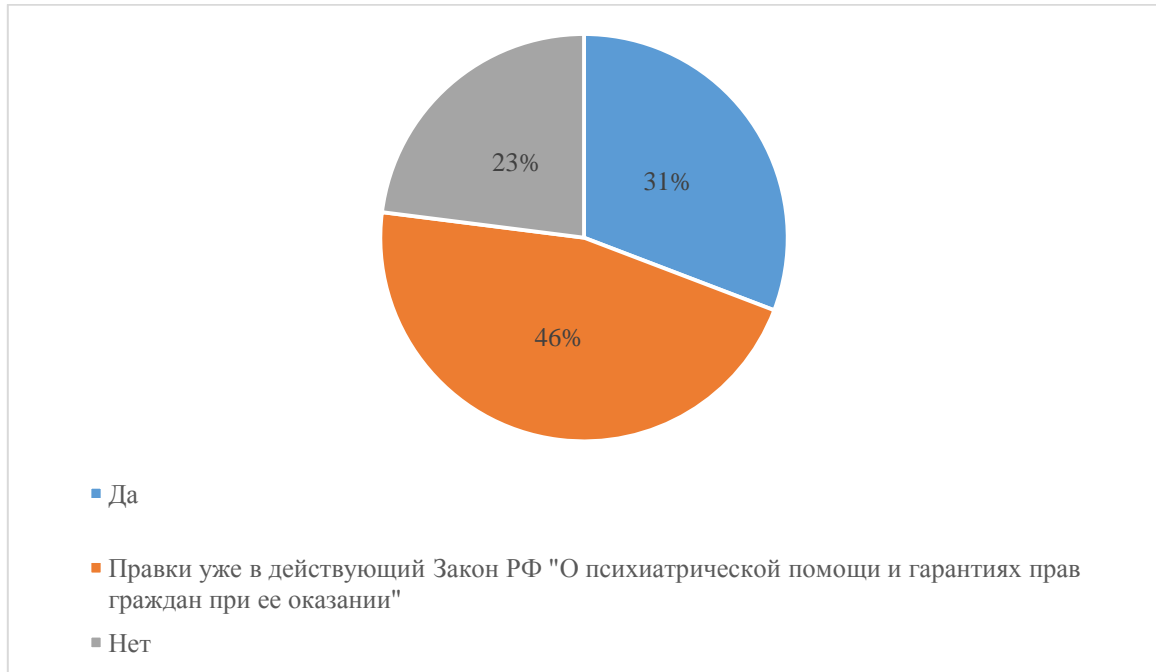
6. Приказ Минздрава России от 16 сентября 2003 г. № 438 «О психотерапевтической помощи» / Документ не нуждается в госрегистрации Министерства юстиции Российской Федерации. Письмо Минюста Российской Федерации от 13 ноября 2003 года N 07/11558-ЮД. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876228>

7. Силиванова А. А. Проблемы правового регулирования деятельности психологов в рамках договора оказания услуг // Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. – 2024. – Т. 2. – С. 1323-1329.

Приложения

Диаграмма 1. Необходимости создания отдельного Федерального закона «О психологической помощи населению»

УДК 347.451.83

Стукаленко Семен Михайлович
Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
Институт права и предпринимательства
Россия, Екатеринбург
stukalenko.semen@gmail.com
Stukalenko Semyon
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of Law and Business
Russia, Ekaterinburg

ОСОБЕННОСТИ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРА В КРЕДИТ

Аннотация: в данной статье автор рассуждает о правовой и экономической природе кредита, анализирует историю кредита в праве, приводит соотношение понятий «продажа товара в кредит» и «продажа товара с условием об отсрочке», анализирует судебную практику по заданной теме и предлагает свое видение решение проблемы понятийной неопределенности.

Ключевые слова: кредит, купля-продажа, отсрочка платежа, проценты, рассрочка.

FEATURES OF PURCHASE AND SALE OF GOODS ON CREDIT

Annotation: in this article, the author discusses the legal and economic nature of credit, analyzes the history of credit in law, gives the relationship between the concepts of «sale of goods on credit» and «sale of goods with the condition of deferment», analyzes judicial practice on a given topic and offers his vision of a solution to the problem of conceptual uncertainty.

Key words: loan, purchase and sale, deferred payment, interest, installment plan.

Кредит, как один из ключевых инструментов финансовой системы, играет центральную роль в формировании экономических и правовых отношений в современном гражданском обороте. Он способствует развитию инвестиционной активности, стимулируя экономический рост. В силу важной роли кредитных отношений в экономике и длительности их исторического существования, правовые отношения, возникающие в процессе кредитования, регулируются множеством правовых норм, что делает кредит не только экономическим, но и правовым институтом. Эффективное функционирование кредитных отношений зависит от стабильной правовой базы, которая защищает интересы как заемщиков, так и кредиторов. В этом контексте исследование взаимосвязи между кредитом и правовыми механизмами становится особенно актуальным, поскольку оно позволяет выявить не только преимущества и риски кредитования, но и способы оптимизации правовых отношений для обеспечения устойчивого экономического развития. Современное российское гражданское законодательство регулирует в том числе и отношения по купле-продаже товаров в кредит. Именно этому правовому аспекту кредита и посвящена данная работа.

Для достижения понимания правовой природы кредита следует обратиться к его историческому контексту. Понятие кредита было известно еще в римском праве, его реализация осуществлялась через обязательства *mutuum* и *creditum*. *Mutuum* (заем) - это договор, по которому одна сторона (заимодавец) передает другой стороне (заемщику) денежную сумму или определенное количество иных заменимых вещей в собственность, с обязательством заемщика вернуть, по истечении указанного в договоре срока или по востребованию, такую же денежную сумму или такое же количество вещей такого же рода, какие были получены [4, с. 441]. *Mutuum* является видовым понятием *creditum* и относится только к родовым вещам, которые передаются заемщику в собственность, в то время как родовое понятие *creditum* относится также и к займу индивидуально определенной вещи и может в том числе

содержать условие о возврате заимодавцу такой вещи, в то время как *mutuum* требует возврата эквивалента и применяется в контексте займов вещей, определяемых мерой, числом, весом и денежных кредитов [4, с. 441]. Д.В. Дождев пишет, что «поскольку объем долга точно соответствовал объему полученного от заимодавца, заем мог быть только беспроцентным. Лишь в случае просрочки исполнения на долг начислялись проценты. Для назначения процентов со дня передачи товара продавцом прибегали к специальной стипуляции - *stipulatio usurarum* [3, с. 566]. Таким образом, по общему правилу в римском праве заем был беспроцентным. Тем не менее, в Риме существовал и процентный заем - *fenus*. Например, крестьянину давали займы семена с тем, чтобы он вернул часть урожая, покрывающих не только стоимость данных семян, но и проценты [4, с. 451]. Также в римском праве существовала и купля-продажа в кредит, которая приобрела большее значение с развитием торговли и хозяйственной жизни [4, с. 483].

На сегодняшний день при толковании норм ГК РФ, посвященных купле-продаже товара с условием об отсрочке платежа, может возникнуть ряд проблем, касающихся корректного понимания терминологии, употребляемой законодателем. Так, согласно пункту 1 статьи 489 ГК РФ «в случае, когда договором купли-продажи предусмотрена оплата товара через определенное время после его передачи покупателю (продажа товара в кредит), покупатель должен произвести оплату в срок, предусмотренный договором, а если такой срок договором не предусмотрен, в срок, определенный в соответствии со статьей 314 настоящего Кодекса.» Этой нормой законодатель дает возможность сторонам предусмотреть условие договора купли-продажи об отсрочке платежа, при этом он, делая соответствующее примечание в скобках, поясняет, что в таком случае имеет место продажа товара в кредит. Толкуя норму буквально, можно сделать вывод о том, что любая продажа товара с оплатой через определенное время после его передачи является продажей в кредит, однако это кажется не в полной мере обоснованным.

Для правильного понимания продажи товара в кредит в современном мире необходимо разобраться с понятийным аппаратом. Под кредитом в экономическом смысле понимается передача одним участником товарного оборота другому денег (вещей) с условием возврата их эквивалента и, как правило, уплаты вознаграждения [2, с. 899]. Таким образом, с экономической точки зрения цель кредита заключается в предоставлении экономического блага лицу, не обладающему на момент совершения сделки средствами для оплаты этого блага. Интерес предоставляющей благо стороны выражается в уплате в дальнейшем в его пользу вознаграждения за пользование благом в отсутствие его полной оплаты со стороны принимающего лица в момент передачи ему товара. Таким образом, категорически важно отличать понятия отсрочки платежа при купле-продаже товара и кредита. Отсрочка заключается в перенесении момента оплаты товара на определенный срок после передачи товара. Разумеется, конкретный срок при этом может быть и не определен, в таком случае применяется правило п. 2 ст. 314 ГК РФ, согласно которому обязательство должно быть исполнено в течение семи дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении [5, с. 833]. В то же время кредит, как было сказано ранее, предполагает взимание кредитором платы за пользование материальным благом (вещью, деньгами) в условиях непредоставления полной оплаты этого блага. Исходя из такой парадигмы, представляется разумным заключить, что продажа товара в кредит является видом продажи товара с отсрочкой, они находятся в логическом отношении подчинения, при котором объем понятия «продажа товара в кредит» полностью включается в понятие «продажа товара с отсрочкой платежа», ведь любой кредит предполагает отсрочку, но не всякая отсрочка может сопровождаться кредитом. Комментируя статью 488 ГК РФ, А.Г. Карапетов отмечает, что применительно к содержанию данной статьи термин «отсрочка платежа» является более нейтральным и подходящим, нежели «продажа товара в кредит» [5, с. 833]. Если исходить из того, что кредит предполагает плату за

пользование чужим капиталом, эквивалентным стоимости вещи, с момента ее передачи, то договор купли-продажи в кредит упоминается в абзаце втором пункта 4 статьи 488 ГК РФ, который гласит, что договором может быть предусмотрена обязанность покупателя уплачивать проценты на сумму, соответствующую цене товара, начиная со дня передачи товара продавцом. Помимо двух указанных понятий ГК РФ также предусматривает возможность оплаты товара в рассрочку - путем систематического внесения платежей в счет оплаты товара. Разумеется, рассрочка возможна как при обычной отсрочке оплаты товара, так и при продаже товара в кредит с начислением процентов за использование вещи в отсутствие ее оплаты.

Руководствуясь вышеуказанной позицией, можно сделать вывод о том, что главное видовое отличие кредита от отсрочки - момент начисления процентов. При отсрочке начисляются лишь проценты, предусмотренные в качестве санкции за просрочку исполнения обязательства, установленные статьей 395 ГК РФ, а при продаже товара в кредит проценты начинают начисляться со дня передачи вещи продавцом. Толкуя статью 488 ГК РФ, Верховный Суд РФ и Высший арбитражный суд РФ в пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 13, Пленума ВАС РФ N 14 от 08.10.1998 разъяснил, что проценты, начисляемые (если иное не установлено договором) до дня, когда оплата товара была произведена, являются платой за коммерческий кредит (статья 823 Кодекса) [1]. Тем не менее, начисление процентов за пользование товаром не препятствует начислению штрафных процентов за просрочку платежа.

Интерес также представляет вопрос вещного обеспечения сделки по продаже товара с отсрочкой платежа. Пункт 5 статьи 488 ГК РФ устанавливает диспозитивную норму, согласно которой с момента передачи товара покупателю и до его оплаты товар, проданный в кредит, признается находящимся в залоге у продавца для обеспечения исполнения покупателем его обязанности по оплате товара. Встает вопрос, распространяется ли это правило

только на продажу товара в кредит или же оно является общим и действует на любую продажу товара с рассрочкой. Логично предположить, что данная норма действует в обоих случаях. Очевидно, что продавец, передающий товар покупателю с отсрочкой платежа, но без начисления процентов за пользование вещью, не должен быть лишен права предусмотреть в таком договоре обеспечение его исполнения путем обременения вещи залогом в силу рисков неисполнения покупателем обязанности по ее оплате.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что понятия продажи товара с условием об отсрочке платежа и продажа товара в кредит на законодательном уровне не регламентированы достаточно детально. При буквальном толковании статей 488 и 489 ГК РФ не всегда понятно, к какому из договоров относится конкретное правило, предусмотренное одним из пунктов. Разумным выходом из такого положения представляется законодательное разграничение понятий продажи товара с условием об отсрочке и в кредит и установление подробного регулирования каждого из указанных видов купли-продажи.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 13, Пленума ВАС РФ N 14 от 08.10.1998 (ред. от 24.12.2020) "О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами"
2. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв, ред. Т.А. Суханов, - 4-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2015, - 1208 с.
3. Римское частное право : учебник / Д. В. Дождев ; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. - 784 с.
4. Римское частное право: учебник для вузов / И. Б. Новицкий [и др.]; ответственные редакторы И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. Москва :

Издательство Юрайт, 2024. - 607 с. - (Высшее образование). - Текст :
непосредственный.

5. Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа
недвижимости : комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558
Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция
1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2023. – 1254 с. –
(Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)

Трощенко Джульетта Грантовна

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Россия, Симферополь

djulia.nazaran@gmail.com

Troshchenko Juliet

Russian State University of Justice

Crimean branch

Russia, Simferopol

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА: ПОНИМАНИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ ДЛЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПУТЕМ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ

Аннотация: в работе исследуется законодательное регулирование института признания права на самовольную постройку в Российской Федерации, анализируются признаки самовольной постройки, на основе которых даётся собственное определение самовольной постройки. Исследуется судебная практика, выявляются особенности порядка признания права на самовольную постройку.

Ключевые слова: самовольная постройка, признание права, собственность, признаки, земельный участок, недвижимое имущество.

UNAUTHORIZED CONSTRUCTION: UNDERSTANDING THE CONCEPT AND SIGNS FOR LEGALIZATION BY RECOGNIZING THE RIGHT AS A WAY OF PROTECTION

Annotation: the paper examines the legislative regulation of the institution of recognition of the right to unauthorized construction in the Russian Federation, analyzes the signs of unauthorized construction, on the basis of which its own

definition of unauthorized construction is given. The judicial practice is investigated, the peculiarities of the procedure for recognizing the right to unauthorized construction are revealed.

Key words: unauthorised construction, recognition of right, property, signs, land plot, immovable property.

Государство в целях охраны прав граждан последнее десятилетие активно борется с самовольными строениями, появились новые механизмы, были внесены коррективы в существующие нормы. Для более четкого понимания проблем правового регулирования, какие действия не соответствуют установленным правилам, кто и когда признается виновным, когда можно признать право собственности на самовольную постройку, необходимо выделить квалифицирующие признаки самовольной постройки и определить пути решения. Система критериев, понятие самовольной постройки, условия ее легализации в судебном порядке всегда представляют интерес как для теоретиков, так и для практиков.

Многие задаются вопросом: как избежать негативных последствий в виде сноса объектов самовольного строительства местными органами власти? Во-первых, осведомленность о законодательном регулировании самовольных построек, во-вторых, понимание хода процедуры признания права на такой объект, а также при должном анализе правоприменительных актов по данному вопросу. Именно этим аспектам уделяется внимание в данной работе.

Недвижимые вещи – максимально важные для гражданского права объекты, обладающие особым правовым статусом, с которыми закон связывает множество юридически значимых фактов.

Когда речь идёт о недвижимом имуществе, мы, как правило, представляем земельный участок, дом, квартиру, потому что именно с ними в повседневной жизни связано большинство сделок.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)

самовольной постройке посвящена отдельная статья 222 [1]. По общему правилу такое сооружение не может быть предметом никаких сделок (у владельца данной постройки не возникает право собственности, включающее в себя правомочие распоряжения данным объектом).

Стоит обратить внимание, что правовое регулирование рассматриваемого объекта, претерпевало изменения. Так, сама ст. 222 ГК РФ корректировалась уже три раза. Кроме того, в декабре 2023 года было издано новое Постановление Пленума ВС РФ, касающееся споров о самовольных постройках, и наиболее соответствующее настоящим требованиям правоприменения. В нем же было закреплено, что неполучение предварительного разрешения на строительство или отсутствие уведомления о начале строительства объекта ИЖС или садового дома не является основанием для сноса такого объекта при обращении администрации населённого пункта в суд [2].

Перед тем как разобраться со способами защиты права на самовольную постройку, следует изучить признаки данного объекта. Во-первых, создание или реконструкция объектов происходило без согласования или разрешения. Во-вторых, она осуществлена на непредоставленном лицу на законных основаниях участке или вопреки целевому назначению. В-третьих, нарушает градостроительные правила. Конкретизируя, стоит отметить, что в редакции ст. 222 ГК РФ до 2015 года не было указано следующее: указанные правила должны быть установлены на дату начала создания самовольной постройки и являться действующими на дату ее выявления.

Как отмечают исследователи, наличие хотя бы одного из указанных признаков свидетельствует о том, что перед нами самовольная постройка, то есть, уже заведомо спорный объект [3, с. 139; 4, с. 253].

Д. Д. Седов обращает внимание на то, что свойство самовольности в данном случае «презюмируется», и не требует подтверждения уполномоченными органами – местными администрациями или судами [5, с.

268].

Самовольная постройка является субинститутом права собственности и представляет собой определённую недвижимость, которая возведена или: а) без необходимых на то согласований; б) на участке без соответствующих на то правомочий (самый простой пример – строительство объекта на чужом участке); в) на земле, которая в соответствии с муниципально-правовыми актами предназначена для других целей, что исключает возможность возведения такого объекта; г) с несоответствием требованиям градостроительного законодательства или с грубым нарушением прав граждан [6, с. 74].

Так, на основании ст. 222 ГК РФ, а также с учетом мнений исследователей, можно заключить, что самовольная постройка – это недвижимый объект, создание которого произошло без получения необходимых разрешений или с нарушением существующих нормативных предписаний, обособленный от уже существующих на земельном участке объектов (например, бани, гаражи, сараи, времянки и так далее) или реконструируемый без соблюдения должной процедуры.

Что касается последствий, можно выделить основные: необходимость сноса за собственный счёт; отсутствие правомочий собственника.

Конечно, дабы избежать таких неблагоприятных обстоятельств, возможно прибегнуть к узаконению такого объекта строительства.

Поскольку существует разрешительный порядок ввода в оборот недвижимых вещей в гражданском праве, то наиболее правильным было бы получить соответствующие документы на объект до начала его строительства и зарегистрировать в административном порядке своё право.

Однако, исходя из признаков самовольной постройки можно сделать вывод, что она имеет место быть как раз в случае, когда такой порядок нарушен или по каким-то причинам не окончен.

В данной работе мы будем исходить из того, что перед нами уже имеется

объект законченного строительства, и рассмотрим способы защиты права на самовольную постройку.

Речь пойдет о таком способе защиты гражданских прав, как признание права на объект. «Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством», утвержденный Президиумом ВС РФ 19.03.2014 разъясняет, что такой способ является исключительным и возможен в случае, если:

а) существует вновь созданный или реконструированный объект недвижимости,

б) истец по независящим от него причинам не мог получить документы на данный объект в установленном законом порядке [7].

В обновленной редакции Постановления Пленума Верховного суда РФ (N 44) отмечается, что для успешного признания прав в судебном порядке необходимо выполнение трех ключевых условий (п.39): (1) истцом, то есть хозяином постройки, должны быть представлены доказательства наличия права собственности или иного вещного права (предполагающего застройку) на земельный участок под ней; (2) иск подан в тот момент, когда постройка соответствует установленным законодателем требованиям; (3) при этом не нарушены законные интересы третьих лиц, и такая постройка не представляет опасности для граждан [2].

Рассматривая способы защиты, хотелось бы отметить, что некоторые недобросовестные предприниматели пытаются прибегнуть к такому способу для обхода специальных норм закона, однако, как справедливо указывает суд, для упрощения регистрации прав такие иски использованы быть не могут.

Так, к примеру, в Определении от 17 декабря 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации отказал в удовлетворении кассационных жалоб индивидуальных предпринимателей, ввиду того, что судами были достоверно установлено, что истцы являются собственниками земельного участка на праве общей долевой собственности; на данном участке лица самовольно

осуществили реконструкцию имеющихся у них в собственности зданий путём их объединения и увеличения площади, предварительно не получив разрешения у администрации города, как того требуют нормы закона; индивидуальные предприниматели обратились в муниципалитет с заявлением о выдаче разрешения на строительство объекта, когда реконструкция и создание самовольной постройки уже было завершено [8].

Данный пример иллюстрирует, как суд, разрешая подобные споры, всё же разграничивает добросовестное поведение, предполагающее принятие мер по получению разрешительных документов и/или невозможность получить разрешение от компетентного органа до окончания строительства по независящим от застройщиков причинам, чтобы не ставить заинтересованных лиц в неравное положение.

Рассмотрим вопросы, касающиеся прав на земельный участок, где имело место самовольное строительство. Важно отметить, что в предыдущих разъяснениях Пленума ВАС и Пленума ВС РФ утверждалось, что право на самовольную постройку может принадлежать лицу, которое возвело строение на земельном участке, находящемся в его собственности, пожизненном наследуемом владении или постоянном пользовании. В связи с тем, что многочисленная судебная практика свидетельствовала о признании такого права не только за указанными лицами, но и за арендаторами, Пленум ВС РФ в новом Постановлении уделил внимание непосредственно арендаторам, осуществившим реконструкцию или создание объектов на земельном участке арендодателя (собственника).

К примеру, земельный участок, находящийся в собственности Республики Крым (государственной собственности), был арендован с целью туристического обслуживания, а арендатором была возведена на данной территории база отдыха [9].

Важно отметить, что истцом была заранее получена и зарегистрирована декларация о начале выполнения строительных работ по строительству

спорного объекта, что свидетельствует о должной степени добросовестности, а целевое назначение земельного участка полностью соответствует ему.

Интересным является и тот факт, что региональный нормативно-правовой акт, устанавливающий правила застройки, на основании которых было зарегистрировано начало строительства, утратил силу. В данном случае истец в установленные сроки после этого не обратился в уполномоченный орган для включения сведений об объекте в соответствующий реестр и осознавал невозможность оформления права собственности путём взаимодействия с исполнительными органами власти. В результате заявитель решил обратиться с требованием о признании своего права в суд и выиграл спор, что указывает на успешный процесс легализации самовольной постройки добросовестным лицом.

Кроме того, данный пример демонстрирует то, как Пленум ВС РФ проводит свою работу по анализу судебной практики и, если того требует действительное положение дел, вносит коррективы в существующие разъяснения.

Теперь представим ситуацию, что вы унаследовали земельный участок, на котором стоит дом, площадь которого, согласно документам, составляет 50 кв. метров. Однако на самом деле при жизни наследодатель осуществил реконструкцию дома, и теперь он площадью уже не 50, а 70 кв. метров. Правда, он не получал на это должного разрешения, и на момент смерти не являлся собственником пристроенного объекта.

Федеральная нотариальная палата в подобных случаях рекомендует нотариусам направлять своих клиентов в суд для включения данной постройки в наследственную массу, потому что только в таком порядке возможна её легализация [10].

Можно сказать, что в наследственную массу изначально включается не самостоятельно возведенный объект недвижимости, так как фактически он является постройкой, построенной с нарушением законодательства, а

возможность признания права собственности на неё [11, с. 637]. Пленум ВС РФ в Постановлении N 44 закрепляет такой способ защиты как признание права на самовольную постройку для наследника (п.41).

Однако, не всегда порядок признания права наследника на самовольную постройку или включения её в наследственную массу одинаков.

Так, суды не всегда выясняют, имеются ли основания для признания такой постройки самовольной, и насколько будущий собственник добросовестный (такое возможно именно при наследовании).

Хорошим примером всестороннего исследования судом таких оснований в данном случае будет служить решение о включении спорного объекта (пристройки к дому) в наследственную массу. Судом было установлено, что при жизни наследодатель получал разрешение на его строительство. Кроме того, была проведена всесторонняя экспертиза, которая послужила доказательством того, что нормы градостроительного, экологического и земельного законодательства данной реконструкцией не нарушаются, и она не создаёт угрозы жизни и здоровью граждан [12].

Всё это в совокупности с иными обстоятельствами, установленными в ходе судебного заседания, позволило наследнику легализовать пристройку, чтобы в дальнейшем осуществить раздел наследственной массы со своим братом.

Таким образом, в России самовольная постройка обладает рядом существенных признаков, при наличии одного из которых возможно говорить о том, что перед нами спорный объект гражданского права, легализации которого можно добиться только в судебном порядке и только при наличии достаточных оснований.

Напоследок важно отметить, что законодатель и правоприменитель, внося коррективы в правовое регулирование исследуемой темы, исходит из того, что признание права на самовольную постройку – ни в коем случае не должно использоваться для упрощения регистрации прав на объекты. Самое главное –

учитывать при возведении построек не только свои интересы, но и особенности земельных участков, на которых планируется строительство, а также права и интересы других лиц, которые при этом могут быть затронуты или нарушены.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. N 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. №1 (январь).

3. Норко Г. В. Понятие самовольной постройки как особого недвижимого имущества и последствия признания постройки самовольной // Инновационные научные исследования. – 2021. – № 4-3(6). – С. 136-145.

4. Жамков, М. В. Общая характеристика правового режима самовольной постройки // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 250-258.

5. Седов Д. Д. Новеллы и практические вопросы, возникающие при признании права собственности на самовольную постройку // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 8-1. – С. 266-272.

6. Киселева, К. Э. Особенности правового режима самовольной постройки // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2021. – № 1(12). – С. 73-83.

7. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2024).

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря

2020 г. по делу № А57-26100/2018 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/vsrf/doc/b0BUwUXG115j/](https://sudact.ru/vsrf/doc/b0BUwUXG115j/) (дата обращения: 30.05.2024).

9. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 14 сентября 2023 г. по делу № А83-6181/2023 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/arbitral/doc/6Gs65alvMMxe/](https://sudact.ru/arbitral/doc/6Gs65alvMMxe/) (дата обращения: 30.05.2024).

10. О некоторых вопросах, связанных с применением отдельных норм гражданского законодательства и иных норм права, применяемых в нотариальной практике (подготовлены ФНП) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101674/cb5b910e0096b51fcc25744fec5d6b805a7393ba/ (дата обращения: 31.05.2024).

11. Пасынкова Е. М. Актуальные проблемы правоприменительной практики по делам о самовольной постройке / Е. М. Пасынкова, Д. Д. Хубулов // E-Scio. – 2023. – № 4(79). – С. 637-641.

12. Решение Коминтерновского районного суда г. Воронежа (Воронежская область) от 2 марта 2021 г. по делу № 2-5618/2020 [Электронный ресурс] // URL: [//sudact.ru/regular/doc/Bp1my0lZPvVO/](https://sudact.ru/regular/doc/Bp1my0lZPvVO/) (дата обращения: 31.05.2024).

Харунжа Виктория Владимировна
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
Россия, Иркутск
viktoria.harunzha@yandex.ru
Kharunzha Victoria
East Siberian branch
Russian state University of Justice
Russia, Irkutsk

ПОРОЧНЫЕ СДЕЛКИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: данная статья посвящена анализу порочных сделок, затронуты отдельные вопросы проблематики порока субъектного и волевого состава. Автор исследует правовую природу этих пороков, их признаки и последствия. Конкретизируются общие аспекты сделок с пороком воли на примере сделок, совершенных под влиянием обмана. Делается вывод о том, что проблема порочных сделок напрямую связана с использованием сроков защиты в суде и с необходимостью представления доказательств истцом о начале течения такого срока для охраны своих имущественных интересов.

Ключевые слова: недействительные сделки, порок воли, порок субъектного состава, оспоримые сделки, ничтожные сделки.

FAULTY TRANSACTIONS: SELECTED PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Annotation: this article is devoted to the analysis of vicious transactions, touching upon individual issues of the problem of the vice of the subjective and volitional composition. The author examines the legal nature of these vices, their signs and

consequences. General aspects of transactions with a vice of will are specified using the example of transactions made under the influence of deception. It is concluded that the problem of vicious transactions is directly related to the use of protection periods in court and the need for the plaintiff to present evidence on the beginning of such a period to protect his property interests.

Key words: invalid transactions, defect of the will, defect of the subject composition, voidable transactions, voidable transactions.

Недействительность сделки означает, что действие, совершенное в качестве сделки, не создает тех правовых последствий, которые присущи данному виду сделок, а влечет лишь предусмотренные законом последствия, связанные с ее недействительностью. Недействительность сделки наступает в случае, если нарушено какое-либо из условий ее действительности: имеются пороки субъектного состава, воли или волеизъявления, содержания, а в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон – формы.

Сделки с пороками нарушают стабильность гражданского оборота и порождают проблемы в правоприменении. К таким сделкам, например, можно отнести – ничтожные сделки, закреплённые в ст. 171 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), поскольку они совершены недееспособными. По таким сделкам, дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны [1]. Ничтожными признаются и сделки, совершенные малолетними гражданами за пределами их дееспособности (ст. 172 ГК РФ). Малолетние в возрасте от 6 до 14 лет вправе совершать мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на получение безвозмездной выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законными представителями или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели.

Несовершеннолетние имеют право самостоятельно заключать сделки в соответствии со ст. 26 ГК РФ, если они приобрели полную дееспособность через трудовую эмансипацию или вступили в брак, что позволяет снизить брачный возраст. В других случаях такие лица могут осуществлять более широкий спектр сделок по сравнению с малолетними, но при условии согласия законных представителей, что подразумевает возможность последующего одобрения.

Отдельно в законе рассматриваются случаи порочных сделок применительно к организациям, выходящим за пределы своей правоспособности или имеющим дефект статуса своего органа (ст. 173, 174 ГК РФ). Важно при этом доказать, что лицо, предъявившее иск, знало или заведомо должно было знать о ее незаконности. В случае, если сделки, совершенные юридическим лицом за пределами его специальной правоспособности, то цели деятельности юридического лица определенно ограничены им в своем уставе или других учредительных документах, при условии, что они обладают общей правоспособностью. Само юридическое лицо, его учредитель (участник) или государственный орган, осуществляющий контроль или надзор за деятельностью юридического лица могут оспорить такую сделку.

Очевидно, что превышение полномочий гражданином, предусмотренных договором, а также превышение полномочий органом юридического лица, определенных его учредительными документами, должно быть доказано в судебном порядке. Кроме того, отсутствие осознания другой стороной факта нарушения полномочий также имеет значение, поскольку из доверенности, законодательства или условий, в которых осуществляется сделка, может следовать, что она выполняется уполномоченным лицом. Безусловно, необходимо установить факт некомпетентности и наличие ограничений в данной организации.

Если сделки, совершенные юридическими лицами, не имеющими лицензии на занятие соответствующей деятельностью, то их действия следует

квалифицировать как порочные. Тоже относится к индивидуальным предпринимателям в силу общего правила о применении к ним положений о юридических лицах.

Незаконность в сделки может быть по причине не только субъектным составом, но и волевым критерием [2, с. 50]. Так, согласно п. 1 ст. 177 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску данного гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы в результате ее совершения нарушены. Данный факт подтверждается медицинской документацией и может быть оспорен при наличии ошибочных выводов медицинской комиссии [3, с. 59].

Проблема порочных сделок напрямую связана с использованием сроков защиты в суде. Новые реалии в практике, обусловленные изменениями законодательства, усложнили процедуру доказывания (Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ) [4], так, в выписке из Реестра, полученной третьими лицами, информация о собственнике объекта недвижимости отсутствует, что налагает дополнительное обременение на истца, обязанного доказывать все обстоятельства, когда ему стало очевидно о факте нарушений его права [5, с. 152].

Приведем пример, в суде рассматривалось дело о признании сделки недействительной от февраля 2019 г. Исковое заявление подано в июле 2022 г., т.е. за пределами годичного срока исковой давности, хотя истец утверждал, что ему стало известно о нарушении своего права именно в год подачи заявления, хотя в суде возник этот вопрос – доказательством явился результат запроса в регистрирующий орган. Также отмечалось, что день вынесения постановления об отказе в совершении нотариального действия или получения выписки из ЕГРН является началом течения срока исковой давности, что привело к отказу

в удовлетворении ходатайства о применении срока исковой давности, поскольку он еще не истек к моменту рассмотрение дела в суде [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что недействительность сделки означает, что она не порождает ожидаемых правовых последствий и вызывает последствия, предусмотренные законом. Это происходит в случае нарушения условий действительности сделки, таких как пороки субъектного состава или волеизъявления. Ничтожными признаются сделки, совершенные недееспособными или малолетними гражданами вне установленных рамок. Несовершеннолетние могут действовать самостоятельно при условии получения полной дееспособности или с согласия законного представителя. Особое внимание уделяется сделкам юридических лиц, которые превышают свои полномочия или действуют без лицензии. Незаконность может быть вызвана также состоянием психической недееспособности. Проблемы с порочными сделками часто связаны с соблюдением сроков для защиты прав в суде, которые усложнены изменениями законодательства. Например, истец может столкнуться с отказом в признании сделки недействительной из-за пропуска срока исковой давности. Это подчеркивает важность тщательной проверки и соблюдения всех условий при совершении сделок для обеспечения их действительности и защиты прав.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - №32. Ст. 3301
2. Яковлева А.В. Сделки с пороками воли // Юриспруденция и политология: теория и практика. - 2020. – Т1. - С. 50-52
3. Лазарева О.В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве: вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. - 2019. - № 4. – С. 59- 65.

4. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 №218-ФЗ // Российская газета. – 2015. – 13 июля.

5. Иванова, Ю. В. Виды недействительных сделок: ничтожные и оспоримые сделки / Ю. В. Иванова // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 11(68). – С. 152-158.

6. Адвокатская газета [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru>.

Храмцов Андрей Алексеевич

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Институт истории и права

Россия, Калуга

khramtsovaa@studklg.ru

Khramtsov Andrey

Kaluga State University named after K.E.Tsiolkovski

Institute of History and Law

Russia, Kaluga

АККРЕДИТИВНАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Аннотация: авторы данной статьи исследовали финансирование сделки с использованием аккредитивной формы расчёта. В ходе работы были выявлены как преимущества, так и неочевидные риски, сопряжённые с гарантированием обеспечения обязательств по средством аккредитива. На основе мнений авторитетных исследователей и специалистов не только в юриспруденции, но и экономических науках были смоделированы самые популярные и наиболее реальные ситуации, в которых могут пострадать интересы того или иного контрагента.

Ключевые слова: аккредитив, гражданское право, сделка, договор, обеспечение обязательств.

LETTER OF CREDIT GUARANTEE FOR ENSURING OF OBLIGATIONS: ADVANTAGES AND RISKS

Annotation: the authors of this article investigated the financing of a transaction using a letter of credit form of settlement. In the course of the work, both advantages and non-obvious risks associated with guaranteeing the security of obligations by

means of a letter of credit were identified. Based on the opinions of reputable researchers and specialists not only in law, but also in economics, the most popular and most realistic situations in which the interests of a particular counterparty may suffer were modeled.

Key words: letter of credit, civil law, transaction, contract, ensuring of obligations.

В настоящее время существует множество способов гарантировать обеспечение обязательств. Современное гражданское и банковское законодательство предлагает использовать в качестве способов защиты интересов сторон в сделке различные финансовые инструменты и способы безналичных расчётов, к которым относятся эскроу счета, аккредитив, инкассо и т.д. [1]. Все они могут быть полезны в зависимости от целей договаривающихся сторон. Однако, несмотря на то, что они имеют своим назначением обезопасить финансирование выполнения обязательств, не всегда получается достигнуть выполнения всех условий договора. О том, как аккредитив гарантирует обеспечение обязательств и какие риски существуют при его использовании авторы постараются выяснить в данной статье.

Аккредитив – это специальный счёт в банке, на котором резервируются денежные средства при проведении сделок. Данное определение можно вывести из Гражданского кодекса РФ и подзаконных актов Банка России [1], [2]. Примечательно, что легального определения аккредитива нет, хотя этот финансовый инструмент широко используется с 17 века [3, с. 378]. Тем не менее, научное сообщество пришло к единому определению этого термина, которое включает в себя все необходимые элементы этого инструмента и лаконично описывает схему его реализации.

Переходя к преимуществам аккредитивного обеспечения обязательств необходимо прояснить суть и схему такого расчёта. Она заключается в том, что плательщик по сделке, как правило до поставки товара, открывает аккредитивный счёт в банке, которому доверяют обе стороны и переводит на

него часть суммы или же всю сумму за товар. При этом в договоре на открытие аккредитивного счёта указаны те условия, которые необходимо соблюсти получателю (продавцу) для обретения денежных средств. В них могут быть включены документарные подтверждения тех или иных действий, а также извещения от имени плательщика. Обретение получателем денежных средств происходит путём перевода денег с аккредитивного счёта на расчётный счёт получателя после предоставления получателем всех необходимых документов, подтверждающих исполнение им своих обязательств. Но нужно иметь в виду, что плательщик не сможет снять денежные средства с аккредитивного счёта до завершения сделки или же по истечении определённого промежутка времени. То есть финансы в данном случае изолированы от воли плательщика. В этом и заключается гарантия для получателя, так как подобный механизм позволяет ему быть уверенным в добросовестности своего контрагента [4, с. 249].

Из этого следует, что ещё одним преимуществом аккредитива является то, что при его использовании в сделку включается ещё одна сторона (банк), которая не является бенефициаром. Банк фактически контролирует финансирование сделки и исполнение обеими сторонами всех своих договорных обязательств.

В случае долгосрочного сотрудничества (договора периодической поставки) следует использовать револьверный аккредитив, который гибко адаптируется под условия сделки и предоставляет возможность защитить свои интересы каждой стороне при каждой поставке и приёме товара [5, с. 421].

Таким образом аккредитив как форма безналичного расчёта позволяет одинаково защитить как интересы покупателя, так и продавца.

Что же касается рисков, связанных с использованием аккредитива, то основные конфликты, возникающие из-за недобросовестного поведения того или иного контрагента возникают, когда договаривающиеся стороны используют непокрытый аккредитив. Непокрытый (гарантированный) аккредитив – это аккредитив, при открытии которого банк-эмитент

предоставляет исполняющему банку право списывать средства с ведущегося у него корреспондентского счёта в пределах суммы аккредитива или договаривается с исполняющим банком об иных условиях возмещения средств, уплаченных бенефициару [6, с. 210]. В таком случае выгоду извлекает плательщик, который заинтересован в затягивании платежа. Допустим, что плательщик берёт кредит в банке-эмитенте, подписывая при этом дополнительное соглашение по которому банк-эмитент обязуется по предоставлению получателем денежных средств, подписанных актом приёма-передачи предоставить эти деньги получателю из своего фонда, сообщив об этом плательщику. С этого момента открывается кредит для плательщика. Плательщик, в свою очередь, выплачивает этот кредит из своих личных финансовых средств. Логично, что, в случае, когда плательщик не может погасить кредит в короткий срок, он будет откладывать момент исполнения обязательства по сделке, что может доставить неудобства продавцу.

Серьёзной проблемой в осуществлении таких расчётов является то, что аккредитив могут использовать мошенники для неосновательного обогащения. В этом им помогает одно из достоинств аккредитива – изоляция денег от воли плательщика, а распоряжение этими средствами в сложившейся ситуации – дискреция банка. Действуя в тандеме с банком злоумышленники получают денежные средства по подложным документам. Подробно эту проблему исследовал в своей работе А. В. Малых. В частности, автор указал на то, что способом обмана контрагента является сделка с документарным аккредитивом, в которой жертве предлагается «приобрести «документарный аккредитив» с большой скидкой и, впоследствии предъявив его «к погашению» или перепродав, получить существенную прибыль» [7, с. 66].

Подводя итог можно утверждать, что аккредитивное финансирование обеспечения обязательств хоть и является одной из самых безопасных форм безналичного расчёта, оно всё же имеет свои недостатки, устранить которые можно только работая с профессиональным юристом и надёжными

контрагентами. Так или иначе, развитие экономики и правового регулирования банковского дела и общественных отношений, связанных с экономической и финансовой активностью субъектов способствует внедрению новых технологий в финансы и другие общественные отношения, вытекающие из них. Поэтому вопросы безопасности платежей и обеспечения исполнения обязательств тоже будут соответствовать новым реалиям.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации на 1 апреля 2024 года. — Москва: АСТ, 2024 — 816 с.
2. Положение Банка России от 29.06.2021 N 762-П (ред. от 03.08.2023) "О правилах осуществления перевода денежных средств" / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394047/ (дата обращения: 07.09.2024).
3. Ансон В. Р. Основы договорного права / Ансон В. Р. — Москва: Международная книга, 1947 — 480 с.
4. Разумовская, Е. В. Гражданское право. Особенная часть: учебник и практикум для вузов / Е. В. Разумовская. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 335 с.
5. Стровский Л. Е., Казанцев С. К., Паршина Е. А. и др. Валютно-финансовые отношения предприятий с зарубежными партнёрами // Внешнеэкономическая деятельность предприятия: Учебник для вузов / Под ред. Л. Е. Стровского. — 4-е изд. — М.: ЮНИТИ, 2007. — 799 с.
6. Островская О. М. Банковское дело. Толковый словарь. — Москва: Гелиос АРВ, 2001. — 400 с.
7. Малых А. В. Мошенничество с документарными аккредитивами / Малых А. В. // Финансы и кредит. — 2009. — № 24. — С. 66-69.

Черкашина Юлия Константиновна
Северо-Западный институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Вологда
yu_k_ch@list.ru
Cherkashina Yulia
Northwestern Institute (branch)
O.E. Kutafin University (MGUA)
Russia, Vologda

**К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ РОСКОШНОСТИ ЖИЛЬЯ В РАМКАХ
ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА
В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ**

Аннотация: в статье исследуется вопрос о том, какие критерии применяются и могут применяться при решении вопроса о признании жилья должника-банкрота роскошным. Автором выделяются качественные и количественные критерии, в отношении последних приводится анализ на основе судебной практики. Делается вывод о возможности законодательно установить концепцию относительного исполнительского иммунитета, установив определенные критерии.

Ключевые слова: банкротство, исполнительский иммунитет, единственное жилье, роскошное жилье, имущественный иммунитет.

**ON THE ISSUE OF CRITERIA FOR LUXURY HOUSING IN THE
FRAMEWORK OF THE APPLICATION OF THE INSTITUTE OF
EXECUTIVE IMMUNITY IN A BANKRUPTCY CASE**

Annotation: the article examines the question of what criteria are applied and can be applied when deciding whether to recognize the housing of a bankrupt debtor as

luxurious. The author identifies qualitative and quantitative criteria, with respect to the latter, an analysis based on judicial practice is provided. It is concluded that it is possible to legislatively establish the concept of relative executive immunity by setting certain criteria.

Key words: bankruptcy, executive immunity, sole residence, luxury housing, property immunity.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что вопрос о применении этого института уже не раз поднимался Конституционным судом РФ (в 2003, 2011, 2021 годах), который раз от раза отмечал несовершенства правового регулирования и необходимость их преодоления. Об актуальности темы также свидетельствует и статистика: по данным ЕФРСБ на 26.09.2024 в России 1 416 946 граждан-должников [1], для которых исполнительский иммунитет и его понимание правоприменителем имеют ключевое значение в вопросе обеспечения жильем. Указанные факты вызывают потребность и интерес в исследовании условного осуждения.

В России законодательно установлена концепция абсолютного исполнительского иммунитета, предполагающая невозможность его снятия. Однако такой подход может приводить к получению должником несправедливых преимуществ и ущемлению прав кредиторов.

В отсутствие законодательного регулирования судебная практика выработала критерии, позволяющие снять исполнительский иммунитет. К одному из них, согласно позиции высших судебных инстанций, относится признание жилья роскошным [2].

Выделение такого случая снятия иммунитета связано с тем, что должен соблюдаться баланс интересов должника и кредиторов, чьи права нарушены систематическим неисполнением обязательств должником. Реализация роскошного жилого помещения с предоставлением замещающего жилья

позволит включить максимально возможные размеры имущества в конкурсную массу [3].

Под роскошным понимается такое жилье, размеры которого значительно превышают разумно достаточные для удовлетворения потребности должника в жилище.

Проблема заключается в том, что нет акта, конкретизирующего понятия явность или, наоборот, незначительность превышения, которыми оперирует Конституционный суд Российской Федерации. То есть понятие роскошности является абстрактным. В связи с этим суды лишены четких ориентиров при рассмотрении дел о снятии/установлении имущественного иммунитета, что приводит к правовой неопределенности и разрозненности в судебной практике (см. Таблицу 1).

В доктрине и практике предлагается использовать количественные и качественные характеристики при решении вопроса о том, относится ли жилье к роскошному (см. Схему 1). Это связано с тем, что критерий единственности не может быть универсальным основанием для освобождения имущества от взыскания [4]. К количественным можно отнести размер жилого помещения, его стоимость и стоимость эксплуатации. Качественными критериями являются статус жилья (коттедж, квартира и т.д.), конструктивные особенности помещения, жилая площадь [5].

Рассмотрим количественные критерии подробнее, поскольку именно они чаще всего фигурируют в судебной практике.

Касаемо размера жилого помещения стоит отметить, что даже в судебной практике не выработана позиция по поводу определения конкретной цифры, которая могла бы считаться отправной точкой в возможности снятия иммунитета. ВС РФ указал, что для признания размера жилья явно превышающим нормы предоставления нужно использовать критерий кратности [6]. Однако во сколько именно раз площадь жилого помещения должна быть больше, чем нормы социального найма, до сих пор не уточнено. *Например,*

квартира должника Стружкина Д.Г., в три раза превышающая по площади норму предоставления, не была признана роскошным жильем [7].

Органы местного самоуправления, в соответствии со ст.50 Жилищного кодекса РФ, устанавливают нормы предоставления жилых помещений по договорам социального найма [8]. В г. Вологде учетная норма составляет 10 кв.м., а норма предоставления –15 кв.м. на человека [9]. ВС РФ отметил, что такие нормативы не могут использоваться для определения достаточности обеспечения жильем в деле о банкротстве [10].

В связи с этим утверждением возникает несколько вопросов. Во-первых, почему установлены различные понимания достаточности обеспечения жильем, тогда как конституционно гарантированное право едино? Во-вторых, даже если считать недопустимым применение нормативов из социального найма в связи с тем, что они обеспечивают лишь минимальный уровень гарантий, почему не установить четкий критерий кратности? Думается, что вполне приемлемым будет закрепить, например, четырех-пятикратный размер по сравнению с нормами предоставления по договорам социального найма, при превышении которого жилье будет считаться роскошным. Это не слишком мало, что обеспечит достойный уровень жизни, но и не слишком много, что позволит соблюсти интересы кредиторов по наполнению конкурсной массы.

Вторым важным аспектом является стоимость эксплуатации жилья. Данный критерий складывается из платы за жилое помещение, взносов на капремонт и платы за коммунальные услуги (воду, газ, электроэнергию и пр.) [8]. Не секрет, что при значительной площади жилья расходы по этим платежам будут большие. И если размер жилища нейтрально отражается на конкурсной массе, то расходы на эксплуатацию, являющиеся текущими платежами, постоянно увеличивают сумму требований. При недостаточности имущества такие платежи уменьшают конкурсную массу и являются обременительными для кредиторов. *Так, в деле должника Назарова О.В. суд учел, что содержание жилого дома площадью 386,1 кв.м. требует значительных финансовых*

затрат, которые обременительны для имущественной сферы должника, не имеющего постоянного дохода. Это стало одним из оснований снятия иммунитета [11].

Стоимость жилья также имеет значение, поскольку от этого зависит сальдо – сумма, на которую пополнится конкурсная масса при его продаже. Так, Волков В.М. хотел распространить исполнительский иммунитет на дом в Испании, стоимость которого на момент рассмотрения заявления составляла 84 млн. рублей. Суды всех инстанций пришли к выводу, что исключение такого имущества из конкурсной массы будет нарушением прав кредиторов – при реализации дома они получают значительное удовлетворение [12]. Если же стоимость жилья незначительна, то пополнение конкурсной массы будет неэффективным с учетом иных расходов (продажа, покупка замещающего жилого помещения и др.) и приобретет карательную функцию. Таким образом, при оценке этого критерия важно учитывать целесообразность снятия иммунитета.

Для решения проблемы неопределенности в понимании роскошности жилья можно было бы закрепить абстрактные критерии, как это предлагает В.И. Галанин, т.е. перечислить то, что может быть взято судом во внимание [13]. Также можно конкретизировать рассмотренные выше положения. Например, указать максимально возможное превышение норм предоставления, максимальную стоимость жилья, на которое будет распространяться исполнительский иммунитет. Безусловно, дискреция судов останется, однако она будет не так сильно выражена, что позволит защитить интересы и должников, и кредиторов.

Видится, что при «многолетнем недопустимом законодательном бездействии» есть возможность и явная необходимость установить в позициях высших судов количественные и качественные характеристики жилых помещений, по которым можно будет определить, что они явно превышают достаточности для удовлетворения потребности в жилище. Несмотря на то, что

судебный прецедент не признается в российской правовой системе источником права, толкование, данное как Конституционным, так и Верховным судом все равно является опорой для нижестоящих инстанций. Такое промежуточное регулирование поможет исключить правовую неопределенность до тех пор, пока законодатель не внесет соответствующие изменения в ГПК РФ.

Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации установил, что снятие исполнительского иммунитета возможно при признании единственного жилья роскошным. Однако ни в законодательстве, ни в судебной практике нет для этого четких критериев. Между тем, к таковым можно отнести размер жилого помещения, его статус, стоимость и иные. Эти критерии могут формулироваться абстрактно, путем указания на возможность их использования, или конкретно с помощью закрепления их величин. В настоящее время наличествует необходимость нормативно установить подобные критерии, а при дальнейшем бездействии законодателя определить их в позициях высших судов с целью придания правовой определенности ситуации со снятием иммунитета на единственное жилье.

Список литературы:

1. Официальный сайт Единого федерального реестра сведений о банкротстве [Электронный ресурс] // URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/> (дата обращения: 15.04.2023)
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // Собрание законодательства РФ, 10.05.2021, N 19, ст. 3290
3. Исхакова, Р.Д. Проблема исполнительского иммунитета единственного пригодного для проживания жилого помещения должника в процедуре

несостоятельности (банкротства) // StudNet. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ispolnitelskogo-immuniteta-edinstvennogo-prigodnogo-dlya-prozhivaniya-zhilogo-pomescheniya-dolzhnika-v-protsedure> (дата обращения: 23.09.2024).

4. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Жилина к Постановлению Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 N 11-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», N 4, 2012

5. Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Нормативное регулирование признания жилого помещения роскошным // Юридическая наука. 2021. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-regulirovanie-priznaniya-zhilogo-pomescheniya-roskoshnym> (дата обращения: 23.09.2024).

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2021 N 309-ЭС21-14612 по делу N А50-16438/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bcaa9cbf-f206-45b6-b7b9-e5eb5f6d6502> (дата обращения: 25.09.2024)

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 октября 2020 г. N 309-ЭС2010004 по делу N А71-16753/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fd6509b2-3770-4af7-ab4d-2a2d8d0527c9> (дата обращения: 25.09.2024)

8. Жилищный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 21 ноября 2022 года) (редакция, действующая с 1 марта 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации N 1 (ч.1), 03.01.2005, ст.14

9. Постановление Главы г. Вологды от 15 июля 2005 г. N 2032 «Об установлении размера учетной нормы площади жилого помещения и размера нормы предоставления общей площади жилого помещения по договору социального найма» (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.07.2017 N 78-КГ17-28 // СПС КонсультантПлюс
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02 декабря 2019 г. по делу № А76-11986/201 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b1eb59af-ceef-4ef0-ad5f-9fa3e0706768> (дата обращения: 26.09.2024)
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.12.2019 по делу №А56-22735/2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/65d7d365-15cb-4558-b052-d6aa48ab1e4> (дата обращения: 26.09.2024)
13. Галанин, В.И. Проблема нормативного закрепления понятия и критериев «роскошного» жилья в российском законодательстве // Всероссийские судебные дебаты – 2022: материалы модельного судебного процесса «Всероссийские судебные дебаты – 2022» (Казань, 22–23 апреля 2022 г.) – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – 553 с.

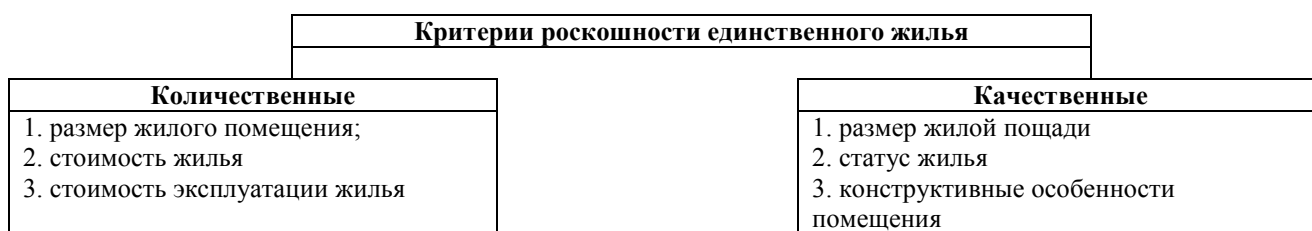

Приложения

Таблица 1. Анализ подходов судебной практики по вопросу отнесения единственного жилья к роскошному в целях применения исполнительского иммунитета на единственное жилье

Судебный акт	Размер единственного жилья	Решение суда о применении или неприменении исполнительского иммунитета
Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.08.2017 N Ф05-11013/2017 по делу N А40-23528/2016	428,1 кв.м.	Исключено из конкурсной массы
Постановление Арбитражного суда Поволжского округа по делу №А65–23235/2015	879 кв.м.	Оставлено в конкурсной массе
Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19 октября 2020 № 07АП–6625/2017(12) по делу № А03–1682/2017	245,8 кв.м.	Исключено из конкурсной массы
Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.10.2021 по делу № А65-31278/2019	209,4 кв.м.	Оставлено в конкурсной массе
Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2022 по делу № А40-189415/19	621,2 кв.м	Оставлено в конкурсной массе
Определение Верховного суда РФ от 18.04.2022 по делу № 302-ЭС21-25189	392,9 кв.м.	Исключено из конкурсной массы
Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.02.2022 по делу № А41-57108/19	329,5 кв.м.	Исключено из конкурсной массы
Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 декабря 2019 г. N Ф09-3501/18 по делу N А76-11986/2016	386,1 кв.м.	Оставлено в конкурсной массе

Схема 1. Критерии отнесения жилья к роскошному

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349

Артамонова Дарья Алексеевна

Киселёв Андрей Михайлович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

dasha-artamonowa2018@yandex.ru

anderkis2002@gmail.com

Artamonova Daria

Kiselev Andrey

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Yekaterinburg

**ПРОЦЕСС ГАРМОНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА
ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Аннотация: работа посвящена исследованию вопросов гармонизации трудового законодательства на территории стран-участниц Евразийского экономического союза. Авторами рассмотрены основные акты Союза, регулирующие сферу сближения нормативного регулирования труда, а также приведены практические рекомендации к дальнейшему усовершенствованию данного процесса, реализация которых позволит намного быстрее создать единое евразийское трудовое пространство.

Ключевые слова: труд, Евразийский экономический союз, трудовое право, государства-члены, гармонизация.

**THE PROCESS OF HARMONIZATION OF LABOR LEGISLATION IN THE
EURASIAN SPACE**

Annotation: the article is devoted to the study of issues of harmonization of labor legislation in the territory of the member countries of the Eurasian Economic Union. The authors reviewed the main acts of the Union regulating the sphere of convergence of labor regulations, and also provided practical recommendations for further improvement of this process, the implementation of which will allow much faster creation of a single Eurasian labor law space.

Key words: labor, Eurasian Economic Union, labor law, member states, harmonization.

Евразийский экономический союз (далее - ЕАЭС) был создан в 2015 году и объединяет несколько стран для более тесного экономического сотрудничества. Основные причины и факторы, обусловившие его создание, можно свести к нескольким ключевым аспектам:

1. Экономическая интеграция: одной из основных целей создания ЕАЭС является углубление экономической интеграции между государствами-членами, а также государствами-наблюдателями. Данная интеграция включает в себя создание единого рынка, свободное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Подобное сотрудничество помогает укрепить экономические связи и повысить конкурентоспособность стран-участниц на международной арене. ЕАЭС позволило создать государствам платформу для коллективной разработки наиболее благоприятных решений в экономической сфере.

2. Политическая стабильность: создание ЕАЭС также было обусловлено желанием сохранить политическую стабильность в регионе. Интеграция может способствовать снижению политических рисков и конфликтов между государствами, укрепляя взаимозависимость и открывая пространство для диалога и сотрудничества.

3. Исторические и культурные связи: Многие страны, входящие в состав ЕАЭС, имеют общую историю и культурные связи, что способствует созданию экономического блока. Почти все постсоветское пространство имеет схожее

построение экономической и социальной структуры, что упрощает процесс интеграции.

4. Сравнительно низкие барьеры для торговли: ЕАЭС обеспечивает снижение тарифов и других барьеров для торговли между участниками, что делает обмен товарами и услугами более доступным и выгодным.

Таким образом, создание ЕАЭС было обусловлено сочетанием экономических, политических, исторических и социальных факторов, которые делают интеграцию актуальной и необходимой для стран-участниц с целью достижения устойчивого развития и роста.

Регулирование отношений в сфере труда, осложненных иностранным элементом, всегда являлось важным вопросом для государств, на территории которых трудятся мигранты.

Так, например, вопрос регулирования данной отрасли правоотношений поднимался еще в Евразийском экономическом сообществе (далее – ЕврАзЭС). В 2009 года были подготовлены Рекомендации по гармонизации трудового законодательства государств–членов ЕврАзЭС [9], которые предусматривали три возможных способа гармонизации трудового законодательства:

1) создание модельного Трудового кодекса, носящего рекомендательный характер;

2) принятие Основ трудового законодательства ЕврАзЭС, имеющих статус нормативного акта прямого действия;

3) внесение изменений и дополнений в действующие трудовые кодексы государств ЕврАзЭС в целях создания унифицированных условий использования рабочей силы.

Многие зарубежные и отечественные правоведы выступали за принятие Основ трудового законодательства ЕврАзЭС, к примеру, Головина С.Ю. отмечала: «Основы трудового законодательства ЕврАзЭС могут позиционироваться как модель правовой интеграции в форме кодифицированного акта, регламентирующего трудовые и непосредственно

связанные с ними отношения, на которую будут ориентироваться государства Сообщества при разработке и корректировке национальных Трудовых кодексов и иных нормативных правовых актов в сфере труда и занятости» [4, с. 163], [8, с. 20].

В дальнейшем была разработана Концепция Основ трудового законодательства ЕврАзЭС [10]. Однако, ввиду скорого прекращения функционирования ЕврАзЭС, итоговый документ так и не был принят членами Сообщества.

После прекращения деятельности ЕврАзЭС в связи с образованием ЕАЭС, вопросы регулирования трудовой миграции стали регулироваться разделом XXVI Договора о Евразийском экономическом союзе [7]. Данный раздел содержит в себе следующие статьи: статья 96. Сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции; статья 97. Трудовая деятельность трудящихся государств-членов; статья 98. Права и обязанности трудящегося государства-члена.

Основное содержание приведённых выше статей сводится к следующим правилам регулирования трудовых, а также иных непосредственно связанных с ними, отношений:

1) Государства-члены Союза осуществляют всеобъемлющее сотрудничество в сфере согласования политики по регулированию трудовой миграции;

2) Работодатели государств-членов Союза вправе привлекать к труду работников, являющихся гражданами государства-члена, без ограничений в сфере защиты национального рынка труда;

3) Документы об образовании, полученные на территории государств-членов Союза, не требуют дополнительного подтверждения, за исключением документов об образовании работников-медиков и фармацевтов;

4) Документы, подтверждающие наличие ученой степени или ученого звания, также не требуют дополнительного подтверждения;

5) Трудовые отношения регулируются на основании законодательства страны, в котором осуществляется трудовая деятельность;

6) Срок временного пребывания трудового мигранты и его семьи на территории государства-члена определяется в соответствии со сроком действия трудового договора или же гражданско-правового договора;

7) Социальное обеспечение трудового мигранта осуществляется на равных условиях с гражданами государства-члена, на территории которого осуществляется трудовая деятельность;

8) Пенсионное обеспечение трудовых мигрантов регулируется отдельными международными договорами между государствами-членами;

9) Доходы трудового мигранта подлежат налогообложению в соответствии с международными договорами между государствами-членами, а также положениями национального законодательства государства места трудоустройства.

Данные общие положения в полной мере отвечают общепринятым международным стандартам регулирования трудовых отношений мигрантов. Предлагаем более подробно разобрать отдельные вышеприведенные правила.

В развитие правила, отраженного в разделе XXVI Договора о ЕАЭС, о том, что не требуется дополнительного подтверждения для документов об образовании, выданных на территории государств-членов Союза, были приняты также межправительственные акты, в частности, Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 24 ноября 1998 г. [11], в котором отражено, что в целях осуществления гражданами стран Союза трудовой деятельности признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании. При этом трудящиеся, претендующие на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью в другом государстве-

члене, могут быть допущены к этим видам деятельности в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Это значит, что они должны проходить установленную законодательством государства трудоустройства процедуру признания документов об образовании, что вполне соответствует публичным ограничениям и интересу государства в данных сферах, как наиболее важных для развития общества и благополучного будущего населения.

Также, к примеру, положение о том, что трудовые отношения регулируются на основании законодательства страны, в которой осуществляется трудовая деятельность, соответствует выработанной и применяемой в международной практике коллизионной привязке «закон места работы». Если не выбрано право какой-то иной страны, действует этот принцип, т.е. действует право страны места нахождения предприятия, организации, где работает работник, или же в отдельных случаях - место нахождения органов управления предприятия. В случаях командирования работника в другую страну для выполнения трудовых функций применяется также принцип закона страны учреждения, командировавшего работника.

В отдельных ситуациях, если работа выполняется в некоторых странах (работники международного транспорта - воздушного, речного и т.д.) применяются дополнительные коллизионные привязки. Так, ст. 416 Кодекса торгового мореплавания устанавливает, что члены экипажа судна и судовладелец, отношения которых связаны договором, где отсутствует конкретное условие применения закона определенной страны, должны руководствоваться законом государства флага судна. Суды Российской Федерации в случае спора, касающегося трудовых отношений с участием иностранного элемента, возникшего на территории РФ, в основном применяют российское право [12, с. 207].

Пенсионное же обеспечение, наоборот, регулируется на основе отдельных международных договоров между странами-членами Союза.

Специфику данного регулирования можно детально рассмотреть на примере взаимодействия Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Беларусь (далее – РБ) (оба государства, как нам известно, являются государствами-участниками Союза).

Договор «О создании Союзного государства» [5] в статье 2 регламентирует общие цели создания единого социально-экономического пространства, проведения согласованной социальной политики, которая бы обеспечивала достойную жизнь и развитие человека. Мы не можем говорить о том, что все положения данного договора исполняются в полном объеме, но гармонизация и некая унификация регулирования была проведена, ведь был подписан еще один договор – «О сотрудничестве в области социального обеспечения» [6].

Исходя из этого соглашения, граждане договаривающихся стран теперь имеют право на:

- признание прав на пенсионные выплаты лиц при переезде, на территории РФ или РБ, а также приравнивание в правах и свободах к гражданам этой страны;
- учет стажа на территории обеих стран и их суммирование при назначении выплаты по временной нетрудоспособности и материнству;
- страховой (трудовой) стаж, учитываемый при конвертации пенсионных прав, учитывается в страховой (трудовой) стаж;
- унифицированное заявление: любое заявление о назначении или пересмотре пенсии или пособия, поданное законодательству одной страны, также считается заявлением, поданным законодательству страны.

Стоит отметить, что положения закреплены в качестве переходных, и в настоящее время требуют серьезных нововведений и адаптации к измененным условиям реализации пенсионного законодательства [2, с. 80].

Исходя из анализа вышеприведенных актов, можно заключить что некоторая гармонизация законодательства в сфере труда уже произведена на территории государств-членов ЕАЭС, посредством заключения двухсторонних соглашений, а также имплементации в свои правовые системы положений договоров, заключенных в составе Союза, так как в этих государствах, как и в РФ, нормы международных договоров имеют приоритет над национальным законодательством.

Дальнейшая гармонизация трудового законодательства потенциально может улучшить условия труда, повысить мобильность рабочей силы и стимулировать экономическое развитие региона. Вместе с тем возникает необходимость учитывать интересы всех сторон: работников, работодателей и государства. Конечно же, взаимодействие между государственными органами и социальными партнерами является решающим фактором в этом процессе.

Авторами предлагаются следующие практические рекомендации для повышения уровня гармонизации трудового законодательства в странах ЕАЭС.

Во-первых, считаем необходимым разработку и принятие неких общих минимальных стандартов в сфере регулирования труда, в том числе во исполнение множества рекомендаций Международной организации труда, например, касающихся запрета возможности заключения срочного трудового договора с предпенсионером и пенсионером, запрета на соблюдение каких-либо условий, касающихся уважительности причины для увольнения работника по его инициативе.

Во-вторых, внедрение согласованных социальных стандартов при регулировании иных отношений, связанных с трудовыми. В частности, это могут быть единые рекомендации в сфере социального страхования, предоставление отпусков по беременности и родам, отпуском по уходу за ребенком и т.д.

В-третьих, создание на межгосударственном уровне в регионе ЕАЭС организации, выполняющей функции по анализу и выработке практических

предложений по улучшению работы внутригосударственных органов, осуществляющих контроль в сфере соблюдения трудового законодательства.

В-четвертых, повышение эффективности работы уже имеющихся интернет-порталов, размещающих актуальные вакансии на территории государств-членов ЕАЭС, за счет внедрения систем искусственного интеллекта для оперативности отклика, а также упрощения поиска места работы.

Последняя рекомендация связана с деятельностью портала «Работа без границ», созданного на базе российского сервиса «Работа России». Данная система была одобрена Советом Евразийской экономической комиссии в 2019 году и достаточно плодотворно действует до сих пор [3].

Гармонизация трудового законодательства в ЕАЭС требует не только правовых, но и социальных изменений, которые будут способствовать более сбалансированному и устойчивому развитию интеграционных процессов. Основное внимание должно быть уделено правам и свободам работников, а также созданию комфортных условий труда для всех.

Стоит отметить, что члены Союза являются постсоветскими странами, что объясняет их долговременные, тесные и непоколебимые экономические, политические и культурные связи между друг другом. Их сближение в настоящее время является не только экономически обусловленной задачей, но и социально-культурным развитием постсоветского общества. Упрощение процедур экономического оборота между странами, снижение требований при трудоустройстве в странах-участницах для работников из государств Союза и т.д., позволяет сблизить государства, наладить не только экономические, политические, правовые связи, но и развить обмен культурным опытом [1, с. 7].

Исследование проведено в рамках субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ (Соглашение от «30» мая 2024 г. № 075-15-2024-612)

Список литературы:

1. Артамонова Д. А. Влияние консультативных заключений суда ЕАЭС на процесс усиления взаимосвязи рынка труда стран-членов союза / Д. А. Артамонова, А. М. Киселев // Дискуссия по вопросам интернационализации юридической науки и образования на пространстве ЕАЭС : Материалы Дискуссии, Екатеринбург, 08 декабря 2022 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2022. – С. 4-8.

2. Артамонова Д. А. Унификация пенсионного обеспечения Российской Федерации и Республики Беларусь - шаг к развитию социального государства / Д. А. Артамонова, А. М. Киселев // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы современной науки, достижения и инновации : Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции, Уфа, 27 июня 2023 года. Том Часть 2. 2023. – С. 76-80.

3. В ЕАЭС стартует проект «Унифицированная система поиска «Работа без границ» [Электронный ресурс] // URL: https://eec.eaeunion.org/news/10-09-2019-2/?sphrase_id=324682 (дата обращения: 04.10.2024 г.).

4. Головина С.Ю. К вопросу о гармонизации трудового законодательства государств-членов ЕврАзЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. №14. – С. 158-163.

5. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» (Договор ратифицирован Федеральным законом от 02.01.2000 № 25-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 14.02.2000, № 7, ст. 786.

6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 24.01.2006 «О сотрудничестве в области социального обеспечения» (Договор ратифицирован Федеральным законом от 07.12.2006 № 227-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 09.04.2007, №15, ст. 1745.

7. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 04.10.2024 г.)

8. Лютов Н. Л. Некоторые соображения по поводу гармонизации трудового законодательства в рамках ЕВРАЗЭС / Н. Л. Лютов // Трудовое право в России и за рубежом. – 2010. – № 3. – С. 17-23.

9. Постановление Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС «О Рекомендациях по гармонизации трудового законодательства государств - членов ЕврАзЭС (на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств)» от 13 мая 2009 г. № 10-13 // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29037 (дата обращения: 04.10.2024 г.).

10. Постановление Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС «Об утверждении Концепции Основ трудового законодательства ЕврАзЭС» от 27 октября 2010 г. № 8 // URL: <https://pravo.levonevsky.org/bazaby/org326/index.htm> (дата обращения: 04.10.2024 г.).

11. Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством РФ и Правительством Республики Таджикистан от 24.11.1998 г. (ред. от 26.02.2002) «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22578/ (дата обращения: 04.10.2024 г.).

12. Фадеева Антонина Викторовна Трудовые отношения в международном частном праве / А.В. Фадеева, А.К. Шереметьева // Право и государство: теория и практика. №. 11 (203). 2021. – С. 206-208.

УДК 349.2

Грамотчиков Владимир Андреевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

VolodiaGE@yandex.ru

Gramatchikov Vladimir

Kutafin Moscow State Law University

Institute of Private Law

Russia, Moscow

ОХРАНА ПРИВАТНОСТИ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ: РОЛЬ И ВИДЫ СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Аннотация: в статье рассматривается роль и виды служебной тайны в области трудового права, при этом акцентируется внимание на вопросах охраны приватности информации и сведений конфиденциального характера. Основываясь на ключевых понятиях, таких как служебная тайна и её виды, сведения конфиденциального характера, вопросы, связанные с врачебной, следственной тайной. Доказываются причины по которым целесообразным внести изменения в действующее законодательство, заменив термин «служебная тайна» на «профессиональная тайна», что позволит более точно отразить характер конфиденциальной информации, связанной с трудовой деятельностью, и унифицировать правовые нормы, регулирующие защиту таких сведений.

Ключевые слова: трудовое право, служебная тайна, сведения конфиденциального характера, врачебная тайна, тайна следствия, профессиональная тайна, виды служебной тайны.

PROTECTING PRIVACY AND CONFIDENTIALITY: THE ROLE OF OFFICIAL SECRETS IN LABOUR LAW

Annotation: the article examines the role and types of official secrets in the field of labour law, focusing on the issues of protection of privacy of information and confidential information. Based on the key concepts such as official secrecy and its types, confidential information, issues related to medical and investigative secrecy. The reasons why it is advisable to amend the current legislation by replacing the term ‘official secret’ with ‘professional secret’, which will allow to more accurately reflect the nature of confidential information related to labour activity and unify the legal norms governing the protection of such information.

Key words: labour law, official secrecy, confidential information, medical secrecy, investigative secrecy, professional secrecy, types of official secrecy.

В современном информационном обществе вопросы охраны приватности и конфиденциальности занимают центральное место в различных сферах жизни, в том числе в сфере труда. В условиях стремительно развивающегося информационного общества вопросы охраны приватности и конфиденциальности становятся важнейшими аспектами правового регулирования. С каждым годом количество данных, передаваемых и обрабатываемых в цифровом формате, значительно увеличивается, что требует более чётких механизмов защиты информации, особенно сведений, которые относятся к служебной и профессиональной тайне.

Актуальность данной статьи обусловлена возрастающей ролью защиты конфиденциальной информации в условиях цифровизации и глобализации. В современном обществе информация становится одним из ключевых ресурсов, и утечка данных может нанести значительный ущерб как частным лицам, так и организациям. Проблемы регулирования служебной тайны и информации ограниченного доступа имеют особое значение для юриспруденции в России, так как в правоприменительной практике наблюдаются несоответствия и

разнородность регулирования в разных сферах. Отсутствие единого закона о служебной тайне и разнородность регулирования различных видов конфиденциальной информации (врачебная, адвокатская, налоговая тайна, тайна следствия и т.д.) создают сложности для правоприменения и приводят к возникновению трудовых споров.

Эти проблемы затрагивают не только интересы работодателя, но и права работников, особенно в контексте защиты их персональных данных и соблюдения принципов конфиденциальности. Важность единых и чётких правил становится особенно актуальной на фоне роста киберугроз и незаконного доступа к конфиденциальным данным. В условиях правовой неопределенности, недостаточно чёткой формулировки понятий и отсутствия системного подхода к регулированию конфиденциальности могут возникнуть серьёзные риски для юридической защиты сторон.

Данная проблема важна и для формирования прозрачных и устойчивых правовых механизмов защиты конфиденциальной информации, что в конечном итоге способствует развитию доверительных трудовых отношений, защиты коммерческих и личных интересов. Унификация понятий и законодательных норм позволит устранить существующие пробелы и противоречия, обеспечив более чёткое соблюдение правовых норм.

К служебным сведениям, относятся сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Согласно Указу Президента «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» в служебную тайну входят: врачебная, налоговая, нотариальная, адвокатская тайна, и другие.

На данный момент нет единого закона о «службе тайне», и все виды служебной тайны разрознены [2, с. 126-127] (налоговая, адвокатская, нотариальная, врачебная, аудиторская, тайна страхования, тайна следствия) регулируются разными законами.

Так, под врачебной тайной понимаются сведения [3] о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну.

Врачебная тайна представляет собой важный аспект медицинской этики и законодательства, защищающий конфиденциальность информации о состоянии здоровья пациента, так как врачи подчиняются трудовому законодательству, то врачебная тайна является важным аспектом для трудового законодательства. Эта тайна защищает интересы пациентов и создает доверие между врачом и пациентом. Врач не имеет права раскрывать информацию о пациенте без его согласия, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В качестве примера судебной практики можно привести апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.04.2022 [4], в котором врач-трихолог сфотографировала пациента до и после услуги по пересадке волос и выложила фото на сайт компании, тем самым нарушив врачебную тайну. Пациенту присудили 10 тыс. руб. компенсации морального вреда.

Под тайной следствия понимаются все данные, которые связаны с расследованием преступлений: это могут быть сведения о ходе и методах проведения следственных действий, данные о подозреваемых и обвиняемых, показания свидетелей, экспертные заключения и другие материалы дела. Одной из ключевых целей института тайны следствия является предотвращение негативного влияния на процесс расследования, исключение возможности утечки информации, которая могла бы навредить правосудию, повлиять на участников процесса или спровоцировать уклонение подозреваемых от ответственности.

Важность тайны следствия также заключается в защите интересов потерпевших и свидетелей. Разглашение таких данных может поставить под угрозу их безопасность и права. Это подчёркивает необходимость строгого

контроля за соблюдением конфиденциальности в ходе следственных мероприятий.

С точки зрения трудового права, обязательство по сохранению тайны следствия выступает неотъемлемой частью трудовой функции следователя и входит в перечень профессиональных обязанностей, закреплённых в его должностных инструкциях и трудовом договоре. Нарушение этой обязанности может стать основанием для дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения со службы, а также уголовной ответственности, если разглашение данных следствия привело к серьёзным последствиям.

Законодательное регулирование тайны следствия в России осуществляется, в первую очередь, Уголовно-процессуальным кодексом РФ, который предусматривает строгие требования к сохранению конфиденциальности материалов дела. В статье 161 УПК РФ [5] прямо указано, что данные предварительного следствия не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных законом, или по разрешению следователя с согласия руководителя следственного органа.

Институт тайны следствия в трудовом праве связан с обеспечением конфиденциальности информации [6, с. 242], полученной в ходе исполнения профессиональных обязанностей следователями. Это обязательство закреплено в правовых нормах и является важной частью их трудовой деятельности, направленной на поддержание справедливого и независимого расследования, защиту прав участников уголовного процесса и интересов правосудия.

В отношении информации ограниченного доступа необходимо отметить, что к ней относятся сведения, доступ к которым ограничен федеральными законами, но она не относится к тайнам определённого вида, например персональные данные. К служебной информации ограниченного распространения относится несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью в содержащими служебную информацию ограниченного

распространения, в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности [7].

Обоснованной представляется позиция Н.О. Травникова [8], утверждающего что к «проблемам правовой регламентации института служебной тайны относится существенное различие терминологии при обозначении охраняемых сведений. В силу несформированности термина служебная тайна законодатель старается избегать его употребления».

Следует также согласиться с мнением Г.Г. Камаловой в том, что принятие специального закона о служебной тайне создаст прозрачные правила формирования данной информации ограниченного доступа на основе баланса интересов общества, государства и личности, позволит унифицировать правила установления, прекращения правового режима служебной тайны, используемых мер по обеспечению конфиденциальности, установить возможность общественного и иного контроля и решить иные вопросы [9, с. 1896-1897].

Представляется целесообразным в пп. в) п.6 ч.1 ст.81 ТК РФ заменить термин «служебная тайна» на «профессиональную тайну» для более точного определения характера тайны, связанной с трудовой деятельностью работника, что позволит чётко отразить суть информации, которую работник обязан сохранять в тайне, подчеркнув профессиональный характер такой конфиденциальности. Такая замена может способствовать улучшению формулировки статьи, сделав ее более ясной и терминологически более верной.

Термин «служебная тайна» действительно не является типичным для трудового права. Он в большей степени применяется в отношении государственных служащих, военнослужащих. Согласно статье 11 Трудового кодекса РФ [10], трудовое законодательство не распространяется на военнослужащих и иных лиц, чья служба регулируется специальными нормативными актами, что ставит под сомнение прямое применение норм

трудового права к их деятельности. В отношении таких лиц используются иные правовые механизмы, в том числе регулирование служебной тайны.

Понятие «служебная тайна» традиционно относится к информации, которая используется в служебных целях и должна оставаться конфиденциальной для защиты интересов государства или конкретных учреждений. Это касается государственных служащих, которые в силу специфики своей деятельности имеют доступ к государственным секретам, внутренним документам или другим чувствительным данным, разглашение тайны может нанести ущерб государственной безопасности или интересам.

Совершенствование действующего законодательства будет способствовать единообразному правоприменению в области защиты служебной тайны позволит обеспечить права и интересы всех сторон трудовых отношений в условиях современного информационного общества.

Введение единых стандартов регулирования конфиденциальной информации, связанной с профессиональной деятельностью, является важным шагом на пути к созданию более гармоничной правовой системы. Это не только позволит устранить существующие противоречия в терминологии, но и обеспечит большую правовую защищенность работников и работодателей, что особенно важно в условиях ускоряющейся цифровизации и развития технологий.

Внедрение концепции «профессиональной тайны» будет способствовать укреплению доверия в трудовых отношениях, улучшению правоприменительной практики и повышению эффективности защиты конфиденциальной информации в различных сферах деятельности. В результате, правовой режим профессиональной тайны станет важным инструментом защиты не только коммерческих интересов работодателей, но и персональных данных работников, что создаст более безопасную и предсказуемую рабочую среду в условиях современного информационного общества.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 06.03.1997 N 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера»// URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10638> (дата обращения: 13.09.2024)
2. Холодная Елена Викторовна О существенных признаках служебной тайны // Вестник СГЮА. 2019. №2 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnostnyh-priznakah-sluzhebnoy-tauny> (дата обращения: 13.09.2024).
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, N 48, ст. 6724.
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.04.2022 по делу № 33-4558/2022 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., N 52, ст. 4921
6. Исаева Регина Минияровна К вопросу бытия тайны следствия в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-bytiya-tauny-sledstviya-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 30.09.2024).
7. Положение о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности (утв. постановлением Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. N 1233)
8. Травников Н.О. Проблемы закрепления института служебной тайны в российской правовой системе // Российский юридический журнал. 2019. N 1
9. Камалова Г.Г. О современном состоянии законодательства о служебной тайне // Актуальные проблемы российского права. 2014. №9. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennom-sostoyanii-zakonodatelstva-o-sluzhebnoy-tayne> (дата обращения: 20.09.2024).

10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3

Сиротинина Вероника Александровна

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Юридический институт

Россия, Томск

veronika.sirotinina@gmail.com

Sirotinina Veronika

The National Research Tomsk State University

Law Institute

Russia, Tomsk

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ СКРЫТЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье раскрывается феномен скрытых трудовых отношений в Российской Федерации, рассмотрена специфика генезиса неформальных трудовых отношений. Приводится анализ исследования социальных, политических, экономических, правовых причин развития неформальных трудовых отношений в их взаимосвязи.

Ключевые слова: скрытые трудовые отношения, социальные причины, политические причины, экономические причины, правовые причины.

REASONS FOR THE EMERGENCE OF HIDDEN LABOR RELATIONS IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article reveals the phenomenon of hidden labor relations in the Russian Federation, considers the specifics of the genesis of informal labor relations. The analysis of the study of social, political, economic, legal reasons for the development of informal labor relations in their interrelation is given.

Key words: hidden labor relations, social reasons, political reasons, economic reasons, legal reasons.

Скрытые трудовые отношения на сегодняшний день являются актуальной проблемой в трудовом праве во многих странах. Данный феномен берет свое начало с дореволюционного периода и является предметом рассмотрения в юридических, экономических, социологических, психологических исследованиях.

В науке нет однозначного подхода к определению скрытых трудовых отношений, учеными рассматриваются как в узком, так и в широком смысле. Приведем некоторые точки зрения. Г. С. Лапытова предлагает два подхода к определению понятия. В широком смысле под неформальными трудовыми отношениями понимает совокупность устойчивых и массовых социальных взаимодействий между работниками и работодателями, которые дополняют или замещают официально установленный порядок организации и реализации этих связей. В узком смысле неформальные трудовые отношения рассматривает с двух позиций: как нарушение формальных правил в контексте закона и как использование неформальных регуляторов деятельности в контексте управленческого взаимодействия [1, с. 78]. М. М. Лазеева понимает под скрытыми трудовыми отношениями отношения, которые обладают всеми признаками трудовых, однако исключаящими главное основание – заключение трудового договора [2, с. 328].

Причины сокрытия отношений между работником и работодателем в Российской Федерации имеют особую специфику, поскольку характер таких причин присущ как развитым, так и развивающимся странам. В первую очередь это связано с тем, что Россия унаследовала от советской экономики виды неформальной занятости и неформального сектора, отношение государства к предпринимательской деятельности. Вместе с тем стоит отметить, что государство на данный момент находится в периоде трансформации, переходу от плановой экономики к рыночной, сопровождающемся проведением реформ, институциональными преобразованиями [3, с. 68].

Как отмечает И. В. Соболева, России, наряду с развивающимися странами, присуща неразвитость систем социальной защиты, что делает вынужденным соглашаться на любую работу, включая и теневую занятость [4, с. 36].

Также следует учитывать размер доходов населения, а точнее способность экономики обеспечить большинство населения достойным уровнем доходов. По данным Росстата, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2023 г. составила 73 709 руб., что выше уровня предыдущего года на 14,1% [5]. Однако есть и другие показатели, например, в крупнейшей в мире базе данных Numbeo Россия среди других стран занимает 67 место из 97 с показателем заработной платы после вычета всех налогов около 50500 руб. [6].

При этом показатели минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума на 2024 г. составляют 19 242 руб. и 15 453 руб. соответственно.

Вместе с этим стоит учитывать уровень безработных. По данным Росстата, в 2023 г. численность безработного населения составляет 2,4 млн человек [7].

Следует взять во внимание последствия миграционных процессов. Россия привлекательна для иностранных граждан в качестве «места для заработка». Несмотря на медленное снижение притока нелегальных мигрантов в Россию ввиду ужесточения миграционного законодательства, мигранты по-прежнему занимают достаточно большой процент от общего числа рабочей силы. Как правило, они ориентированы на самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, соглашаются на отсутствие необходимого оформления в рамках трудового и миграционного законодательства. Объясняется это тем, что иностранные граждане неграмотны, зачастую не желают изучать русский язык, российские законы, уровень заработных плат в их родной стране намного ниже, чем в России.

Одной из главных причин отказа работодателя заключать трудовой договор является стремление обойти налогообложение. Так, согласно ч. 1 ст. 224 НК РФ работодатель должен удерживать из заработной платы при фактической выплате работнику 13% от дохода и уплатить в качестве налога на доходы физических лиц. Помимо этого, работодатель должен перечислять в Фонд пенсионного и социального страхования, по общему правилу, страховые взносы в размере 30% от заработной платы на обязательное пенсионное страхование, на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование (п. 1 ч. 3 ст. 425 НК РФ) [8].

К социальным причинам высокого уровня неформальных трудовых отношений в России можно отнести низкую правовую культуру сторон правоотношения. С одной стороны, это выражается в необразованности работников, которые попросту не знают свои права и в следствие этого не обращаются за защитой в случае их нарушения работодателями [9, с. 45]. Во-вторых, в правовом нигилизме работодателя. Отмечается, что этот фактор деструктивно влияет на поведение работника и работодателя, их представлениях о должном, о правовых гарантиях и способах нарушенных прав, что выражается в развитии неформальной занятости как одной из форм нарушения трудового законодательства. К проблемам, связанным с образованием работников, можно отнести и его несоответствие текущим и перспективным потребностям экономики.

Для некоторых категорий граждан, а именно школьники, студенты, женщины с детьми, безработные, гибкость и удобство режима работы имеют преимущественное значение в заключении гражданско-правовых договоров перед трудовыми.

Особенностью скрытой занятости можно назвать функционирование национального менталитета в некоторых республиках Российской Федерации, где на первый план регулирования отношений между работником и

работодателем выходят неформальные договоренности, соблюдение норм трудового права становится уже на второй план [10, с. 356].

Правовые причины выражаются в несовершенстве трудового законодательства, в частности, правовом положении работника и работодателя, в противоречивой судебной практике, а также слабом функционировании и эффективности работы государственных органов.

В первую очередь следует сказать, что с начала распада СССР началась прослеживаться тенденция сближения гражданского и трудового права, что поддерживается и работодателями, и законодателем. В рыночной организации труда видится увеличение частноправовых начал, что объясняется объективными закономерностями хозяйства.

Как уже отмечалось ранее, трудовое право является достаточно обременительной отраслью, в первую очередь для работодателя. Помимо уже упомянутых финансовых затрат, существуют также организационные, временные, отчетные затраты. Работодателю необходимо неукоснительно исполнять нормы трудового права, обеспечивая реализацию установленных прав и гарантий работников. Так Роструд называет пять причин заключать именно трудовой договор. К ним относятся, во-первых, соблюдение условий охраны труда, в том числе режима труда и отдыха. Во-вторых, выплата заработной платы в полном объеме согласно условиям договора. В-третьих, фиксирование трудового стажа и отчисления в Фонд пенсионного и социального страхования. В-четвертых, оплата периодов временной нетрудоспособности, командировок. И, наконец, в-пятых, оплата ежегодного отпуска, выходного пособия [11].

За неисполнение социально-трудовых прав и гарантий работников работодатель привлекается к различным видам ответственности – материальной, административной и уголовной. Примечательно, что Трудовой кодекс РФ в ст. 232 устанавливает, что материальная ответственность сторон договора может быть конкретизирована в трудовом договоре или соглашениях

к нему. В таком случае ответственность работодателя перед работником не может быть ниже, а работника перед работодателем выше, чем это закреплено законодательством. Помимо этого, для работника предусматриваются льготы при привлечении его к материальной ответственности. Во-первых, работник возмещает работодателю только прямой действительный ущерб, взыскание упущенной выгоды недопустимо. Во-вторых, существуют обстоятельства, которые исключают материальную ответственность работника. К ним относятся непреодолимая сила, нормальный хозяйственный риск, крайняя необходимость, необходимая оборона, а также неисполнение работодателем обязанности по обеспечению надлежащих условий для хранения вверенного имущества работнику. В-третьих, по общему правилу, работник несет ответственность за причиненный ущерб работодателю в пределах своего среднего месячного заработка. Материальная ответственность в полном объеме может быть предусмотрена в Трудовом кодексе РФ или иных федеральных законах. Работодатель же отвечает перед работниками в полном объеме, без каких-либо исключений.

Однако несмотря на обширный перечень трудовых прав и гарантий, работник зачастую ведет себя пассивным образом: не желает вступать в комиссии по заключению коллективных договоров, не принимает участие в образовании системы социального партнерства, не обращается за защитой своих прав. Связано это как с его низкой правовой культурой и образованностью, боязнью возможного последующего отношения со стороны работодателя, так и слабой обеспеченностью защитой нарушенных трудовых прав. Последнее объясняется тем, что суды, прокуратура, государственная инспекция труда, а также комиссии по трудовым спорам являются недоступными для обычного работника. Зависит это от того, что системная организация, документооборот правила и процедуры обращения в данные органы требуют специальных юридических знаний со стороны работника.

Также стоит отдельно сказать о слабой роли профсоюзов в регулировании социально-трудовых отношений на современном этапе. Обратим внимание на то, что создание профсоюза, как правило, осуществляется в организациях государственной и муниципальной собственности, в предприятиях частной формы собственности количество профсоюзов намного ниже. Более того, членство работников в профсоюзе является добровольным. За последние десятилетия в России отмечается сокращение численности профсоюзов в организациях [12, с. 81]. К внутренним факторам данной тенденции следует отнести отсутствие информации у работников информации о работе профсоюзов, неспособность или нежелание заниматься работой по созданию и организации профсоюзов и вовлечению работников в них, отсутствие подготовленных специалистов-организаторов, а также слабое финансирование работы профсоюзов. Внешними причинами этого являются спад производства, снижение общей численности работников на крупных промышленных предприятиях, такие изменения в структуре занятости, как дистанционная работа, распространение гибкого режима работы, аутсорсинга и т.д. [13, с. 335].

Одной из причин развития скрытых трудовых отношений можно назвать противоречивую судебную практику. Так, одни суды признают трудовыми отношения, заключенные на гражданско-правовых договорах либо в отсутствие трудовых договоров, основываясь на предоставленных доказательствах, свидетельствующих о наличии признаков трудового правоотношения, другие же суды отказывают в удовлетворении исковых требований. Зачастую суды вышестоящих инстанций отменяют такие решения. Суды общей юрисдикции, в свою очередь, опираются на правовую позицию Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, которая также иногда не обладает признаком единообразия.

Стоит обратить внимание на определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 №597. В п. 2.1 разъясняется, что свобода труда может выражаться в праве гражданина свободно распоряжаться своими способностями к труду, то

есть выбирать как род занятий, так и порядок оформления данных отношений – осуществление предпринимательской деятельности, поступление на государственную службу, заключение трудового договора или выполнение работ, или оказание услуг на основании гражданско-правового договора. Уточняется, что в последних двух случаях гражданин может по соглашению со стороной договора, предоставляющего работу, выбрать любую отвечающую их интересам модель их взаимодействия, то есть заключение либо трудового, либо гражданско-правового договора. Заключая трудовой договор, физическое лицо приобретает правовой статус работника, права и обязанности которого определяются в Конституции РФ, законодательстве о труде и об обязательном социальном страховании. В случае же заключения договора о выполнении работ или оказании услуг, исполнитель не наделяется установленными законодательством правами и гарантиями работника. Однако далее Конституционный Суд РФ подчеркивает, что судам при разрешении споров, связанных с признанием отношений гражданско-правовыми или трудовыми не следует исходить только из наличия или отсутствия формализованных актов (например, гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), им необходимо устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора [14].

Таким образом, экономическая, политическая, социальная обстановка в современной России обуславливает высокий уровень неформальных трудовых отношений. Для работодателей отказ от оформления трудовых отношений является выгодным вследствие снижения финансовых затрат на уплату налогов и страховых взносов. Для работников же, с одной стороны, такой отказ является привлекательным ввиду гибкости выполнения работы, с другой стороны, является вынужденным из-за социальной и правовой незащищенности, низких заработных плат, неграмотности, а также других факторов. Ввиду несовершенства законодательства о труде, значительном обременении работодателя в экономической, организационной сфере,

неграмотности работников, противоречивости судебной практики, а также имеющихся проблемах с защитой трудовых прав и гарантий работников, развитие скрытых трудовых отношений представляется вполне логичным в представленных обстоятельствах.

Список литературы:

1. Латыпова Г. С. Неформальные трудовые отношения: понятие и особенности // Известия ВГПУ. 2008. №3. С. 78-82.
2. Лазеева М. М. Скрытые трудовые отношения: проблемы правоприменения // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. – 2022. – № 8. – С. 328-334.
3. Шпилина Т. М. Социально-экономический "портрет" неформальной занятости в России // Социальная политика и социология. – 2012. – № 6(84). – С. 67-78.
4. Соболева И.В. Серая зона российского рынка труда: масштабы и подходы к сокращению // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. №5. – С. 36-46.
5. Росстат – Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.
6. Average Monthly Net Salary (After Tax) [Электронный ресурс] // URL: https://www.numbeo.com/cost-of-living/prices_by_country.jsp?itemId=105.
7. Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.
8. Налоговый кодекс РФ от 31.07.1998 №146-ФЗ / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067058>.

9. Демидов Н. В. Неформальные трудовые отношения как закономерность развития сферы труда в России // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 4(118). – С. 43-47.

10. Нехай А. Х. Последствия развития неформальных социально-трудовых отношений в России // Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов Юга России: Сборник научных трудов по материалам II Всероссийской научно-практической конференции. – Майкоп: АГУ, 2015. – С. 355-361.

11. Роструд назвал пять причин для заключения трудового договора. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63cfb9b29a7947de81b33bf5>.

12. Покида А. Н. Защита трудовых прав работников профессиональными союзами и объединениями / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская // Государственная служба. – 2017. – Т. 19, № 5(109). – С. 79-84.

13. Джунусова Д. Н. О роли профсоюзов в защите трудовых прав граждан // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 07 сентября 2022 года. – Санкт-Петербург: Печатный цех, 2022. – С. 334-338.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 597-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации"/ Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Шабалина Ксения Витальевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

KseniaShaXenia@yandex.ru

Shabalina Xenia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУЛТАНАТА ОМАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СПИСОК РАЗРЕШЕННЫХ ИЛИ СПИСОК ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРОФЕССИЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Аннотация: в статье сравниваются положения трудового законодательства Султаната Оман и Российской Федерации в сфере ограничения права женщин на труд в форме запрета заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности. Делается вывод о том, что несмотря на применение разных правотворческих подходов, суть дискриминационных норм схожа в обоих государствах.

Ключевые слова: гендерная дискриминация, трудовое право Султаната Оман, список запрещенных профессий, дифференциация, женщины на рынке труда.

COMPARATIVE ANALYSIS OF LABOR LEGISLATION OF THE SULTANATE OF OMAN AND THE RUSSIAN FEDERATION: LIST OF ALLOWED OR LIST OF PROHIBITED PROFESSIONS FOR WOMEN

Annotation: the article compares the provisions of the labor legislation of the Sultanate of Oman and the Russian Federation in the field of restricting the right of

women to work in the form of a ban on engaging in certain activities or holding certain positions. It is concluded that despite the use of different law-making approaches, the essence of discriminatory norms is similar in both countries.

Key words: gender discrimination, labor law of the Sultanate of Oman, list of prohibited professions, differentiation, women in the labor market.

Ежегодно Всемирным Экономическим Форумом составляется Доклад о глобальном гендерном разрыве (Global Gender Gap Report). В Докладе государства ранжируются по значению Индекса глобального гендерного разрыва – статистической оценке текущего состояния и эволюции гендерного равенства в той или иной стране. При подсчете Индекса учитываются четыре ключевые измерения: экономика, политика, образование и здравоохранение [1, с. 5]. Максимально возможное значение Индекса равняется единице и считается абсолютным гендерным равенством. Однако на сегодняшний день нет ни одного государства, достигшего бы этого значения. Согласно Докладу за 2023 год, первой в рейтинге страной, наиболее приблизившейся к гендерному равенству, стала Исландия, значение Индекса гендерного разрыва для которой составило 0.912 [1, с. 27]. В рейтинге по значению Субиндекса Экономического участия и возможностей, отражающего в том числе ситуацию на рынке труда, так же нет ни одного государства с результатом равным единице, а наивысшим значением является 0.895 для Либерии. Таким образом, согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве от ВЭФ [1, с. 17], на сегодняшний день нет ни одной страны, достигшей гендерного равенства в трудовых отношениях.

Гендерная дискриминация на рынке труда подразумевает под собой ограничение в трудовых правах и свободах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от различных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника [2, с. 156], а именно на основании пола работника. В Трудовом кодексе одним из основополагающих принципов является запрет дискриминации в трудовых отношениях, однако этот принцип,

как генерализирующее правило сохраняет обобщающий характер и не имеет надлежащей конкретизации к отдельным институтам трудового права [3, с. 221].

При этом дискриминацию следует отличать от дифференциации труда, дефиниция которой дана в ст.3 Трудового кодекса Российской Федерации. Однако на стадии регламентации трудовых отношений сделать это практически невозможно, поскольку и дифференциация, и косвенная дискриминация будут иметь единую форму в виде специальных норм, и следовательно дискриминация, осуществляемая самим субъектом правотворчества будет носить завуалированный характер [2, с. 156].

Одной из форм такой завуалированной дискриминации в России является применение перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин. Существование так называемого «списка запрещенных профессий» подразумевает ограничение права женщины распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, закрепленного в ч.1 ст.37 Конституции РФ.

Существование такого перечня Конституционный Суд РФ аргументирует необходимостью особой защиты женщин «от вредных производственных факторов, негативно воздействующих на женский организм, прежде всего на репродуктивную функцию» [4]. Также Конституционный Суд РФ ссылается на общепризнанные принципы и нормы международного права, в т.ч. апеллирует к п.2 ст.4 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция), которая гласит, что не считаются дискриминационными специальные меры, направленные на охрану материнства [5], и к п.3 ст.10 Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Декларация), который также закрепляет недискриминационный характер мер, принятых для защиты женщин на

определенных видах работ, с учетом их физиологических особенностей их организма [6].

Головина С.Ю., Сыченко Е.В., Войтковская И.В. в своей работе подчеркивают, что обязанностью государств-участников Конвенции является имплементация в национальное законодательство и практику норм международного договора и его официального толкования, которое носит динамичный характер и основывается на условиях, в которых эти нормы применяются [7, с. 630]. Однако Российская Федерация в связи с жалобами граждан уже получала рекомендации Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, которые также требовалось имплементировать в национальное законодательство.

Конституционный Суд РФ толкует п.2 ст.4 Конвенции и п.3 ст.10 Декларации таким образом, что применение «списка запрещенных профессий» не является мерой дискриминационного характера, поскольку оно направлено на охрану материнства. Однако Конвенция в качестве таких мер выделяет запрет увольнения на основании беременности, введение оплачиваемых отпусков по беременности и родам с сохранением места работы, особую защиту женщинам в период беременности на определенных видах работ. При этом п.1 ст.11 Конвенции закрепляет, что государства-участники конвенции принимают меры для обеспечения равных прав мужчины и женщины, в частности права на свободный выбор профессии или рода работы при одновременном праве на охрану здоровья и безопасные условия труда, в том числе по сохранению функции продолжения рода. Таким образом, запрещение тех или иных профессий или должностей, согласно Конвенции, государством-участником которой является Российская Федерация, является дискриминационной мерой, однако решением проблемы вредности той или иной деятельности будет создание условий для охраны здоровья и безопасных условий труда для любого работника вне зависимости от его пола.

Конституционный Суд РФ указывает, что труд женщин может применяться на работах, должностях и профессиях, указанных в Перечне «запрещенных», если работодателем будут созданы безопасные условия труда, что будет подтверждено в ходе аттестации и экспертизы. Однако эта норма, установленная в п.1 примечаний к Перечню, не отменяет дискриминационный характер обсуждаемой меры, поскольку работодателю будет невыгодно проходить дополнительные проверки ради возможности нанимать женщин на определенные должности, соответственно, хотя этим примечанием и устанавливается право женщин в некоторых случаях все же заниматься обозначенной деятельностью, на деле возможностей для реализации этого права не будет. Как уже упоминалось выше, изменить дискриминационный характер меры помогло бы введение мер о создании безопасных условий труда для сотрудников обоих полов.

Тем не менее, на сегодняшний день в России продолжает действовать Приказ Минтруда «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин». С 2021 года в этот «список запрещенных профессий» входит 100 должностей, профессий и работ, где женщины не могут реализовать свое право на труд. Однако, несмотря на то, что само существование этого списка является дискриминационным, российский законодатель в данном случае использует принцип «всё, что не запрещено – разрешено» и какое-либо иное ограничение права женщин на труд признает дискриминацией, к которой применимы нормы трудового законодательства.

Более остро стоит вопрос гендерной дискриминации в странах исламского мира. Считается, что женщины являются самым дискриминируемым классом в арабском обществе [8, с. 170]. Выделяется на фоне других арабских стран Султанат Оман. С 2010 года в стране действует комплексная программа по улучшению общественного положения женщины [8, с. 171], а предыдущий руководитель страны – Султан Кабус подчеркивал, что в

Коране отсутствуют суры, в которых бы оправдывалась дискриминация женщин [9, с. 108]. Несмотря на значительное количество гендерных ограничений в оманском законодательстве, на сегодняшний день Оман является первой из стран Персидского залива по правам женщин.

В четвертом периодическом докладе Омана в соответствии со статьей 18 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подлежащем представлению в 2021 году, указывается, что в Омане отсутствуют нормативно-правовые или подзаконные акты, которые бы указывали на то, что при заполнении вакантных должностей тот или иной пол является предпочтительным, однако «существует ряд профессий, которые в силу своего особого характера требуют указания пола» (*101. Job postings in the public and private sectors have been revised to eliminate discriminatory language. Since there are no legal provisions or Ministry decisions giving preference to one sex over another in filling vacant positions, there should be no discrimination in advertising those positions, although there are some jobs that because of their special nature require gender to be specified.*) [10].

До недавнего времени в Султанате Оман основным источником трудового права являлся Закон о труде, изданный Султанским указом №35/2003 [11], на основе которого создавались иные законодательные и подзаконные акты, регулирующие трудовые отношения. Однако 25 июля 2023 года Султанским указом №53/2023 был издан новый Закон о труде.

Статья 80 старого Закона о труде устанавливала, что все обозначенные в законе правила регулирования трудовых правоотношений в равной степени должны были применяться и к женщинам. Исходя из этого положения, исследователи обозначали формальное юридически закрепленное равенство возможностей мужчин и женщин в трудовых правоотношениях, объясняя реальное неравенство на рынке труда рядом неформальных ограничений (религиозных, семейных и т.д.). Так Марьям Аль-Хасани в своем исследовании «Women's employment in Oman» указывает, что благодаря основным законам,

регулирующим рынок труда в Омане (Основной Закон (Конституция) 1996 г., Закон о государственной службе 2004 г. и вышеупомянутый Закон о труде 2003 г.) трудоустройство не носит дискриминационного характера и женщины могут работать во всех сферах деятельности (*It is because of these laws that employment in Oman is not discriminatory in nature and that women can serve in all fields of work*) [12, с. 93-94]. При этом Аль-Хасани указывает, что основными факторами, сдерживающими женскую эмансипацию на оманском рынке труда, являются традиционные гендерные роли и семейные и религиозные традиции [12, с. 113]. Однако невозможно говорить о формальном равенстве мужчин и женщин с точки зрения оманского трудового права, поскольку законодателем все же устанавливается ряд дискриминационных ограничений.

Новый же Закон о труде 2023 года не содержит такой нормы, но опирается на Основной Закон Султаната Оман (Конституцию), в статье 17 которого указано, что не допускается дискриминация граждан государства по признакам пола, происхождения, расы, языка, религии, верований, места рождения или социального статуса (*17. All Citizens are equal before the Law and share the same public rights and duties. There shall be no discrimination amongst them on the ground of gender, origin, color, language, religion, sect, domicile, or social status.*) [13].

Статья 81 старого Закона о труде 2003 года устанавливала запрет на работу женщин в ночное время – с 18:00 до 06:00, за исключением ряда случаев, перечисленных в Министерском постановлении (*81. Females shall not be employed to work between 6.00 p.m. and 6.00 a.m. save in cases, works, and occasions which will be specified by a decision from the Minister.*) [11]. В данном случае законодатель не составляет список запрещенных профессий, а идет от обратного, используя формулу «запрещено всё, что не разрешено». Новый Закон о труде 2023 года в статье 75 содержит аналогичное правило на запрет ночных работ для женщин (*75. The employment of women during the night working hours shall be in the cases, jobs, and occasions determined by a decision issued by*

the minister.) [14]. Список разрешенных для женщин работ в ночное время был утвержден в 2011 году в дополнение к предыдущему Закону о труде, который утратил силу, но Министерское Постановление с таким списком продолжает действовать.

Министерское постановление № 656/2011 закрепляет обстоятельства и виды деятельности, при которых женщинам разрешается работать в ночное время, а также условия для найма женщин для таких работ. С 21:00 до 06:00 женщинам разрешается работать, например, в туристических и авиационных офисах, аэропортах, в медицинских учреждениях, в средствах массовой информации и медиа, в гостиницах, кинотеатрах, ресторанах и кафе, соответствующих закрепленным законом условиям, в службах безопасности и охраны, при сезонных работах, указанных в иных подзаконных актах, в периоды ежегодной инвентаризации, в детских садах и домах престарелых для людей с ограниченными возможностями, при предотвращении аварий и устранении их последствий, в торговых центрах и магазинах в течение месяца Рамадан и трех предыдущих дней и на праздник Курбан-байрам и т.д. До 22:00 женщинам разрешается работать, например, в женских салонах красоты, в гражданских ассоциациях, в образовательных учреждениях, в офисах юристов, бухгалтеров, в торговых центрах и магазинах, в обменных пунктах и в банках. При этом, в соответствии с этим Министерским Постановлением, работодатель может нанимать женщин на перечисленные работы только если обеспечивает многочисленные указанные в законе гарантии защиты, ухода, перевозки и безопасности работающих женщин и если возможность нанимать женщин на такие работы будет санкционирована компетентным органом после проверки необходимых гарантий и условий [15].

Статья 82 утратившего силу Закона о труде Султаната Оман устанавливала, что женщины не могут быть наняты на работы, вредные для здоровья, подразумевающие тяжелый труд или любые иные работы, обозначенные в Министерском Постановлении (82. *Females shall not be*

employed either to perform a work which is harmful to health or hard labour or such other works which will be specified by a decision from the Minister) [11]. На сегодняшний день это положение не было отменено, а стало вторым абзацем уже упомянутой 75 статьи Закона о труде 2023 года, который закрепляет, что занятость женщин на опасных, сложных, вредных для здоровья и иных перечисленных работах должна быть урегулирована Министерским Постановлением (*75. The employment of women in jobs that are dangerous, difficult, harmful to health, or other jobs shall be determined by a decision issued by the minister*) [14]. В этом вопросе законодатель также занимает позицию, что по общему правилу женский труд в таких условиях запрещен, но допустим при определенных условиях, обозначаемых в подзаконных актах.

Таким образом, в законодательстве Султаната Оман нет как такового «списка запрещенных профессий», но существуют сферы, в которых работа женщинам в целом запрещена, и уже для этих сфер формируется, наоборот, «список разрешенных профессий». И законодатель Российской Федерации, и законодатель Султаната Оман ограничивают право женщин на труд, однако применяют разные правотворческие подходы. Тем не менее, дискриминационная направленность этих норм не меняет своей сути.

Список литературы:

1. Global Gender Gap Report 2023// World Economic Forum – Geneva, Switzerland. – 2023. – ISBN-13: 978-2-940631-97-1 // URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/> (дата обращения: 24.01.2024)
2. Монгуш, В. А. Дискриминация в сфере труда: проблемы теории и Практики / В. А. Монгуш // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 1(8). – С. 154-175.
3. Глотова И. А. О необходимости конкретизации принципа запрещения дискриминации в сфере труда // Вопросы управления. 2014. №2 (8). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-konkretizatsii-printsipa-zapresheniya-diskriminatsii-v-sfere-truda> (дата обращения: 02.04.2024).

4. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 N 617-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129887/?ysclid=luhvofzynm868045524 (дата обращения: 02.04.2024)

5. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

6. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml

7. Головина, С. Ю. Защита от насилия и домогательств в сфере труда: вызовы и возможности для России и Казахстана / С. Ю. Головина, Е. В. Сыченко, И. В. Войтковская // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 53. – С. 624-647.

8. Рыженкова, А. В. Правовое положение женщины в арабских странах / А. В. Рыженкова, Н. С. Беликова // Права человека: история, теория, практика : Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 25-летию Конституции Российской Федерации: Сборник научных статей, Курск, 19 ноября 2018 года / Ответственный редактор В.В. Коровин. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – С. 170-175.

9. Аль-Балуши Абдалла Ахмед. Султан Омана Кабус Бин Саид: политик и дипломат / Аль-Балуши Абдалла Ахмед // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 103-111.

10. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Четвертый периодический доклад Омана в соответствии со статьей 18 Конвенции, подлежащий представлению в 2021 году: Оман, 1 июля 2022, CEDAW/C/OMN/4 – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FOMN%2F4&Lang=ru (дата обращения: 24.01.2024)

11. Oman Labour Law (Reproduced by GulfTalent), 2003 (утратил силу) [Электронный ресурс] // URL: https://www.gulftalent.com/repository/ext/Oman_Labour_Law.pdf (дата обращения: 24.01.2024)

12. Al Hasani M. H. H. Women's employment in Oman //Unpublished Doctor of Philosophy thesis, The University of Queensland, St Lucia, QLD, Australia. – 2015.

13. Oman's Constitution of 1996 with Amendments through 2011 // constituteproject.org [Электронный ресурс] // URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/oma128757E.pdf> (дата обращения: 24.01.2024).

14. Royal Decree 53/2023 Promulgating the Labour Law, July 25, 2023 // URL: <https://decree.om/2023/rd20230053/> (дата обращения: 24.01.2024)

15. Ministry of manpower, December 31, 2011: Ministerial Decision 656/2011 regarding the cases, works, and occasions in which women may be employed at night and the conditions of employment // URL: <https://qanoon.om/p/2011/momp20110656/> (дата обращения: 24.01.2024)

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 33

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

УДК 504.75

Еретнова Мария Денисовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

erertnonik@gmail.com

Eretnova Maria

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

Аннотация: в статье рассматривается правовое обеспечение охраны окружающей среды в промышленности. Автор анализирует действующие законодательные акты и нормативные документы, регулирующие данную область, а также приводит примеры практического применения этих норм в различных отраслях промышленности. Особое внимание уделяется вопросам ответственности предприятий за нарушение экологических стандартов и методам контроля за соблюдением экологического законодательства. Также обсуждаются перспективы развития правового регулирования в этой сфере и возможности улучшения экологической ситуации через совершенствование законодательной базы.

Ключевые слова: промышленная безопасность, проблемы решения, НВОС, природоохранное законодательство, предприятия.

LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT IN INDUSTRY

Annotation: the article deals with legal protection of the environment in industry. The author analyzes existing legislation and regulatory documents regulating this area, as well as provide examples of practical application of these norms in various industries. Special attention is given to the responsibility of enterprises for violations of environmental standards and methods of monitoring compliance with environmental legislation. The perspectives of development of legal regulation in this field and possibilities of improvement of the environmental situation through improvement of the legislative basis are also discussed.

Key words: industrial safety, problems of solution, negative impact on the environment, environmental protection legislation, enterprises.

Современный мир сталкивается с беспрецедентными экологическими вызовами, обусловленными антропогенным воздействием на окружающую среду. Промышленность, являясь ключевым двигателем экономического роста, одновременно несет ответственность за значительную часть этого воздействия. Для достижения устойчивого развития необходимо обеспечить баланс между экономическим прогрессом и сохранением природных ресурсов. В этой связи правовое обеспечение охраны окружающей среды в промышленности играет решающую роль, формируя правовые рамки для экологически ответственного ведения хозяйственной деятельности.

Обратимся к статье С. Д. Гаджисамедзаде [1], который сформулировал более полное определение правового обеспечения окружающей среды в промышленности. Правовая охрана окружающей среды в промышленности – это деятельность, подразумевающая под собой систему оценки и мер юридической ответственности, экономического, идеологического характера, а также организационного, основанного нормами, систем права, контроль и надзор за которыми осуществляются государственными органами исполнительной и законодательной власти РФ, субъектов РФ, органами местного самоуправления субъектов РФ, предприятиями, организациями, общественными объединениями

и уполномоченными на то специальными органами с делегированными полномочиями, осуществляющими свою деятельность на основании специальных законов, направленных на обеспечения наиболее верного, экологически чистого, структурно-сберегающего, безотходного производства, включая внедрения новых инновационных технологий в производстве, что способствует выпуску экологически безопасной продукции или, по крайней мере, максимально безопасной для окружающей среды, а также рациональному использованию природных ресурсов в интересах экологических прав граждан.

Системный подход к правовому регулированию требует взаимодействия между государственными органами, предприятиями и общественными организациями. Важным элементом является контроль за соблюдением экологических норм и стандартов, который осуществляется через инспекции и мониторинг состояния окружающей среды. Также значительное внимание уделяется внедрению экологически чистых технологий и методов производства, которые способствуют снижению нагрузки на природу.

Различают непосредственные, перспективные и конечные цели охраны окружающей среды в промышленности. Непосредственная заключается в сохранении и оздоровлении окружающей среды в процессе экономического развития, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений. Перспективная цель – организация безотходного производства в промышленности. Конечная – обеспечение экологизации всей производственно-хозяйственной деятельности, принцип сочетания экономических и экологических интересов [2].

Требования в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности установлены главой VII Федерального закона «Об охране окружающей среды» [3]. Размещение, проектирование, строительство, реконструкция, ввод в эксплуатацию, эксплуатация, консервация и ликвидация зданий, сооружений и иных объектов, оказывающих прямое или косвенное негативное воздействие на окружающую среду,

осуществляются в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды. При этом должны предусматриваться мероприятия по охране окружающей среды, восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности.

Нарушение экологических норм может привести к приостановлению по решению суда размещения, проектирования, строительства, реконструкции, ввода в эксплуатацию, эксплуатации, консервации и ликвидации зданий, сооружений и иных объектов.

Полное прекращение указанных выше видов деятельности в случае нарушения требований охраны окружающей среды осуществляется на основании решения суда или арбитражного суда.

Ввод в эксплуатацию объектов осуществляется при условии полного выполнения мероприятий по охране окружающей среды, предусмотренных проектной документацией. Закон запрещает ввод в эксплуатацию зданий и сооружений, не оснащенных необходимыми техническими средствами для обезвреживания и безопасного размещения отходов, а также контроля загрязняющих выбросов и сбросов, если не выполнены работы по охране окружающей среды, восстановлению природных ресурсов и благоустройству территорий в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Вывод объектов из эксплуатации должен соответствовать законодательству в области охраны окружающей среды и основываться на утвержденной проектной документации. При этом необходимо разработать и реализовать мероприятия по восстановлению природной среды, включая воспроизводство её компонентов, чтобы обеспечить благоприятные условия для жизни. Перепрофилирование функций объектов также должно осуществляться в соответствии с градостроительным и жилищным законодательством.

В Федеральном законе "Об экологической экспертизе" установлена презумпция потенциальной экологической опасности любой запланированной хозяйственной деятельности [4, с. 3]. Предприятия, потребляющие природные ресурсы и выделяющие побочные продукты в окружающую среду, негативно влияют на экологические и санитарно-эпидемиологические условия жизни человека.

Таким образом, экологическая экспертиза выступает гарантией права граждан на благоприятную окружающую среду.

Объект, оказывающий негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), – объект капитального строительства и (или) другой объект, а также их совокупность, объединенные единым назначением и (или) неразрывно связанные физически или технологически и расположенные в пределах одного или нескольких земельных участков [5].

По сведениям федерального государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, по состоянию на 31.12.2023 на государственном учете состоит 198 610 объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (на 96105 объектов больше, по сравнению с 2019 г.). Плановые проверки в 2023 году проведены в отношении 2067 (в 2019 г. – 3837) объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Таким образом, Росприроднадзором проверяется лишь менее 1 % объектов негативного воздействия. С одной стороны, для того чтобы уменьшить давление со стороны властей на хозяйствующие субъекты, ежегодно проводится сокращение количества плановых проверок в отношении субъектов хозяйствования. Но с другой стороны, антропогенная нагрузка на компоненты среды в Российской Федерации ежегодно возрастает [6], [7].

Несмотря на то, что только один город (посёлок Рефтинский) Свердловской области вошел в Приоритетный список городов с наибольшим уровнем загрязнения воздуха в Российской Федерации по состоянию на 2022

год, проанализируем самые экологически грязные и небезопасные промышленные объекты области.

По данным государственного реестра объектов негативного воздействия на окружающую среду (НВОС), на территории Свердловской области по состоянию на 01.01 2022 г. зарегистрировано 1764 объектов федерального уровня государственного экологического надзора, из которых 57 (3,2 %) относится к I категории – объектам, оказывающим значительное негативное воздействие на окружающую среду и относящихся к областям применения НДТ.

В настоящее время промышленность Свердловской области представляет собой крупный промышленный регион России, основой экономики которого являются горнодобывающая, металлургическая и машиностроительная отрасли промышленности. Регион богат природными ресурсами, имеет диверсифицированный промышленный комплекс, а также значительный научный и кадровый потенциал. Значимыми предприятиями являются: ПАО "Энел Россия" филиал "Среднеуральская ГРЭС", КУЗБАССКОЕ АО ЭНЕРГЕТИКИ И ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ, ОАО "Уральский трубный завод", предприятия в г. Ревда [8].

В Рефтинском работает самое крупное на Урале птицеводческое предприятие и завод по производству бетонных блоков. Также в поселке находится вторая по мощности тепловая электростанция в России и крупнейшая, работающая на твердом топливе — на угле. В марте 2024 года Ростехнадзор выявил 49 нарушений в области промышленной безопасности на Рефтинской ГРЭС АО «Кузбасэнерго». В частности, эксперты ведомства установили, что на станции не соблюдаются обязательные требования при ведении контроля за оборудованием, работающим под высоким давлением. Также проблемы выявили в ведении документации — в части паспортов на технику оказались незаполненные разделы. Ещё специалисты компании не контролировали состояние поверхности нагрева котлов.

В результате в отношении ответственных сотрудников возбудили административные дела по ч. 1 ст. 9.1 КоАП РФ «Нарушение требований промышленной безопасности или условий лицензий на осуществление видов деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов». Санкции данной статьи предусматривают штраф на сумму до 300 тысяч рублей или приостановку деятельности на срок 90 дней.

ООО "Горкомхоз" г. Ревда – занимается обработкой и утилизацией неопасных отходов. В 2020 году при эксплуатации объекта размещения отходов компания допустила отклонение от проектной документации, получившей положительное заключение государственной экологической экспертизы. Штраф составил 100 000 рублей (по ч. 2 ст. 84 КоАП РФ). В том же году Уральское межрегиональное управление Росприроднадзора установило, что на полигон вывозили 12 видов отходов, запрещённых к складированию. Также было выявлено «превышение утверждённых лимитов размещения 33 видов отходов».

ПАО «Уралмашзавод», который находится в черте г. Екатеринбурга, является самым крупным источником выбросов опасных веществ в атмосферу, производящим оборудования для металлургии, горнодобывающей промышленности, энергетики. Не была проведена проверка знаний норм и правил у специалистов отдела главного метролога, участвующих в проведении метрологической экспертизы технической документации. По результатам проверки 17 мая 2023 года ПАО «Уралмашзавод» привлекли к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.6 КоАП РФ и назначили наказание в виде предупреждения. Завод может выделять в воздух диоксид серы, оксид углерода, оксид азота, фенол, свинец, шестивалентный хром, нефтепродукты, сульфаты, пыль, сажу и другие вещества. По результатам исследований Роспотребнадзора, проведённых в апреле 2024 года, превышений концентрации вредных веществ в районе «Уралмашзавода» не установлено. Накопления загрязнителей не произошло благодаря оперативным локализации

и тушению пожара, а также благодаря климатическим условиям, которые способствовали рассеиванию загрязнителей.

Следовательно, данные объекты НВОС не соблюдают требования, предъявляемые к субъектам хозяйствования в части обеспечения безопасного функционирования и представляет угрозу для населения и окружающей природной среды.

На территории Свердловской области под эгидой губернатора проводятся различные меры по обеспечению экологической безопасности. Так, например, к 2030 году в рамках концепции «Зеленый путь Урала», осуществляются массовые субботники, реконструкция и модернизация гидротехнических сооружений, создание экодомов и экологическое просвещение.

Основной проблемой всех промышленных мероприятий является загрязненный воздух. Несмотря на то, на территории России осуществляются такие Федеральные экологические проекты как «Чистый воздух», «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности», «Комплексная система мониторинга качества окружающей среды» – недостаточно. В своей статье Н. А. Гейт отмечает, что проблемы загрязнения атмосферного воздуха дело не только одного государства, их нельзя решить единолично, в связи с этим, предусмотрена глава «Международное сотрудничество в области охраны атмосферного воздуха» [9].

Правовое обеспечение охраны окружающей среды в промышленности представляет собой важный аспект устойчивого развития и обеспечения благополучия общества. Эффективное законодательство, регулирующее экологические нормы и стандарты, играет ключевую роль в минимизации негативного воздействия промышленных процессов на окружающую среду.

Необходимость интеграции экологических требований в производственные практики становится всё более актуальной в условиях глобальных климатических изменений и истощения природных ресурсов. Успех в этой области зависит не только от наличия правовых норм, но и от их

строгого соблюдения, а также от активного участия бизнеса, государства и общества в охране экологии. Для достижения реальных результатов в охране окружающей среды необходимо продолжать совершенствовать правовое регулирование, внедрять инновационные технологии и развивать экологическую сознательность среди всех участников производственного процесса. Только комплексный подход позволит создать гармоничное сосуществование промышленности и природы, обеспечивая устойчивое развитие для будущих поколений [10].

Список литературы:

1. Гаджисамедзаде, С. Д. Правовая охрана окружающей среды в промышленности / С. Д. Гаджисамедзаде. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 10.3 (114.3). — С. 4-5. — URL: <https://moluch.ru/archive/114/30411/> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Правовая охрана окружающей среды в промышленности, энергетике, военной деятельности и в сельском хозяйстве [Электронный ресурс] // URL: <https://be5.biz/pravo/e002/7.html>
3. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция).
4. Федеральный закон "Об экологической экспертизе" от 23.11.1995 N 174-ФЗ (последняя редакция).
5. Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году» // Минприроды России. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://gospokladecology.ru/2018/atmosfernyy-vozdukh/kachestvoatmosfernogo-vozdukha>.

7. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году» // Минприроды России. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://gosdokladecology.ru/2018/atmosfernyy-vozdukh/kachestvoatmosferного-vozdukha>.

8. Перечень объектов негативного воздействия, владельцы которых должны осуществлять мониторинг атмосферного воздуха на территории Свердловской области.

9. Н. А. Гейт. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ НОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ // Вестник Московского университета МВД России. Серия: Юридические науки, 2010, №11 (86-88)

10. Зализняк Е. А., Жбанников С. В., Морозова Н. В. Правовые основы обеспечения промышленной безопасности и охраны окружающей среды // Природные системы и ресурсы. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 12–21.

Сариев Георгий Спартакович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
sariev.georgy@mail.ru
Sariev Georgy
Saratov State Academy of Law
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Аннотация: в настоящей работе автором рассмотрены и проанализированы некоторые эколого-правовые проблемы Арктического региона, а также исследованы вопросы нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации. Сделан вывод о целесообразности создания отдельного специального закона о биологической и экологической безопасности Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: Арктическая зона, Российская Федерация, экологическая безопасность, правовое регулирование, российский Север.

ENVIRONMENTAL AND LEGAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN ARCTIC

Annotation: in this paper, the author examines and analyzes some environmental and legal problems of the Arctic region, as well as examines the issues of regulatory regulation in the field of ensuring environmental safety of the Arctic zone of the Russian Federation. It is concluded that it is advisable to create a separate special law on biological and environmental safety of the Arctic zone of the Russian Federation.

Key words: Arctic zone, Russian Federation, environmental safety, legal regulation, Russian North.

Арктика – это уникальный регион, это экосистема с большим ресурсным потенциалом, которая, наряду с этим, является системой весьма хрупкой и уязвленной, поскольку она выступает в качестве некоего «индикатора климатических процессов, наиболее заметным образом, испытывающим негативные последствия глобальных изменений, где динамика природных процессов замедлена, а поглотительная способность природных объектов снижена»[1, с. 178].

Арктика находится в границах восьми арктических государств: России, Канады, США (штат Аляска), Дании с островом Гренландия, Исландии, Финляндии, Швеции и Норвегии. Опасность нанесения экологического вреда Арктическому региону есть у каждой из перечисленных выше стран, поэтому экологические и правовые проблемы данного климатоформирующего региона планеты, с учетом его природно-географических особенностей, носят глобальный характер.

Так, среди основных экологических проблем арктического региона в Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП) обозначено, в первую очередь, изменение климата и таяние арктических льдов, загрязнение вод северных морей стоками нефти и химических соединений, а так же морским транспортом, сокращение популяции арктических животных и изменение их среды обитания, изменение климата и таяние арктических льдов. По данным космического мониторинга НИЦ «Планета» минимальная площадь морского ледяного покрова в Арктике в текущем году, приходящаяся на 16 сентября 2024 г., составляет 4,46 млн. кв. км [2]. Данное обстоятельство влечет негативные последствия – значительно возрастает риск повсеместного распространения различного рода инфекций и загрязнителей. Профессор И. Томмасен подчеркивает, что итогом процесса таяния льдов может стать увеличение

численности насекомых и клещей, являющихся переносчиками различных заразных заболеваний, например, малярии. Кроме того, возрастет риск распространения водных и пищевых инфекций, поскольку потепление создаст благоприятные условия для размножения микроорганизмов-возбудителей заболеваний [3]. Опасность также кроется в том, что никто не знает, какие микроорганизмы могут «проснуться», какие могут появиться, и как могут повести себя ранее «присутствующие», но «спящие», вирусы и генетически нейтральные агенты [4, с. 68].

Но есть и другая сторона таяния льдов и стремительного сокращения их площади – перспектива для морских перевозок грузов. Исследователями по измерению климата уже не единожды отмечалось, что если лед продолжит таять с той же скоростью, то к середине нынешнего столетия, Северный Ледовитый океан в значительной степени будет свободен для прохода судов летом без ледокольного сопровождения [5, с. 1-10].

В этой связи, как справедливо отмечают Изотов С.С., Баскин Ю.Г., Свидзинская Г.Б., перед Россией встанет задача создания Северного морского транспортного коридора с развитой инфраструктурой, включающей современные портовые мощности, средства навигации и метеонаблюдения, экологичного и безопасного для судоходных компаний [6, с. 10].

Из этого можно сделать вывод, что для экономики региона освобождение водного пространства ото льда, бесспорно, станет плюсом и предоставит определенные экономические выгоды для компаний, занятых в добыче, переработке и транспортировке полезных ископаемых, а также в сфере транзитных перевозок [7, с. 22-24].

Того же нельзя сказать об экологии полярных регионов, на которую изменение климата оказывает отрицательное воздействие, хотя гармоничное развитие региона обязательно должно включать хорошо выраженный баланс между экологическим, экономическим и социальным аспектами. Н. Г. Жаворонкова и В. Б. Агафонов, анализируя проблему биологической

безопасности с точки зрения организационно-правовых особенностей и, в том числе, с позиции экологического права, выделяют следующие специфические черты. Во-первых, это высокая степень неопределенности при проявлении последствий биологических угроз, для населения, как наиболее уязвленной категории, так и для окружающей среды в целом. Во-вторых, это сложность установления причинно-следственных связей между фактом, источником биологического заражения, и их источниками, а также факторами, способствующими или препятствующими распространению опасности (и причиной заражения). В-третьих, высокие риски возможных последствий при принятии неправильных и несистемных решений, масштабных организационно-правовых мер. В-четвертых, это высокие затраты на профилактику, выявление, мониторинг и ликвидацию биологических проявившихся опасностей. В-пятых, это стремительно возрастающие риски появления искусственно созданных форм биологического оружия и биологических атак, поскольку век тотальной цифровизации влечет снижение уровня сложности создания новых биоприпасов и, соответственно, снижение стоимостных затрат на такое создание. В-шестых, важным аспектом являются психологические особенности реакции населения на «неизвестность» последствий угроз биологических опасностей, а также реакция уполномоченных органов, принимающих решения на их оценку.

В этой связи справедливой кажется позиция профессора Майоровой Е.И., о том, что «своеобразие природных условий, богатство природных ресурсов арктических территорий требуют разработки способов охраны уникальных экосистем, в том числе и законодательными мерами» [8, с. 110].

На сегодняшний день правовое регулирование по вопросам, непосредственно касающимся правового статуса Арктики, ограничено несколькими декларациями, участницей которых является Российская Федерация, региональными договорами, а именно: соглашением о сохранении белых медведей, (1973 г.); соглашением между правительствами РФ и Канады о

сотрудничестве в Арктике и на Севере (1992), соглашением между правительствами государств-членов Совета Баренцева/ Евроарктического региона о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации (2008 г.), а также соглашением о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011 г.).

Несмотря на разнообразие регулирующих актов, международных договоров, имеющих отношение к Арктике (на сегодня их более ста), общий международный договор об Арктике или каких-либо специальных правилах по её использованию и охране – отсутствует. Комплексное природоохранное законодательство для сохранения природы российской Арктики – тоже. Кроме того, отсутствие должного международно-правового регулирования привело, в частности, к повышенной милитаризации региона, которая также подрывает экологическую устойчивость и может привести к экологическому бедствию. И, как отмечают в своих научных трудах Гриняев С.Н. и Журавель В.П., со ссылкой на пресс-службу Северного Флота, в милитаризации Арктики обвиняют именно Россию. Причем, «особо обращается внимание на факты нарушения экологических правил, загрязнения её территории при использовании старого оборудования при добыче углеводородов, при других видах экономической деятельности». Хотя в 2008 г. для реализации хозяйственной деятельности в арктической зоне были утверждены с учетом положений, имеющих в ряде международно-правовых документов, «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», регулирующие государственную (и в том числе – военную) политику РФ в данном регионе. Именно «Основы...» стали правовой базой для мероприятий, о которых докладывал В.В. Путин в том же 2008 году на международном форуме, посвященном освоению Арктики, делая особый акцент на том, что они «будут реализованы с учетом самых строгих экологических стандартов». Для их исполнения в 2013 г. Президентом РФ В.В.

Путиным утверждена «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», которая, в отличие от предшествующих ей программных документов, предусматривала совершенствование нормативно-правовой базы в сфере формирования основ государственного управления Арктикой, законодательное закрепление ее статуса как особого объекта государственного регулирования с уточнением перечня муниципальных образований, территории, а также в сфере установления особых режимов природопользования и охраны окружающей среды. Все это для реализации главной цели – осуществления экологической безопасности России.

И спустя 15 лет позиция РФ не изменилась - освоение и обустройство Арктики является для России приоритетом, этот регион по-прежнему имеет важное значение для обороны, логистики и энергетики, а «комплексное освоение и обустройство этих территорий является для нас неоспоримым приоритетом» отметил в рамках своего выступления президент России В.В. Путин на совещании, посвященном развитию опорных населенных пунктов Арктической зоны [9].

Для наиболее продуктивной реализации хозяйственной деятельности государства в рамках обозначенных сфер, 5 марта 2020 г. Президент России В.В. Путин утвердил Основы государственной политики РФ в Арктической зоне до 2035 г.

Основное внимание авторов акта, как отмечают Гриняев Г.С. и Журавель В.П., «уделено анализу основных вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике, полной безопасности нефтегазового комплекса, а также основным направлениям реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике: обеспечению защиты населения и территорий Арктической зоны Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; обеспечению общественной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации; обеспечению

военной безопасности Российской Федерации; защите и охране государственной границы Российской Федерации» [10, с. 52-53].

Тем не менее, данный правовой акт не решает проблем, влияющих на экологическую безопасность Арктики. Как было неоднократно нами сказано ранее, освоение Арктической зоны – это одно из важнейших направлений государственной политики Российской Федерации, обусловленное не только отстаиванием геополитических интересов России на международной арене, но и необходимостью обеспечения экологической безопасности на данной территории в связи с нарастающими глобальными экологическими угрозами, а также сохранением уникальных памятников природного и культурного наследия.

Ни Конституция Российской Федерации, ни Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» не отражают достаточно полно весь «необходимый инструментарий для достижения экологической стабильности на данной территории <...>, а основным документом, включающим экологическую безопасность в систему национальной безопасности, становится Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Это документ, который, в качестве стратегических целей обеспечения экологической безопасности, выделяет сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики; ликвидацию экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата. А в рамках направлений деятельности в Арктической зоне, Стратегия выделяет: достижение лидерства в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики, развитие международного сотрудничества и расширение использования инструментов государственно-частного партнерства в различных сферах хозяйствования [11]. Ничто из этого не может в полной мере решить обозначенных нами выше проблем.

Кроме того, в современных реалиях успех политики России в арктическом направлении зависит не только от практической реализации уже намеченных стратегических целей, но и от уточнения конкретных планов и программ с учётом быстро меняющейся геополитической обстановки в мире и непосредственно в Арктическом регионе. В этой связи, решение обозначенных в настоящей работе эколого-правовых проблем видится в создании отдельного специального закона о биологической и экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации, в котором, помимо прочего, необходимо также отразить, опираясь на «Основы...» (2008 г.), и «Стратегию...» (2013 г.), что «основными мерами и задачами государственной политики экологической направленности в Арктической зоне становятся: расширение сети особо охраняемых природных территорий и акваторий; установление особых режимов природопользования, охраны и мониторинга загрязнения окружающей природной среды; сохранение естественных природных ландшафтов, химическая и ядерная безопасность».

Представляется, что положения закона должны носить прикладной характер и, во избежание разрозненности, охватывать и систематизировать все вышеупомянутые сферы. Данное предложение поддерживается в доктрине [4, с. 69]. Барамидзе Д.Д. В своих диссертационных изысканиях, отмечал, что формирование национального правового режима охраны экологической безопасности Арктики находится на стадии незавершенного процесса становления. Его формирование, по мнению ученого, «должно происходить по нескольким направлениям: создание комплекса специальных правовых средств охраны окружающей среды Арктической зоны России путем изменения и дополнения действующих нормативно-правовых актов, разработка комплексного закона о Российской Арктике и создание экологических нормативов» [12, с. 13]. А Эрнст В.В. отмечает, что «вопрос о принятии комплексного нормативно-правового акта, регулирующего все аспекты взаимоотношений, возникающих в арктическом регионе, усиленного

требованиями к обеспечению экологической безопасности, учитывающего природно-климатическую, экономическую и социально-культурную специфику российской Арктики», ставился неоднократно, причем, на разных уровнях государственной власти [13, с. 63].

Подводя общий итог всему сказанному выше, можно сделать несколько выводов. Во-первых, анализ изложенного показал заданную тенденцию к укреплению правового механизма под воздействием разных факторов, в первую очередь климатических. В этой связи, необходимо продолжать предпринимать меры по реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации. В качестве наиболее важных из них справедливо можно выделить установление особых режимов природопользования и охраны окружающей природной среды, включая мониторинг ее загрязнения; рекультивацию природных ландшафтов, утилизацию токсичных промышленных отходов, обеспечение химической безопасности, в первую очередь, в местах компактного проживания населения.

Во-вторых, в рамках настоящего исследования можно также сделать вывод о том, что ведущие страны мира проявляют повышенный интерес к Арктическому региону, а компактное расположение арктических государств вызывает необходимость повышения международного сотрудничества. Так, задачей РФ в Арктике является формирование системы взглядов на перспективы развития Арктических регионов с учетом изменений векторов и перспективных ориентиров в политике, экономике и иных областях на фоне глобализации, интеграции и стремительного развития высоких технологий в современном обществе с целью обеспечения безопасности населения российской Арктики [14].

В-третьих, анализ степени изученности поставленных в работе проблем позволяет констатировать, что к поставленной проблеме систематически обращаются специалисты из самых разных отраслей права, а также химии,

педагоги, инженеры и т.д., что еще раз подчеркивает их актуальность. Настоящее исследование, в свою очередь, является еще одной попыткой осмысления эколого-правовых проблем российской Арктики и предложения вариантов их урегулирования.

Список литературы

1. Боголюбов С.А., Краснова И.О. Право и спасение природы российской Арктики // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 178–181.
2. Изменения минимальной площади морского льда в Арктике в 2024 году. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.meteorf.gov.ru/press/news/38769/>
3. Ингвар Томассен провёл в САФУ открытую лекцию о влиянии изменения климата на здоровье человека [Электронный ресурс] // URL: <https://narfu.ru/life/news/university/307899/>
4. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Эколого-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации // Социально-политические науки. 2020. Т. X. № 1. С. 66-69.
5. Didenko N.I., Cherenkov V.I. Economic and geopolitical aspects of developing the Northern Sea Route // IOP conference series: earth and environmental science. IOP Publishing. 2018. V. 180. № 1. P. 1-10.
6. Изотов С.С., Баскин Ю.Г., Свидзинская Г.Б. Перспективы развития морских перевозок в Арктике: природные, техносферные и геополитические риски // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2021. №4. С. 9-17.
7. Ерохин В.Л. Северный морской путь и арктические транспортные коридоры: проблемы использования и прогнозы коммерциализации грузоперевозок // Маркетинг и логистика. 2017. № 6. С. 22-44.
8. Майорова Е.И. Некоторые эколого-правовые проблемы арктического региона // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. №4. С. 110-116.

9. Совещание по развитию опорных населённых пунктов Арктической зоны [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72951>
10. Гриняев С. Н., Журавель В. П. Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г.: предыдущий опыт и перспективы реализации // Арктика и Север. 2020. №39. С. 52-74.
11. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.
12. Барамидзе Д.Д. Эколого-правовой режим Арктической зоны Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. Саратов, 2017. 228 с.
13. Эрнст В. В. Особенности правового регулирования по обеспечению экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. №8 (140). С. 58-63.
14. Митько А. В., Минина М. В. Безопасность Арктики // Neftegaz.RU №9. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/ekologiya/654667-bezopasnost-arktiki/>

Удекюль Инна Владимировна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

nain.ud@mail.ru

Udekyul Inna

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ЭКОНОМИКА ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Аннотация: в научной статье подробно анализируется содержание экономики замкнутого цикла как концептуальной интеграции экономической деятельности и экологического благополучия, ее определение, основные характеристики и принципы. Автором рассматриваются правовые аспекты реализации данной модели и перспективы развития концепции в Российской Федерации. В качестве примера внедрения экономики замкнутого цикла на уровне субъектов РФ приведена Свердловская область.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, отходы, устойчивое развитие, вторичные ресурсы, нормативно правовое регулирование.

THE CIRCULAR ECONOMICS AS CONCEPTUAL INTEGRATION OF ECONOMIC ACTIVITY AND ECOLOGICAL WELL-BEING

Annotation: the contents of the circular economy as conceptual integration of economic activity and ecological well-being, as well as its definition, the main characteristics and principles are analysed in this scientific article. The author

considers the law aspects of the model's realization and development's prospects of the conception in the Russian Federation. As an example of introduction, the circular economy in the territorial subject Sverdlovsk region is taken.

Key words: circular economics, waste, sustainable development, secondary resources, legal regulation.

Одной из ведущих глобальных экологических проблем современности является прогрессивное увеличение потока отходов, что выступает следствием заболеваний сердечно-сосудистых систем и дыхательных путей, загрязнения водных объектов, выбросов парниковых газов, способствующих изменению климата, значительных экономических затрат, вызванных обеспечением управлением и утилизацией отходов, и этот список не ограничивается перечисленными проблемами, приводящим природную систему к дестабилизации.

В связи с необходимостью создания способов наиболее эффективного использования природных ресурсов и управления отходами возрастает роль экономики замкнутого цикла как концептуальной идеи интеграции экономической деятельности и экологического благополучия, а также создания и совершенствования нормативно правовой базы для регулирования возникших правоотношений. Для этого требуется переосмысление традиционной (линейной) экономики, которая представляет собой систему, где ресурсы используются в последовательном порядке: производство, распределение, потребление и утилизация. В указанной модели акцент делается на линейный процесс, где сырье превращается в продукцию, которая затем потребляется и в конечном итоге становится отходами. Очевидно, что описанные процессы оказывают негативное воздействие как на окружающую среду, так и, в целом, экологию вследствие неэффективного использования ресурсов.

Что представляет собой экономика замкнутого цикла? Этим понятием обозначается концепция, которая направлена на превращение товаров по

истечении срока службы в ресурсы для других производств, замыкая циклы в промышленных экосистемах, сводя к минимуму отходы и следуя методам устойчивого развития [2]. Представленная система использования сырья может принести значительную экономическую выгоду для производственного сектора государства. Помимо этого, концепция подразумевает и экологичность, то есть пригодность отходов к следующей утилизации и возврата их как вторичное сырье в хозяйственный оборот, тем самым снижается негативное воздействие на окружающую среду. Внедрение этой модели может стать важным шагом к достижению устойчивого развития и сохранению природных экосистем для будущих поколений.

В целях подробного анализа содержания экономики замкнутого цикла стоит рассмотреть основополагающие идеи, создающие основу функционирования. Принципы были представлены международной некоммерческой организацией Фонд Эллен МакАртур (EMF), также ею была разработана схема технического цикла материалов, состоящая из биологического и технического циклов и определяющая приоритетные направления обращения с изготавливаемыми продуктами, то есть совместное пользование и ремонт, повторное использование, восстановление и реконструкция, переработка и безопасная утилизация [1 с. 3-4]. Так, ведущим в экономике замкнутого цикла выступает минимизация потребностей в новых затратах ресурсов, как природных, так и финансовых.

Основными принципами экономики замкнутого цикла являются:

1. Сохранение и улучшение природных богатств с помощью контроля над объемами запасов ресурсов и координации их возобновления.
2. Оптимизация использования ресурсов с максимальной пользой, в том числе путем их вовлечения во вторичную переработку.
3. Повышение эффективности экономической системы путем выявления и исключения негативных внешних факторов, например, загрязнение почвы, воды.

Таким образом, концепция экономики замкнутого цикла не только отвечает на вызовы современности, но и предлагает практические решения для создания более устойчивой и эффективной экономики. Ее внедрение требует совместных усилий со стороны государства, бизнеса и общества, что делает ее актуальной темой для дальнейших исследований и практических приложений.

В России возникли условия, способствующие трансформации экономики страны в соответствии с моделью экономики замкнутого цикла. К таковым относятся:

1. Специфика энергобаланса страны. В России высокая доля возобновляемых источников энергии за счет потенциала гидрогенерации.
2. Значительная площадь лесов, вносящих огромный вклад в обеспечение устойчивости мировой биосистемы.
3. Государственная поддержка. Государство и отдельные институты стимулируют внедрение энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий [4, с. 95].

В целях обеспечения действия экономики замкнутого цикла на территории России Распоряжением Правительства от 6 октября 2021г. № 2816-р была введена инициатива, одноименная с названием концепции. Уполномоченным органом, ответственным за реализацию инициативы, было утверждено Министерство природных ресурсов и экологии РФ. В 2022 г. был утвержден паспорт федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». Из него следует, что федеральный проект включает шесть направлений: сокращение образования отходов, создание инфраструктуры по сбору отходов для вторичной переработки, стимулирование использования вторичных ресурсов, ограничение оборота неэкологичной упаковки, создание системы прослеживаемости движения отходов, экопросвещение.

Приоритетная последовательность в обращении с отходами определена в Федеральном законе от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», где указывается предпочтительная схема переработки сырья и

вторичных ресурсов: «максимальное использование исходных сырья и материалов; предотвращение образования отходов; сокращение образования отходов и снижение класса опасности отходов в источниках их образования; обработка отходов; утилизация отходов; обезвреживание отходов. Реализация представленной схемы возможна при проектировании изготовления и использования товара, то есть, первоочередно, производителям необходимо рассчитывать, как можно наиболее эффективные способы использования природных ресурсов после окончания жизненного цикла товара. При таких условиях будет минимизировано количество отходов и загрязнение окружающей среды.

Таким образом, одной из основных задач Закона № 89-ФЗ является создание правовых возможностей для реального вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья. Эти положения нашли свое отражение в «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2012 г. № Пр-1102 [3, с. 70].

1 марта 2023 г. вступил в действие Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым введены такие понятия, как «сбор отходов», «вторичные ресурсы» и «вторичное сырье». Законодатель определил, что вторичные ресурсы подлежат утилизации, т. е. ликвидации или переработке; их захоронение не допускается. Обеспечивается их раздельное накопление в местах (на площадках) накопления твердых коммунальных отходов либо сдача в места сбора. В местах сбора может осуществляться складирование вторичных ресурсов как по их видам, так и по группам однородных отходов в соответствии с требованиями при обращении с такими группами [3, с. 72].

Законодателем также было введено лицензирование деятельности по обращению с отходами, а именно порядок сбора, транспортирования, обработки, утилизации, обезвреживания, размещения отходов. Нормы закреплены в Постановлении Правительства РФ от 26 декабря 2020 г. № 2290.

В настоящее время концепция экономики замкнутых циклов активно применяется и на уровне субъектов РФ. 17 июля 2024 г. В Екатеринбурге прошло заседание Экспертного клуба Свердловской области, результатом которого стало обсуждение перспективы внедрения данной модели в регионе. Руководитель Экспертного клуба Анатолий Гагарин выделил, что данный подход предполагает минимизацию отходов и максимально эффективное использование ресурсов, что может стать значительным шагом вперед для региона. Участниками дискуссии была отмечена важность разработки регионального закона и программы по экономике замкнутого цикла, но к настоящему моменту данные меры еще не были реализованы. Тем не менее, в рамках конференции «Перспективы привлечения инвестиций в проекты по созданию экономики замкнутого цикла», прошедшей в «Точке кипения-Екатеринбург», заместитель министра ЖКХ Е. Свалов указал, что к 2026-2027 году в Свердловской области планируют обрабатывать 1,5 млн тонн твердых коммунальных отходов, сейчас в регионе обрабатывают 141 тыс. тонн в год. В Краснотурьинске завершилось строительство мусоросортировочного комплекса на 129 тыс. тонн, объект готов к вводу в эксплуатацию, это первый в Свердловской области объект, возведенный в рамках нацпроекта «Экология» [8].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что реализация экономики замкнутого цикла как концептуальной интеграции экономической деятельности и экологического благополучия представляет собой не только ответ на вызовы современности, связанные с истощением природных ресурсов и ухудшением экологической ситуации, но и стратегию, способствующую устойчивому развитию. Интеграция экономической деятельности и

экологического благополучия в рамках данной концепции позволяет создать синергетический эффект, где экономические выгоды сочетаются с охраной окружающей среды. Разработка и внедрение принципов экономики замкнутого цикла в российскую практику требует комплексного подхода, включающего инновационные технологии, изменение потребительских привычек и активное участие государства. Таким образом, переход к модели экономики замкнутого цикла не только способствует сохранению экосистемы, но и открывает новые горизонты для экономического роста и социальной ответственности, что делает её актуальной и необходимой в условиях глобальных изменений.

Список литературы:

1. Нога В.И., Данюкова М.Н. Экономика замкнутого цикла в России: тенденции и перспективы // Human Progress. 2023. Том 9, Вып. 1. С. 12.
2. Трофимова Н.Н. Экономика замкнутого цикла и устойчивое развитие // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. №174.
3. Экономика замкнутого цикла и устойчивое управление отходами: учебник для вузов / Е. В. Савенкова, А. И. Курбатова. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 193 с. — (Высшее образование).
4. Экономика замкнутых циклов: тенденции и перспективы: монография/ Е.Ю. Дорохина, Д.Е. Кучер, С.Г. Харченко; под ред. Е.Ю. Дорохиной. – Москва: МАКС Пресс, 2023. – 128 с.
5. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ "Об отходах производства и потребления"
6. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления”
7. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2020 г. № 2290 "О лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I - IV классов опасности (за исключением случаев, если сбор отходов I - IV классов опасности

осуществляется не по месту их обработки, и (или) утилизации, и (или) обезвреживания, и (или) размещения)"

8. Редакция газеты “Областная газета” Свердловской области // № 266 (9781) от 24 ноября 2023 года.

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 33

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.13

Багирян Елизавета Павловна
Сибирский юридический университет

Россия, Омск

Yelizaveta.elizaveta.ivanova@mail.ru

Bagiryana Elizaveta
Siberian Law University
Russia, Omsk

**СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЛИЦАМ
ПОДВЕРГШИМСЯ НЕЗАКОННОМУ УГОЛОВНОМУ
ПРЕСЛЕДОВАНИЮ**

Аннотация: в данной статье автор подробно рассмотрел существующие проблемы в уголовно-процессуальной сфере, акцент сделан на возмещении морального вреда лицам, подвергшимся незаконному уголовному преследованию. Также поднимаются вопросы о порядке возмещения вреда, размере компенсации. На основании судебной практики, проанализированных нормативно-правовых актов сделан вывод по заявленной теме.

Ключевые слова: возмещение, моральный вред, незаконное преследование, уголовное преследование, реабилитация.

**METHODS OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE TO PERSONS
SUBJECTED TO ILLEGAL CRIMINAL PROSECUTION**

Annotation: in this article, the author has considered in detail the existing problems in the field of criminal procedure, the emphasis is on compensation for moral damage to persons who have been subjected to illegal criminal prosecution. Questions are

also raised about the procedure for compensation for harm and the amount of compensation. Based on judicial practice, analyzed normative legal acts, a conclusion was made on the stated topic.

Key words: compensation, moral damage, unlawful prosecution, criminal prosecution, rehabilitation.

На современном этапе развития уголовно-процессуального права активно развивается институт восстановления прав лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию. Еще во второй половине XIX века в уголовно-процессуальной доктрине возникло осознание того, что государству необходимо нести ответственность за вред, причиненный незаконным уголовным преследованием.

Данный тезис основывается на том, что зачастую незаконное или необоснованное уголовное преследование и осуждение может лишить человека репутации, работы, доброго имени, семьи. Именно поэтому начали развиваться институты «вознаграждения невинно привлеченных к суду» [3, с. 1178], либо же институты реабилитации.

Так, Розин Н.Н. основал теорию, которая заключается в том, что основанием возмещения вреда является не юридическая обязанность, а исключительно моральный долг государства [10, с. 573].

Согласно п. 6 Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 [7]: в отличие от реабилитации право на возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, возникает не только у лица, подвергнутому уголовному преследованию, - подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, но и у иных лиц, в том числе юридических.

Виды возмещения реабилитированному вреда закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ). Так, их два вида: возмещение имущественного вреда; возмещение морального вреда.

Порядок возмещения морального вреда закреплен ст. 136 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 136 УПК РФ: «Прокурор от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред». При этом закон не регламентирует порядок принесения официального извинения прокурором. Правоприменительная практика использует следующие методы: устное принесение извинения путём личной встречи прокурора и реабилитируемого; направления адресного письма с наручным получением; публичное извинение как в присутствии третьих лиц, так и с участием средств массовой информации (в зависимости от степени разглашения данных в рамках незаконного преследования).

Часть 2 ст. 136 УПК РФ указывает на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства. Таким образом, если лицо, в отношении которого осуществлялось незаконное уголовное преследование, выдвигает требования, чтобы возмещение морального вреда компенсировалось в денежном выражении, то иски о такой компенсации предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. Так, у лица появляется еще один статус – истец (в целом образуются новые правоотношения – гражданско-процессуальные).

Часть 3 ст. 136 УПК РФ регламентирует порядок защиты чести и доброго имени лица, в отношении которого осуществлялось незаконное уголовное преследование. Так, если сведения о задержании реабилитированного, заключении его под стражу, временном отстранении его от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении реабилитированного и иных примененных к нему незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации, то по требованию реабилитированного, а в случае его смерти – его близких родственников или родственников либо по письменному указанию суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя соответствующие средства

массовой информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации.

Такая ситуация зачастую наступает в связи с осуществлением уголовного преследования в отношении публичного лица. Когда средства массовой информации (далее – СМИ) активно интересуются ходом и результатами расследованием преступления, публикуют данные на общедоступные сайты в сети Интернет. Поскольку одним из принципов уголовного процесса является гласность, что характерно открытости уголовного судопроизводства и не препятствует СМИ транслировать информацию на широкую аудиторию.

Однако в случае реабилитации, СМИ обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о такой реабилитации. Как уже было указано выше, данное обязательство возникает только по требованию самого реабилитированного, либо в случае его смерти – его близких родственников, либо по письменному указанию суда, органов расследования.

Немаловажную роль играют взаимоотношения реабилитированного лица с коллегами по работе, учебе, либо по месту жительства. Так или иначе, расследование задевает повседневную жизнь лица частично либо полностью. В таком случае реабилитированный может потребовать лично, а в случае его смерти – его близких родственников, чтобы суд, прокурор, следователь, дознаватель в срок не позднее 14 суток направили письменные сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства. Таким способом государство защищает честь и доброе имя человека и гражданина.

Размер компенсации морального вреда определяется в зависимости от степени причиненных нравственных и (или) физических страданий (п. 2 ст. 1101 Гражданского кодекса РФ). Различными исследователями предлагается множество вариантов определения компенсации морального вреда, их анализ показывает, что в общем, они сводятся к закреплению ее размеров в числовом выражении [4; 11].

На сегодняшний день сложилась практика, которая устанавливает общие принципы определения размера компенсации. Так, необходимо: оценивать в совокупности конкретные незаконные действия причинителя вреда; соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности; учесть заслуживающие внимание фактические обстоятельства дела, а также требования разумности, справедливости и соразмерности компенсации последствиям нарушения [5].

Однако судебная практика содержит большой перечень примеров значительной вариации размеров компенсации в аналогичных обстоятельствах. Так, по одному из дел гражданин обратился в суд с требованием о компенсации морального вреда в размере 5000000 руб. Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования частично, взыскав в счет компенсации морального вреда 2100000 руб. При этом апелляционная инстанция отменила решение нижестоящей инстанции, снизив размер компенсации до 1100000 руб. [8].

В другом деле гражданин обратился в суд с иском о компенсации морального вреда, оценивая вред, причиненный ему частыми вызовами на допрос, «постоянным чувством душевного волнения, тревоги, опущенности и бесчестия» [9], распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию в размере 1000000 руб. Суд первой инстанции, рассмотрев требования реабилитированного, постановил взыскать компенсацию в размере 600000 руб. Судебная коллегия по гражданским делам изменила решение суда первой инстанции, взыскав компенсацию морального вреда в размере 1000000 руб. [1]. Свое решение апелляционная инстанция аргументировала тем, что размер компенсации морального вреда нижестоящей инстанцией занижен, так как уголовное преследование в отношении истца осуществлялось более 750 дней.

В другом случае реабилитированный просил суд взыскать компенсацию морального вреда в размере 8970000 руб. Суд первой инстанции удовлетворил

исковые требования частично, взыскав компенсацию в размере 2000000 руб. Апелляционная инстанция оставила решение суда без изменения [2].

Таким образом, анализ практики по делам о компенсации морального вреда в порядке реабилитации от незаконного уголовного преследования, очевидно, демонстрирует, что разумные пределы компенсации морального вреда являются оценочной категорией, а четкие критерии его определения законом или судебной практикой не предусмотрены.

Тем не менее в таких случаях можно опираться на решение Верховного Суда, где размер компенсации морального вреда реабилитированному был определен в 2 тыс. рублей за сутки (всего 2,36 млн. за 36 месяцев) незаконного уголовного преследования, сопровождаемого содержанием под стражей [6].

Исходя из всего вышесказанного сделаем вывод, что эффективность такого способа защиты, как компенсация морального вреда, во многом зависит от критериев, применяемых правоприменителем при определении размера этой компенсации, отвечающей требованиям разумности, адекватности и справедливости. Отсюда остается актуальным вопрос обобщения судебной практики по данной категории споров, которая должна исключать факты произвольного снижения размера компенсации в отрыве от конкретных обстоятельств дела.

Список литературы:

1. Апелляционное постановление № 22К-185/2024 22К-3087/2023 от 23 января 2024 г. по делу № 3/12-1/2023 // URL: <https://sudact.ru/>
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 июня 2022 г. по делу № 33-24235/2022 // URL: <https://sudact.ru/>
3. Головки Л. В. Курс уголовного процесса. 2 изд., Москва 2017. 1280 с.
4. Дмитриева О. В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестник Воронежского института МВД. 2021. № 1. С. 60-63.

5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2022 г. по делу № 88-25318/2022 // СПС «Гарант»
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. № 78-КГ18-3 // URL: <https://sudact.ru/>
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение № 2-12/2024 2-12/2024(2-323/2023;)-М-342/2023 2-323/2023 М-342/2023 от 23 января 2024 г. по делу № 2-12/2024 // URL: <https://sudact.ru/>
9. Решение № 2-2141/2023 2-57/2024 2-57/2024(2-2141/2023;)-М-1968/2023 М-1968/2023 от 20 февраля 2024 г. по делу № 2-2141/2023 // URL: <https://sudact.ru/>
10. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. 3-е изд., 1916. 597 с.
11. Ханина К. В. Компенсация морального вреда как способ защиты нематериальных благ и субъективных гражданских прав // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2020. №2. С.15-17.

Борисов Никита Викторович

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия

Факультет подготовки специалистов для судебной системы

Россия, Челябинск

nikitos.agent-pi@list.ru

Borisov Nikita

Ural Branch of the Russian State University of Justice

Faculty of training specialists for liquid systems

Russia, Chelyabinsk

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в статье автор раскрывает особенности производства в суде кассационной инстанции на современном этапе уголовно-процессуального законодательства. По итогам проведенного анализа действующих норм уголовно-процессуального законодательства автор делает вывод, что изменения и дополнения, которые были внесены в уголовно-процессуальный кодекс РФ за последние три года, способны эффективно повлиять на развитие кассационного производства.

Ключевые слова: кассационное производство, изменения, дополнения, срок кассационного обжалования, предмет кассационного обжалования.

FEATURES OF THE PROCEEDINGS IN THE COURT OF CASSATION AT THE PRESENT STAGE OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Annotation: in the article, the author reveals the features of the proceedings in the court of cassation at the present stage of criminal procedure legislation. Based on the results of the analysis of the current norms of criminal procedure legislation, the

author concludes that the changes and additions that have been made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation over the past three years can effectively affect the development of cassation proceedings.

Key words: cassation proceedings, amendments, additions, term of cassation appeal, subject of cassation appeal.

Система пересмотра судебных актов является одной из форм устранения судебных ошибок. В российском уголовном судопроизводстве существуют определенные средства процессуального характера, которые устраняют допущенные судебные ошибки. Данными средствами являются четыре судебные инстанции: апелляционная, кассационная, надзорная, пересмотр дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Кассационное производство – это одна из стадий уголовного процесса, сущность, которой заключается в проверке законности вступивших в силу судебных актов.

Пересмотр дела в кассационной инстанции является формой надзора со стороны вышестоящих судов за судебной деятельностью нижестоящих инстанций и эффективным средством незамедлительного исправления обнаруженных судебных ошибок. Вышестоящий суд в кассационном порядке выносит решение о том, соответствуют ли обжалуемые судебные акты нижестоящих инстанций требованиям законности на предмет соответствия нормам уголовного права и нормам уголовно-процессуального права, и если будут выявлены нарушения требований закона, то отменяет или изменяет их, реализуя при этом правосстановительную функцию. Определения кассационной инстанции обеспечивают формирование правильной и единообразной судебной практики по соблюдению, исполнению и применению законодательства судами первой и апелляционной инстанций.

Кассационное судопроизводство создано для проверки законности приговоров, постановлений и решений суда на основании кассационных жалоб

участников процесса или представлений прокурора и устранения нарушений норм материального и процессуального права. Главной функцией кассации является обеспечение соблюдения законности в деятельности нижестоящих инстанций через исправление допущенных ошибок судов при рассмотрении дел.

Институту кассации посвящена целая глава в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, глава 47.1. В том виде, в котором сейчас существует кассационное производство в связи с введением глобальных изменений в судебную систему России и созданию новых кассационных и апелляционных судов, институт кассационного производства является новым. В связи с этим для усовершенствования кассационного производства законодательством постоянно вносятся изменения и дополнения в данную главу.

В данной статье будут рассмотрены некоторые изменения и дополнения, которые были внесены в уголовно-процессуальный кодекс РФ за последние три года.

24 февраля 2021 г. были внесены изменения, в ст. 401.3 УПК РФ, касающиеся ограничения срока кассационного обжалования по уголовным делам в порядке «сплошной» кассации шестью месяцами со дня вступления в законную силу приговора или иного итогового судебного решения, а для осужденного, содержащегося под стражей, - в тот же срок со дня вручения ему копии такого судебного решения, вступившего в законную силу [1].

В данной статье закреплено, что судья суда первой инстанции по ходатайству лица, подавшего кассационную жалобу, представление восстановить пропущенный по уважительной причине срок кассационного обжалования итогового судебного решения, отказ в его восстановлении может быть обжалован в порядке главы 45.1 УПК РФ. А в случаях пропуска этого срока по другим причинам либо отказа в его восстановлении – подать кассационные жалобу, представление в ином процессуальном порядке – по правилам выборочной кассации.

Данное дополнение критически оценивается адвокатами, они заявляют: «Оно было направлено на ограничение количества поступающих в сплошную кассацию дел и на лишение возможности обжалования тех, кто не успеет подать кассационную жалобу за шесть месяцев».

Например, Ю.А. Костанов говорит: «Установление срока кассационного обжалования ограничит конституционное право на судебную защиту и на пересмотр уголовного дела вышестоящим судом, при этом он выдвигал следующие тезисы: 1) пресекательный срок на подачу кассационной жалобы (представления) по правилам «сплошной» кассации явно противоречит целям кассации, которые требуют от суда полно и всесторонне изучить материалы дела, а на это требуется значительное время, равно как и на подготовку кассационной жалобы (представления); 2) нельзя ограничить срок обжалования в порядке «сплошной» кассации при сохранении «выборочной» кассации в качестве резервного проверочного производства, поскольку при последней не соблюдаются такие процессуальные гарантии как состязательность и реализация права на отвод судьи; 3) исправлять судебную ошибку необходимо каждый раз, когда суд ее обнаружит, а не в порядке исключения; 4) предложение ограничить срок кассационного обжалования, по истечении которого нельзя обжаловать незаконные и несправедливые судебные решения, делает невозможным их отмену либо изменение, лишает незаконно осужденных надежды добиться восстановления своих прав» [2, с. 88].

Л.В. Головкин, позитивно относится к данному дополнению. Он считает: «Ограничение срока кассационного обжалования решит многие проблемы, снизит риск многократных пересмотров одного и того же дела в кассации» [3, с. 32]. Такой же точки зрения придерживается В.А. Давыдов, говорит: «Срок обжалования в порядке «сплошной» кассации не является пресекательным и может быть восстановлен в случае пропуска по уважительной причине, а само по себе установление срока обжалования в порядке «сплошной» кассации

является абсолютно естественным, нормальным и органичным для ординарной судебно-проверочной инстанции» [4, с. 22].

На мой взгляд, установление срока кассационного обжалования положительно скажется на развитии данного института. Ограничение определенным сроком позволит соблюдать разумный срок судопроизводства и способствует оперативному восстановлению нарушенного права. Считаю, что изменение никаким образом не ограничивает право на обжалование, так как срок можно восстановить, если он был пропущен по уважительной причине.

Следующие изменения существенно повлияло на кассационное производство, которые были внесены 26 декабря 2022г. в п. 1 и 2 ст. 401.3 УПК РФ. Предметом рассмотрения в суде кассационной инстанции стали являться приговор или иное итоговое судебное решение при условии, что такое судебное решение было предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции. Ранее, в предыдущих редакциях данного обязательного условия не требовалось.

Кудрявцева А.В. и Спиридонов М.С. считают: «Данное изменение заслуживает одобрения, поскольку очевидны преимущества той модели кассации, когда кассационное обжалование итогового судебного решения возможно только после рассмотрения уголовного дела в двух инстанциях: в судах первой и апелляционной инстанций. В первую очередь это стимулирует стороны активнее отстаивать свою позицию посредством именно ординарных способов обжалования и не переносить разрешение фактической стороны дела в суд вышестоящей кассационной инстанции. Кроме того, это придает кассации свойство экстраординарного способа обжалования, то есть такого, когда именно исчерпаны (путем активных действий), а не сознательно пропущены (путем бездействия) ординарные способы обжалования. К тому же такая модель кассации лучше отвечает задаче обеспечения стабильности судебных решений, поскольку после рассмотрения уголовного дела в двух судебных инстанциях намного выше вероятность вынесения по делу правосудного окончательного судебного решения. Это не будет отступлением от принципа

широкой свободы обжалования, поскольку возможность обжалования любого приговора, даже не обжалованного в апелляционном порядке, должна быть предоставлена сторонам в порядке «выборочной» кассации» [5, с. 761].

Поддерживаю мнение уважаемых ученых и считаю, что данное изменение стимулирует стороны активнее использовать свои права на обжалование, проходя все инстанции судопроизводства. Так как в судебной системе находятся несколько инстанций обжалования и в данном случае, пройдя через первую и апелляционную инстанцию, сторона уголовного процесса имеет право обжаловать решение в кассационной инстанции. Также изменение способствует снижению нагрузки на суды кассационной инстанции.

Следующее дополнение, которое, на мой взгляд, также является немаловажным в кассационном производстве, было внесено в УПК РФ 28 июня 2022 г. в ст. 401.14, в которую введен пункт 5.1. Теперь суд кассационной инстанции в результате рассмотрения уголовного дела вправе отменить решение суда кассационной инстанции и оставить без изменения либо изменить приговор, определение или постановление суда и (или) последующие судебные решения. Ранее, суд кассационной инстанции касаясь судебных решений вправе был только отменить решение суда кассационной инстанции и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение. Полагается, что это являлось определенным ограничением для суда. В данном дополнении есть положительные стороны, например, теперь суд вправе поставить «точку» в уголовном деле, то есть отменить решение суда кассационной инстанции и принять по делу новое судебное решение, в том числе согласившись, например с мнением суда первой или мнением суда апелляционной инстанции. Также суд кассационной инстанции вправе изменить приговор, что является ещё одним «плюсом», так как с помощью этого при выявлении нарушений закона в приговоре, суд имеет право исправить ошибки, которые были допущены нижестоящими судами. На мой взгляд, дополнение сократит сроки кассационного производства и в целом сроки рассмотрения дела.

В заключении хотелось бы сказать, что со временем кассационное производство с точки зрения его законодательного регулирования носит более динамичный и практический характер. Несмотря на то, что существует множество сторонников и противников изменения норм уголовно-процессуального законодательства, определяющих особенности производства в суде кассационной инстанции, считаю, что дополнения и изменения, проанализированные в данной статье, позволяют соблюдать разумный срок судопроизводства, не ограничивают право на судебную защиту и способны в лучшую сторону развивать кассационное производство и достигать цели правосудия – это вынесение законных, обоснованных и справедливых судебных решений.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Костанов Ю.А. Пресекательный срок для сплошной кассации. Критический взгляд на предложение ВС РФ // Уголовный процесс. – 2020. – № 7. – С. 88-93.
3. Головки Л.В. Справедливость выше любых теоретических установок // Уголовный процесс. – 2020. – № 2. – С. 32-41.
4. Давыдов В.А. Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК // Уголовный процесс. – 2020. – № 9. – С. 22-27.
5. Кудрявцева А.В., Спиридонов М.С. Глава 27. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда – СПб.: СЗФ РГУП, 2022. – С. 750-807.

Васильева Дарья Петровна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Юридический факультет

Россия, Москва

dpvasi_fin@mail.ru

Vasilyeva Darya

The Financial University under the Government of the Russian Federation

Law Faculty

Russia, Moscow

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ, ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Аннотация: злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок на сегодняшний день достаточно распространены. Однако, нельзя говорить об эффективности применения ст. 200.4 УК РФ, что подтверждается отсутствием обвинительных приговоров по данной статье. Ввиду данного обстоятельства, представляется важным разобраться в проблемах, которые мешают проводить собрание, проверку и оценку доказательств в рамках ст. 200.4 УК РФ, а также предложить возможные пути их решения.

Ключевые слова: закупки, злоупотребления, собрание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, государственные и муниципальные нужды.

CERTAIN ASPECTS OF THE COLLECTION, VERIFICATION AND EVALUATION OF EVIDENCE IN CASES OF ABUSES IN PUBLIC PROCUREMENT

Annotation: abuses in the sphere of state and municipal procurement are quite common today. However, it is impossible to speak about the effectiveness of the application of Art. 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is confirmed by the absence of convictions under this article. In view of this circumstance, it seems important to understand the problems that hinder the collection, verification and evaluation of evidence within framework of Art. 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to propose possible ways to solve them.

Key words: procurement, abuse, collection of evidence, verification of evidence, evaluation of evidence, state and municipal needs.

В первую очередь, необходимо охарактеризовать сущность государственных закупок, для последующего определения возможных злоупотреблений и рассмотрения отдельных аспектов собирания, проверки и оценки доказательств.

В соответствии со ст. 3 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1], под закупкой (товаров, услуг) для удовлетворения государственных нужд понимается совокупность последовательных, установленных в законодательстве действий, реализуемых заказчиком и направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд. Фактически, государственная (муниципальная) закупка представляет собой совершение заказчиком определенных в законодательстве действий, направленных на удовлетворение государственных или муниципальных нужд. При этом, некоторые авторы указывают на то, что современное законодательство не конкретизирует само понятие «государственная закупка», а характеризует лишь закупку для государственных и муниципальных нужд, что не является по своей сущности одним и тем же [2, с. 99]. Некоторые ученые-юристы дают свое определение рассматриваемому понятию. Так, по мнению М.В. Шмелевой, под

государственной закупкой понимается регулирование отношений экономических субъектов, осуществляющих возложенные на них законодательно действия и функции, направленные на достижение поставленных целей реализации закупок [3, с. 7]. При этом, на сегодняшний день интерпретация понятию «государственные закупки» дается учеными в зависимости от изучаемой области знаний, что вводит в заблуждение относительно его сущности. Полагаем, что мнение относительно отсутствия законодательно закрепленного определения понятия «государственные закупки» ошибочно, поскольку в ФЗ №44 четко сформулирована сущность закупок для государственных и муниципальных нужд, что позволяет их идентифицировать. Также определения, которые даются учеными в отношении понятия «государственные закупки» представляются в сущности схожими, так как они иллюстрируют определенную последовательность установленных в законодательстве действий для достижения единой цели – удовлетворение государственных или муниципальных нужд. В связи с рассмотренным обстоятельством, в целях настоящего исследования будет использоваться то определение, которое дается в законодательстве.

Далее представляется важным рассмотреть то, какие злоупотребления могут быть реализованы в рамках сферы государственных и муниципальных закупок в РФ. В первую очередь, важно отметить, что сфера государственных и муниципальных закупок предполагает оборот значительного количества денежных средств, что делает данную сферу в значительной мере привлекательной для злоупотреблений.

Так, в соответствии со ст. 200.4 УК РФ [4] устанавливается ответственность за злоупотребления в отношении сферы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В соответствии с положениями статьи, общее нарушение норм законодательства, которое регулирует государственные и муниципальные закупки, со стороны работников контрактной службы, контрактным управляющим, членом

комиссии по закупкам, лицом принимающим товар, работу или услугу, или иным лицом, которое представляет интересы заказчика в сфере реализации закупки для удовлетворения государственных или муниципальных нужд влечет установленную санкцией статьи ответственность: штраф, принудительные работы, лишение права заниматься определенной деятельностью, лишение свободы. При этом, необходимо наличие двух обстоятельств: корыстной заинтересованности и причинение крупного ущерба. В зависимости от общей характеристики совершенного злоупотребления судом избирается конкретное наказание за содеянное в отношении указанных субъектов.

При этом, если деяние совершено группой лиц по предварительному сговору, или причинило особо крупный ущерб, то санкция будет значительно выше.

Сущностное содержание злоупотребления в сфере закупок можно рассматривать с нескольких позиций. По мнению законодателя, злоупотребление может выражаться в нарушении работником заказчика законодательства о контрактной системе, совершенное с корыстной заинтересованностью и причинившее крупный ущерб. Вместе с тем, Г.Ф. Шершеневич под злоупотреблением понимает использование данного государством права «во зло», в рамках его осуществления, и сравнивая рассматриваемую категорию с нарушением закона, он указывает на то, что нарушение закона представляется как совершение действий, которые четко запрещены законодательством [5, с. 46]. Данная позиция представляется верной и в полной мере учтенной со стороны законодателя. С точки зрения гражданского права, злоупотребление в сфере закупок можно рассматривать как использование полномочий при проведении закупочных процедур, которое нарушает принципы добросовестной конкуренции и прозрачности, и в конечном счете приводит к необоснованным преимуществам для определенных участников. Например, член тендерной комиссии, имеющий доступ к конфиденциальной информации о ценовых предложениях конкурентов, делится

этой информацией с представителем одной из компаний-участников, чтобы обеспечить ее победу.

До введения правовых норм деяния квалифицировались как мошенничество. В отдельных случаях в действиях лиц не усматривалось состава преступления. Однако, с 2018 года законодатель предпринял попытки ужесточить законодательство в сфере ответственности за злоупотребления в сфере государственных закупок, что и повлекло формирование рассмотренной ст. 200.4 УК РФ.

Собирание, проверка, оценка доказательств по делам о злоупотреблении в сфере государственных закупок также имеет свою специфику. В соответствии со ст. 85 УПК РФ [6], процесс доказывания состоит из собирания, проверки и оценки доказательств, для реализации конечной цели - установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

К собиранию, проверке и оценке доказательств в целях привлечения к ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок необходимо относиться со значительной степенью осторожности, поскольку на сегодняшний день уголовные дела в отношении злоупотребления в рамках государственных закупок часто «разваливаются» именно по причине недостаточных доказательств со стороны обвинения.

Предметом доказывания в рамках злоупотреблений в сфере государственных и муниципальных закупок является наличие корыстной заинтересованности и причинение крупного ущерба.

Так, по делу № 22-152/2024 И.Ю. Михайлова обвиняли в совершении преступления по ч. 2 ст. 200.4 УК РФ в связи с совершением злоупотребления в области закупок для государственных и муниципальных нужд [7]. Государственное обвинение в рамках доказывания злоупотреблений со стороны Михайлова - корыстной заинтересованности и причинение крупного ущерба приводили следующие доказательства: показания представителей потерпевшего, заключение эксперта, документы, связанные с проведением

экспертизы, решение Арбитражного суда. Суд первой инстанции признал такие доказательства допустимыми, однако, Судебная коллегия по уголовным делам сочла такие доказательства недопустимыми в качестве доказывания наличие корыстной заинтересованности, поскольку они ее не подтверждают и фактически не могут подтвердить. При этом, Судебная коллегия также указала и на то, что ни в одном из показаний нет указания на корыстную заинтересованность Михайлова. При этом, суд указывает на то, что подтверждение личной заинтересованности в доказательствах, представленных обвинителем, усматривается, однако, в 2022 году рассматриваемая статья 200.4 УК РФ была декриминализована и личная заинтересованность как предмет доказывания была исключена. Также органы обвинения ссылались на то, что Михайлов нарушил нормы закона №44, и ряд внутренних должностных инструкций.

Судебная коллегия пришла к выводу, что остается неясным в какой части доказательства имеют значение для дела, кроме того, отметила, что показания свидетелей не могут являться подтверждением наличия корыстной заинтересованности, и основаны на их личных предположениях.

Органы предварительного следствия обосновывают корыстную заинтересованность Михайлова И.Ю. желанием извлечь материальную выгоду для организации, его руководителей и для себя лично, однако, суд не согласен с представленными доказательствами, и полагает, что представленные доказательства не могут подтвердить наличие корыстной заинтересованности, а из самого визирования актов выполненных работ нельзя сделать вывод о наличии корыстной заинтересованности.

Так, суд пришел к выводу об отмене приговора и передаче дела на новое рассмотрение.

Рассмотренный пример из судебной практики является в значительной мере показательным в рамках собирания, проверки и оценки доказательств. В частности, органы предварительного следствия по делам, связанным с

злоупотреблениями в сфере государственных закупок, не могут надлежащим образом установить перечень документов и сведений, которые подтвердили бы корыстную заинтересованность.

В соответствии с постановлением Пленума ВС РФ [8] устанавливается, что корыстная заинтересованность как мотив совершения злоупотребления в соответствии со ст. 200.4 УК РФ представляет собой стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить выгоду имущественного характера для себя или иных лиц. При этом, в соответствии со ст. 200.4 УК РФ ответственность за злоупотребление применяется в отношении не должностных лиц, что уже вступает в противоречие с мотивом – корыстная заинтересованность, который необходимо доказать в рамках собирания, проверки и оценки доказательств. То есть, можно говорить о том, что на сегодняшний день любое доказательство, собранное органами предварительного следствия в рамках ст. 200.4 УК РФ не будут иметь никакого эффекта, хотя бы по причине противоречия законодательства в отношении применения мотива к не должностным и должностным лицам. Полагаем, что в данном случае необходимо либо отдельно формулировать определение понятия «корыстная заинтересованность» в контексте ст. 200.4 УК РФ, либо дать новое разъяснение Пленума №19, в котором корыстная заинтересованность будет применима не только в отношении должностных лиц.

Собирание доказательств, подтверждающих мотив корыстной заинтересованности, в первую очередь, осложнен тем, что необходимо представить доказательства того, что лицо стремилось получить выгоду имущественного характера для себя или для иных лиц, а также совершило неправомерные действия. Если сбор доказательств совершения неправомерных действий может быть подтвержден как свидетельскими показаниями, так и фактическими – в том числе, результатами экспертизы, в результате которой можно будет установить соответствие документации и фактическим товарам, работам и услугам, то подтверждение стремления получить выгоду

имущественного характера для себя или для иных лиц представляется достаточно сложным. Полагаем, что сбор таких доказательств возможен в рамках наличия факта получения выгоды имущественного характера для конкретного лица или иных лиц. Само стремление получить такую выгоду доказать невозможно, в связи с чем при собирании, проверке и оценке доказательств у следственных органов возникает значительное количество проблем, поскольку чаще всего собираются доказательства, которые не могут подтвердить мотив корыстной заинтересованности.

Так, в рамках проведенного анализа можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует значительная проблема, связанная со сбором, проверкой и оценкой доказательств, которая вынуждает собирать любые доказательства, которые могут хоть как-то косвенно подтвердить возможность применения ответственности, предусмотренной ст. 200.4 УК РФ, производить их проверку и оценку ввиду личных оценок допустимости со стороны органов предварительного следствия. Полагаем, что такие проблемы имеют связь с наличием такого мотива как «корыстная заинтересованность», который интерпретируется в Пленуме №19 не корректно, что затрудняет собирание, проверку и оценку доказательств. Кроме того, проблема видится и в том, что в 2022 году была декриминализована личная заинтересованность как мотив, в рамках которой собирание, проверка и оценка доказательств была легче, о чем свидетельствует наличие судебной практики, связанной с привлечением к ответственности по ст. 200.4 УК РФ. На данном этапе собирание, проверка и оценка доказательств в рамках ст. 200.4 представляется неэффективной, о чем свидетельствует отсутствие обвинительных приговоров по данной статье, а также наличие указания судов в оправдательных приговорах отсылки к недостаточности собранных доказательств для привлечения к ответственности по ст. 200.4 УК РФ. Решение проблемы в данном случае представляется либо в возврате в ст. 200.4 УК РФ такого мотива как «личная заинтересованность»,

либо совершенствование для целей ст. 200.4 УК РФ определение сущности «корыстной заинтересованности».

Список литературы:

1. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 14, 08.04.2013, ст.1652.

2. Герасименко А. А., Иванов А. М. О понятии и принципах государственных закупок // Теология. Философия. Право. 2020.№. 1 (13). С. 95-105.

3. Шмелева М. В. Предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере государственных закупок // Российское право: образование, практика, наука.2018. №. 1 (103). С. 5-12.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

5. Шершеневич Г.Ф. Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву в 2 т. Том 2 / Г. Ф. Шершеневич; составитель В. А. Белов. Москва. Юрайт, 2024. 329 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // "Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

7. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Сахалинского областного суда по делу № 22-152/2024 от 16.02.2024г. // ГАС «Правосудие».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий"// Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2009.

Волколупова Владислава Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Санкт-Петербург
volkolupova.v@yandex.ru
Volkolupova Vladislava
Saint Petersburg State University
Faculty of Law
Russia, Saint Petersburg

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЮ
ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ И
МАРОДЕРСТВУ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация: в работе рассматриваются сложные вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием уголовно-правовых средств, используемых в целях усиления противодействия применению запрещенных средств и методов ведения войны и мародерству, с учетом новых угроз, возникших на современном этапе для национальной безопасности России, в том числе в связи с принятой в сентябре 2024 г. новой «ядерной доктриной». Автор выделяет существующие в этой сфере проблемы, и на основе анализа имеющихся в уголовно-правовой доктрине подходов к их решению формулирует предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-правовых норм, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ, а также в ст. 356.1 УК РФ.

Ключевые слова: война, оружие массового поражения, вооруженный конфликт, гражданское население, средства и методы, мародерство, уголовная ответственность.

**CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO THE USE OF PROHIBITED
MEANS AND METHODS OF WARFARE AND LOOTING IN THE
CONTEXT OF THE LATEST THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL
SECURITY: PROBLEMS AND PROSPECTS**

Annotation: the paper examines complex issues related to the further improvement of criminal law means to strengthen counteraction to the use of prohibited means and methods of warfare and looting, taking into account the new threats that have arisen at the present stage for the national security of Russia. The author identifies the existing problems in this area, and based on the analysis of the approaches available in the criminal law doctrine to their solution, formulates proposals for further improvement of the norms provided for in Parts 1 and Part 2 of Articles 356 of the Criminal Code of the Russian Federation, in Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: war, weapons of mass destruction, armed conflict, civilian population, means and methods, looting, criminal liability.

Актуальность исследуемой в работе темы обусловлена, прежде всего, тем, что в последние годы на фоне резкого обострения во всем мире социально-экономической, военно-политической и международной обстановки все новые угрозы постоянно возникают и для национальной безопасности нашей страны. Эти новейшие угрозы после начала проведения специальной военной операции Вооруженными Силами РФ на территории Украины особенно обострились, поскольку США и подконтрольные им так называемые «недружественные страны» (Великобритания, Германия, Франция и другие, причем не только входящие в ЕС), используя этот повод, не только ввели (и постоянно вводят) в отношении российского государства беспрецедентные по своим масштабам экономические, политические и иные (даже в сфере спорта) санкции, но и прилагают все усилия для эскалации названного вооруженного конфликта и по сути уже развязали между Россией и странами Запада новую

«информационную войну» с перспективами ее перевода в реальную агрессивную войну.

В этих условиях внесение в 2022-2024 гг. в действующее уголовное законодательство РФ адекватных изменений и дополнений, объективно обусловленных фактическим переводом нашей страны «на военные рельсы», было вполне ожидаемо и безусловно криминологически обосновано.

Началом этого процесса, связанного с реформированием многих уголовно-правовых запретов, устанавливающих или изменяющих пределы ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, против военной службы и против мира и безопасности человечества можно условно признать принятие в экстрординарном порядке Федерального закона РФ от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ [1], что с учетом существующих реалий было безусловно оправданным решением. В то же время после внесения в УК РФ целого ряда поправок, в том числе принципиально новых запретов, возникла объективная потребность в их теоретическом осмыслении на предмет достаточности и обоснованности. Научная разработка этих проблем будет способствовать обеспечению единообразного применения соответствующих уголовно-правовых норм.

В этой связи можно отметить, что с учетом сложившихся в настоящее время реалий, во-первых, объективно требуется дальнейшая корректировка отдельных уголовно-правовых запретов (например, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ), которые не подвергались изменениям с момента принятия действующего в УК РФ в 1996 г. (т.е. 26 лет назад), а во-вторых, некоторые новые нормы (а точнее, восстановленные) не вполне согласуются с правилами юридической техники, а также с имеющимися в современной уголовно-правовой доктрине теоретическими разработками, и с учетом этого представляются небесспорными.

Однако ни названный Закон, ни последующие законодательные новеллы, появившиеся в УК РФ за последние 2 года, вообще не внесли никаких

изменений в регламентацию ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 256 УК РФ). Больше того, можно отметить, что в гл. 34 (Преступления против мира и безопасности человечества) УК РФ остались всего лишь две статьи (ст.353 и ст.356), которые являются «долгожителями», в них вообще не вносилось никаких изменений с момента принятия УК РФ в 1996 г.

В то же время, как справедливо отмечают многие авторы [2, 3, 4], законодательная конструкция норм, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ, представляется далеко небезупречной, поскольку в современных условиях с учетом новых реальных угроз, возникших для безопасности нашего государства (в том числе для его территориальной целостности и суверенитета), формулировки отдельных объективных признаков и основного, и квалифицированного состава рассматриваемого преступления не вполне согласуются с существующими в современной уголовно-правовой доктрине теоретическими разработками и порождают трудности в их квалификации.

В этой связи дальнейшая научная разработка проблем, относящихся к усилению противодействия применению запрещенных средств и методов ведения войны с использованием уголовно-правовых средств, приобретает особую актуальность. О целесообразности существенной корректировки отдельных признаков объективной стороны рассматриваемых преступлений свидетельствуют и данные официальной статистики применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Так, по данным ГИАЦ МВД РФ в 2021 г. было зарегистрировано 36 преступлений, предусмотренных ст. 356 УК РФ, соответственно, в 2022 г. – 1056, а в 2023 г. – всего 20 таких преступлений (– 98,1%). Приведенные показатели вряд ли отражают реальное положение дел, а резкое снижение в 2023 г. количества возбужденных уголовных дел по факту применения запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ), наряду с другими объективными и субъективными факторами, в какой-то мере связано и с несовершенством законодательной формулировки рассматриваемой

уголовно-правовой нормы, а точнее, с не вполне корректным описанием в законе отдельных объективных признаков данного состава преступления.

Рассмотрим более подробно частные проблемы, относящиеся к содержанию отдельных объективных признаков состава преступления, предусмотренной ч. 1 ст. 356 УК РФ, которые не имеют однозначного решения и порождают трудности в уголовно-правовой оценке реально совершенных общественно опасных деяний.

Так, у правоприменителей возникают трудности в толковании такого оценочного признака как «жестокое обращение». Это понятие в обобщенном виде нормативно не определено. Ни международно-правовые акты, ни национальное законодательство, ни его толкование в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, не раскрывают содержание данного признака. В силу этого, решая вопрос о применении (или неприменении) ч. 1 ст. 356 УК РФ, рассматриваемый признак толкуется на практике хотя и на основе положений, имеющих в соответствующих международно-правовых актах, ратифицированных РФ (в частности, в Гаагской конвенции и Протоколах 1907 г.; Женевских конвенциях от 12.08.1949 г.: «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» (I Женевская конвенция); «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море» (II Женевская конвенция); «Об обращении с военнопленными» (III Женевская конвенция); «О защите гражданского населения во время войны» (IV Женевская конвенция) и др.), но правоприменитель руководствуется при этом лишь своим внутренним правосознанием, что вряд ли можно признать оправданным.

В. В. Меркурьев, С. А. Пичугин, И. А. Тараканов предлагают решить данную проблему путем внесения в ст. 356 УК РФ примечания, в котором было бы нормативно определено формализованное понятие «жестокое обращение» [2, с. 80]. Однако в предлагаемой ими редакции эти авторы широко используют не менее оценочные термины: «унизительное обращение, непристойное

посягательство в любой его форме» и т.п. Такой подход представляется далеко небесспорным, поскольку он не решает, а скорее обостряет данную проблему. Логичнее, на наш взгляд, не «загромождать» и без того громоздкий УК РФ подобными примечаниями, а принять специальное постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против мира и безопасности человечества», в котором дать соответствующие разъяснения относительно содержания оценочных понятий, содержащихся в гл. 34 УК РФ, в том числе и в ст. 356 УК РФ.

Не менее сложным для правоприменителя является и толкование такого признака объективной стороны рассматриваемого состава, как «разграбление» (национального имущества...). В международном праве, как и в российской уголовно-правовой доктрине это понятие толкуется распространительно, то есть им охватываются не только все формы хищения имущества, но и его вымогательство, а также его уничтожение или повреждение. Такая позиция в принципе представляется вполне обоснованной, но в этой связи целесообразно внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 356 УК РФ, как это предлагает Ю. О. Петрова [5, с. 9-10].

Нами предлагается вместо аморфного термина «разграбление» использовать в диспозиции данной нормы более точное словосочетание «неправомерный захват, уничтожение или повреждение национального имущества или объектов интеллектуальной собственности».

В связи с обновлением основ государственной политики в области ядерного сдерживания и принятия «ядерной доктрины» России и уточнением условий возможного применения ядерного оружия Вооруженными силами РФ, возникла объективная потребность в приведении национального законодательства нашей страны в соответствие с новыми принципами ядерной стратегии РФ.

Безусловно, эта проблема имеет комплексный, междисциплинарный характер, и ее решение возможно лишь путем объединения усилий не только

специалистов в области права, но и известных политиков, а также социологов представителей военной науки, дипломатов. Одним из частных вопросов, относящихся к решению данной проблемы, на наш взгляд, является кардинальная корректировка диспозиции уголовно-правовой нормы, предусмотренной в ч. 2 ст. 356 УК РФ, поскольку в настоящее время в ней установлен полный запрет на применение оружия массового поражения (в том числе ядерного), запрещенного международным договором РФ без каких-либо исключений.

Такая законодательная конструкция нормы, предусмотренной в ч. 2 ст. 356 УК РФ, не вполне согласуется с новой ядерной доктриной России, определяющей условия возможного применения ядерного оружия в качестве крайней меры в случае развязывания и ведения агрессивной войны, в том числе и в отношении «неядерных» государств. Более того, в современных условиях крайне сложной военно-политической обстановки и очевидной девальвации и дискредитации международного права абсолютно бланкетный характер диспозиции рассматриваемой нормы, содержащей отсылку лишь к международному договору РФ тоже вред ли оправдан.

Не претендуя на бесспорность, в качестве одного из возможных вариантов нами предлагается для обсуждения научной общественностью следующая новая редакция ч. 2 ст. 256 УК РФ:

«2. Применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, за исключением применения ядерного оружия в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации в качестве крайней меры, - наказывается...».

На наш взгляд, требуется существенная корректировка и восстановленной в 2023 г. в действующем УК РФ в качестве самостоятельного состава преступления традиционное для отечественного уголовного права общественно опасного деяния, именуемого «мародерство».

Признание в современных условиях мародерства самостоятельным преступлением против мира и безопасности человечества и нормативное закрепление данного состава в новой ст. 356.1 УК РФ, вероятно, связано с тем, что запреты на совершение практически всех деяний, охватываемых понятием «мародерство», установлены в нормах Международного гуманитарного права [6, с. 71-100].

Хотя в советский период мародерство традиционно рассматривалось как одно из воинских преступлений (ст. 266 УК РСФСР), и оно могло быть совершено лишь при ведении боевых действий и только «на поле сражения».

Согласно действующей редакции рассматриваемой нормы, мародерство – это «совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)».

Нетрудно заметить, что определение этого понятия (за исключением указания в нем на два альтернативных признака: времени или места совершения деяния, а также ссылки на отсутствие «вынужденной необходимости») практически идентично определению понятия «хищение», содержащемуся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Таким образом, при буквальном толковании всей совокупности объективных и субъективных признаков, образующих основной состав мародерства, как справедливо отмечает Ю. В. Гончарова [7, с. 267], в случае объявления в России военного положения (как и в военное время) практически все хищения чужого имущества в любой их форме, независимо ни от способа, ни от места их совершения, исходя из «буквы закона», должны будут квалифицироваться как мародерство по соответствующей части ст. 356.1 УК РФ, что представляется совершенно неоправданным решением.

Иными словами, рассматриваемая уголовно-правовая норма (ч. 1 ст. 356.1 УК РФ) в ее действующей редакции практически исключает возможность отграничить этот состав от составов хищений чужого имущества (ст.ст. 158-162 УК РФ), совершенных «в период военного положения» либо « в военное время» (исключение составят лишь специальные виды мошенничества (ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ) и хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ)).

Таким образом, законодательная формулировка, содержащаяся в диспозиции нормы, предусмотренной в ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, вряд ли согласуется с принципом законности, предполагающим соблюдение требования «определенности уголовно-правового запрета» [8].

К тому же, как справедливо отмечается в юридической литературе, в рассматриваемой уголовно-правовой норме имеется и ряд других недостатков, обусловленных нарушением правил юридической техники, которые вызовут сложности в правоприменительной практике, прежде всего, при квалификации данного преступления, а точнее при его отграничении от смежных составов [9, с. 40].

В частности, неясно, какое содержание имеет использованный законодателем в диспозиции рассматриваемой нормы термин «вынужденная необходимость» и как он соотносится с понятием «крайняя необходимость» как обстоятельством, исключающим преступность любого деяния (а не только имеющего признаки мародерства). Если эти понятия идентичные, то включение в конкретную норму Особенной части УК РФ указания на отсутствие при совершении того или иного деяния «вынужденной необходимости» очевидно является излишним (избыточным), поскольку в таких случаях содеянное не является преступлением в силу наличия крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). А если понятие «вынужденная необходимость» имеет какое-то иное, отличающееся от крайней необходимости содержание, то логично было бы определить его и нормативно закрепить в примечании к ст. 356.1 УК РФ,

поскольку иначе, в силу того, что оно имеет явно выраженный оценочный характер, на практике не исключается возможность его произвольного толкования.

Не вполне корректно определен в действующей редакции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ и предмет мародерства: «чужое имущество (в том числе имущество, находящееся при убитых и раненых, имущество гражданского населения).

Однако, при убитых и раненых, а также у гражданского населения могут находиться, а похищаться не только имущество, но и иные, представляющие для мародера интерес, предметы, в том числе и имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ), наконец, такие важные личные документы, как паспорт, удостоверение личности офицера, наградные документы, государственные награды и иные знаки отличия, авторские произведения, объекты интеллектуальной собственности (в том числе в виде компьютерной информации).

На наш взгляд, целесообразно расширить предмет мародерства, включив в него «иные предметы, вещи и документы».

Не вполне понятно, как применительно к действующей редакции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ квалифицировать действия лица, выразившиеся в изъятии и обращении в свою пользу имущества (в том числе военного), захваченного у противника в качестве трофеев при отсутствии корыстной цели, а также в тех случаях, когда такие деяния становятся организованными и систематическими на всей оккупированной территории.

Возникает весьма сложная проблема отграничения мародерства от применения запрещенных средств и методов ведения войны в виде разграбления национального имущества (ч. 1 ст. 356 УК РФ).

Наконец, неясно, как определять момент окончания мародерства, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ), а также

совершенного с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п.«в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ)?

Применительно к хищению чужого имущества такие случаи квалифицируются как разбой (ст. 162 УК РФ) и содеянное признается оконченным преступлением с момента начала нападения независимо от наступления общественно опасных последствий. Но для признания названных квалифицированных видов вымогательства оконченным преступлением и квалификации деяния виновного по п. «в» ч 3 или п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ, исходя из содержания общей диспозиции нормы, определяющей основной состав данного преступления, требуется обязательное «изъятие и (или) обращение чужого имущества...».

Такая законодательная конструкция означает, что поскольку основной состав мародерства является материальным (в отличие от основного состава разбоя), то и особо квалифицированные виды мародерства, предусмотренные п. «в» и п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ, тоже относятся к преступлениям с материальным составом, потому что они должны обладать всеми признаками основного состава, из которого он выделен в качестве самостоятельного состава и, соответственно, такие деяния образуют состав оконченного преступления лишь в случае изъятия чужого имущества и (или) обращения его в пользу виновного либо других лиц (то есть при наступлении преступных последствий). Такой подход к конструированию названных особо квалифицированных видов мародерства вряд ли можно признать оправданным, логично бы сформулировать их по типу формальных составов. Например, п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «в) а равно действия, направленные на совершение мародерства, соединенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия», соответственно, п. «в» ч. 4 этой статьи: «в) а равно действия, направленные на совершение мародерства, соединенные с угрозой убийством».

С учетом изложенного в качестве итогового можно сформулировать вывод о том, что уголовно-правовые запреты, сформулированные в ст. 356 и ст. 356.1 УК РФ, объективно нуждаются в дальнейшем совершенствовании в целях повышения их эффективности в противодействии преступлениям против мира и безопасности человечества и обеспечения их единообразного применения в следственной и судебной практике.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Меркурьев, В. В. Специфика уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны / В. В. Меркурьев, С. А. Пичугин, И. А. Тараканов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 3(101). – С. 73-81.
3. Мироненко, С. Ю. Уголовно-правовая характеристика форм применения запрещенных средств и методов ведения войны / С. Ю. Мироненко // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 8(213). – С. 31-42.
4. Гончарова, Ю. О. Техничко-юридические дефекты регламентации уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны (статья 356 Уголовного кодекса России) / Ю. О. Гончарова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 3. – С. 99-103.
5. Петрова, Ю. О. Нормы о военных преступлениях (ст. 356, 356.1, 359 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. О. Петрова ; Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2024. – 29 с.

6. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. – М., 1957. – 608 с.

7. Гончарова, Ю. О. Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления / Ю. О. Гончарова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 17, № 2(64). – С. 266-271.

8. Наумов, А. В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ / А. В. Наумов // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 88-94.

9. Лобач, Д. В. Уголовная ответственность за мародерство в российском уголовном законодательстве: некоторые правовые проблемы / Д. В. Лобач // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей, Томск, 26-28 января 2023 года. – Томск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. – С. 40-42.

Лаврентьева Алина Олеговна

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Юридический институт

Россия, Томск

082387@inbox.ru

Lavrenteva Alina

National Research Tomsk State University

Law Institute

Russia, Tomsk

БЫТОВЫЕ УБИЙСТВА И ХАРАКТЕРНЫЕ ОРУДИЯ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается понятие, статистика и криминалистическая характеристика убийств, совершенных на бытовой почве. Особое внимание уделяется такому элементу криминалистической характеристики бытовых убийств как орудие совершения преступления, поскольку именно данный элемент, по мнению автора, является главенствующим при совершении преступлений данной категории. Проанализирована судебная практика и выявлена статистика относительно самых распространенных орудий, с помощью которых совершаются бытовые убийства.

Ключевые слова: бытовая преступность, бытовые убийства, криминалистическая характеристика преступления, криминалистическая характеристика бытовых убийств, орудия совершения преступлений, орудия совершения бытовых убийств.

DOMESTIC HOMICIDES AND THEIR CHARACTERISTIC WEAPONS

Annotation: the article deals with the concept, statistics and criminalistic characterization of murders committed on domestic grounds. Particular attention is paid to such an element of the criminalistic characteristic of domestic murders as a weapon of crime, since it is this element, in the author's opinion, dominant in the commission of crimes of this category. The judicial practice is analyzed and statistics on the most common tools with the help of which domestic murders are committed is revealed.

Key words: domestic crime, domestic homicides, criminalistic characterization of crime, criminalistic characterization of domestic homicides, instruments of crime, instruments of domestic homicides.

Убийство является особо тяжким преступлением согласно Уголовному Кодексу Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), именно с данного вида преступления начинается Особенная часть УК РФ.

Под *убийством* согласно ст. 105 УК РФ понимается умышленное причинение смерти другому человеку [1]. Понятие именно «*бытового убийства*» или «*убийства, совершенного на бытовой почве*» в российском уголовном законодательстве не содержится. Тем не менее, среди ученых имеются различные трактовки понятия данного вида преступлений. Рассмотрим некоторые из них.

С.В. Шошин под **бытовым убийством** понимает «насильственное, с умыслом, лишение жизни человека (нескольких человек), совершенное в сфере внепроизводственной социальной жизни» [2]. Данное понятие является наиболее распространенным и устоявшимся в научных кругах, что вполне обоснованно, поскольку труд данного автора, посвященный расследованию умышленных убийств, совершенных на бытовой почве, является, пожалуй, самым выдающимся на сегодняшний день.

По мнению Д.О. Степанова «**бытовое убийство** – это умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное в сфере бытовых отношений, сложившихся между преступником и потерпевшим» [3, с. 90].

Как верно указывает А.Ю. Крютченко «категория бытовых убийств выделена на стыке криминологии и криминалистики с целью создания специфических методик изучения и расследования с учетом особенностей именно данного вида убийств» [4, с. 450]. Выделение данной разновидности убийств в отдельную категорию вполне обоснованно, поскольку среди общего массива совершенных убийств именно бытовые убийства занимают лидирующую позицию. Несмотря на то, что официальной статистики в данном направлении не ведется, точнее сказать – официальную статистику бытовых убийств Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту – МВД России) не обнародует, анализ практики показывает, что именно бытовые убийства из года в год стоят на первом месте. Как справедливо отмечает С.В. Шошин «не первый день уже существует человеческое общество, менялись многочисленные условия жизни как отдельного человека, так и общества в целом, но убийства на бытовой почве как совершались, так и продолжают совершаться. Практически невозможно найти ни одного следственного отдела в России, где бы не считали актуальным расследование данной разновидности преступлений» [2].

Так, согласно независимому исследованию, проведенному в 2022 году после спада пандемии COVID-19 (2020-2021 гг.) консорциумом женских неправительственных организаций, была выявлена пугающая статистика. Так, за два пандемийных года количество женщин, убитых в ходе ссоры с мужьями или партнерами, составило 70% от всех женских смертей. Чтобы выявить данный факт, правозащитникам пришлось создать специальный цифровой алгоритм: было изучено 11175 приговоров за 2020-2021 годы. Экспертами, проводившими данное исследование, отмечается, что реальная статистика домашнего насилия с убийством женщин может быть и выше, поскольку

некоторые приговоры публикуются задним числом или вовсе не обнаруживаются [5]. Важно отметить, что это лишь одна из составляющих от всей массы бытовых убийств, поскольку помимо семейных конфликтов, существуют и иные бытовые конфликтные отношения, сопровождающиеся криминальным исходом: родственные (между иными близкими родственниками); соседские (когда конфликтуют соседи по дому, двору, коммунальной квартире, общежитию и пр.); иные (конфликтуют друзья и подруги, знакомые, любовники и т.д.)» [6, с. 54], статистика которых не включена в указанное исследование. Также в исследовании не проанализирована доля бытовых убийств, потерпевшими от которых являются представители мужского пола (мужья). Тем не менее, без учета всех остальных статистических показателей, которые приходятся на иные подвиды бытовых убийств, результат, который свидетельствует о том, что количество женщин, убитых в ходе ссоры с мужьями или партнерами в 2020-2021 годах, составило 70% от всех женских смертей – уже является внушительной цифрой.

Сказанное еще раз подтверждает, что бытовые убийства действительно занимают ведущую позицию среди всей массы убийств. Можно отметить, что данная ситуация является серьезной проблемой современности, для которой еще не найден действенный способ по борьбе с ней. Из этого следует, что тема убийств, совершенных на бытовой почве, была актуальной, есть и, к сожалению, будет.

Таким образом, **бытовое убийство** можно охарактеризовать как разновидность преступлений, особенностью которых является лишение жизни человека по личным неприязненным мотивам в непроизводственной, бытовой сфере, совершаемое лицом, связанным с последним семейными, родственными, дружескими, соседскими (коммунальными) и иными аналогичными отношениями.

Для эффективного расследования данной категории преступлений органам следствия необходимо опираться на базовую совокупность признаков,

которые наиболее полно характеризуют бытовые убийства – речь идет о криминалистической характеристике преступлений.

«Криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему описания криминалистически значимых признаков отдельного преступления, которые проявляются в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, и дают представление о преступлении, личности субъекта и иных обстоятельствах, назначение которой заключается в обеспечении раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [7, с. 45], – считает Н.П. Яблоков.

По мнению М.К. Сейпиевой «изучение специфических особенностей элементов криминалистической характеристики убийств, совершенных на бытовой почве, позволит выдвинуть версии о неизвестных фактах конкретного убийства, основанные на сведениях о выявленных для этой категории преступлений элементах» [8, с. 78].

Среди элементов криминалистической характеристики бытовых убийств выделяются:

- время и место совершения преступления;
- обстановка совершения преступления;
- мотив, умысел и цель совершения преступления;
- орудие (и средство) совершения преступления;
- способы подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- личность преступника;
- личность потерпевшего.

Рассмотрим подробнее такой элемент, как орудие совершения преступления, в нашем же случае – **орудие совершения бытовых убийств**. Особое внимание уделяется данному элементу криминалистической характеристики убийств, совершенных на бытовой почве, поскольку именно орудие совершения преступления, как правило, ставит кровавую точку в накалившемся бытовом конфликте.

Под **орудиями совершения преступления** следует понимать предметы, непосредственно используемые в процессе его совершения, усиливающие физические возможности человека [9] (см. Диаграмму 1).

Для того чтобы выявить типичные орудия, которые используются при совершении бытовых убийств, была проанализирована судебная практика за последние 5 лет (2020-2024 гг.), а именно – было изучено 70 приговоров, вынесенных федеральными судами общей юрисдикции Российской Федерации по убийствам, совершенным на бытовой почве, которые размещены в открытом доступе в телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) / (<https://sudact.ru>)».

Из проведенного анализа следует, что большинство бытовых убийств совершаются посредством использования такого орудия преступления, как *нож* (75%). Это вполне логично и объяснимо, поскольку нож – это самый доступный предмет, который может быть использован в качестве орудия преступления, так как его приобретение незатруднительно и находится в свободном доступе для каждого человека, также немаловажно то, что нож всегда оказывается под рукой в момент возникновения преступного умысла. Если обратиться к таким элементам криминалистической характеристики убийств, совершенных на бытовой почве, как место и обстановка совершения преступления, то мы можем наблюдать, что бытовые убийства совершаются, как правило, по месту жительства (и нередко непосредственно на кухне) в процессе распития алкогольных напитков (преимущественно водки). Отсюда следует и становится ясно, что в таких условиях найти нож не составляет труда. Примером служат данные, изложенные в приговоре Белогорского городского суда (Амурская область) № 1-475/2020 от 17 сентября 2020 г. по делу № 1-475/2020:

«ФИОЗ в течение дня, находясь в доме по месту своего жительства, расположенном по адресу: <адрес>, распивала спиртные напитки совместно со своим супругом В.

<дата> в период <время>, между находящимися в состоянии алкогольного опьянения ФИОЗ и В. произошел словесный конфликт, в результате которого у ФИОЗ возникли личные неприязненные отношения к В. и она решила совершить его убийство, используя для этого хранящийся в кухне <адрес> кухонный нож.

<дата> в период <время>, стоя в кухне <адрес> взяла лежащий на кухонном столе нож, после чего прошла в жилую комнату дома, и реализуя свой умысел, направленный на убийство В., умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления в результате нанесения ударов клинком ножа в область грудной клетки человека, где сосредоточены жизненно-важные органы, общественно-опасных последствий в виде смерти В., и желая этого, нанесла сидящему на диване потерпевшему не менее 3 ударов клинком ножа в область передней поверхности грудной клетки.

Смерть В. наступила на месте происшествия, в короткий промежуток времени, исчисляемый минутами-десятками минут, от сдавления сердца излившейся в полость сердечной сумки кровью (гемотампонады)» [10].

Помимо отмеченного, В.В. Яровенко справедливо наблюдает, что «в последние годы произошло резкое насыщение общества различными ножами с вовлечением их в криминальный оборот. В торговой сети реализуется большое количество разнообразных предметов хозяйственно-бытового назначения, не предназначенных для поражения цели, но имеющих не только внешнее сходство с оружием, но и технические характеристики конкретного его вида, за исключением какого-либо одного признака, например, отсутствие ограничителя (упора). Отсутствие данного признака не исключает общественную опасность и не влияет на поражающие свойства ножей, что подтверждается практикой» [11].

Так, ножи, которые используются при совершении бытовых убийств, можно подразделить на различные виды, в зависимости от их предназначения:

кухонный; хозяйственно-бытового назначения; цельнометаллический; складной; разделочный, финский нож, нож-бабочка, штык-нож и пр. – все это исходит из содержания изученных судебных приговоров по бытовым убийствам. В целом, это не имеет особого значения для расследования данной группы убийств и при назначении наказания, но в некоторых ситуациях, когда, например, орудие преступления не было обнаружено на месте совершения преступления / месте обнаружения трупа, а его обнаружение необходимо, данная информация может играть значимую роль. Например, посредством заключения судмедэксперта и изложенных в нем ответов на поставленные вопросы относительно того, каков характер, расположение повреждений, имеющих на трупе, и чем они могли быть причинены, путем проведения судебно-медицинской экспертизы трупа органы следствия будут иметь представление о том, каким ножом, например, с большим клинком или же с маленьким (а от этого зависит и вид / назначение ножа), были нанесены смертельные ранения, и что необходимо по итогу искать в качестве вещественного доказательства для приобщения к материалам уголовного дела. Стоит отметить, что вскрытие трупа, как отмечают сами судмедэксперты, часто проясняет множество вопросов относительно размера, формы и любых уникальных особенностей использованного орудия убийства.

Что касательно отдельной экспертизы ножей, использованных при совершении бытовых убийств, как отмечают многие ученые и практики, в том числе и В.В. Яровенко, Д.А. Корецкий, фактически нет необходимости для ее проведения, поскольку гораздо важнее установить следственным путем, что именно данный нож использовался в качестве оружия для причинения смерти [11].

В остальных же случаях орудием совершения бытовых убийств могут служить и иные предметы бытового обихода: *топоры, молотки, утюги, режее – огнестрельное оружие (например, охотничье ружье)*. На их долю приходится 9%.

Также проведенный анализ судебной практики показывает данные и о том, что при совершении бытового убийства преступники используют *ряд иных предметов, которые вовсе не обладают колющими, режущими свойствами*. Так, в момент накала ситуации между убийцей и жертвой в ход идут стулья, швабры, кастрюли, ремни, стеклянные банки, кирпичи и пр. – около 7%. Наглядным доказательством служат данные из приговора Ленинского районного суда г. Барнаула (Алтайский край) № 1-309/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-309/2020:

«ФИО2 <дата>, находясь в квартире по адресу: <адрес>, осознавая, что от его действий неминуемо наступит смерть потерпевшей и желая этого, приискал в квартире ремень от сумки, подошел к лежащей на диване на спине З., приподнял ее голову, после чего обмотал данным ремнем шею З. на два раза и потянул ремень за свободные концы, тем самым своими преступными умышленными действиями, а именно сдавливанием органов шеи потерпевшей, препятствуя тем самым доступу кислорода в ее организм, стал держать ремень в таком положении на шее З. не менее двух минут до тех пор, пока потерпевшая не перестала подавать признаки жизни.

Своими умышленными преступными действиями ФИО2 причинил З. механическую асфиксию в результате сдавливания органов шеи петлей при удушении, следствием чего стало наступление смерти З.» [12].

Если говорить про **средства совершения бытовых убийств** (предметы, вещества, энергия и приспособления, физические, химические и иные свойства которых используются для совершения преступления [9]), то самым распространенным является *легковоспламеняющаяся жидкость + источник открытого пламени* – примерно 3%. В таких ситуациях деяние будет квалифицироваться как бытовое убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Важно отметить, что порой некоторые бытовые убийства совершаются и вовсе *без орудия и средства совершения преступления* (около 6%). Так, в

приступе ярости и агрессии, будучи в состоянии алкогольного опьянения, виновные совершают преступления *с помощью рук и ног*, посредством нанесения многочисленных ударов (исчисляемых десятками) по голове и иным жизненно-важным органам, а также путем удушения. Как правило, это характерно для преступников мужского пола, нежели женского. В качестве примера рассмотрим обстоятельства произошедшего бытового убийства, изложенные в приговоре Бийского городского суда (Алтайский край) № 1-704/2020 от 22 сентября 2020 г. по делу № 1-704/2020:

«ФИО1, реализуя свой преступный умысел, направленный на причинение смерти К.Е., действуя умышленно, осознавая общественно-опасный и противоправный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде смерти последней и желая этого, в период времени <время> ФИО1, находясь в состоянии алкогольного опьянения нанес кулаком своей руки удар К.Е. по лицу, отчего последняя упала на пол.

Далее действуя в продолжение своего преступного умысла, в вышеуказанные время и месте, ФИО1, сев сверху на лежащую на полу К.Е. и нанес кулаками своих рук в область головы, лица, туловища и конечностей последней не менее десяти ударов, после чего доводя свой преступный умысел до конца, надавил неустановленным предметом либо частью своего тела на шею потерпевшей, тем самым препятствуя доступу кислорода в ее дыхательные пути. <...>. Смерть К.Е. наступила на месте совершения преступления от указанных действий ФИО1» [13].

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день убийства, совершаемые на бытовой почве, остаются наиболее распространенными среди прочих видов убийств. Вместе с тем, согласно данным о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-август 2024 года, опубликованным на официальном сайте МВД России, общее число всех убийств и покушений на убийство сократилось на 16,4% по сравнению с 2023 годом [14]. Следовательно, и количественные показатели бытовых убийств

становятся ниже, поскольку, как уже отмечалось ранее, именно на данную разновидность преступлений выпадает наибольшая доля от всех совершаемых убийств. Но, несмотря на снижение общего числа бытовых убийств, доля указанных преступлений среди прочих убийств остается высокой, что не может не вызывать беспокойство.

Стоит отметить, что на сегодняшний день не разработано каких-либо специфических средств борьбы с бытовыми убийствами. Эффективность различных мероприятий по профилактике бытовых преступлений, различных форм общепредупредительной деятельности участковых уполномоченных ставится многими авторами под сомнение. Ограничение оборота ножей, которые являются лидером среди орудий совершения бытовых убийств, не представляется возможным. К тому же, как было выявлено, взамен ножей убийцы используют и иные предметы бытового обихода, и даже, если ничего подходящего не отказывается под рукой, особенно, если преступник находится в состоянии алкогольного опьянения, он способен причинить действия, которые повлекут за собой наступление смерти, без использования каких-либо орудий.

Таким образом, одной из наиболее существенных особенностей криминалистической характеристики бытовых убийств является то, что между жертвой и виновным лицом ранее, скорее всего, существовали напряженные отношения, бытовые конфликты, а систематическое употребление алкогольных напитков рано или поздно доводило указанные обстоятельства до своего криминального конца.

Подводя итог о важности такого элемента криминалистической характеристики бытовых убийств, как орудие совершения преступления, следует отметить также тот факт, что использование некоторых орудий требует специальных навыков обращения, что в процессе расследования уголовного дела будет подтверждать или опровергать версию относительно причастности к преступлению того или иного лица. В качестве примера можно привести

резонансный случай из следственной практики советского периода об убийстве Нины Амираговой, труп которой впоследствии был расчленен ее мужем:

«В июле 1936 года Владимир Михайлович Афанасьев-Дунаев и его новая подруга якобы пригласили Нину Амирагову поехать с ними вместе за город. После этого гражданка Амирагова исчезла.

Через некоторое время вдоль линии Северной железной дороги были найдены несколько фрагментов тела, на которых были уничтожены все особые приметы, в том числе родинки, обращал на себя внимание также тот факт, что разрезы были сделаны аккуратно и профессионально.

Так, по результатам назначенной судебно-медицинской экспертизы было получено заключение, согласно которому расчленение трупа могло быть произведено только лицом, знакомым с техникой вскрытия трупов и посредством использования инструментов для вскрытия (скальпелей и специальных ножей). Данный факт послужил уликой против мужа погибшей Нины Амигаровой – В.М. Афанасьева-Дунаева, являвшегося по профессии судебным медиком.

По завершению расследования данного дела В.М. Афанасьев-Дунаев был признан судом виновным в совершении убийства своей жены – гражданки Амигаровой» [15, с. 324; 16].

Сказанное еще раз подтверждает особую значимость изучения орудий, которые используются при совершении бытовых убийств, поскольку именно они, в отличие от остальных элементов криминалистической характеристики данной категории преступлений, в определенных ситуациях могут дать важные зацепки для расследования уголовного дела.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

2. Шошин С.В. Расследование умышленных убийств, совершенных на бытовой почве / С. В. Шошин // дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 187 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/rassledovanie-umyshlennykh-ubiistv-sovershennykh-na-bytovoi-pochve> (дата обращения: 28.09.2024).

3. Степанов Д.О. Понятие и сущность бытового убийства / Д.О. Степанов // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). Москва: изд. Буки-Веди, 2017. 89-92 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13177/> (дата обращения: 28.09.2024).

4. Крютченко А.Ю., Масленников Е.А. Понятие убийства, совершенного на бытовой почве / А.Ю. Крютченко, Е.А. Масленников // Научно-методический журнал «NovaInfo», 2017. № 58 (1). С. 449-453. [Электронный ресурс]. URL: <https://novainfo.ru/article/10273> (дата обращения: 28.09.2024).

5. Одоевцева С. Правозащитники ужаснулись статистике домашнего насилия в России: 70 процентов убитых женщин погибли от рук мужей или сожителей // Электронное периодическое издание «Московский Комсомолец», 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/08/20/pravozashhitniki-uzhasnulis-statistike-domashnego-nasiliya-v-rossii.html> (дата обращения: 29.09.2024).

6. Мясникова К.А. Бытовая сфера как критерий бытового насилия / К.А. Мясникова // Юрист-Правоведь, 2012. № 3 (52). С. 54-58. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovaya-sfera-kak-kriteriy-bytovogo-nasiliya> (дата обращения: 28.09.2024).

7. Яблоков Н.П., Самыгин Л.Д. Информационные основы расследования и криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика. Москва: БЕК, 1995. 708 с.

8. Сейпиева М.К. Криминалистическая характеристика бытовых убийств / М.К. Сейпиева // Омск: Вестник магистратуры СИБИТа, 2018. № 1-2 (76). 78-

80. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-bytovyh-ubiystv> (дата обращения: 28.09.2024).

9. Есаков Г.А., Барышева К.А., Грачева Ю.В. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации, постатейный / Под ред. доктора юрид. наук Г.А. Есакова // 9-е изд. Москва: Проспект, 2021. 588 с.

10. Приговор Белогорского городского суда (Амурская область) № 1-475/2020 от 17 сентября 2020 г. по делу № 1-475/2020 // Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт», 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

11. Яровенко В.В. Криминалистическая характеристика ножей, применяемых в качестве клинкового холодного оружия // Юридические исследования. 2019. № 2. С. 19-27. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29013 (дата обращения: 29.09.2024).

12. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула (Алтайский край) № 1-309/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-309/2020 // Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт», 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

13. Приговор Бийского городского суда (Алтайский край) № 1-704/2020 от 22 сентября 2020 г. по делу № 1-704/2020 // Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт», 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

14. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России), 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/> (дата обращения: 29.09.2024).

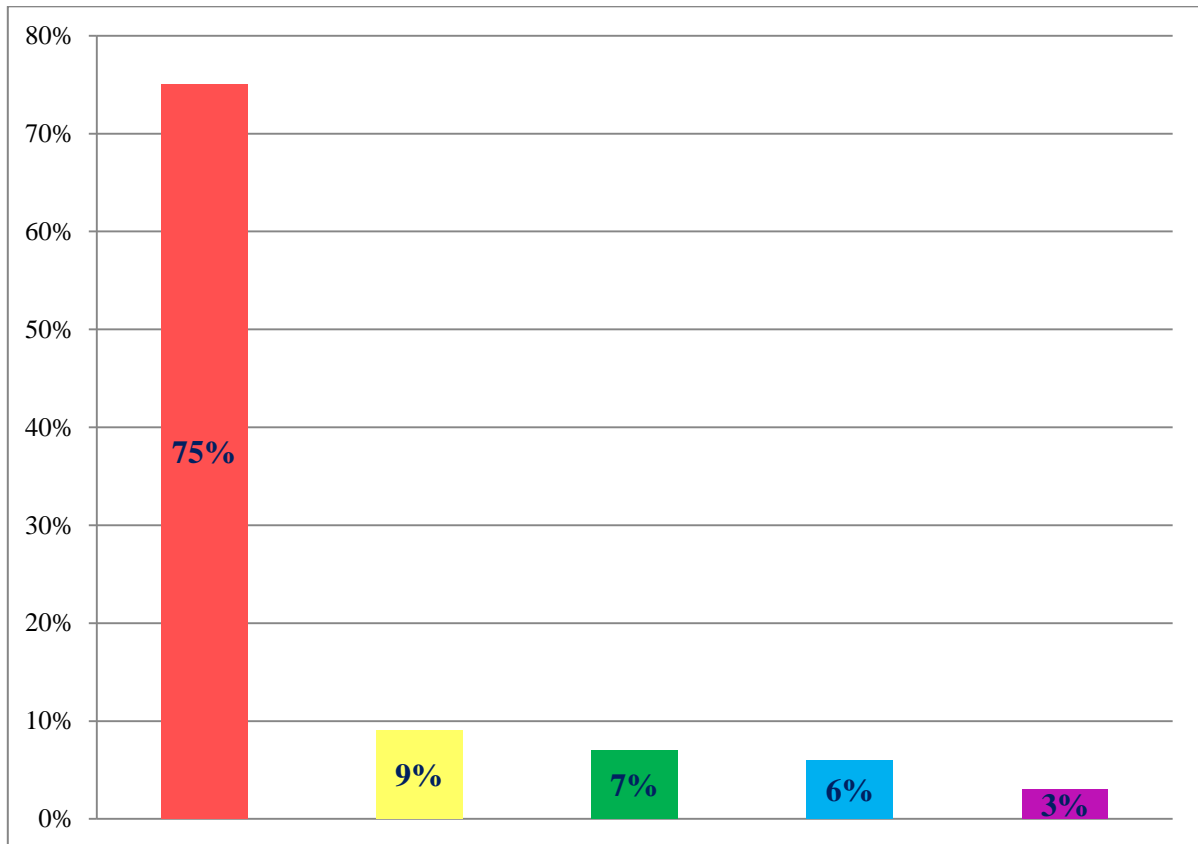
15. С.А. Голунский, Б.М. Шавер. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. Учебник для юридических высших учебных заведений / под ред. А.Я. Вышинского // Москва: Юридическое издательство НКЮ РСФСР. Институт права Академии наук Союза ССР, 1939. С. 324.

16. Суд над Афанасьевым-Дунаевым: классовая ненависть или ревность? // homsk: ежедневное культурно-просветительное интернет издание, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://homsk.com/martin/sud-nad-afanasevym-dunaevym-klassovaya-nenavist-ili-revnost> (дата обращения: 13.10.2024).

Приложения

Диаграмма 1. Характерные орудия (и средства) совершения бытовых убийств

75 % - ножи;

9% - топоры, молотки, утюги, резе – огнестрельное оружие (*например, охотничье ружье*);

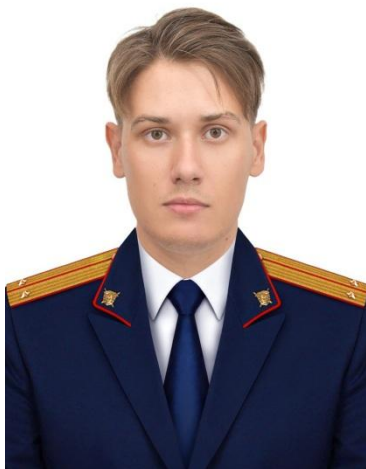
7% - иные предметы, которые вовсе не обладают колющими, режущими свойствами (*стулья, швабры, кастрюли, ремни, стеклянные банки, кирпичи и пр.*);

6% - с помощью рук и ног;

3% - легковоспламеняющаяся жидкость + источник открытого пламени.

УДК 343.721

Недигов Вячеслав Борисович

Московская академия Следственного комитета

имени А.Я. Сухарева

Факультет подготовки научно-педагогических кадров

и организации научно-исследовательской работы

Россия, Москва

nedikov@sledcom36.ru

Nedikov Vyacheslav

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee

Faculty of postgraduate study and organization of scientific activity

Russia, Moscow

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО: ОПЫТ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Аннотация: в данной статье рассматривается сравнительно-правовой аспект уголовно-правового регулирования кибермошенничества по законодательству России и Германии. Автором исследуются объективные предпосылки роста киберпреступности, проводится ретроспективный анализ норм об уголовной ответственности за интернет-мошенничество по УК РФ, изучается современное состояние законодательства об уголовной ответственности за кибермошенничество по законодательству России и Германии. На основании проведенного исследования, автором предлагаются способы повышения эффективности уголовного преследования кибермошенников.

Ключевые слова: уголовная ответственность, кибермошенничество, интернет-преступность, киберпреступления, компьютерная информация, информационные технологии.

PROBLEMATIC ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR INTERNET

FRAUD: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND GERMANY

Annotation: this article examines the comparative legal aspect of the criminal law regulation of cyberbullying under the legislation of Russia and Germany. The author examines the objective prerequisites for the growth of cybercrime, conducts a retrospective analysis of the norms on criminal liability for Internet fraud under the Criminal Code of the Russian Federation, studies the current state of legislation on criminal liability for cybercrime under the legislation of Russia and Germany. Based on the conducted research, the author suggests ways to increase the effectiveness of criminal prosecution of cybercriminals.

Key words: criminal liability, cyberbullying, Internet crime, cybercrime, computer information, information technology.

Стремительный научно-технический прогресс стал отправной точкой двум глобальным процессам, которые сегодня определяют вектор развития права, экономики и политики – глобализации и цифровизации. Влияние данных процессов на жизнь общества обусловлено несколькими характерными чертами. Во-первых, глобализация и цифровизация являются взаимообусловленными процессами, сопровождающими друг друга и невозможными один без другого. Во-вторых, данные явления являются универсальными для всех государств мира, однако процесс порождаемых ими изменений в одних странах идет быстрее, а в других – медленнее. В-третьих, процессы эти являются необратимыми, на данном этапе повернуть их вспять абсолютно невозможно, так как стабильность мировых правовых, экономических и политических связей в значительной степени обеспечивается посредством достижений глобализации и цифровизации международных отношений.

Однако помимо новых возможностей экономического роста, правовой и политической интеграции, перспектив решения глобальных проблем человечества, современные глобальные процессы несут в себе ряд вызовов и

угроз как для безопасности общества и государства в целом, так и для безопасного существования каждой отдельной личности [17, с. 47]. С каждым годом вопросы обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства встают все острее. В частности, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации прямо называет в качестве одной из ключевых информационных угроз рост масштабов компьютерной преступности, прежде всего, в кредитно-финансовой сфере [1]. В последние годы ситуация с преступностью в данной области только обострилась, в первую очередь, это связано с началом пандемии коронавирусной инфекции в марте 2020 года, когда большинство людей было вынуждено надолго ограничить или вовсе прервать традиционную межличностную коммуникацию, перейдя в онлайн. Осваивая новую для себя информационную среду, они стали легкой мишенью для тех, кто решил использовать современные технологии в своих преступных целях. Также, активизация мошенников в сфере технологий связана с деятельностью иностранных государств на фоне обострения международной обстановки, в частности, Украины.

Официальная статистика Министерства внутренних дел РФ говорит о взрывном росте количества таких преступлений: число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в январе-августе 2024 года по сравнению в аналогичным периодом прошлого года возросло на 16,4% (500,4 тыс. преступлений), в том числе с использованием сети «Интернет» – на 26,1%, при помощи средств мобильной связи – на 19,6%. Почти две трети от общего числа данных преступлений (63,8%) совершаются путем кражи или мошенничества [26]. Значительный рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, наблюдается последние два года: +1,4% в 2021 году, +0,8% в 2022 году, +29,7% в 2023 году, и объясняется во многом деятельностью иностранных государств.

Объективные предпосылки роста интернет-преступности продолжают формироваться. По данным Федеральной службы государственной статистики, если еще в 2015 году на каждые 100 граждан России приходилось только 68 пользователей интернета, то в 2019 году их стало уже 96, а процент домохозяйств, обладающих доступом к интернету, вырос с 66,8% в 2015 году до 73,6% в 2019 году. При этом число абонентов, использующих интернет для совершения банковских операций, увеличилось с 16,9% в 2015 году до 51,6% в 2019 году [25]. Этот тренд является не исключительно российским, а общемировым. Например, зарубежные исследователи говорят о росте количества домохозяйств Великобритании, имеющих доступ к интернету, с 10% в 2000 году до 90% в 2017 году [22]. Количество пользователей интернета в Германии возросло с 24,62 млн человек в 2000 году до 69,30 млн человек в 2017 году. За тот же период число абонентов Всемирной сети увеличилось в США с 121,48 млн человек до 245,43 млн человек [27].

Важно отметить, что традиционным для стран постсоветского пространства является закрепление уголовной ответственности за хищение в сфере компьютерных технологий в единственной его форме – в форме мошенничества [18, с. 105]. В связи с вышесказанным учеными-криминалистами и правоприменителями отмечается значительный рост числа случаев мошенничества, совершаемого в сфере телекоммуникаций, однако его законодательная регламентация и уголовно-правовая квалификация сопровождаются рядом проблемных вопросов, не нашедших единого решения в среде теоретиков и практиков.

Отдельные вопросы криминализации, пенализации и квалификации мошенничества в сфере ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) затрагивались в работах И.А. Александровой, А.Г. Безверхова, Л.М. Болсуновской, Л.А. Букалеровой, А.В. Гладких, М.Ю. Дворецкого, К.Н. Евдокимова, В.М. Елина, А.С. Камко, А.А. Комарова, Н.А. Лопашенко, С.С. Медведева, М.А. Простосердова, Е.А. Русскевича, О.М. Сафонова, А.В.

Серебренниковой, Е.А. Соловьевой, М.И. Третьяк, А.Ю. Чупровой, А.А. Южина, П.С. Яни, В.Ф. Джафарли и др.

Отдельным аспектам исследуемой проблемы посвящены докторские диссертации М.А. Ефремовой «Уголовно-правовая охрана информационной безопасности» (2018 г.) и Н.Ш. Козаева «Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом» (2016 г.), а также кандидатские диссертации М.А. Простосердова «Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им» (2016 г.), А.А. Южина «Мошенничество и его виды в российском уголовном праве» (2016 г.), И.А. Мусьял «Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы» (2018 г.), М.Д. Фролова «Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации» (2018 г.), Г.Ф. Григоряна «Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации» (2021 г.).

До 2012 года в Уголовном кодексе РФ существовала лишь одна общая норма о мошенничестве – ст. 159 УК РФ, однако это не мешало эффективному уголовному преследованию мошенников, так как их действия зачастую квалифицировались по совокупности с иными нормами уголовного закона. Например, положения ныне утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в части юридической оценки деяний, направленных на завладение денежными средствами, когда они сопряжены с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений, предлагают квалификацию данных действий по совокупности ст. 159 и ст. 272 или ст. 273 УК РФ, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошло уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации,

нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Несмотря на это, принятый по инициативе Верховного Суда РФ Федеральный закон от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ дополнил уголовный закон шестью новыми формами мошенничества: в сфере кредитования (ст. 159.1), при получении выплат (ст. 159.2), с использованием платежных карт (ст. 159.3), в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 – ныне утратила силу), в сфере страхования (ст. 159.5), в сфере компьютерной информации (ст. 159.6). По замыслу законодателя, внесенные поправки должны были повысить эффективность уголовного преследования мошенников, а также способствовать надежной охране складывающихся общественных отношений в экономической сфере, но на практике они лишь вызвали дополнительные трудности для правоприменителей.

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, составляет хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей. Данное решение законодателя подвергается критике в доктрине отечественного уголовного права по нескольким причинам.

Во-первых, мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) вполне обоснованно считается специальной нормой относительно основного состава мошенничества, закрепленного в ст. 159 УК РФ. Однако анализ диспозиции ст. 159.6 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что предусмотренное в ней деяние совершается не путем обмана или злоупотребления доверием – традиционным способом совершения любого другого вида мошенничества, а путем использования компьютерной информации.

По мнению Р.Б. Иванченко и А.Н. Малышева, действующая конструкция

объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, размывает уголовно-правовое понятие «мошенничество». Более того, выраженная в пояснительной записке к законопроекту о введении ответственности за компьютерное мошенничество позиция законодателя, согласно которой для получения доступа к чужой компьютерной системе преступник преодолевает компьютерную защиту имущества (имущественных прав), является противоречивой, так как такой доступ может быть получен и без преодоления компьютерной защиты имущества. Поэтому обоснованность криминализации данного деяния в обособленный уголовно-правовой запрет весьма сомнительна [14, с. 196].

Степанов М.В. считает, что наличие в диспозиции ст. 159.6 УК РФ термина «мошенничество», который выступает видовым по отношению ко всем специальным составам мошенничества, делает необходимым для правоприменителя установление факта обмана или злоупотребления доверием. При этом автор признает, что об обмане в данном случае говорить не приходится, так как отсутствует лицо, которому сообщаются ложные или несоответствующие действительности сведения, если только законодатель не допускает возможность обмана электронного оборудования [19, с. 174].

Однако существуют и иная позиция. Профессор И.А. Клепицкий утверждает, что место обмана и злоупотребления доверием в составе компьютерного мошенничества занимает злоупотребление компьютерной информацией. При этом норма, закрепленная ст. 159.6 УК РФ, не является специальной, а лишь восполняет пробел в уголовно-правовом регулировании [15, с. 96].

Во-вторых, норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации является так называемой «нормой-клоном» классического мошенничества (ст. 159 УК РФ), при чем достаточно несовершенной с позиций теории уголовного права [16, с. 423]. Так как в диспозиции ст. 159.6 УК РФ отсутствует отсылка к классическим способам совершения мошенничества, а также не предусмотрен

конкретный человек в качестве потерпевшего, то, в целях наиболее грамотного грамматического и логического толкования закона, правоприменителю было бы удобнее обращаться к квалификации компьютерного мошенничества по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 272 или 273 УК РФ, как это делалось до 2012 года.

В-третьих, криминализация любого деяния в специальной норме закономерно влечет необходимость разрешения вопросов конкуренции общей и специальной нормы. В частности, на практике сложность вызывает разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 159.6 УК РФ, в тех случаях, когда адресатом обмана является конкретное лицо, но ложные сведения ему отправляются преступником в форме компьютерной информации. В данном случае компьютер выступает лишь средством совершения преступления, а квалифицировать действия виновного необходимо по ст. 159 УК РФ [20, с. 57]. Трудности возникают и при квалификации действий лица, когда оно обманом завладело данными лица, необходимыми для его аутентификации в системах онлайн-банкинга с последующим снятием средств со счетов. В таких случаях лицо должно нести ответственность по ст. 159.6 УК РФ, так как обман был им использован для облегчения совершения преступления, а ввод компьютерной информации являлся способом совершения деяния.

Таким образом, можно сказать, что внесенные Федеральным законом от 29.11.2012 года № 207-ФЗ в антикриминальную практику изменения создали для правоприменителей и ученых гораздо больше проблем, чем смогли решить. В этой связи представляется необходимым продолжать процесс реформирования законоположений в сфере противодействия компьютерному мошенничеству с целью повышения эффективности механизма уголовно-правового воздействия [3, с. 84].

Одним из способов совершенствования отечественного уголовного закона является обращение к опыту зарубежных государств, анализ

иностранным законодательством с целью выявления наиболее эффективных практик противодействия преступности и рассмотрения вопроса их применения в рамках российской правовой реальности. По нашему мнению, в рамках исследуемой проблемы будет полезно рассмотреть опыт Федеративной Республики Германия, так как наши правовые порядки в рамках системы романо-германского права имеют много общего.

Уголовное законодательство Германии не предусматривает отдельной главы о киберпреступлениях, поэтому в науке уголовного права сформировалась своя доктринальная классификация киберпреступлений: 1) компьютерное мошенничество; 2) мошенничество в отношении права доступа к коммуникационным сетям; 3) фальсификация доказательств в форме компьютерных данных, а также введение в заблуждение при компьютерном оформлении правоотношений; 4) компьютерная диверсия; 5) шпионаж данных и пиратство в сфере программного обеспечения. Самым распространенным из них является компьютерное мошенничество [13, с. 182].

Как и в российском уголовном законе, в Уголовном кодексе ФРГ имеется общая норма о мошенничестве (§ 263 УК ФРГ) и специальная норма о компьютерном мошенничестве (§ 263а УК ФРГ), которая, как и в отечественной уголовно-правовой доктрине, считается преступлением против собственности. Однако выделение компьютерного мошенничества в УК ФРГ является обоснованным в связи с тем, что в уголовном законодательстве Германии нет отдельного раздела о преступлениях в сфере компьютерной информации, тогда как в российском уголовном праве составы преступлений в сфере компьютерной информации содержатся в главе 28 УК РФ [5, с. 893].

Анализ положений УК ФРГ позволил обнаружить определенное сходство в конструировании норм о мошенничестве немецким и российским законодателями. Общая норма о мошенничестве (§ 263 УК ФРГ) предусматривает такие способы его совершения, как сообщение ложных фактов, искажение либо сокрытие истинных фактов, которое вводит в

заблуждение или поддерживает заблуждение [9]. Однако по замечанию немецких исследователей при совершении компьютерного мошенничества отсутствует потерпевшее лицо, совершающее под влиянием обмана сделку с имуществом, поэтому имеют место лишь определенные манипуляции с системой обработки компьютерной информации [21].

Объектом компьютерного мошенничества в УК ФРГ является имущество лица как целое – то есть вся совокупность экономических благ потерпевшего (как вещи, так и иные объекты гражданских прав, не обладающие вещной природой), – любая составная часть которого может выступать в качестве предмета посягательства. Именно эта особенность отличает компьютерное мошенничество по УК ФРГ от кражи и от всех иных видов мошенничества. В то же время использование компьютерной информации в ст. 159.6 УК РФ является способом хищения, предметом которого может быть только овеществленный предмет. Поэтому единственным формальным отличием компьютерного мошенничества (ст. 159.6 УК РФ) от кражи (ст. 158 УК РФ) является второй альтернативно предусмотренный предмет посягательства – право на имущество, которое, в свою очередь, часто трактуется лишь как право собственности [2, с. 686-693]. Это дало основание ряду авторов утверждать, что норма, закрепленная ст. 159.6 УК РФ, является специальной по отношению к ст. 158 УК РФ, что российской уголовно-правовой доктрине следует отказаться от трактовки мошенничества как хищения [20, с. 58].

Объективная сторона компьютерного мошенничества по УК ФРГ предусматривает совершение четырех альтернативных действий: создание неправильных программ, использование неправильных или неполных данных, неправомерное использование данных и неправомерное воздействие на процесс обработки информации. При этом каждая из четырех форм преступных действий должна приводить к промежуточным последствиям в виде влияния на результат обработки данных.

Можно сказать, что объективная сторона состава мошенничества в сфере

компьютерной информации по УК РФ охватывает меньший круг деяний, чем ее аналог, закрепленный § 263 УК ФРГ. Так, диспозиция ст. 159.6 УК РФ предусматривает только ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств обработки, хранения и передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [4, с. 361]. При этом ряд действий, предусмотренных при совершении компьютерного мошенничества по уголовному праву Германии, в уголовном законе России запрещены самостоятельной уголовно-правовой нормой: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ). Как отмечалось выше, расширительное толкование компьютерного мошенничества германским законодателем является последствием отсутствия специальных норм об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации. Вместе с тем, это не мешает немецким правоприменителям эффективно преследовать киберпреступников. Таким образом, в качестве компьютерного мошенничества по УК ФРГ квалифицируются: 1) мошенничество с товарами, приобретенными на онлайн-аукционах или в интернет-магазинах; 2) мошенничество с кредитными картами [8, с. 124], в том числе в банкоматах; 3) новые методы мошенничества со счетами и отмыванием денег, например, создание компаний по депонированию денежных средств; 4) рекламное мошенничество путем наиболее типичных обманных схем с адресными книгами; 5) мошенничество в сфере добросовестной конкуренции, в частности, направленное на обманное предоставление конкурентного преимущества; 6) клик-мошенничество, когда используется интернет-реклама услуг, к примеру, страхования в «один клик» [23].

Можем заключить, что представляется обоснованным вывод о

неоправданно-произвольной криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации (по классификации М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина [7, с. 43]). То есть законодатель предусмотрел специальную норму об уголовной ответственности за компьютерное мошенничество, однако мотивы такой криминализации непонятны, в частности, сомнения вызывает ее обоснованность, полезность и значимость.

Необходимость выделения нормы о компьютерном мошенничестве не подтверждается даже данными судебной статистики: в 2018 году по ст. 159.6 УК РФ было осуждено всего 54 человека, в 2019 году – 34 человека, в 2020 году – 29 человек, а в 2021 году – 21 человек [24]. Тенденция к снижению количества приговоров с квалификацией содеянного по ст. 159.6 УК РФ сохраняется и в настоящее время.

Отечественный уголовный закон содержит достаточное количество эффективных мер противодействия мошенничеству, совершаемому в сфере информационных технологий: механизмы квалификации преступлений по совокупности, правила преодоления конкуренции норм, о чем говорилось ранее – все эти приемы отработаны и проверены временем. За вот уже четверть века действия Уголовный кодекс РФ в значительной степени утратил прежнюю системность, а появление дублирующих норм, не обоснованных с криминологической точки зрения, явно не способствует повышению качества уголовного закона и эффективности уголовно-правового регулирования.

Более того, нами просматривается тенденция к постоянному расширению перечня деяний, которые возможно совершить с помощью информационных технологий. Очевидно, что указание в диспозиции уголовно-правовой нормы на использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в качестве квалифицирующего признака (например, в ч. 2 ст. 128.1, п «д» ч. 2 ст. 110, ч. 2 ст. 205.2 УК РФ и т.д.) – несовременный метод государственного реагирования на рост преступности в информационной среде. Это вынуждает законодателя систематически вносить поправки в Уголовный

кодекс РФ, дополняя все больше норм данным квалифицирующим признаком. Полагаем, что использование информационных технологий в преступной деятельности должно быть признано обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность лица, и внесено в перечень таких обстоятельств, содержащийся в ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Как справедливо отмечает Г.Р. Григорян, цифровизация общества и, в том числе, активное развитие «электронных» и «цифровых» форм имущественных отношений требует принципиально нового подхода к криминализации, пенализации и законодательной регламентации киберпреступлений против имущества [10, с. 10]. В этой связи считаем оправданным исследование феномена компьютерного мошенничества не в системе преступлений против собственности, а в рамках формирования новой подотрасли уголовного права – информационного уголовного права, – тем более, что условия для ее доктринального выделения, которые были описаны Г.А. Есаковым [12, с. 77], уже сложились. Хотя информационная безопасность и является дополнительным объектом преступления, уголовно-правовой науке здесь следует руководствоваться потребностями иных наук криминального цикла, в частности, криминалистики, так как методика расследования мошенничества в сфере компьютерной информации по своей содержательной стороне гораздо ближе к расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, чем преступлений против собственности [6, с. 215]. Такой подход уже реализован в законодательстве некоторых зарубежных стран, где четко разделяется мошенничество имущественное и информационное мошенничество, родовым объектом которого признаются общественные отношения, обеспечивающие соблюдение прав и законных интересов личности, общества и государства в сфере создания и обращения компьютерной информации [11].

Актуальность вопросов обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства в ближайшее время будет только расти. В этой связи проблема компьютерного мошенничества требует дальнейшей

научной разработки и представления новых доктринальных позиций по вопросу его законодательной регламентации и криминализации. В то же время дальнейшее изучение иностранного, в частности, немецкого, опыта и заимствование лучших зарубежных практик противодействия кибермошенничеству позволит российским правоприменителям эффективнее реагировать на новые формы преступности в сети.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
2. Бойцов А.И. Преступления против собственности. С-Пб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 775 с.
3. Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 2: Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности / Под ред. С.Я. Лебедева – М.: Проспект, 2021. 280 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2019. 944 с.
5. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. Учебник для магистров / Под ред. Н.Е. Крыловой. М.: Юрайт, 2015. 1054 с.
6. Антонов И.О., Шалимов А.Н. Актуальные проблемы расследования мошенничества с использованием компьютерной информации // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 6. С. 212-220.
7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 116 «Право». 2016. № 4. С. 40-58.
8. Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. Ответственность за компьютерные преступления по законодательству зарубежных государств //

Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. № 2.

9. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 367. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 02.10.2024).

10. Григорян Г.Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: автореф... дис. канд. юр. наук. Самара, 2021. 23 с.

11. Грищук-Бучка С. Уголовно-правовая характеристика преступлений против компьютерной безопасности (по законодательству Республики Молдова). URL: <http://security.ase.md/materials/si2010/material-2010.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

12. Есаков Г.А. Кодификация и подотрасли уголовного права // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права «Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее». М., 2013. С. 76-79.

13. Зигмунт О.А. Кибер- и интернет-преступность в германии и России: возможности сравнительного исследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4. С. 180-188.

14. Иванченко Р.Б., Малышев А.Н. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 194-200.

15. Клепицкий И.А. Система имущественных преступлений в России и Германии // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: материалы совместного российско-германского круглого стола, Москва, 17 октября 2012 г. / отв.ред. А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская. М., 2013.

16. Коробеев А.И., Дремлюга М.И., Кучина Я.О. Киберпреступность в российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 416-425.

17. Недиков В.Б. Влияние глобализации и цифровизации на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации // Территория науки. 2021. № 4. С. 46-51.

18. Семькина О.И. Противодействие киберпреступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 104-113.

19. Степанов М.В. Критический анализ нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1. С. 173-178.

20. Харламов Д.Д. Уголовная ответственность за компьютерное мошенничество по УК Российской Федерации и ФРГ // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 4. С. 55-59.

21. Fischer Strafgesetzbuch, 61. Auflage 2014. §263a Rn 2. Lackner / Kühl. Strafgesetzbuch, 27. Auflage 2011. §263a, Rn1.

22. Horgan S. Cybercrime and Everyday Life: Exploring public sensibilities towards the digital dimensions of crime and disorder: doctoral thesis, Social sciences, PhD in Criminology / S. Horgan. – Edinburgh, 2018. – 339 p.

23. Janke G. Kompendium Wirtschaftskriminalitat. Peter Lang GmbH International Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Main, 2008.

24. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.09.2024).

25. Интернет в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/100659> (дата обращения: 02.10.2024).

26. Краткая характеристика состояния преступности в Российской

Федерации за январь - август 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/55225633/> (дата обращения: 02.10.2024).

27. Our world in data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/number-of-internet-users-by-country> (дата обращения: 01.10.2024).

УДК 343.1

Обломова Екатерина Романовна

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС

Юридический факультет

Россия, Ростов-на-Дону

oblomova2003@gmail.com

Oblomova Ekaterina

South-Russian Institute of Management – branch of RANEPA

Faculty of Law

Russia, Rostov-on-Don

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: потерпевший – ключевая фигура уголовного судопроизводства, физическое или юридическое лицо, чье право было нарушено в результате совершения противоправного посягательства. Восстановление и защита его нарушенных прав – одна из задач уголовного процесса, реализуемая посредством различных мер и средств, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, в том числе и институтом компенсации морального вреда, который в настоящее время нуждается в детальном исследовании, так как в гражданском праве и в теории уголовного процесса относительно его применения и реализации возникает множество проблем и вопросов.

Ключевые слова: потерпевший, компенсация морального вреда, преступление, гражданский иск, уголовный процесс.

COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE: TOPICAL ISSUES OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE VICTIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation: the victim is a key figure in criminal proceedings, an individual or legal entity whose right was violated as a result of an unlawful offense. Restoration and protection of his violated rights is one of the tasks of the criminal process, implemented through various measures and means provided for by the criminal procedure legislation, including the institution of compensation for moral damage, which currently requires a detailed study, since in civil law and in the theory of criminal procedure, many problems and questions arise regarding its application and implementation.

Key words: victim, compensation for moral damage, crime, civil claim, criminal proceedings.

В ст. 52 Конституции РФ закрепляет важнейшее право человека – право на компенсацию вреда, причинённого преступлением. Это право позволяет любому потерпевшему возместить имущественный, физический и моральный вред, который ему был причинен. Закрепление и реализация указанной правовой возможности подтверждает положение Конституции о том, что человек, его права и свободы являют высшей ценностью государства.

Согласно ст. 6 УПК РФ одной из задач уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступления. То есть, защита прав потерпевшего является такой же задачей уголовного процесса, как и назначение справедливого наказания для виновных лиц, а также защита от незаконного и необоснованного обвинения или осуждения. Так, уголовно-процессуальный закон призван обеспечить равную защиту прав и свобод потерпевшего, с одной стороны, и подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, с другой стороны. Обеспечение данных задач представляется достаточно сложным процессом, так

как они являются полярно направленными, поэтому важно соблюдать баланс прав и законных интересов обеих сторон. Баланс прав потерпевшего, с одной стороны, и обвиняемого, с другой, представляется идеальной моделью разрешения любого уголовного дела, так как данная категория предполагает достижение целей уголовного процесса, уголовного права и наказания.

Нормы ст. 42 УПК РФ по возмещению вреда (имущественного, морального и физического) являются доказательством того, что уголовно-процессуальное законодательство имеет своей задачей защиту прав и законных интересов потерпевшего. Вследствие их отсутствия в УПК потерпевший бы не мог в полной мере восстановить свои права, которые были нарушены в результате совершения преступления. Его интерес участия в уголовном судопроизводстве сводился бы исключительно лишь к «процессуальной победе» стороны обвинения, т.е. назначения наказания подсудимому и привлечения его к уголовной ответственности. Однако такой подход является вовсе не справедливым, так как в ходе совершения преступления может причиняться вред личным имущественным и неимущественным правам человека, гарантированными Конституцией РФ и иными нормативно-правовыми актами, и такой вред должен быть возмещен.

Уголовно-процессуальное законодательство содержит лишь понятие «потерпевший», однако в виктимологии главенствующим термином является такой, как «жертва преступления», который подразумевает именно физическое лицо, испытавший тот или иной вред от совершения преступления, это может быть физический, имущественный и моральный вред. Необходимо упомянуть, что в предмет виктимологии, как науки, также входят вопросы возмещения вреда жертве преступления, согласно ряду ученых, например, С.С. Остроумов и Франк Л.В. придерживаются мнения о том, что «пути и способы возмещения вреда, нанесенного потерпевшего путем совершения преступления, входят в предмет криминологии наряду с личностью пострадавших, их ролью в развитии общественно опасного поведения, криминологически и криминалистически

значимыми отношениями, связывающими жертву и преступника» [1, с. 37]. Данную точку зрения также в своей монографии развивает и В.И. Полубинский [2, с. 53]. Так, потерпевшего, которому причиняется моральный вред в результате совершения преступления, в некоторых случаях можно именовать как жертва преступления (так как жертва – это лицо, непосредственно страдающее от преступных посягательств, например, близкий родственник по делу об убийстве жертвой преступления не является), его психологическое состояние должно исследоваться не только в рамках отдельного уголовного процесса, но и в качестве эмпирической базы для виктимологического познания.

Имущественный, моральный и физический вред, причиненный в результате преступления, потерпевший может возместить путем подачи гражданского иска. Так, уголовно-процессуальное законодательство стоит на той позиции, что признание лица в качестве потерпевшего является не достаточным основанием для возмещения ему какого-либо вреда; потерпевшему необходимо получение статуса гражданского истца.

Как уже отмечалось выше, в ходе совершения преступления потерпевший претерпевает нарушение его не только имущественных, но и личных неимущественных прав. Поэтому справедливо законодательное положение о том, что потерпевший имеет право возместить имущественный вред, а также претендовать на компенсацию морального вреда. Также справедлива и позиция Верховного Суда РФ относительно того, что потерпевший может претендовать на компенсацию морального вреда независимо от возмещения ему вреда имущественного [3].

Проанализировав нормы УПК РФ, можно сформировать следующее понятие гражданского иска в уголовном процессе: требование лиц, понесших имущественный или моральный вред, причиненный в результате совершения преступления, которое предъявляется к обвиняемому (подозреваемому) или к лицам, в силу закона материально ответственным за действия обвиняемого

(подозреваемого). Гражданский истец – это лицо, непосредственно предъявившее требование. Процессуальный статус гражданского истца также оформляется постановлением следователя, дознавателя, судьи или определением суда, его права и обязанности закреплены в ст. 44 УПК РФ.

Отказ в принятии решения о признании лица потерпевшим или гражданским истцом обжалуется. При этом такой отказ можно обжаловать не только в порядке ст. 124 УПК РФ, но и в порядке ст. 125 УПК РФ (судебный порядок), так как данный отказ может являться нарушением конституционных прав на судебную защиту и компенсацию причиненного вреда.

Очевидно, что в ходе совершения преступления (особенно преступлений против личности) человеку может причиняться моральный или физический вред. Существуют самые разнообразные подходы к определению понятия «физический вред». Так, А.М. Эрделевский дает следующее определение физического вреда: физический вред представляет собой – совокупность причиненных преступлением физических страданий, которые повлекли за собой нарушение нормального функционирования организма [4, с. 56]. Понятие физического вреда тесно связано с категорией здоровья.

Моральный вред представляется рассматривать в широком и узком смысле. По отношению к точке зрения Э.П. Гаврилова, который разграничивал причиненный человеку вред по сфере возникновения [5, с. 21], моральный вред – это совокупность нравственных страданий, которые вызваны причинением ущерба духовной сфере жизнедеятельности человека. В широком смысле понятие морального вреда отражено в ст. 151 ГК РФ. Существует несколько предположений по поводу того, что законодатель объединяет физические и нравственные страдания в одну конструкцию. Во-первых, физические и нравственные страдания тесно связаны друг с другом, физические страдания не могут протекать без нравственных, и наоборот. Во-вторых, физические и нравственные страдания являются свидетельством нарушения

неимущественных прав гражданина или посягательством на нематериальные блага, т.е. возникают в неимущественной сфере.

Так как право на компенсацию вреда (любого) является конституционным правом потерпевшего (ст. 52 Конституции РФ), то и УПК РФ предусматривает возможность и порядок предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Возмещение вреда – это процесс (механизм) восстановления нарушенных прав, который тесно связан с гражданско-правовым взглядом на ответственность, так как в рамках уголовного судопроизводства устанавливается истина по делу и реализуется механизм привлечения лица к уголовной ответственности, которая является публичной, ставит перед собой цели обеспечения безопасности, предупреждения преступности и назначения наказания преступнику.

Компенсация морального вреда – гражданско-правовой институт. Потерпевший, предъявивший иск о компенсации морального вреда, приобретает двойной процессуальный статус, еще и гражданского истца.

Итак, компенсация морального вреда – это денежная сумма, устанавливаемая судом и предназначенная для восстановления или защиты нарушенных прав. Однако сложность установления точной суммы с соблюдением баланса прав и потерпевшего, и обвиняемого (подозреваемого) состоит в том, что, в отличие от вреда имущественного, который можно точно материально оценить, моральный вред не поддается выражению в цифрах. Кроме того, моральный вред – категория субъективная, в которой большую роль играют индивидуальные особенности потерпевшего, на что также указывает Верховный Суд РФ [6]. Поэтому при определении размера компенсации морального вреда возникают проблемы, и судебная практика также разнится.

Позиция Верховного Суда РФ в вопросе о том, на что необходимо обращать внимание при определении компенсации морального вреда, следующая: во-первых, необходимо принимать во внимание характер (степень)

причиненных потерпевшему нравственных и физических страданий. Например, исходя из заключения эксперта, у потерпевшего установлены кровоподтеки и ссадины лица, кровоподтеки и ссадины левой верхней конечности, они хоть и рассматриваются как телесные повреждения, однако вред здоровью не влекут [7]. Поэтому суд с учетом характера причиненных физических страданий снизил требования потерпевшего о взыскании определенной суммы в качестве компенсации морального вреда.

Во-вторых, суду необходимо учитывать наличие причинно-следственной связи между причиненными физическими или нравственными страданиями и действиями обвиняемого (подозреваемого). Изучая, судебную практику, можно прийти к выводу, что установление факта наличия причинно-следственной связи между преступлением и наступившими последствиями уже является аргументом для того, чтобы суд признал, что имеется связь между физическими страданиями и противоправными действиями. Именно физическими, так как чаще всего такая ситуация усматривается в делах о преступлениях против здоровья. Но и стоит отметить, что физические страдания установить намного проще, чем нравственные. При определении характера и степени физических страданий суд опирается на заключение судебно-медицинской экспертизы. Практически во всех делах об убийстве в пользу потерпевшего взыскивается компенсация морального вреда в связи с причинением ему нравственных страданий, однако почти во всех изучаемых приговорах не было найдено ссылки суда на доводы потерпевшего относительно его переживаний, психологического дискомфорта, связанных с утратой. Например, в деле № 1-166/2022 [8] потерпевший ссылается на утрату близкого человека, с которым у него были доверительные отношения, в данном случае суд взыскивает сумму требования в полном объеме (100 тыс. руб.). Но чаще всего суд при определении суммы компенсации морального вреда исходит из степени родства между погибшим и потерпевшим либо лицом, в отношении которого взыскивается компенсация морального вреда, например, в деле № 1-320/2020

[9] потерпевшая (опекун ФИО4) предъявляет иск к подсудимому в пользу ФИО4, которая являлась дочерью погибшей, в данном случае суд снижает сумму с 1 млн. руб. до 500 тыс. руб.; в деле № 2-12/2022 [10] потерпевшая являлась родной сестрой погибшего и предъявила требования о компенсации морального вреда в размере 2 млн. руб., однако суд снизил их до 1 млн. руб.

В-третьих, Верховный Суд РФ указывает, что при определении компенсации морального вреда необходимо обращать внимание на степень вины причинителя вреда, кроме того учитывается и поведение потерпевшего, предшествовавшее совершению преступления, вследствие которого был причинен моральный вред ему. Иногда судебная практика в этом вопросе достаточно противоречивая, возможно это объясняется тем, что суд оценивает все обстоятельства в совокупности, однако по делу № 1-16/2020 [11], где подсудимый был осужден по ч.1 ст. 109 УК РФ, в пользу потерпевшей, приходившейся дочерью погибшего, была взыскана компенсация морального вреда в размере 1 млн. руб., что равняется сумме или даже превышает суммы, по выше описанным делам, где речь шла об убийстве, т.е. умышленном причинении смерти.

Таким образом, проанализировав все выше сказанное, необходимо отметить, что категория «моральный вред» представляется оценочной, субъективной, сложно устанавливаемой в каждом конкретном случае. Все дело в том, что она сопряжена с психологическим состоянием потерпевшего, и профессиональная оценка такого состояния имеет важное значения для определения суммы компенсации. Однако в настоящее время привлечение психолога для исследования состояния потерпевшего не является обязательным, суд принимает решения на основе имеющихся доказательств по самому уголовному делу и иных обстоятельств.

На сегодняшний день можно констатировать факт того, что проблема установления компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления, является достаточно противоречивой. С

одной стороны, суду необходимо принимать во внимание то, что сам институт компенсации морального вреда – это институт гражданского права, который в уголовном процессе имеет свои специфические черты, например, правовое положение гражданского истца в уголовном процессе отличается от стандартного гражданского истца, кроме того, если речь идет о потерпевшем, то он имеет двойной процессуальный статус.

Также следует учитывать, что непосредственным субъектом доказывания со стороны обвинения в судебном следствии является государственный обвинитель, который освещает доказательства, которые могут подтверждать наличие либо отсутствие физических или нравственных страданий потерпевшего, т.е. потерпевший, предъявивший иск о компенсации морального вреда в уголовном процессе, менее озадачен вопросом представлением доказательств, нежели в гражданском процессе. В некотором смысле можно сказать, что с потерпевшего снимается процессуальная обязанность по доказыванию наличия физического либо морального вреда, так как те или иные доказательства по делу содержат информацию относительно причиненного вреда.

Несмотря на положительные аспекты применения данного института в уголовном процессе, на практике возникают проблемы, в частности прослеживается достаточно большая разница в взыскиваемых суммах, возможно это связано с индивидуальными особенностями каждого случая; аргументации позиции суда относительно денежного выражения компенсации, многие суды просто ссылаются на нормы ст. 151 ГК, 1064 ГК РФ и Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 N 33, в описательно-мотивировочной части зачастую отсутствует ссылка на доказательства относительно причиненных физических и нравственных страданий потерпевшему. В тех случаях, когда были причинены физические страдания, суду необходимо ссылаться на заключение судебно-медицинского эксперта,

потому что только он может определить степень причиненного вреда здоровью человека.

Если же речь идет о нравственные страдания, которые испытывает потерпевший, процесс доказывания будет затруднен тем, что они не проявляются явно, их ощущает только сам потерпевший.

Как уже говорилось выше, моральный вред – это многогранная категория, которая затрагивает и область психологии, и уголовный процесс. Привлечение специалиста в области психологии для разрешения вопросов относительно определения нравственных страданий (их наличия/ отсутствия; глубины; влияния на дальнейшее развитие личности и жизнедеятельности конкретного человека) является вполне обоснованной тенденцией в развитии уголовного процесса и механизма защиты потерпевшего. Он бы проводил анализ эмоционального состояния потерпевшего до и после совершения преступления, сравнивал бы их и давал свою оценку относительно тех нравственных страданий, которые были испытаны потерпевшим в результате совершения преступления. Психолог или психотерапевт мог бы даже предлагать варианты тех сумм, которые подлежат выплате потерпевшему, однако суду необходимо самому оценивать данные, представленные психологом. Но представляется, что без участия специалиста в области психологии нельзя разрешать дела о компенсации морального вреда, так как ни суд, ни сам потерпевший, ни свидетели не могут объективно, с профессиональной точки зрения оценить наличие либо отсутствие нравственных страданий и их степень.

Для того, чтобы избежать злоупотреблений со стороны потерпевшего и психолога, необходимо четко определить его процессуальный статус относительно того может ли психолог рассматриваться в качестве эксперта и проводить экспертизу либо он будет являться специалистом, так как имеется существенная разница в их статусе согласно уголовному законодательству за дачу заведомо ложного заключения.

Однако необходимо отметить, что проблема реализации института компенсации морального вреда – это проблема, существующая не только в уголовном процессе, в гражданских делах данный институт также характеризуется множеством противоречий.

Список литературы:

1. Остроумов С. Франк Л.В. Виктимология и виктимность: Изд-во Тадж. ун-та, 1972. - 114 с.
2. Полубинский, В. И. Криминальная виктимология : монография / В. И. Полубинский ; В. И. Полубинский ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Гос. учреждение "Всероссийский научно-исследовательский ин-т". – [2-е изд., доп.]. – Москва : Всероссийский научно-исследовательский ин-т, 2008.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 N 23 "О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу" // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12, декабрь, 2020.
4. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. – М.: БЕК, 1999. – 238 с.
5. Гаврилов, Э. Как определить размер компенсации морального вреда / Э. Гаврилов // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 21–22.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 "О практике применения судами норм о компенсации морального вреда" // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2023.
7. Приговор № 1-166/2022 от 26 декабря 2022 г. по делу № 1-166/2022 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 02.03.2024)

8. Приговор № 1-72/2022 от 20 декабря 2022 г. по делу № 1-72/2022 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2024)

9. Приговор № 1-320/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 1-320/2020 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2024)

10. Приговор № 2-12/2022 от 2 июня 2022 г. по делу № 2-12/2022 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 02.03.2024)

11. Приговор № 1-16/2020 1-16/2021 1-295/2020 от 25 марта 2021 г. по делу № 1-16/2020 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 02.03.2024)

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТАТЬЕ 165 УК РФ

Аннотация: в статье автором рассматривается состав преступления, предусмотренный ст. 165 УК РФ – причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Автор затрагивает дискуссионный вопрос о разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 165 УК РФ, анализирует квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, рассматривает ситуации, в которых судами действия виновных квалифицировались по ст. 165 УК РФ.

Ключевые слова: причинение имущественного ущерба, имущественный ущерб, преступление, мошенничество, обман, злоупотребление доверием, уголовная ответственность.

SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION UNDER ARTICLE 165 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in the article, the author examines the elements of the crime provided for in Article 165 of the Criminal Code of the RF – causing property damage to the owner or other possessor of property. The author touches upon the controversial issue

of distinguishing between the elements of the crimes provided for in Article 159 of the Criminal Code of the RF and Article 165 of the Criminal Code of the RF, analyzes the qualifying feature provided for in paragraph "b" of Part 2 of Article 165 of the Criminal Code of the RF, and examines situations in which the courts qualified the actions of the perpetrators under Article 165 of the Criminal Code of the RF.

Key words: causing property damage, property damage, crime, fraud, deception, abuse of trust, criminal liability.

Статья 165 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения.

Исследователи отмечают особое место данного состава среди иных составов преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ. Причина заключается в двойственной правовой природе рассматриваемого состава. С одной стороны, данное деяние содержит в себе такие признаки мошенничества как обман или злоупотребление доверием, с другой – указание в диспозиции части первой ст. 165 УК РФ на обязательное отсутствие признаков хищения [7, с. 39].

Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указывает на то, что от мошенничества следует отличать причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (статья 165 УК РФ) [2].

Одной из основных проблем при применении ст. 165 УК РФ является проблема разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 165 УК РФ. З.А. Незнамова отмечает, что главное в разграничении этих преступлений заключается в механизме причинения вреда: при мошенничестве вред причиняется путем изъятия имущества, ущерб для

собственника наступает в виде прямого реального ущерба, при причинении имущественного ущерба вред причиняется в виде непередачи должного, а ущерб для собственника наступает в виде упущенной выгоды [3, с. 290]. При мошенничестве имущество уже находится у собственника, и тот добровольно под влиянием обмана или злоупотребления доверием передает его преступнику. При совершении причинения имущественного ущерба имущество находится у преступника, который обязан передать его собственнику или иному законному владельцу [3, с. 288].

А.В. Ковальчук замечает, что состав ст. 165 УК РФ характеризуется негативным признаком и может быть вменен в тех случаях, когда в содеянном отсутствует хотя бы один из признаков хищения чужого имущества. Наиболее часто в практике встречается отсутствие таких признаков, как незаконное изъятие и обращение в пользу виновного или иных лиц имущества. Обязательным условием хищения является наличие в деянии всех его признаков [6].

Также В.И. Гладких обращает внимание на то, что при совершении причинения имущественного ущерба не происходит изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного и вследствие этого не происходит противоправного перехода имущества от собственника в незаконное обладание виновного как при хищении. Таким образом, имущество не выбывает из фондов собственника и не переходит в пользу виновного, последний незаконно использует, эксплуатирует чужое имущество или пользуется безвозмездно платными услугами, тогда как при хищении субъект противоправно изымает и (или) обращает в свою пользу других лиц чужое имущество и распоряжается им как собственник [8, с. 161].

Таким образом, при отсутствии хотя бы одного из признаков хищения (противоправное, совершенное с корыстной целью, безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц) деяние не может быть квалифицировано как хищение, в том числе, как

мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ. В этом случае перед правоприменителем может встать вопрос о квалификации действий виновного по ст. 165 УК РФ.

Однако на практике бывает сложно достоверно установить цель причинения имущественного ущерба, совершенного путем обмана либо злоупотребления доверием. В большинстве рассмотренных В.И. Гладких уголовных дел осужденные по ст. 165 УК РФ преследовали совершенно определенную цель – незаконно завладеть чужим имуществом, как правило, денежными средствами потерпевших, однако следственные органы и суд наличие этой цели либо не устанавливали, либо просто игнорировали, ограничившись формальным указанием на отсутствие цели хищения и наличие цели причинения имущественного ущерба потерпевшим. В результате виновные привлекались к ответственности по более мягкой статье [7, с. 43-44].

В литературе также рассматриваются иные дискуссионные вопросы при квалификации по ст. 165 УК РФ. Одним из таких вопросов до недавнего времени являлся вопрос о квалифицирующем признаке, предусмотренном п.«б» ч. 2 ст. 165 УК РФ.

Б. Б. Джамалова и В. В. Радченко отмечают, что с позиций уголовного права размер может быть как объективным, так и точно определенным признаком, предусмотренным в большинстве статей УК РФ, а ущерб представляет собой объективно-субъективный признак, носящий во всех нормах УК РФ оценочный характер. Согласно данному описанию можно прийти к выводу, что размер представляет собой как объективный признак, так и объективную категорию, представленную в большинстве норм УК РФ как точно определенный признак, а ущерб представляет собой субъективную категорию, объективно-субъективную оценочную категорию [4, с. 327]. Данные авторы указывали на необходимость изменения формулировки квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, и использования термина «размер», а не «ущерб».

Данный пробел был разрешен Федеральным законом от 12.06.2024 №133-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Указанным Федеральным законом формулировка п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ была изменена с «причинившее особо крупный ущерб» на «совершенное в особо крупном размере». Кроме того, ст. 165 УК РФ была дополнена примечанием, устанавливающим крупный и особо крупный размеры исключительно для данной статьи: «Крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая один миллион рублей, а особо крупным размером – четыре миллиона рублей» [1]. Таким образом, размер для ст. 165 УК РФ был повышен: крупный размер – с 250 тысяч рублей до 1 млн рублей, а особо крупный – с 1 млн рублей до 4 млн рублей.

Также, по нашему мнению, важным для рассмотрения является вопрос, в каких случаях деяние будет квалифицироваться по ст. 165 УК РФ? Так, О.М. Калинина отмечает, что к уголовной ответственности по ст. 165 УК РФ привлекаются лица, возглавляющие товарищества собственников жилья или управляющие компании, в чьи обязанности входит сбор с потребителей платы за предоставленные коммунальные услуги и перечисление полученных денежных средств по гражданско-правовым договорам ресурсоснабжающим организациям. Данные субъекты не в полном объеме или несвоевременно перечисляют собранные с потребителей услуг денежные средства поставщикам соответствующего ресурса [5, с. 18].

Например, приговором Левобережного районного суда г. Липецка от 27 июня 2024 года Чмыхало Н.Н. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст.165 УК РФ. Чмыхало Н.Н. ... осуществлял руководство деятельностью ООО «<данные изъяты>» по управлению в общей сложности 29 многоквартирными домами, расположенными на территории города Липецка и Липецкой области ..., и был обязан, среди прочего, обеспечивать собственникам указанных помещений предоставление коммунальных ресурсов, поставляемых ресурсоснабжающими

организациями, в целях содержания общего имущества в многоквартирных домах. Чмыхало Н.Н., зная о положениях заключенных договоров, принял решение не передавать в полном объеме ООО «<данные изъяты>» и АО «<данные изъяты>» денежные средства, поступившие в качестве оплаты коммунальных ресурсов, потребленных на общедомовые нужды, в домах, находящихся в управлении ООО «<данные изъяты>», а распоряжаться ими самостоятельно, в нарушение установленного законом и договорами порядка. Преступными действиями Чмыхало Н.Н. как руководителя ООО «<данные изъяты>» ООО «<данные изъяты>» и АО «<данные изъяты>» причинен имущественный ущерб в сумме 5 573 309,46 руб., что является особо крупным ущербом [9].

З.А. Незнамова отмечает, что по ст. 165 УК РФ квалифицируются действия при незаконном, без оплаты пользовании электрической и тепловой энергией; уклонении от уплаты в доход государства или во внебюджетные фонды обязательных платежей (кроме уклонения от уплаты налогов и таможенных платежей, за которые установлена самостоятельная уголовная ответственность); неуплате за выполненные работы или предоставленные услуги по бытовому и иному обслуживанию населения; уклонении от уплаты за проезд на транспорте; самовольном использовании транспортных средств и иного имущества, принадлежащих юридическим лицам или иным собственникам, без оплаты за его использование [3, с. 289].

Ярким примером является приговор Басманного районного суда от 17 мая 2021 года, которым Хисметов М.А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 2 ст.165 УК РФ. По условиям предварительного сговора в преступные обязанности Хисметова М.А. входило: заключение и подписание договоров аренды и дополнительных соглашений с ФГУП «Предприятие по управлению собственностью за рубежом» Управления делами Президента РФ; введение в заблуждение представителей данного ФГУП относительно выплаты арендной платы; создание условий, послуживших

основанием неосуществления соответствующих выплат в установленные периоды; подыскание различных физических и юридических лиц для сдачи имущества в субаренду; получение наличных денежных средств за указанные действия, при этом не осуществление выплат по вышеуказанным заключенным договорам и соглашениям с ФГУП «Предприятие по управлению собственностью за рубежом» Управления делами Президента РФ, а расходование их на личные нужды и по своему усмотрению [10].

Таким образом, существует много дискуссионных вопросов при квалификации по ст. 165 УК РФ. Необходимо изменить диспозицию ст. 165 УК РФ, конкретизировав данный состав преступления, с целью более четкого разграничения со ст. 159 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество. Также одним из эффективных способов может быть внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, где можно рассмотреть более подробно вопросы теории и практики применения ст. 165 УК РФ.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12.06.2024 N 133-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2008. – 1008 с.
4. Джамалова, Б. Б. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ / Б. Б. Джамалова, В. В. Радченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 326-329.
5. Калинина, О. М. Актуальные вопросы применения ст. 165 УК РФ // Уголовное право. – 2018. – № 5. – С. 18-21.

6. Ковальчук А.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения в уголовном праве России и Беларуси: сравнительное исследование: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 256 с.

7. Гладких В. И. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой анализ статьи 165 УК РФ // Евразийский Союз Ученых. 2021. №3-8 (84). С. 39-44.

8. Гладких В. И. Особенности квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Вестник ГУУ. 2014. №7. С. 159-162.

9. Приговор Левобережного районного суда г. Липецка от 27 июня 2024 года по делу № 1-46/2024 // URL: <https://судебныерешения.рф/79582674/extended> (дата обращения: 13.10.2024).

10. Приговор Басманного районного суда от 17 мая 2021 года по делу № 1-156/2021 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal/details/4f9ff370-7c07-11eb-99cf-3915a6629bc2?caseNumber=1-156/2021> (дата обращения: 13.10.2024).

Рыбакова Татьяна Игоревна

Трубеева Мария Сергеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

mari.trubeeva@mail.ru

Rybakova Tatiana

Trubeeva Maria

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Аннотация: в статье авторами исследуется штраф как один из шести видов наказания, который может быть назначен несовершеннолетним, а также правила назначения данного вида наказания. Подробнее обсуждается вопрос, касающийся возможности уплаты штрафа родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетние, наказание, штраф, уголовная ответственность, уголовная ответственность несовершеннолетних.

FEATURES OF ASSIGNING PUNISHMENT IN THE FORM OF A FINE FOR MINORS

Annotation: in the article, the authors examine a fine as one of six types of punishment that can be imposed on minors, as well as the rules for assigning this type

of punishment. The issue regarding the possibility of paying a fine by parents or other legal representatives of a minor is discussed in more detail.

Key words: minors, punishment, fine, criminal liability, criminal liability of minors.

С каждым годом детская преступность представляется наиболее многофакторным социальным явлением, сегодня несовершеннолетние вне зависимости от гендерной, этнической принадлежности, социального положения и т. д. подвержены факторам криминогенного характера. Подростки все чаще подвержены антиморальным поступкам, чаще всего в юношеский период. Данное поведение обуславливается еще в момент воспитания в семье, когда родители или законные представители не оказывают должного внимания своему ребенку. Именно в момент взросления, когда у человека формируются основные взгляды на жизнь, необходимо бдительно относиться к поведению ребенка и окружающим его людям.

Уголовное наказание выступает в качестве одного из правовых средств политики государства, которая, в свою очередь, является одним из направлений деятельности государства в области борьбы с преступностью.

Согласно ч. 1 ст. 88 УК РФ несовершеннолетнему могут быть назначены только следующие виды уголовных наказаний: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок. Для несовершеннолетних установлена усеченная система наказаний, что объясняется реализацией положений уголовной политики в отношении несовершеннолетних, которые в первую очередь направлены на перевоспитание несовершеннолетних. При этом каждый из названных видов наказания имеет определенную специфику реализации в отношении несовершеннолетних, которая установлена соответствующими нормами уголовного закона (ч. 2–6¹ ст. 88 УК РФ).

Штраф является универсальным (смешанным) уголовным наказанием, так как может назначаться в качестве основного, либо дополнительного наказания, а также может быть назначен как совершеннолетним лицам, так и несовершеннолетним. Штраф содержится в перечне уголовный наказаний для несовершеннолетних (ст. 88 УК РФ) и представляет собой наименее строгую меру ответственности, является наиболее приоритетным при назначении уголовного наказания несовершеннолетнему.

По мнению Г.П. Новоселова, поскольку исправление осужденного предполагает некоторое воспитательное воздействие, а штраф реализуется одномоментно, то цель этого вида «смежного» наказания может быть любая (предупредительное воздействие, восполнение бюджетных затрат и т. д.), за исключением цели исправления [1, с. 79].

В отношении несовершеннолетних законодателем установлены следующие правила назначения штрафа:

– сниженный размер штрафа: от 1 тыс. до 50 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев;

– штраф может быть назначен несовершеннолетнему как при наличии у него самостоятельного источника дохода, так и при отсутствии такового;

– в случае отсутствия источника дохода штраф может быть взыскан с родителей или законных представителей несовершеннолетнего с их согласия.

Положения ч. 2 ст. 88 УК РФ, предусматривающие уменьшение размера штрафа для несовершеннолетних, являются экономически обоснованными. Как правило, большинство лиц в возрасте до восемнадцати лет вообще не занимаются трудовой деятельностью. Человек в этом возрасте занимается обучением. Даже если несовершеннолетний занимается трудовой деятельностью, он только начинает свой профессиональный путь и не может рассчитывать на высокую ставку заработной платы. Причем при достаточно длительной продолжительности рабочего времени ставка заработной платы для

несовершеннолетнего будет минимальной. Следовательно, в части установления размера штрафа для несовершеннолетних уголовный закон не противоречит экономическим реалиям [2, с. 14].

Следует отметить, что возможность уплаты штрафа родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего является одним из наиболее дискуссионных вопросов в науке уголовного права на протяжении длительного времени.

Так, по мнению М.Н. Иманлы, российский законодатель ввел возможность взыскания штрафа с законных представителей несовершеннолетнего именно для обеспечения исполнения наказания в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. В противном случае уже при назначении штрафа создается прямое условие для применения ч. 5 ст. 43 УК РФ, согласно которой в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы; при этом назначенное наказание не может быть условным [3, с. 176].

Большое количество исследователей негативно высказываются по поводу возможности уплаты штрафа родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего.

Необходимо отметить, что в уголовном праве существует принцип личной ответственности, согласно которому уголовную ответственность может нести только физическое лицо, и причем только то, которое совершило это преступление. В связи с этим И.Я. Козаченко признает неудачной новеллу, предусмотренную в ч. 2 ст. 88 УК РФ [4, с. 41].

Кроме того, Т.Г. Татарникова считает, что данное положение является отступлением от реализации положений принципа личной ответственности, являющегося одним из фундаментальных и ключевых канонов уголовного

права, и в итоге влечет за собой одновременно отказ и от принципа вины, хотя и обеспечивает соблюдение принципа исполнимости наказания [5, с. 48].

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Глушкова, который утверждает, что в этом случае данный вид наказания утрачивает персонафицированную направленность, так как юридически и фактически возлагается на другое лицо, а непосредственный субъект преступления в лучшем случае терпит только нравственные переживания, причиной которых выступает сам факт его привлечения к уголовной ответственности и осуждения [6, с. 11]. В итоге наказание в указанном случае может выражаться только лишь в проявлении порицания и осуждения действий несовершеннолетнего преступника со стороны его родителей или законных представителей.

Таким образом, данное положение закона позволяет привлекать к ответственности невиновных и не причастных к совершению преступления лиц. Перенос бремени ответственности в виде штрафа на родителей или законных представителей не согласуется с принципом вины. По нашему мнению, это противоречит самой природе уголовного наказания, ведь для достижения целей уголовное наказание применяется только в отношении самого виновного и не может перекладываться на других лиц.

Действительно, можно говорить о том, что родители в какой-то степени виноваты, однако не в совершении преступления, а в том, что не уделяли внимание воспитанию своего ребенка, не искореняли из его правосознания мысли, которые преобразовались в совершение действий, противоречащих уголовному закону. Но ответственность за ненадлежащее воспитание и ответственность за преступление – это совершенно разные ситуации с точки зрения права.

При уплате родителями или законными представителями штрафа несовершеннолетний оказывается не в состоянии осознать общественную опасность содеянного, а также его вредные последствия – для него негативный аспект привлечения к уголовной ответственности фактически закончится

предварительным расследованием и рассмотрением уголовного дела в суде. В силу возраста и психофизиологических способностей несовершеннолетний не сможет до конца связать наступление негативных последствий в виде штрафа с совершенным им деянием, если фактически наказание за него несут другие лица [7, с. 120-121].

Исполнение штрафа родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего не будет способствовать исправлению несовершеннолетнего. Исправление, предусматривающее дальнейшее несовершение преступления самим осуждённым, может быть достигнуто только путём исправительного воздействия на него самого. То есть достигаться оно будет только в том случае, когда будет затронуто непосредственно имущественное состояние несовершеннолетнего, и он самостоятельно претерпит определенные неудобства – поражение в имущественных правах. Именно тогда цели уголовного наказания будут достигнуты, и соответственно наказание в виде штрафа будет эффективно.

В ином случае не будет даже воспитательного воздействия уголовного наказания в виде штрафа, так как несовершеннолетний будет уверен, что штраф заплатят родители или иные законные представители, и лично он не понесет уголовной ответственности. Кроме того, даже в тех случаях, когда родители откажутся выполнять решение суда и выплачивать штраф за своего несовершеннолетнего ребёнка, последствия уклонения от выплаты штрафа так же не будут затрагивать непосредственного несовершеннолетнего правонарушителя, так как в принудительном порядке штраф будет списываться с родителей [7, с. 121].

Подводя итог, отметим, что система уголовных наказаний, предусмотренная в ст. 88 УК РФ не является идеальной и требует к себе внимания законодателя. По нашему мнению, эффективность штрафа, назначенного несовершеннолетнему в нынешнем его содержании, требует совершенствования и приближения к действующей современной ситуации. Из

ч. 2 ст. 88 УК РФ необходимо исключить положение о возможности уплаты штрафа родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего. Условием назначения штрафа должно быть именно наличие самостоятельного источника дохода у несовершеннолетнего.

Список литературы:

1. Новоселов, Г. П. Виды наказания: их система и подсистемы // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5(128). – С. 71-81.
2. Мелюханова, Е. Е. Наказание в виде штрафа для несовершеннолетних с экономической точки зрения // Вопросы ювенальной юстиции. – 2019. – № 3. – С. 11-15.
3. Иманлы М.Н. Уголовная ответственность несовершеннолетних по УК РФ и УК Азербайджанской Республики: сравнительная характеристика // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 174-185.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник / ответственный редактор И.Я. Козаченко. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. 592 с.
5. Татарникова, Т. Г. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним в виде штрафа // Актуальные проблемы правовой науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 10 сентября 2014 года / Научный центр "Аэтерна". – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2014. – С. 48-51.
6. Глушков, А. И. Проблемы назначения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних // Наука и школа. – 2017. – № 2. – С. 9-14.
7. Шаталова, А. Д. Особенности назначения несовершеннолетнему правонарушителю уголовного наказания в виде штрафа / А. Д. Шаталова, Э. В. Георгиевский // Молодой ученый. — 2022. — № 7 (402). — С. 119-122.

УДК 341

Кушнарев Александр Сергеевич

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

KUSHNAREV-02@LIST.RU

vmetzler2002@mail.ru

Kushnarev Alexander

Metzler Valeria

Ural State Law University named V.F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ – ЕАЭС

Аннотация: в данной статье исследуется роль региональных интеграционных объединений на мировом уровне, в частности, на примере Евразийского экономического союза. Рассматривается правовая природа такой международной организации, как Евразийский экономический союз. В том числе анализируются возникающие проблемы интеграционных процессов регионального интеграционного объединения. Предлагаются меры по решению таких мер и увеличению эффективности деятельности Организации.

Ключевые слова: международная организация, регионализация, интеграция, имплементация, ЕАЭС.

ON THE QUESTION OF PROBLEMS OF INTEGRATION PROCESSES IN THE REGIONAL INTEGRATION ASSOCIATION – EAEU

Annotation: this article explores the role of regional integration associations at the global level, in particular, using the example of the Eurasian Economic Union. The legal nature of such an international organization as the Eurasian Economic Union is considered. In particular, emerging problems of integration processes of a regional integration association are analyzed. Measures are proposed to address such measures and increase the efficiency of the Organization.

Key words: international organization, regionalization, integration, implementation, EAEU.

С учетом продолжающегося процесса глобализации и интеграции, сближение стран на основе общих и консолидированных национальных интересов стало все более очевидным. С одной стороны, процесс глобализации содействует развитию международных отношений, в то время как с другой стороны, он требует значительных усилий для координации действий на региональном уровне, в том числе в рамках правовой регламентации. Именно поэтому региональная интеграция не теряет своей актуальности по сей день, являясь предметом изучения не только исторических и политических наук, но и юридических. Важное место в данном вопросе занимают правовые аспекты региональной интеграции, а также правовой статус таких объединений. Таким образом, целью данной работы является исследование интеграционных процессов в таком региональном интеграционном объединении, как ЕАЭС, для выявления новых тенденций развития международного сотрудничества в рамках такой интеграций. Новизна работы определяется эволюцией интеграционных процессов в связи с изменением политических и экономических реалий, с чем связана и необходимость актуализации теоретических подходов.

Сначала необходимо обратиться к пониманию международно-правовой интеграции. Так, Ю.С. Безбородов в своей работе дает следующее понимание термину: «Это метод сближения правовых систем с помощью особых международно-правовых интегрирующих норм, направленных на создание

единых правовых норм» [1, с. 127]. Регионально-правовую интеграцию же можно определить следующим образом: – это сотрудничество государств, ориентированное на правовое оформление интеграционных процессов в различных областях их взаимодействия через рецепцию, гармонизацию, унификацию и стандартизацию, а также на создание единого правового пространства для участников региональных организаций [2, с. 454]. С помощью интеграции как международно-правового метода запускается процесс максимального сближения национальных правовых систем с помощью международно-правовых средств до степени объединения и с целью достижения единого правового регулирования.

На сегодняшний день существует большое количество различных региональных интеграционных объединений. Помимо этого, региональные объединения занимают доминирующее положение в сравнении с универсальными международными интеграционными объединениями. Это обусловлено удобством установления экономических и политических связей между государствами одного региона.

В основном все региональные интеграционные объединения обладают статусом межправительственных объединений государств. Однако стоит обратить внимание, что по правовому статусу региональные интеграционные объединения могут иметь форму не только международной межправительственной организации, как, например, ЕАЭС и другие, но и иную форму, как, например, в ситуации с БРИКС и АТЭС. Вне всяких сомнений региональные интеграционные объединения, которые создаются в форме международных межправительственных организаций, являются отдельными субъектами международного права и обладают международной правосубъектностью. Таким образом, в зависимости от формы созданного регионального интеграционного объединения, объединение обладает правосубъектностью или не обладает. Остановимся более подробно на ЕАЭС.

В Астане в 2014 году состоялось заседание Высшего Евразийского экономического совета, в результате которого был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, созданный с целью всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик стран-членов, а также для создания условий стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения. В статье 1 вышеуказанного Договора говорится о том, что «Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью» [3]. Основные принципы закреплены в статье 3 Договора: «уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений» [3]. Данные принципы представляют из себя общепризнанные принципы международного права согласно доктрине международного права, а, в свою очередь, лишь субъекты международного права могут руководствоваться общепризнанными принципами международного права, что свидетельствует о наличии у них международной правосубъектности. Как субъект международного права, ЕАЭС осуществляет международное сотрудничество с государствами и международными организациями, в том числе заключает с ними международные договоры. Помимо этого, еще одним характеризующим элементом ЕАЭС как субъекта международного права является наличие у Организации своего права, которая включает в себя международные договоры и соглашения межгосударственного, межправительственного и межведомственного характера. Также ЕАЭС обладает своим бюджетом, штаб-квартирой. ЕАЭС имеет свои руководящие органы: Высший Евразийский

экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, Суд Евразийского экономического союза [4]. В состав ЕАЭС входят: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. Статусом наблюдателей обладают Молдавия, Узбекистан и Куба. ЕАЭС в рамках своей политики формирует зоны свободной торговли со странами, не являющимися членами Организации.

Зачатки формирования интеграционных процессов ЕАЭС наблюдаются в статье 2 Договора о Евразийском Экономическом Союзе 2014 года, где говорится о формировании единой политики государств-членов, а также в статье 25 – о едином таможенном регулировании. Интеграция – это метод, который активно используется в правотворческом процессе, однако признаком ее использования на уровне основных органов ЕАЭС не наблюдается. Это проявляется в том, что в статье 13 Договора о решениях и распоряжениях Высшего совета не содержится информации о правовой природе и юридической силе актов данного органа. Таким образом, сложно оценить эффективность и результативность процессов интеграции в право Союза на этом фоне [4, с. 197]. Исключением является единое таможенное регулирование, так, в 2018 году в силу вступил Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС, который содержит интегрированные нормы и действует как единый правовой регулятор на территории всех членов ЕАЭС. Также наблюдаются и иные методы сближения, например, Протокол о скоординированной транспортной политике, который направлен на гармонизацию законодательства стран-членов; Протокол о проведении согласованной политики в области обеспечения единства измерений [1, с. 218].

В настоящее время ЕАЭС является региональной международной организацией интегративного типа, которая обладает необходимой правовой и организационной основой для проведения крупномасштабной интеграции на постсоветском пространстве. Однако в рамках деятельности ЕАЭС возникает

некоторая проблема, связанная с практической составляющей интеграции, а именно проблема выработки согласованных позиций государств для закрепления их в юридически обязательных для стран-членов международно-правовых актов. Это связано с тем, что большинство государств неохотно имплементируют в национальное законодательство положения модельных актов, которые чаще всего имеют рекомендательный характер. Таким образом, видится необходимость в интенсификации использования метода интеграции, при котором органы с наднациональными полномочиями принимают интегрированные нормы, действующие прямо и непосредственно на их территории, с заменой национальных регуляторов [1, с. 219].

Следующей проблемой можно выделить имплементацию уже вступивших в силу актов ЕАЭС [1, с. 219]. Она связана с недоработкой правовых механизмов реализации конкретных видов международно-правовых актов ЕАЭС разной правовой природы и юридической силы. Например, механизмы имплементации международных договоров сильно различаются от механизмов выполнения типовых проектов, которые носят рекомендательный характер, отличающихся от интегрированных актов ЕАЭС, вводимых в действие международным договором и имеющих юридически обязательный характер.

Правовые особенности ЕАЭС диктует такие проблемы правовой интеграции, как проблемы согласования позиций государств, неохотное имплементирование международных интегрированных норм в национальное законодательство, проблема синхронизации вступления в законную силу правовых актов.

Для решения данных проблем видится необходимым повысить юридическую эффективность правовых актов ЕАЭС, в том числе повысить юридическую точность правовых актов, достигнуть соответствию общепризнанным принципам и нормам международного права правовых актов, закрепить в нормах договорах интересы государств, добиться эффективности и действенности нормы для регламентирования отношений между государствами.

С каждым годом интеграция стран-членов ЕАЭС углубляется, это прослеживается в увеличении интегрированных норм. Но все же, процессы интеграции в рамках ЕАЭС продолжают оставаться разноуровневыми и разноскоростными, хотя такое наблюдается, в целом, и в других региональных интеграционных объединениях. Является ли это минусом? Скорее нет, чем да. В замедленности таких процессов прослеживаются плюсы, проявляющиеся в более обдуманных и взвешенных принимаемых решениях и нормах, которые характеризуются и согласованием всеми сторонами.

Исследование проведено в рамках субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ (Соглашение от «30» мая 2024 г. № 075-15-2024-612)

Список литературы:

1. Безбородов, Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве / Ю. С. Безбородов. – Москва : Проспект, 2020. – 240 с.
2. Курбанов, Р. А. Современные формы региональной интеграции сквозь призму евразийского права / Р. А. Курбанов // Вестник Российской академии наук. – 2017. – Т. 87, № 5. – С. 449-457.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астана 29.05.2014] // КонсультантПлюс.
4. Азанов Б. К. Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ (раздел 3: Органы союза; раздел 4: Бюджет союза; часть вторая: Таможенный союз; раздел 6: Функционирование таможенного союза) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9. С. 17.
5. Каширкина А. А. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: Проблемы и перспективы / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. 368 с.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9

Бикуллова Эмилия Раисовна

Саратовская государственная юридическая академия

Институт юстиции

Россия, Саратов

e.bikullova2015@yandex.ru

Bikullova Emilia

Saratov State Law Academy

Institute of Justice

Russia, Saratov

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ

Аннотация: в данной статье автором раскрывается содержание такой меры административного принуждения, как административное задержание. Выделяются основные особенности административного задержания на основе анализа законодательства. Так же статья содержит предложения по внесению изменений в законодательство и судебную практику, указывающую на наличие проблем в реализации данной меры на практике.

Ключевые слова: административное задержание, правонарушение, ограничение свободы, меры административного принуждения, задержание, административное правонарушение.

PROBLEMS OF THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE DETENTION

Annotation: in this article, the author reveals the content of such a measure of administrative coercion as administrative detention. The main features of administrative detention are highlighted based on the analysis of legislation. The article also contains proposals for amendments to legislation and judicial practice,

indicating the existence of problems in the implementation of this measure in practice.

Key words: administrative detention, offense, restriction of freedom, measures of administrative coercion, detention, administrative offense.

На сегодняшний день в рамках реализации мер административного принуждения достигаются цели по укреплению правопорядка, соблюдению законности и охране прав и интересов граждан [1, с. 177]. Одной из широко применяемых на практике мер административного принуждения выступает административное задержание, которое относится к группе мер административного принуждения. Основные положения об административном задержании закреплены в ст. 27.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), где закреплено, что административное задержание представляет собой кратковременное ограничение свободы физического лица, которое может быть применено только в исключительных случаях. Актуальность данной темы обусловлена тем, что на практике возникает ряд проблем при применении административного задержания. Необходимо четкое правовое регулирование данного вопроса, так как административное задержание лица тесно переплетается с конституционными правами человека [2, с. 213].

При применении меры административного задержания необходимо соблюдать установленные законодательством Российской Федерации условия. В силу ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания не может составлять более 3 часов, а в отдельных случаях – не более 48 часов. Так же данная статья закрепляет, что срок исчисляется с момента доставления лица в помещение территориального органа внутренних дел. Однако на практике длительность доставления лица в органы внутренних дел может выходить за рамки разумности, что может нарушать конституционные права и свободы гражданина. Нужно отметить, что в ч. 4 ст. 14 Федерального закона от 7

февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции» срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, а срок административного задержания исчисляется в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях. То есть административное задержание имеет свои особенности [3, с. 65].

Правовое последствие в виде административного задержания применяется в исключительных случаях, однако в законодательстве нет точного перечня случаев, где административное задержание является обязательным, а также отсутствует перечень условий, которые исключают возможность применения данной меры. Данный пробел в законодательстве способствует увеличению нагрузки на органы внутренних дел, так как вопрос правомерности задержания может ставиться под сомнение [4, с. 201].

При административном задержании всегда составляется протокол, где должны быть зафиксированы следующие данные: дата и место составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания.

В соответствии с ч. 3 ст. 27.3 КоАП по просьбе задержанного о его задержании уведомляются родственники, администрация по месту его работы (учебы) и защитник. Если же задержан несовершеннолетний, то уведомление его законных представителей происходит в обязательном порядке. Уведомить по телефону лиц, указанных в законе, задержанный вправе самостоятельно, а любые ограничения со стороны должностных лиц являются незаконными. Исключениями являются ситуации, где телефон, например, является вещественным доказательством. На практике остается открытым вопрос о том, возможно ли уведомить о задержании лиц, которые не входят в перечень, указанный в норме. Для устранения данных вопросов необходимо внести изменения в законодательство [5, с. 576].

В ст. 27.6 КоАП устанавливается, что место содержания лиц, по отношению к которым применено административное задержание, должно отвечать санитарным требованиям и исключать возможность их самовольного оставления. При анализе судебной практики мы можем выделить проблему нарушения прав задержанных. Так, Сыктывкарский городской суд Республики Коми удовлетворил требования истца по делу №2-3094/2021, где было установлено, что при незаконном административном задержании сотрудниками полиции были допущены следующие нарушения: несвоевременность предоставления протокола задержанному, отсутствие питания для задержанного. Был взыскан моральный вред в сумме 5 500 рублей. Вопрос определения суммы компенсации является достаточно проблемным, поскольку судам трудно объективно оценить перенесенные страдания [6].

Таким образом, применение административного задержания является важной мерой, которая обеспечивает правильное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении. Но существует ряд правовых пробелов, наличие которых приводит к нарушению прав и интересов задержанных лиц. В связи с этим в законодательство Российской Федерации необходимо внести изменения для более четкой регламентации вопроса применения административного задержания: установить правовые гарантии соблюдения разумных сроков доставления лица в помещение территориального органа внутренних дел; закрепить конкретные случаи, в которых административное задержание является обязательной мерой принуждения; указать в ч. 3 ст. 27.3 КоАП РФ, что уведомить можно не только конкретных лиц, указанных в действующей норме, а любых нескольких лиц, с которыми можно связаться в ближайшее время. Необходимо создать условия для единообразного применения законодательства, регулирующего вопросы применения административного задержания. Устранение противоречий и пробелов поспособствует укреплению института административного задержания.

Список литературы:

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. — 2-е изд., перераб. И доп. — М. : ИНФРАМ, 2018. — 352 с.
2. Панькина И.Ю., Гофман Я.Ю. Проблемы правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №7-2 (82). С. 212-215.
3. Трегубов И.С. Вопросы административного задержания как меры административно-процессуального принуждения, применяемой в сфере внутренних дел // Административное право и практика администрирования. 2023. №1. С 59-72.
4. Чаннов С.Е. Некоторые проблемы применения административного задержания // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. №2 (33). С. 195-205.
5. Михайлов, О. А. Административное задержание: суть, понятие и актуальные проблемы / О. А. Михайлов. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 575-577.
6. Решение № № 2-3094/2021 2-3094/2021~М-986/2021 М-986/2021 от 7 июня 2021 г. по делу № 2-3094/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/boGHGXo1tVba/>

Каунов Руслан Игоревич
Багдасаров Владислав Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов
rus.kaunov.96@mail.ru
vladislav.aleks004@gmail.com
Kaunov Ruslan
Bagdasarov Vladislav
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: данная статья анализирует систему государственного контроля и надзора в сфере образования Российской Федерации его роль в обеспечении качества образования, соблюдении законодательства и повышении эффективности образовательной системы. Описывает организацию системы государственного контроля в области образования, включая федеральный и региональные уровни. Обращает внимание на важность риск-ориентированного подхода к проведению контрольно-надзорных мероприятий, что позволяет сосредоточить ресурсы на наиболее значимых направлениях и повысить эффективность контроля.

Ключевые слова: государственный контроль, мораторий, образование, органы, риск-ориентированный подход.

CERTAIN ISSUES OF STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF EDUCATION

Annotation: this article analyzes the system of state control and supervision in the field of education of the Russian Federation, its role in ensuring the quality of education, compliance with legislation and improving the effectiveness of the educational system. Describes the organization of the system of state control in the field of education, including federal and regional levels. Draws attention to the importance of a risk-based approach to conducting control and supervisory activities, which allows you to focus resources on the most significant areas and increase the effectiveness of control.

Key words: state control, moratorium, education, authorities, risk-based approach.

Образование является одним из приоритетных направлений государственной политики большинства стран мира, в том числе и Российской Федерации. Оно служит неотъемлемой составляющей жизни каждого человека, поскольку в процессе получения образования он получает необходимые знания, которые позволят ему как работать по определенной профессии, так и просто существовать в обществе. Однако рассматриваемый процесс носит комплексный характер, и его организация требует огромных затрат государства. Именно поэтому на практике возникает множество проблем и нарушений при его реализации.

Для пресечения нарушений и достижения эффективности образования, в Российской Федерации есть государственный контроль (надзор), который имеет свою специфику.

В соответствии со ст. 93 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1] государственный контроль (надзор) в сфере образования включает в себя государственный контроль по оценке соответствия содержания и качества подготовки обучающихся и государственный надзор, направленный на предупреждение, выявление и

пресечение нарушений органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования, и органами местного самоуправления, осуществляющими управление в сфере образования, и организациями, осуществляющими образовательную деятельность.

В научной литературе выделяют следующие элементы государственного контроля (надзора) в сфере образования [2, с. 66]: предмет контроля (надзора) (соблюдение обязательных требований, установленных законодательством об образовании); субъекты контроля (надзора) (один из которых уполномоченный орган исполнительной власти, а второй образовательное учреждение); направленность контроля (надзора) (снижение риска причинение вреда); объект контроля (надзора) (образовательная деятельность организаций); территориальная сфера осуществления контроля (надзора); способ проведения контроля (надзора) (риск-ориентированный); последствия проведения контроля (надзора).

Система государственного контроля (надзора) в сфере образования является многоуровневой и состоит из следующих элементов: федеральный государственный контроль, государственный контроль за реализацией органами исполнительной власти субъектов РФ, государственный контроль за реализацией органами местного самоуправления полномочий в сфере образования.

В связи со сложной системой государственного контроля (надзора) в сфере образования функции по его осуществлению возложены на специализированный федеральный орган исполнительной власти РФ – Рособrnадзор, а также на органы исполнительной власти субъектов, которым переданы полномочия в сфере образования.

Рособrnадзор осуществляет надзор в отношении: образовательных учреждений высшего образования; иностранных образовательных учреждений, филиалы которых находятся на территории Российской Федерации; российских

образовательных учреждений, находящихся за рубежом; федеральных государственных профессиональных образовательных организаций, которые реализуют образовательные программы среднего профессионального образования в сферах обороны, ядерной энергетики, безопасности и иных сферах, перечень которых утвержден Правительством РФ; органов исполнительной власти субъектов РФ, которым переданы полномочия в сфере образования.

На основании вышеизложенного можно отметить, что федеральный орган осуществляет контроль, по большей части, за образовательными организациями высшего образования, а также за подвластными органами исполнительной власти субъектов.

Обозначив сферу контроля Рособнадзора, следует отметить, за кем же региональные органы осуществляют надзор: образовательные учреждения, осуществляющие обучение по основным образовательным и основным профессиональным программам; органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования; индивидуальные предприниматели, осуществляющие образовательную деятельность.

Одним из важнейших нормативно-правовых актов при осуществлении государственного контроля (надзора) в области образования является Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3], так как в главе 8 ст. 36 соответствующего закона закреплены гарантии контролируемых лиц, а именно: присутствовать при проведении контрольного (надзорного) мероприятия, давать пояснения по вопросам их проведения; получать от контрольного (надзорного) органа, его должностных лиц информацию, которая относится к предмету профилактического мероприятия; получать от контрольного (надзорного) органа информацию о сведениях, которые стали основанием для проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия; знакомиться с результатами контрольных (надзорных) мероприятий,

контрольных (надзорных) действий, сообщать контрольному (надзорному) органу о своем согласии или несогласии с ними; обжаловать действия (бездействие) должностных лиц контрольного (надзорного) органа.

Также контролируемые лица в соответствии со ст. 38 Федерального закона имеют право на возмещение вреда, причинённого неправомерными действиями должностных лиц при осуществлении контрольных мероприятий.

Организация федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования реализуется с применением риск-ориентированного подхода, утверждённого Постановлением Правительства РФ, а так же [4]. Согласно ст. 8.1 п.2 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» риск-ориентированный подход представляет собой метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором в предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определённой категории риска либо определённому классу (категории) опасности. До его внедрения контрольно-надзорные мероприятия проводились с определённой периодичностью, из-за чего использование ресурсов было малоэффективным.

В связи с тем, что на территории РФ введён мораторий на осуществление контрольных проверок, целью которого, по мнению Мартынова А.В. и Черникова В.В., является снижение активности контрольно-надзорных органов для обеспечения принципа экономии и бережливости в их работе [5, с. 125]. В соответствии с ним контрольно-надзорные проверки могут проводиться только в отношении образовательных организаций, отнесённых к категориям

чрезвычайно высокого и высокого риска, вместо них проводятся профилактические визиты [6].

Нельзя не согласиться с тем, что данный подход к осуществлению государственного контроля в сфере образования минимизирует риски причинения вреда, снижает нагрузки как контролирующих органов, так и подконтрольных учреждений. И меняет направленность проверочных мероприятий с карательной на превентивную, что увеличивает их эффективность [7, с. 69].

Вместе с положительной стороной смены подхода к осуществлению проверочных мероприятий, необходимо рассказать и про негативную. Из-за действующего моратория на осуществление контрольных проверок, организации, в которых есть нарушения законодательства, но они не отнесены к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, избегают проверочных мероприятий со стороны органов уполномоченных осуществлять контроль. В связи с этим Смагина Т.А. и Алесушина Т.Ю. считают, что в условиях действующего моратория стоит рассмотреть вопрос о внесении изменений действующего законодательства с целью предоставления возможности подконтрольным субъектам осуществлять самопроверку соблюдения обязательных требований, если были выявлены нарушения в процессе наблюдения, а также с целью профилактики последующих нарушений [8, с. 134].

Таким образом, государственный контроль (надзор) в сфере образования представляет собой важный инструмент обеспечения качества образования и соблюдения законодательства, что способствует повышению общественной ответственности и эффективности образовательной системы.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598. 2023. № 25, ст. 4408.

2. Коцюрко Е.П. Виды государственного контроля и надзора в сфере образования: основные характеристики и критерии // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. №1.

3. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5007. 2024. № 1 (часть I), ст. 6.

4. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» от 25 июня 2021 г. № 997 (ред. от 29.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5385. 2024. № 1 (часть III), ст. 260.

5. Мартынов А.В., Черников В.В. Мораторий на проверки как специальный метод регулирования контрольно-надзорной деятельности // Вестник ННГУ. 2023.

6. Постановление Правительства РФ «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» от 10 марта 2022 г. № 336 (ред. от 29.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11, ст. 1715. 2024. № 10, ст. 1417.

7. Рукавишников С.М. О некоторых вопросах управления рисками в сфере высшего образования // Право и государственность. 2024. №1 (2).

8. Смагина Т.А., Алексушина Т.Ю. К вопросу о риск-ориентированном подходе при организации государственного контроля (надзора) в сфере общего образования // Публичная власть в современной России: реальность и перспективы: сб. науч. тр. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Михайловича Манохина, в рамках III Саратовского

юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (г. Саратов, 8 июня 2023 г.) / [под общ. ред. А.Ю. Соколова; редкол.: А.Ю. Соколов и др.] ; Саратовская государственная юридическая академия ; Саратовский филиал Института государства и права РАН. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 129-134.

УДК 342.9

Филатов Никита Владимирович

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

nikita.filatov2512@gmail.com

Filatov Nikita

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Yekaterinburg

«ПАУТИНА» ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация: в статье автор рассматривает одну из предметных областей административного права – осуществление публичной администрацией контроля и надзора, а именно исследует вопрос применения при дорожном надзоре информационно-аналитической системы «Паутина». Автор, на основе статистических данных и анализе судебной практики в данной области, приходит к выводу, что «Паутина» будет способствовать повышению эффективности работы сотрудников ГИБДД и ее оптимизации.

Ключевые слова: административное право, административный надзор, дорожный надзор, ГИБДД, паутина.

«WEB» FOR IDENTIFYING OFFENDERS IN THE FIELD OF TRAFFIC

Annotation: in the article, the author examines one of the subject areas of administrative law – the implementation of control and supervision by public administration, namely, he examines the issue of using the information and analytical system "Web" in road supervision. Based on statistical data and analysis of judicial

practice in this area, the author concludes that "Web" will contribute to increasing the efficiency of traffic police officers and their optimization.

Key words: administrative law, administrative supervision, road supervision, traffic police, web.

Осуществление публичной администрацией контрольно-надзорных действий в рамках общеадминистративных или специальных публично-правовых отношений является одним из предметных направлений административного права. Целью такой деятельности является обеспечение публичного интереса – законности и правопорядка, соблюдение гражданами и организациями обязательных требований, выявление правонарушений, их пресечения и предотвращение. Контроль и надзор порождают «властеотношения», которые возникают по инициативе контролирующей стороны, где на стороне властного субъекта выступает управомоченный, контролирующий орган, а на стороне подчиненного – обязанный, контролируемый субъект. В рамках данной работы объектом исследования будут выступать «властеотношения» между государственной инспекцией безопасности дорожного движения МВД России (далее – ГИБДД) и физическими и юридическими лицами.

Стремительное развитие технологий открывает для человека много возможностей для большей оптимизации жизни и деятельности. Беспилотные автомобили, дроны, суда, различные автоматизированные системы, искусственный интеллект и другие подобные технологии используются в различных отраслях жизнедеятельности человека: сельское хозяйство, военная отрасль, промышленность, государственное управление. Деятельность ГИБДД не исключение. Данная тематика становится все более популярнее среди исследователей [1; 2; 3; 4].

В апреле 2021 г. в работу ГИБДД Центрального федерального округа была внедрена информационно-аналитическая система «Паутина». С 30

сентября 2022 г. данная система была запущена во всех субъектах РФ [5]. «Паутина» – это информационная система, которая объединяет программное обеспечение всех комплексов фото-видеофиксации нарушений ПДД разных регионов. Принцип работы данной системы следующий: полицейские камеры, установленные на различных участках дороги, фиксируют автомобили, которые, например, числятся в розыске, не имеют регистрацию или она прекращена, фиксирует водителей, которые совершают правонарушения, предусмотренные главой 11, 12 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и иные правонарушения. На сегодняшний день «Паутина» способна считывать, помимо государственных регистрационных знаков, еще и марку, модель авто, сопоставлять информацию с базами данных МВД России, и в случае несовпадения сообщать об этом. Данная информация поступает на электронное устройство сотрудника. Зафиксированные нарушения направляются в предобработку, где в ручном режиме их анализируют люди. Окончательную проверку материалов проводит Центр автоматизированной фиксации административных правонарушений, одной из функции которого является осуществление обработки информации, полученной с помощью специальных технических средств, поступающей на сервер системы фотовидеофиксации, ее проверка [6]. Далее система самостоятельно формирует информацию нарушителю и направляет ему. «Паутина» работает по запросу. Сотрудники ГИБДД в ответ на запрос получают фото- и видеoinформацию о местах и времени проезда транспортного средства с похожим описанием. Кроме того, можно узнать дату фиксации автомобиля камерой, модель и скорость, получить информацию о совершенных нарушениях ПДД и фото пассажиров.

КоАП РФ регламентирует особый порядок привлечения к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения при их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими фотовидеофиксацию. При этом под

автоматическим режимом следует понимать работу технического средства, во-первых, без непосредственного воздействия на него человека, во-вторых, когда такое средство размещено в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве, в-третьих, независимо от усмотрения человека, осуществляет фиксацию всех административных правонарушений в зоне своего обзора, для выявления которых оно предназначено [7]. Субъектом в данном случае является собственник (владелец) транспортного средства независимо от того, является он физическим или юридическим лицом. Согласно ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ при фиксации правонарушения специальными техническими средствами, имеющими фотовидеофиксацию, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия собственника транспортного средства. Экземпляры постановления и материалов, полученных со специальных технических средств, направляются лицу, в отношении которого было возбуждено дело об административном правонарушении в течение 3-х дней со дня вынесения постановления. Документы могут быть направлены правонарушителю в форме копии постановления на бумажном носителе по почте заказным почтовым отправлением, а также в форме электронного документа с использованием портала «Госуслуги». Согласно ч. 6 ст. 29.10 КоАП РФ электронный документ должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью должностного лица, вынесшего постановление.

В случае несогласия с вынесенным в отношении собственника транспортного средства (далее – ТС) постановления, лицо может его обжаловать. В данном случае собственник ТС обязан представить доказательства своей невиновности и доказать информацию о том, что в момент фиксации административного правонарушения ТС не находилось в его владении, а им владело или пользовалось другое лицо, в том числе завладевшее им при помощи противоправных деяний. Доказательствами могут являться:

полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев ТС, в котором указаны лица имеющие допуск к управлению данным ТС, договор аренды или лизинга ТС, свидетельские показания или показания лица, непосредственно управлявшего ТС в момент фиксации правонарушения [7].

За годы работы «Паутина» показала свою эффективность. По информации главного управления МВД России по Свердловской области на 4 февраля 2022 г. за период апробации системы «Паутина» автоинспекторами было проведено около сотни специальных мероприятий, в ходе которых было задержано 3 ТС с признаками подделки номерных агрегатов, 10 ТС с подложными и закрытыми регистрационными знаками, было задержано 95 водителей, которые не имели либо были лишены права управления, задержано 119 ТС, по которым прекращена регистрация. Также сотрудниками Госавтоинспекции было изъято более 100 экземпляров спецпродукции, находившейся в розыске, выявлено 4 водительских удостоверения с признаками подделки, задержано 3 автомобиля, чьи собственники имели значительные задолженности по уплате штрафов [8].

С 27 марта по 02 апреля 2023 г. в Пскове сотрудники управления Госавтоинспекции Псковской области провели рейд с помощью системы «Паутина». За время мероприятия было пресечено 1575 административных правонарушений в области безопасности дорожного движения, выявлено 28 водителей, управлявших ТС в состоянии опьянения, в том числе за повторное управление в состоянии опьянения задержан 1 водитель [9].

В Новоалександровском округе Ставропольского края система «Паутина» помогла по горячим следам установить маршрут передвижения автомобиля водитель которой, со слов очевидцев, спровоцировал столкновение без пострадавших и покинул место происшествия. По факту оставления места ДТП в отношении водителя составлен административный протокол по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. В Георгиевске система «Паутина» указала местонахождение автомобиля, чьи регистрационные знаки находились в розыске, а владелица

является злостной нарушительницей ПДД с неоплаченным 181 штрафом на сумму 81 тыс. рублей. Судебными приставами-исполнителями наложен арест на автомобиль с ограничением пользования, выдано требование о погашении задолженности в установленный срок [10].

Помимо этого, система «Паутина» активно применяется при разрешении судебных споров. Так, в решении Мытищинского городского суда Московской области № 12-553/2023 от 27 ноября 2023 г. по делу № 12-553/2023 рассматривается жалоба гражданина А., в отношении которого было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, согласно которому он признан виновным в совершении административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ и было назначено наказание в виде административного штрафа в размере 500 рублей. Гражданин А. посчитал постановление незаконным и необоснованным. В обоснование доводов указал, что на представленных фотографиях изображен автомобиль, который не принадлежит ему, а именно автомобиль с иным государственным регистрационным знаком, чем на его действительном автомобиле, то есть отчетливо видна не та буква, в связи с чем просил данное постановление отменить. Проверяя законность и обоснованность постановления, было выявлено, что должностным лицом, прежде чем принять решение, устанавливалось наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Фиксация нарушения по данному постановлению была произведена специальным техническим средством, работающим в автоматическом режиме. При вынесении постановления должностным лицом были изучены все имеющиеся в базе данных Госавтоинспекции системы «Паутина» фотоматериалы, на которых зафиксированы проезды ТС гражданина А., государственный регистрационный знак, а также было установлено, что на указанном ТС имеются характерные

особенности, присущие конкретному автомобилю. Должностным лицом были изучены также сведения о передвижении вышеуказанного ТС. Проверяя доводы гражданина А., были получены сведения о том, что государственный регистрационный номер, который предполагается гражданином А. принадлежит другому лицу и ТС с данным номером имеет синий цвет, а на фотографиях с фиксацией нарушения гражданина А. автомобиль серого цвета. В связи с вышеизложенным, суд приходит к выводу, что довод гражданина А. является несостоятельным, обжалуемое постановление вынесено в соответствии с требованиями КоАП РФ, жалобу оставить без удовлетворения [11].

Аналогичный судебный спор обзревается в решении Плавского районного суда Тульской области № 12-38/2023 от 9 октября 2023 г. по делу № 12-38/2023. Гражданин Б. в своей жалобе на постановление по делу об административном правонарушении, в связи с которым он был признан виновным в совершении административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 500 рублей, обосновывает, что в момент фиксации правонарушения принадлежащее ему ТС на данном участке не передвигалось, а на фото изображен другой автомобиль с другим государственным номером. При помощи системы «Паутина» были изучены проезды ТС гражданина Б. Полученная информация подтверждала движение данного ТС по участку, где было зафиксировано административное правонарушение, а также было доказано соответствие государственного номера, изображенного на фотографии, государственному номеру присущему ТС гражданина Б. Таким образом, в совокупности с иными сведениями, жалоба была оставлена без удовлетворения [12].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что информационно-аналитическая система «Паутина» – это технология, которая будет

способствовать повышению эффективности работы сотрудников ГИБДД и ее оптимизации, а также содействовать повышению качества правосудия.

Список литературы:

1. Верзилин С.В. Состояние и перспективы развития региональной системы безопасности дорожного движения с применением средств автоматической фиксации административных правонарушений // Вестник ВИ МВД России. 2019. №4. С. 257-264.

2. Габова О.С. Становление и перспективы развития центров (групп) автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения государственной инспекции безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №2 (74). С. 58-62.

3. Жбанова С.А. Проблемы практического применения современных технологий при осуществлении надзора за дорожным движением и перспективы развития // Современная наука. 2021. №3. С. 45-49.

4. Заикин В.Ю., Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности ГИБДД // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №4. С. 102-104.

5. В РФ запустили систему «Паутина» для розыска угнанных машин и профилактики нарушений ПДД [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/16029487>.

6. Центр автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3AZJkH>.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2019. № 142.

8. Госавтоинспекция Свердловской области работает с использованием системы «Паутина» [Электронный ресурс] // URL: <https://66.мвд.рф/news/item/28344643>.

9. В Пскове сотрудники Госавтоинспекции провели рейд с помощью автоматизированной системы «Паутина» [Электронный ресурс] // URL: <https://60.мвд.рф/news/item/37087054/?year=2024&month=5&day=8>.

10. Информация МВД по Нефтекумскому муниципальному округу Ставропольского края [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3AaNcR>.

11. Решение Мытищинского городского суда № 12-553/2023 от 27 ноября 2023 г. по делу № 12-553/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3AfS4D>.

12. Решение Плавского районного суда № 12-38/2023 от 9 октября 2023 г. по делу № 12-38/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3AfUyz>.

УДК 342.95

Харламова Маргарита Витальевна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

(МГЮА)

Институт частного права

Россия, Москва

margaret.harlamova@gmail.com

Kharlamova Margarita

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Private Law Institute

Russia, Moscow

**ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ,
НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ВС РФ ПО СТАТЬЕ 20.3.3.
КоАП РФ**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности применения статьи 20.3.3 КоАП РФ. Указаны проблемы определения состава, обозначены актуальные вопросы, возникающие в практике. Выделяется раскрытие понятия «публичные действия» и форм дискредитации. Актуальность обусловлена неоднозначностью правовой регламентации дискредитации, и постоянным дополнением нормы права. В статье проанализированы законодательные акты, судебная практика. С точки зрения законодательства подрыв авторитета ВС РФ через провокационные высказывания или действия недопустимы.

Ключевые слова: административная ответственность, дискредитация, публичные действия, Вооруженные Силы, преступление, КоАП РФ, УК РФ.

**PROBLEMS OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY
FOR PUBLIC ACTIONS AIMED AT DISCREDITING THE ARMED**

FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER ARTICLE 20.3.3. OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article discusses the features of the application of Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The problems of determining the composition are indicated, topical issues arising in practice are indicated. The author highlights the disclosure of the concept of "public actions" and forms of discrediting. The relevance is due to the ambiguity of the legal regulation of discrediting, and the constant addition of the rule of law. The article analyzes legislative acts and judicial practice. From the point of view of legislation, undermining the authority of the Armed Forces of the Russia through provocative statements or actions is unacceptable.

Key words: administrative responsibility, defamation, public actions, Armed Forces, crime, Administrative Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation.

Все области государственного управления требуют введение санкций за правонарушения и сфера обороны не исключение. Так как данная сфера является наиболее важной для всех остальных внутренних отраслей политики государства, к ее регламентации и установлению ответственности органы государственной власти должны относиться наиболее тщательно. На сегодняшний день правовой основой, которая регулирует именно правонарушения в области обороны, является Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее - КоАП РФ).

Особый интерес вызывают новые составы, введенные в 2022-2023-е г.г. К таковым отнесены: публичная дискредитация лиц, содействующих в выполнении задач нацгвардии; ужесточение ответственности за нарушения, связанные с военными обязанностями и мобилизацией; ответственность за нарушение режима военного положения. Введение таких норм указывает на то, что государство своевременно реагирует на изменения положений в обществе.

Рассмотрим статью 20.3.3, согласно которой административной ответственности подлежат публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования ВС РФ в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии РФ, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния [1].

Единого правового определения понятия «дискредитация» российское законодательство не предусматривает. Однако, изучив признаки и цели данной деятельности, можно прийти к выводу, что под дискредитацией следует понимать формирование отрицательного мнения у населения и мирового сообщества о государстве в целом или его отдельных институтах в целях снижения уровня авторитета государственной власти и государственных институтов, дестабилизация системы управления государством и в его структурах, воздействие на массовое сознание населения для создания негативного отношения к работе органов государственной власти [5. с. 30].

Если говорить о формах дискредитации, то сложность этого вопроса заключается в том, что не существует установленного перечня, и это усложняет правоприменительную практику, поскольку становится проблематичным установление необходимой объективной стороны для того или иного правонарушения. В связи с растущей актуальностью этой темы этот вопрос находится в стадии разработки. Но согласно текущей практике, наиболее распространенными формами являются: размещение в сети Интернет материалов, содержащих недостоверные данные о состоянии и действиях российской армии, а также призывом к дальнейшему распространению данной

информации; выкрикивание в общественном месте лозунгов, содержимое которых дискредитирует использование ВС РФ; организация одиночной протестной акции или пикета с призывом к воспрепятствованию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан; распространение листовок с дискредитирующей информацией; закрашивание краской баннера в поддержку ВС РФ и т. д. Можно увидеть, что указанные действия не имеют ничего общего с названными в законе способами выражения народом своего мнения по отношению к деятельности государственных органов и должностных лиц, как, например, согласованный митинг [1, с. 13].

Изучая данную норму, также необходимо рассмотреть понятие «публичные действия», ведь именно такая формулировка указана в статье 20.3.3. Под публичностью обычно понимается открытость, направленность на публику. Соответственно, действие должно быть обращено на двух и более лиц, к широкому кругу лиц, численность которых возможно определить, а также к неопределенному кругу [4, с. 5]. Следует понимать, что дискредитация сама по себе подразумевает массовое распространение негативных и недостоверных сведений, а публичные действия являются объективной стороной данного правонарушения, которые относятся к квалифицирующему признаку состава статьи 20.3.3.

Приведем пример судебной практики по данному составу. Ахтубинский районный суд Астраханской области установил: 23 января 2024 г. в суд поступил материал о привлечении к административной ответственности Мамедова Н.С. по части 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ. Согласно протоколу Мамедов Н.С., осуществил публичные действия, направленные на дискредитацию использованной ВС РФ в зоне проведения СВО посредством социальной сети "Одноклассники", где опубликовал видеозапись под названием «Россия сошла с ума!» заимствованную с официального канала СМИ «Радио свобода», которая на территории РФ признана иноагентом, тем самым публично демонстрировал запись своим подписчикам. В судебном заседании

Мамедов Н.С. свою вину в совершении указанного административного правонарушения признал. Факт совершения Мамедовым Н.С. правонарушения и его виновность подтверждены совокупностью доказательств. Содержание размещенной видеозаписи в открытом публичном доступе средств массовой информации "Радио свобода" направлены на дискредитацию использования ВС РФ и были доступны для просмотра неограниченному кругу пользователей в сети "Интернет", что безусловно указывает, что действия являлись публичными и были направлены именно на дискредитацию. Таким образом, суд постановил признать Мамедова Н.С., виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ, и назначить административное наказание в виде административного штрафа в размере 30000 (тридцати тысяч) рублей с уплатой штрафа [6].

Указанное правонарушение подлежит также переквалификации в преступление, и тогда, согласно статье 280.3 УК РФ к уголовной ответственности привлекается лицо, совершившее данное деяние после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. По части 2 этой же статьи, если публичные действия, направленные на дискредитацию, повлекли смерть по неосторожности и (или) причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности и иные негативные последствия, тогда существенно изменяются санкции, например, срок лишения свободы с четырех лет на пять лет [2].

На сегодняшний день в судебной практике достаточно много примеров совершения преступления именно по части 1 статьи 280.3 УК РФ. Так, 22 января 2024 г. Первореченским районным судом г. Владивостока вынесен приговор по делу № 1-155/2024 (1-631/2023;) в отношении Тохтеева Сергея Викторовича, который признан виновным в совершении 5 преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 280.3 УК РФ, выразившихся в размещении на странице «ВКонтакте» в сети Интернет информационных материалов,

дискредитирующих использование ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Ранее Тохтеев С.В. привлекался к административной ответственности за аналогичные действия, в связи с чем последующее размещение им указанных информационных материалов повлекло уголовную ответственность. Судом по совокупности преступлений назначено наказание в виде штрафа в размере 120 000 рублей с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием веб-сайтов, форумов, чатов и групп в социальных сетях, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", на 3 года, а также принято решение о конфискации принадлежащего Тохтееву С.В. мобильного телефона, с использованием которого он осуществлял преступные действия [7].

Таким образом, можно сказать, что рассматриваемая статья в настоящей обстановке общества считается актуальной и применяется судами достаточно часто. Это доказывает и периодическое расширение объектов, на которые направлена дискредитация. В первоначальной редакции от 04 марта 2022 г. ответственность устанавливалась за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил РФ. Однако в марте 2022 и 2023 годов в число объектов были добавлены «исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях» и «оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ». Последние изменения были внесены 25 декабря 2023 г., согласно которым в состав статьи вошли войска национальной гвардии РФ.

Возникает вопрос, почему законодатели так часто дополняют недавно введенную статью? Существуют различные точки зрения на этот счет. По моему мнению, ответ на поставленный вопрос заключается в том, что государственные органы своевременно реагируют на вновь возникающие негативные деяния граждан из-за резонанса в обществе в связи с началом Специальной Военной Операции. В истории российской юриспруденции не раз

встречались случаи введение новых составов в том случае, когда правонарушителей невозможно было привлечь к ответственности, ввиду отсутствия соответствующей нормы. Но, как правило, в публичных отраслях права не представляется возможным применение аналогии закона. На это указывается и в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2023 г. № А60-2572/2023, где указывается, в судопроизводстве по делам об административных правонарушениях применение аналогии права и аналогии закона не допустимо, поскольку это противоречит нормам КоАП РФ, которые не содержат упоминание об использовании такого правового института. Поэтому расширение состава статьи законодательными органами вполне оправдано. По мимо расширения состава, как уже упоминалось выше, вполне целесообразно будет и внесение в статью дополнительных разъяснений и примечаний, которые помогут индивидуально подходить к конкретному случаю и справедливо разрешать спорное правоотношение.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) / Собрание Законодательства Российской Федерации, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) / Собрание Законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. С.В. Ведяшкин, А.В. Илюшин. Отдельные аспекты административной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации / Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / ред. С.В. Ведяшкин, Н.Г. Геймбух, М.М. Журавлев, С.С. Кузнецов. – Томск: Издательство Томского государственного университета, – Ч. 93. 2023. 172 с.

4. А.М. Сокол Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях: проблемы квалификации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. 7 с.

5. С. В. Мурадян, А.А. Чугунов. К вопросу о квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации и публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2022. 34 с.

6. Постановление Ахтубинского районного суда Астраханской области от 30.01.2024 г. по делу № 5-22/2024 / Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»

7. Решение Первореченского районного суда г. Владивостока от 22.01.2024 г. по делу № 1-155/2024 (1-631/2023) / Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.163

Демидова Анна Владимировна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

Институт прокуратуры

Россия, Москва

annademidova2002964@mail.ru

Demidova Anna

Moscow State Law University (MSAL)

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Moscow

**К ВОПРОСУ О ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ
АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ
ПРАВОВЫХ АКТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ОРГАНАМИ
ПРОКУРАТУРЫ РФ**

Аннотация: социальной «язвой» общества XXI века является коррупция, одним из видов которой выступает взяточничество. На законодательном уровне в Российской Федерации был принят ФЗ «О противодействии коррупции», который в качестве превентивных мер оперирует понятием антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. На органы прокуратуры Российской Федерации возложено осуществление данного профилактического мероприятия, однако на практике возникают проблемы проведения данной экспертизы.

Ключевые слова: коррупция, предупреждение коррупции, антикоррупционная экспертиза, органы прокуратуры, требование прокурора об изменении нормативного правового акта.

**ON THE ISSUE OF PRACTICAL PROBLEMS OF THE
IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF
NORMATIVE LEGAL ACTS CARRIED OUT BY THE PROSECUTOR'S
OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: the social "ulcer" of the society of the XXI century is corruption, one of the types of which is bribery. At the legislative level, the Federal Law "On Combating Corruption" was adopted in the Russian Federation, which uses the concept of anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects as preventive measures. The Prosecutor's Office of the Russian Federation is entrusted with the implementation of this preventive measure, but in practice there are problems with conducting this examination.

Key words: corruption, prevention of corruption, anti-corruption expertise, prosecutor's office, prosecutor's requirement to amend a regulatory legal act.

На протяжении многих столетий по всему миру, в том числе и в Российской империи, затем в СССР, а сейчас и в Российской Федерации, существовало и культивировалось в различных формах опасное явление – коррупция. Масштабы распространения коррупции в современной России позволяют сформулировать вывод об угрозе национальной безопасности и государственным устоям, в том числе основам конституционного строя. Данный факт подтверждается статистическими данными Генеральной прокуратуры РФ. Так, исходя из анализа доклада Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ «О состоянии преступности в России за январь – июль 2021 года», за отчетный период зафиксировано максимальное за 8 лет число выявленных преступлений коррупционной направленности - 24,5 тыс. [1].

Несмотря на более чем десятилетнюю историю института антикоррупционной экспертизы, осуществляемую органами прокуратуры, в

механизме её реализации до сих пор существуют различные практические проблемы.

Первая проблема связана с определением места полномочия прокурора по проведению антикоррупционной экспертизы в системе функций органов прокуратуры.

С одной стороны, расположение норм права об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов (далее по тексту – экспертиза) в ст. 9.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» «логически свидетельствует об отнесении законодателем данной экспертизы к участию органов прокуратуры в правотворческой деятельности, что является вполне оправданным, так как при выявлении коррупциогенных факторов прокурор своим требованием предлагает способы их устранения путём реализации полномочий, указанных в ст. 9 ФЗ «О прокуратуре РФ» [2, с. 96].

С другой стороны, проведение антикоррупционной экспертизы заключается в исследовании, анализе и оценке прокурором нормативного правового акта на предмет соответствия его требованиям Закона об антикоррупционной экспертизе и Методике, утвержденной Постановлением Правительства №96: арсенал действий прокурора имеет сходство с надзорной функцией органов прокуратуры - надзором за исполнением законов и законностью нормативных правовых актов, который с учетом положений приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» предполагает проверку законности нормативных правовых актов: то есть прокурор оценивает исполнение поднадзорными субъектами положений законодательства органами публичной власти.

Еще одним аргументом в пользу отнесения экспертизы к надзорной деятельности может служить организация ее осуществления определенным

структурным подразделением в единой системе органов прокуратуры: проведение антикоррупционной экспертизы возложено на структурные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции [3, с. 41].

Вторая проблема связана с несовершенством нормативной правовой базы, регулирующей порядок проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры.

Во – первых, в нормах ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» закреплены формулировки, создающие неопределенность при применении мер прокурорского реагирования в данной сфере: так в ч.4 ст.4 вышеназванного закона не конкретизирован способ обжалования требования прокурора об изменении нормативного правового акта.

Представляется необходимым внесение изменений в ч. 4 ст.4 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» путем закрепления административного порядка, то есть вышестоящему прокурору, а в случае отказа в удовлетворении жалобы – в судебном порядке в рамках гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ.

Во – вторых, несовершенна методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. N 96, по нескольким основаниям:

1) отсутствует перечень правил проведения экспертизы, устанавливавший бы алгоритм анализа нормативного правового акта на предмет коррупциогенных норм [4, с. 67].

2) в методике закреплён исчерпывающий перечень коррупциогенных факторов, что не позволяет выявлять новые формы обхода положений закона, как бы превращая данный вид экспертизы в формальность [5, с. 56].

3) дефиниция «коррупциогенный фактор» сформулирована без выделения идентификационных признаков, отражающих содержательный смысл.

В – третьих, организационно – распорядительные документы Генерального прокурора, устанавливающие порядок реализации антикоррупционной экспертизы, а именно приказ Генерального Прокурора России от 10.10.2022 N 581 "Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции, не содержат методологических, организационных основ, так как:

1) нет детализации процедуры, так как антикоррупционной экспертизе посвящено всего лишь 5 пунктов (2.22 – 2. 26), что препятствует формированию у прокуроров понимания и построения алгоритма ее проведения.

2) отсутствует форма требования об изменении нормативного правового акта с целью исключения выявленного коррупциогенного фактора, которая закреплялась в утратившем силу приказе Генерального прокурора от 28.12.2009 №400 "Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов", что может привести к расхождению в правоприменительной практике в связи с отсутствием образца – итогового решения проведения антикоррупционной экспертизы, а также подменой актов прокурорского реагирования в связи с тем, что вместо требования зачастую приносится протест либо дается заключение.

Список литературы:

1. Коррупция в России достигла максимума за восемь лет // Право. ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/234309/>

2. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: научно-практическое пособие / И.С. Власов, Т.О. Кошаева, В.Н. Найдено и др.; отв.ред. Ю.А.Тихомиров, Е.И. Спектор. – М.: ИЗиСП при Правительстве РФ; Анкил, 2012. 152 с.

3. Экспертиза нормативных правовых актов и их проектов на предмет коррупциогенности: содержание, значение, методика проведения: сборник статей / под общ ред. О.С. Капинус и А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. - М., 2010. - 388 с.

4. Бошно С. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: становление, опыт, перспективы / С В. Бошно, А. В. Ефремов, А. М. Цирин; под ред. Н. Южакова, - Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. - 144 с. - ISBN 978-5-7749-1003-8. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/491479> (дата обращения: 23.09.2024). – Режим доступа: по подписке.

5. Головщинский, К. И. Диагностика коррупциогенности законодательства / К. И. Головщинский ; Константин Головщинский ; под ред. М. А. Краснова и Г. А. Сатарова. – Москва : Фонд Индем, 2004. – 63 с. – (Труды Фонда Индем / Регион. обществ. фонд "Информатика для демократии"). – ISBN 5-902204-05-4. – EDN QWBAPF.

Соромотина Владислава Алексеевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

Soromotina.kat@gmail.com

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России

Кафедра оперативно-разыскной деятельности

Россия, Екатеринбург

titov1995@ya.ru

Soromotina Vladislava

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

Titov Pavel

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Department of Operative and Investigative Activity

Russia, Yekaterinburg

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация: здоровье населения и общественная нравственность являются залогом благополучного формирования государства и социума. К угрозам, посягающим на эти ценности, в первую очередь следует отнести незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Основная часть синтетических наркотиков в настоящее время сбывается дистанционным способом. С учетом специфики сети «Интернет» преступникам удается

определенное время находиться в тени и уходить от уголовной ответственности, что требует от правоохранительных органов, особенно оперативных подразделений, разработки новых схем раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, оперативно-розыскная характеристика, наркотические средства и психотропные вещества.

OPERATIONAL SEARCH CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Annotation: public health and public morality are the key to the successful formation of the state and society. The threats that encroach on these values, first of all, include the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. The majority of synthetic drugs are currently sold remotely. Given the specifics of the Internet, criminals manage to remain in the shadows for a certain period of time and evade criminal liability, which requires law enforcement agencies, especially operational units, to develop new schemes for solving crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances.

Key words: law enforcement activities, law enforcement agencies, operational-search activities, operational-search measure, operational-search characteristics, narcotic drugs and psychotropic substances.

В настоящее время, проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ составляет реальную угрозу для национальной безопасности страны, потому что это представляет угрозу не только для здоровья населения, но и общественной безопасности. Если рассмотреть статистику преступности в 2023 году в стране совершили больше

190 тысяч преступлений, связанных с оборотом наркотиков, это на 7,5 процента больше, чем за весь 2022 год. Из сказанного выше можно сделать вывод, что традиционные методы борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не могут сократить и полностью ликвидировать преступность в данной сфере. Преступления в этой сфере имеют сложный и многоуровневый характер, что требует от правоохранительных органов, особенно от органов внутренних дел, применения комплексно всех методов оперативно-розыскной деятельности.

Для того, чтобы дать оперативно-розыскную характеристику данным преступлениям в первую очередь нужно обратиться к уголовному законодательству Российской Федерации. В главе 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) с статьи 228 по статью 234 УК РФ представлены виды противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также в данных статьях представлены соответствующие наказания. Однако, не все деяния по обороту наркотических средств и психотропных веществ представляют собой преступления. Так в Кодексе об административных правонарушениях в Российской Федерации есть в главе 6 тоже предусмотрены нормы, которые регулируют незаконное приобретение и сбыт наркотических средств и психотропных веществ. Главное отличие административной ответственности от уголовной заключается в размере наркотического средства или психотропного вещества, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих указанные средства и вещества. Данными знаниями обязательно должен владеть оперативный сотрудник, чтобы четко разграничивать преступления от правонарушений в данной сфере, так как частым поводом для возбуждения уголовных дел данной категории является непосредственное обнаружение сотрудниками оперативных аппаратов признаков преступления в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Переходя непосредственно к оперативно-розыскной характеристике преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, можно выделить следующую квалификацию:

1. По форме совершения: сбыт, хранение, производство, транспортировка.

Для того чтобы дать понятие данным способам совершения преступления нужно обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В пунктах 7-10 данного постановления даны разъяснения данным деяниям, а также момент окончания преступления.

2. По степени тяжести: преступления небольшой, средней и большой тяжести.

Как уже было сказано ранее, данные противоправные деяния регулируются не только УК РФ, но Кодексом об административных правонарушениях в Российской Федерации. В свою очередь в уголовном законодательстве идет четкая градация данных преступлений по тяжести. Данное разграничение зависит от самого вида наркотического средства или психотропного вещества, а также имеет значение, в каком размере осуществлялся сбыт, хранение, производство или транспортировка. Для решения вопроса о правильном установлении значительного, крупного или особо крупного размера наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, а также их аналогов следует исходить из размеров, строго установленных для каждого в постановлении Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 № 1002. В данном постановлении представлены таблицы с указанием наркотического средства или психотропного вещества с соответствующим ему значением значительного, крупного или особо крупного размера.

3. По организованности: индивидуальные и организованные группы.

Данные преступления может совершить как один человек, так и группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Для пояснения можно обратиться к статье 35 УК РФ. Каждая из этих категорий требует специфического подхода в рамках ОРД.

Так же каждая из этих групп включает в себя следующие элементы: Субъекты преступления. Как правило, это лица, имеющие опыт в криминальной деятельности, часто связаны с организованными преступными группами. Объекты преступления. Объектом будут являться наркотические средства и психотропные вещества, которые могут быть как синтетическими, так и природными. Место совершения. Преступления могут происходить как в закрытых помещениях (квартиры, склады), так и на открытых площадках (улицы, парки). Время совершения. Часто наблюдается сезонность (например, увеличение сбыта в период праздников).

Для эффективного пресечения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ используются различные методы и средства оперативно-розыскной деятельности такие как:

- Содействие: привлечение лиц, оказывающих содействие из среды наркоторговцев для получения информации о каналах сбыта и производства [1, с. 166].

- Технические средства: использование скрытых видеокамер, устройств и других технологий для мониторинга подозрительных действий.

- Анализ данных: работа с базами данных о зарегистрированных преступлениях, анализ телефонных переговоров и финансовых потоков.

- Совместные операции: взаимодействие с другими правоохранительными органами, ведомствами и международными структурами для борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Данные методы и средства необходимы для проведения оперативно-розыскных мероприятий таких как: наблюдение; проверочная закупка; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых и телеграфных отправлений; прослушивание телефонных переговоров; контролируемая поставка и др.

Несмотря на предпринимаемые меры, сотрудники оперативных подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ сталкивается с рядом проблем:

- Высокая мобильность преступников: наркоторговцы быстро адаптируются к действиям правоохранительных органов.
- Использование новых технологий: интернет [2, с. 19-23] и криптовалюты позволяют скрывать следы преступной деятельности.
- Социальные факторы: высокий уровень потребления наркотических средств и психотропных веществ среди молодежи создает постоянный спрос на рынке наркотических средств и психотропные вещества. Отсюда вытекает рост преступности среди несовершеннолетних [3, с. 548].

Подводя итог выше сказанному, можно сделать следующий вывод, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ представляют собой сложную задачу для правоохранительных органов [4, с. 64]. Эффективная борьба с ними требует комплексного подхода, включающего как традиционные методы ОРД, так и инновационные технологии. Установлена общая тенденция к распространению способа совершения сбыта наркотических средств и психотропных веществ закладочным способом [5, с. 134]. В этой связи необходимы дополнительные меры по подготовке оперативных сотрудников, снабжению их полезными методическими материалами и специальными средствами выявления и раскрытия преступлений рассматриваемой категории. Интересы практических сотрудников требуют, чтобы сотрудники оперативных подразделений всесторонне и полно оценивали любую ситуацию, складывающуюся в процессе

раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и, принимая решения, одновременно руководствовались Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовным и уголовно-процессуальным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях в Российской Федерации, а также требованиями криминалистической методики, рекомендациями и другими научными исследованиями в данной области.

Список литературы:

1. Титов, П. М. Правовой статус лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / П. М. Титов // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (19 октября 2023 г.), Краснодар, 19 октября 2023 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. – С. 165-167.
2. Введенская, О. Ю. Способ незаконного сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет и телекоммуникационных технологий / О. Ю. Введенская // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2(48). – С. 19-23.
3. Горячева, В. С. Современное состояние преступности несовершеннолетних / В. С. Горячева // Молодежь, наука и цивилизация: Материалы международной студенческой научной конференции, Красноярск, 18 мая 2023 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2023. – С. 547-550.
4. Борисова, О. В. Рекомендации для подготовки сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков противодействию способам сокрытия тайников-закладок с наркотическими средствами / О. В. Борисова // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности : Материалы Всероссийского научно-практического семинара, Красноярск, 04

апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 63-67.

5. Борисова, О. В. Характеристика способов сокрытия тайников («закладок») с наркотическими средствами на основе анализа практики / О. В. Борисова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 2(42). – С. 134-139.

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 347.965

Азарова Анастасия Сергеевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры и заочного обучения
Россия, Саратов
azarovaanastasiya2001@mail.ru
Azarova Anastasia
Saratov State Academy of Law
Institute of Master's Degree and Distance Learning
Russia, Saratov

**ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ НА
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА В СОВРЕМЕННОМ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация: в данной статье автор исследует влияние института объективной истины на познавательную деятельность адвоката в рамках гражданского и арбитражного процессов. Анализируется соотношение принципа состязательности и принципа объективной истины. Делается вывод о необходимости введения персональной ответственности судебных представителей, в том числе адвокатов, за ложь.

Ключевые слова: адвокат, цивилистический процесс, объективная истина, ложь, ответственность.

**THE INFLUENCE OF THE INSTITUTION OF OBJECTIVE TRUTH ON
THE ACTIVITY OF AN ADVOCATE IN THE MODERN CIVIL
PROCEDURE**

Annotation: in this article, the author examines the influence of the institute of objective truth on the cognitive activity of an advocate in the framework of civil and arbitration proceedings. The correlation between the principle of competition and the principle of objective truth is analyzed. It is concluded that it is necessary to introduce personal liability of judicial representatives, including advocates, for lying.

Key words: advocate, civil procedure, objective truth, lie, responsibility.

Вопрос определения места объективной истины в современном цивилистическом процессе является весьма важным для правильной постановки целей адвоката при познании им фактических обстоятельств дела. Помимо этого, через характеристику института объективной истины можно выявить пределы данного познания.

Обратимся к определению, содержащемуся в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова: «Истина – адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно» [1].

В действующих АПК и ГПК РФ принцип объективной истины был заменен принципом состязательности сторон, заключающимся в повышении активности спорящих с возложением на них бремени доказывания. В связи с этим интересно и крайне спорно утверждение Н.А. Чечиной о том, что «идея, не зафиксированная нормой права, не может стать правовым принципом» [2, с. 78]. Мы солидарны с мнением М.К. Треушникова, который указывает, что состязание сторон в условиях равноправия выступает методом достижения истины в гражданском судопроизводстве [3, с. 75].

В настоящее время объективная истина достаточно часто упоминается в судебных актах арбитражных судов и судов общей юрисдикции [4, 5].

Э.М. Мурадьян считает, что «истина – принцип и цель судебного процесса», а «социальная ценность состязательности – в устремленности к истине и достижении на этой основе правового результата» [6, с. 102]. Другие ученые полагают, что установление истины – это лишь побочный результат

достижения действительно значимых целей судопроизводства, а именно реализации положения об автономии частных прав и вынесения справедливого решения [7, с. 10].

Во времена СССР к задачам адвокатуры было отнесено содействие не только охране прав и законных интересов граждан и организаций, но и осуществлению правосудия, соблюдению и укреплению социалистической законности. И все же некоторые советские процессуалисты с осторожностью отмечали, что определяющей функцией адвоката выступает защита субъективных прав доверителя от нарушения, использование всех правовых средств для восстановления нарушенных прав или их признания [8, с. 8].

В советской процессуальной науке понятие «позиция по делу» практически не использовалось, так как оно противоречило принципу объективной истины [9, с. 10]. Сегодня указанная концепция подвергается пересмотру и переоценке, и в научной литературе все чаще звучат суждения о том, что предмет судебного познания по делу определяется позициями сторон и возможностью (навыками) их донесения до суда [10, с. 30].

Позиция стороны – это утверждение, что обстоятельства дела таковы, и намерение доказать это перед судом, это определенный взгляд на фактические обстоятельства дела, обусловленный процессуальной ролью и интересами определенной стороны [11, с. 170].

Арбитражный суд Московского округа подчеркнул: «В отличие от уголовного процесса, преследующего цели установления объективной истины, гражданский (арбитражный) процесс, базирующийся на принципе состязательности оценивает представленные сторонами доказательства, в подтверждение выдвигаемых ими правовых обоснований и с учетом изложенного разрешает спор применительно к тому, чье правовое и доказательственное обоснование было убедительнее» [12].

Полагаем, что адвокат в качестве представителя оказывает суду помощь в осуществлении правосудия, а конкретно в установлении истины по делу,

исключительно в той мере, в какой это требуется для защиты прав, свобод и законных интересов клиента. Такое содействие представляет собой не цель судебного представительства, а средство к достижению его процессуальной цели.

Вспомним дело о священнике, обвиненном в воровстве, когда адвокат Ф.Н. Плевако добился его оправдания, сказав следующее: «Конечно, батюшка поступил дурно. Но ведь он 30 лет молился за нас и отпускал нам грехи. Так отпустим и мы единственный его грех, люди православные!» [13, с. 262]. На этом примере хорошо видно, что основная задача адвоката – это достижение наиболее предпочтительного, благоприятного для доверителя результата рассмотрения и разрешения дела в суде, а не торжество правосудия само по себе.

Развитие принципа добросовестности сильнейшим образом влияет на российскую правовую действительность, укрепляет нравственные начала деятельности адвоката. Судебные представители не должны злоупотреблять доверием суда. Под ложью следует понимать не только сообщение суду информации, не соответствующей действительности, но и сокрытие от суда и лиц, участвующих в деле, фактов, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к следующему заключению: «принцип правовой определенности не может защищать сторону, действовавшую недобросовестно и умышленно создавшую видимость отсутствия ключевых доказательств, которые имели решающее значение для дела и могли позволить полноценно провести судебное разбирательство» [14]. Таким образом, Верховный Суд РФ отнес ложь к юридическому факту, выявление которого может послужить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. Право суда пересмотреть решение, основанное на обмане, стоит рассматривать также как средство самозащиты от недобросовестных лиц.

С.В. Курылев отмечает: «когда невозможность установления объективной истины обусловлена поведением одной или обеих сторон, неблагоприятные последствия такой невозможности следует возлагать на виновную в том сторону или на обеих сторон» [15, с. 645]. Действительно, считаем необходимым ввести персональную ответственность представителей за ложь, поскольку она является существенным нарушением императива честности адвоката, умаляет его деловую репутацию и порождает негативные последствия.

Подводя итог, согласимся с исследователями, которые указывают, что одной из наиболее сложных задач, стоящих перед цивилистическим процессом, является соблюдение баланса между принципом состязательности и принципом установления объективной истины по делу [16, с. 216]. Очевидно, что результатом деятельности суда должен стать законный и обоснованный судебный акт, принятый на основании верно установленных фактических обстоятельствах дела. Вместе с тем суд, стремясь к установлению объективной истины, должен не принимать на себя бремя доказывания, возложенное на одну из сторон, а лишь оказывать необходимое содействие. При этом является совершенно недопустимой ситуация недобросовестного поведения сторон, заключающегося во введении суда в заблуждение относительно обстоятельств дела. Основанный на заведомо недостоверной информации судебный акт может и должен быть отменен вышестоящими инстанциями, в том числе при выявлении вновь открывшихся обстоятельств.

Список литературы:

1. Истина // URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/11211-ISTINA> (дата обращения: 18.09.2024).
2. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78-83.
3. Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2003. 720 с.

4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.07.2021 № Ф07-10893/2021 по делу № А44-3866/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 № 88-12670/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
6. Мурадьян Э.М. Истина как проблема судебного права. 2-е изд. М., 2004. 311 с.
7. Клейменов А.Я. Состязательность в гражданском судопроизводстве Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 284 с.
8. Юдельсон К., Юдельсон С. Конституционные принципы организации и деятельности советской адвокатуры // Советская юстиция. 1979. № 12. С. 7-8.
9. Участие адвоката в цивилистическом процессе: учебное пособие для магистрантов / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. М.: Статут, 2020. 173 с.
10. Багрян А.А. Формирование позиции адвоката с учетом результатов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 255 с.
11. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. 592 с.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2021 № Ф05-24287/2020 по делу № А40-12806/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
13. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юристъ, 2003. 667 с.
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2021 № 306-ЭС20-16785(1,2) по делу № А65-6755/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

15. Курылев С.В. Избранные труды. Краснодар: Совет. Кубань, 2010. 832

с.

16. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / Н.В. Алексеева, С.Т. Багыллы, А.В. Белякова и др.; отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 416 с.

Вострикова Анастасия Михайловна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru

Vostrikova Anastasia

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ЭСТОПШЕЛЬ И ПРЕКЛЮЗИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация: современное российское право идет по пути рецепции различных институтов, и арбитражное процессуальное право не является исключением. В статье автором исследуются такие правовые институты как процессуальный эстоппель и преклюзия, анализируются судебные решения, в которых использовались данные правовые институты. В работе автор на основе доктрины цивилистического процесса и судебной практики делают выводы об общих и отличительных чертах эстоппеля и преклюзии.

Ключевые слова: процессуальный эстоппель, преклюзия, противоречивое поведение, добросовестность, арбитражный суд.

ESTOPPEL AND PRECLUSION IN THE ARBITRATION PROCESS: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION

Annotation: modern Russian law follows the path of reception of various institutions, and arbitration procedural law is no exception. In the article, the authors explore such legal institutions as procedural estoppel and preclusion, analyze court decisions in which these legal institutions were used. In the work, the authors draw

conclusions based on the doctrine of civil procedure and judicial practice about the common and distinctive features of estoppel and preclusion.

Key words: procedural estoppel, preclusion, contradictory behavior, good faith, arbitration court.

Современная судебная практика имеет тенденцию к рецепции некоторых институтов, использование которых законодательно не предусмотрено. К таковым относятся «модные» стандарты доказывания, процессуальный эстоппель и некоторые другие. В связи с этим возникает множество вопросов: что из себя представляют новые для российской практики правовые явления, насколько оправдано их применение, требуется ли их использование на постоянной основе и многие другие. Задачей данной работы является, в первую очередь, анализ процессуального эстоппеля и преклюзии, живущих исключительно в судебной практике, и их сравнение.

Рассмотрение различных точек зрения на понятие эстоппеля и преклюзии не входит в предмет данной работы. Однако для наиболее полного понимания темы исследования будут рассмотрены ключевые признаки указанных понятий, которые, по мнению автора, отражают их суть.

Так, В. В. Ярков отмечает такой признак преклюзии (на взгляд автора один из основных), как срочность осуществления процессуальных прав [5, с. 138]. Подобный признак преклюзии подтверждается также мнениями других правоведов. Например, Гольмстен А. Х. высказывал следующее: «Но самая важная характерная черта прав сторон заключается в преклюзивном характере этих прав. В этом смысле можно сказать, что гражданскому процессу присущ принцип преклюзивности. Принцип этот заключается в том, что право сторон может быть осуществлено лишь в определенный срок, а по миновании его данное право, не будучи осуществлено, прекращается; обладатель лишается его, по общему правилу, навсегда» [1, с. 140-141].

Преклюзия, как верно отмечает Е.В. Гриценко [2, с. 733-755], в сущности, является процессуально установленной мерой ограничения прав лица на доступ к правосудию и на судебную защиту, направленная на борьбу с недобросовестным отношением процессуальных сторон в судебном процессе и затягиванием процессуальных сроков, что соответствует принципу своевременности и эффективности судебного разбирательства, которому придается большое значение в немецком праве.

Таким образом, можно говорить о том, что преклюзия заключается в невозможности осуществления конкретного процессуального права, если данное право не было осуществлено участником процесса в установленное законом или судом время.

Смысл процессуального эстоппеля в доктрине гражданского и арбитражного процесса раскрывается следующим образом: «В основе этого заимствованного из английского общего права института лежит идея о необходимости стимулирования последовательного и непротиворечивого поведения субъектов правоотношений: сторона, которая совершает действия в противоречии с той позицией, которую она занимала ранее, не должна извлекать преимущества из своего непоследовательного поведения, что на практике выражается в запрете стороне выдвигать соответствующие возражения» [3, с. 112]. Основными признаками эстоппеля являются противоречие в действиях или представляемой позиции, непоследовательное поведение. Отметим, что непоследовательное поведение следует понимать как несогласованные действия, которые нарушают или могут нарушить установленный законом порядок проведения судебного разбирательства.

Предлагается рассмотреть на примерах судебной практики подходы к пониманию рассматриваемых правовых явлений.

Так, чаще всего, суды исходят из следующего понимания процессуального эстоппеля «в процессуально-правовом аспекте принцип эстоппель предполагает утрату лицом права ссылаться на какие-либо

обстоятельства (заявлять возражения) в рамках гражданско-правового спора, если данные возражения существенно противоречат его предшествующему поведению» [6]. Позиция, прослеживаемая в судебной практике, коррелирует с приведенной ранее доктринальной точкой зрения. Подобный подход говорит о том, что суды так или иначе прибегают к использованию теоретических положений при принятии тех или иных решений.

В приведенном деле судом был применен эстоппель в связи с тем, что цена иска, заявленная истцом, не соответствовала материалам дела. Таким образом, суд в данном случае, принимая подобное решение, учел тот факт, что истец не доказал заявленную сумму требований и ссылаясь на иные доказательства.

Часты также ситуации, когда сторона заявляет о несоблюдении другой стороной досудебного порядка урегулирования споров. Например, в данном деле [7] кассатор просил отменить решение суда первой и апелляционной инстанции на основании неправильного применения норм процессуального права, поскольку истцом, в чью пользу было вынесено решение, не соблюден досудебный порядок разрешения спора. При рассмотрении данной жалобы суд сослался на принцип арбитражного процесса – состязательность сторон при рассмотрении дела. Также суд применил закрепленное в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) правило «молчание – знак согласия». В соответствии с положением ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ если сторона не оспаривает представленные другим лицом, участвующим в деле, доказательства и заявления, то они считаются принятыми данной стороной. Тем самым, промолчав в первой инстанции сторона потеряла свое право возражать относительно данного обстоятельства.

В другом деле [8] суд применил доктрину *estoppel* в связи с тем, что сторона подала возражения несвоевременно: «поскольку возражения на акты выполненных работ заявлены лишь после подачи иска в суд, суд приходит к выводу, что работы считаются принятыми субподрядчиком <...> на основании

односторонних актов о приемке выполненных работ, мотивы отказа от подписания актов, заключающиеся в невыполнении работ силами ООО «СтройЛайт», являются необоснованными и неподтвержденными надлежащими доказательствами”.

На основании проанализированной судебной практики можно заметить, что суды при использовании процессуального эстоппеля часто смешивают данное понятие с преклюзией. Это особенно видно в последнем приведенном примере, когда сторона

Возникает вполне закономерный вопрос: в чем сходство и разница между ними и почему суды не разделяют данные понятия, а прибегают к использованию исключительно доктрины *estoppel*. Предлагается в первоочередно ответить на вопрос, касающийся разграничения процессуального эстоппеля и преклюзии, и начать с выделения общих черт между данными институтами.

Общим признаком между процессуальным эстоппелем и преклюзией являются функции, которые они выполняют в процессе: содействие своевременному и полному рассмотрению дела, а также обеспечение действия принципа процессуальной экономии.

Содействие своевременному рассмотрению дела заключается в первую очередь в побуждении сторон к соблюдению основополагающего принципа арбитражного процесса - принципа состязательности. Как известно, одним из проявлений принципа состязательности является представление позиции и доказательств участником процесса до начала судебного разбирательства: данное утверждение вытекает из ч. 2 ст. 9, ч. 3 ст. 65, ч. 3 ст. 70 и др. АПК РФ. Приведенные нормы направлены на обеспечение своевременного представления доказательств, соблюдение разумного срока судебного разбирательства, и именно на эти нормы ссылаются суды при использовании процессуального эстоппеля. При детальном изучении текста указанных норм можно заметить, что их суть сводится к поддержанию установленного порядка

арбитражного процесса, в частности к минимизации злоупотребления предоставленными процессуальными правами; в данных нормах прослеживается закрепление. Вследствие этого суды справедливо прибегают к использованию данных и некоторых других норм.

Таким образом, процессуальный эстоппель и преклюзия, в том виде, в каком они отражены на данный момент в действующем законодательстве, призваны обеспечить своевременное рассмотрение дела.

В доктрине цивилистического процесса поддерживается указанная позиция: «противоправное (злоупотребление, выражающееся в несвоевременной реализации процессуального права) и правомерное несвоевременное осуществление права ведет к затягиванию процесса, соответственно, преклюзия и эстоппель призваны обеспечить своевременное восстановление нарушенных или оспоренных субъективных прав» [4, с. 5].

Если говорить о различиях в данных институтах, то стоит остановиться на следующем. Во-первых, границу между процессуальным эстоппелем и преклюзией можно провести по последствиям, которые наступают при применении судами того или иного правового явления.

Так, при использовании эстоппеля сторона (как неоднократно отмечалось в судебной практике) теряет право ссылаться на возражения. При использовании преклюзии (которую в судебных актах ошибочно именуют эстоппелем) судьи в своих решениях часто ссылаются на ч. 2 ст. 9 и ст. 70 АПК РФ, которые предусматривают собственные санкции за несвоевременное совершение процессуальных действий.

Вторым отличием является цель, в связи с которой суды применяют тот или иной институт. Доктрина *estoppel* применяется судами в качестве механизма реагирования на недобросовестное и противоречивое поведение участника процесса. В то же время цель преклюзии – побуждение лиц, участвующих в деле, к своевременному представлению доказательств и аргументов, на которые ссылаются участники.

Таким образом, подводя итоги анализу, можно отметить следующее: между процессуальным эстоппелем и преклюзией существует как сходства, так и отличия. Однако на практике следует разводить указанные понятия, поскольку подобное смешение может привести к принятию неправоудного решения, в частности, вследствие разницы в последствиях, которые наступают при применении того или иного института.

Список литературы:

1. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., перераб. СПб.: М. Меркушев, 1907
2. Гриценко Е. В., Хайнтцен М. Доступ к судебной защите в России и Германии. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Том 10. Вып. 4.
3. Кашкарова, И. Н. Примирительные процедуры и применение доктрины эстоппель (estoppel) в гражданском судопроизводстве / И. Н. Кашкарова // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 года / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2019.
4. Малахиров, Б. М. Эстоппель и преклюзия в цивилистическом процессе: общее и особенное / Б. М. Малахиров // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 10. – С. 3-7.
5. Ярков, В. В. Преклюзия в системе защиты прав в российском гражданском и административном судопроизводстве (постановка вопроса) / В. В. Ярков // Экономическое правосудие в Уральском округе. – 2019. – № 3(51). – С. 129-145.

6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 19.09.2024 по делу №А40-49791/2024

7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.11.2018 N Ф07-11801/2018 по делу N А52-4002/2017

8. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 24.09.2024 по делу №А75-23893/2023

Гирут Анастасия Сергеевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
girut.anastasiya@mail.ru
Girut Anastasia
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СУДЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье автором определяется целесообразность создания административных судов в России. Автор анализирует научные подходы к содержанию административного судопроизводства и перспективы создания административных судов; рассматривает аргументы «за» и «против» создания административных судов.

Ключевые слова: административная юстиция, административное судопроизводство, административный процесс, административные суды, правосудие.

ADMINISTRATIVE COURTS: THE NEED FOR FORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in the article, the author determines the expediency of creating administrative courts in Russia. The author analyzes scientific approaches to the content of administrative proceedings and the prospects for the creation of administrative courts; examines the arguments "for" and "against" the creation of administrative courts.

Key words: administrative justice, administrative proceedings, administrative process, administrative courts, justice.

Вопрос создания в судебной системе России административных судов уже много лет обсуждается юридическим сообществом. Именно по этой причине тема исследования актуальна. Прежде чем говорить о достоинствах и недостатках преобразования судебной системы, необходимо обратиться к пониманию термина «административная юстиция». Н. И. Лазаревский отмечал, что «административная юстиция представляет собой систему специальных судебных учреждений, деятельность которых направлена на защиту правового государства от посягательств администрации» [6, с. 112-115]. М. Д. Загряцков понимал под административной юстицией «право приношения жалобы со всеми необходимыми процессуальными гарантиями независимо от того, кто будет ее рассматривать» [4, с. 17]. Таким образом, перед нами представлены формальное и материальное определение термина.

Дискуссионным является и вопрос начала функционирования административной юстиции в России. Некоторые ученые (например, М. Д. Загряцков) отмечают, что начало положено в эпоху Петра I. В 1711 году был учрежден Правительствующий Сенат, одной из функций которого было осуществление надзора за высшей и центральной администрацией. В XIX веке в Сенате с целью контроля за деятельностью местной администрации развивалась практика приемов жалоб и доносов от населения в Первом (административном) департаменте Сената [8, с. 147-175]. Лазаревский Н. И. считает, что появление административной юстиции связано с началом функционирования на местах губернских присутствий по земским делам (1890 г.) [12]. Впервые в отечественной истории административная юстиция получила юридическое оформление в Постановлении Временного правительства от 30.05.1917 г., которое утвердило «Положение о судах по административным делам» [1, 11]. В дальнейшем развитие данного правового

института было приостановлено, на сегодняшний день административные суды в нашей стране отсутствуют.

В связи с этим необходимо проанализировать причины важности формирования системы административных судов в Российской Федерации. Первая причина, которую приводят ученые, поддерживающие создание административных судов, - наличие специализированных административных судов решило бы проблему недостаточного профессионализма судей судов общей юрисдикции относительно разрешения административных дел. Опровергая данный довод, необходимо отметить, что названную проблему разрешает специализация судей по административным делам, а не специализация судов. У гражданских и уголовных дел, которые также рассматриваются судами общей юрисдикции, также, как и у административных дел, есть своя специфика, поэтому целесообразность создания системы специализированных административных судов ставится под сомнение. Д.М. Бахрах придерживается такой же позиции и приводит пример, что на протяжении многих лет воплощается в действительность специализация судей по гражданским и уголовным делам [2, с. 10]. Создание специализированных административных судов не решит проблему недостаточного профессионализма судей, уровень профессионализма ничего не мешает совершенствоваться в рамках уже существующей системы судов.

Вторая причина – реформа способствовала бы снижению нагрузки судов общей юрисдикции и соответственно воспрепятствовала бы практике откладывания дел на долгое время. Для того, чтобы оценить приведенный довод необходимо оценить соотношение рассматриваемых дел в судах общей юрисдикции. За 2023 год районными судами Саратовской области по первой инстанции было рассмотрено около 46 тысяч гражданских дел, более 13 тысяч административных исковых заявлений, около 8 тысяч дел об административных правонарушениях, около 9 тысяч уголовных дел [9]. Из приведенной статистики можно заметить, что гражданских дел рассматривается

в 3,5 раза больше и для снижения нагрузки судов общей юрисдикции целесообразнее было бы выделять в отдельную систему судов, которые рассматривали бы только гражданские дела.

Рассмотрим третью причину. В статье 118 Конституции РФ закреплено, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется при помощи конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства [5]. Отсюда приверженцы создания системы административных судов делают вывод, что законодатель допускал потенциальную возможность учреждения в России административных судов. Однако в статье говорится о видах судопроизводства в РФ. Необходимо отметить, что в нашей стране нет не только специализированных административных судов, но и специализированных уголовных, специализированных гражданских судов. Приведенная причина, по-нашему мнению, абсолютно не обоснована. Судопроизводство — это порядок работы суда, предназначенный для рассмотрения определённого вида дела или спора. Перечисление в Основном законе нашей страны видов судопроизводства связано с тем, что для каждого из этих видов предусмотрен свой порядок рассмотрения дела, своя категория дел, а также специализированный процессуальный Закон. Если следовать приведенной позиции, то стоит отметить, что если бы законодатель допускал потенциальную возможность учреждения в России административных судов, то перечислил бы в Конституции РФ не виды судопроизводства, а виды судов.

Стоит провести анализ уже сделанных попыток проведения судебной реформы по созданию административных судов в Российской Федерации. В 2000 году в своем выступлении Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев среди наиболее актуальных проблем укрепления судебной власти отметил именно создание административных судов [7]. В этом же году в Государственную Думу РФ Верховным Судом РФ в порядке законодательной инициативы был внесен проект Федерального конституционного закона «О

федеральных административных судах в Российской Федерации». 22.11.2000 Государственная Дума РФ приняла указанный закон в первом чтении, однако 11.06.2013 при рассмотрении законопроекта во втором чтении было принято решение отклонить законопроект и снять его с дальнейшего рассмотрения. Согласно заключению ответственного комитета (Комитета ГД по конституционному законодательству и государственному строительству) рассматриваемые проекты федеральных конституционных законов утратили свою актуальность, Комитет рекомендовал Государственной Думе отклонить одобренные в первом чтении 22 ноября 2000 года проекты федеральных конституционных законов №7886-3 «О федеральных административных судах в Российской Федерации» и №7900-3 «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации». За отклонение данного законопроекта проголосовало 100% присутствующих депутатов [10].

В заключении отметим, что проблема создания системы административных судов обсуждается уже давно, некоторые придерживаются позиции о необходимости создания системы специализированных судов, которые рассматривали бы административные дела, другие говорят о том, что данная реформа нецелесообразна. В работе были проанализированы наиболее популярные доводы, указывающие на необходимость создания системы административных судов, но ни один из них, по-нашему мнению, не обосновывает реальной необходимости проведения реформы судебной системы. К тому же создание таких специализированных судов на всей территории РФ требует достаточное количество денежных средств. Так, по информации Верховного Суда РФ, на создание административных судов, потребуется не менее 5 млрд. Для комплектации вновь созданной системы судов необходимо порядка четырех тысяч судей первой инстанции и порядка 600 судей – второй инстанции, для их комплектации предполагается изъять судей из судов общей юрисдикции [3]. Но возникает вопрос, насколько это

реально. В России крайне мало судов общей юрисдикции, которые могут похвастаться полностью укомплектованным судебским корпусом. В результате данной реформы будет прослеживаться дефицит кадров как в судах общей юрисдикции, а так и в административных судах. В связи с этим проблема нагрузки на суды не только не разрешится, но еще и усугубится.

Список литературы:

1. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: Март—октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 2. Май—июнь 1917 года. М.: РОССПЭН, 2002.
2. Бахрах Д.Н. Нужна специализация не судов, а судей // Рос. юстиция. 2003. № 2. С. 10.
3. В России планируется создание административных судов // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. Дата публикации: 25.04.2003. URL: <https://www.hse.ru/news/1163615/1097805.html?ysclid=m1rli4i8xz882863388> (дата обращения: 02.10.2024).
4. Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалоб (в теории и законодательстве). М.: Право и жизнь, 1925. 244 с.
5. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 01.10.2024).
6. Лазаревский Н. И. Административная юстиция. Полит. Энциклоп. СПб, 1906. № 1. 294 с.
7. Лебедев В. М. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 2-4.

8. Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX века) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX века. 1967. 752 с.

9. Подведены итоги работы судов Саратовской области в 2023 году: рассмотрено почти 800 тысяч дел // Саратовский областной суд. Дата публикации: 26.02.2024. URL: <https://vk.com/@saroblsud-podvedeny-itogi-raboty-sudov-saratovskoi-oblasti-v-2023-godu> (дата обращения: 30.09.2024).

10. Проект Федерального конституционного закона № 7886-3 «О федеральных административных судах в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/7886-3?ysclid=m1rl66o3ne534099724> (дата обращения: 01.10.2024).

11. Фоков А. П. Современные проблемы административной юстиции в России: административные суды – «за» и «против» // Российский судья. 2012. № 2. С. 2-5.

12. Ярцев А. А. Дискуссия вокруг создания административных судов в современной России // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10-11. С. 44-47.

Дмитриев Дмитрий Александрович
Российский государственный университет правосудия
Крымский филиал
Россия, Симферополь
vasiliy_suslikov@mail.ru
Dmitriev Dmitry
Russian State University of Justice
Crimean branch
Russia, Simferopol

ПРИЧИНЫ СУДЕБНЫХ ОШИБОК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: в статье рассматриваются причины судебных ошибок и их возникновение в гражданском и административном судопроизводстве. Автором анализируются отдельные распространенные причины судебных ошибок, а также объективные и субъективные факторы их возникновения.

Ключевые слова: судебная ошибка, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, причины судебных ошибок, правоприменение, судебная ошибка как результат деятельности судьи.

CAUSES AND CONDITIONS OF JUDICIAL ERRORS AT THE PRESENT STAGE

Annotation: the article examines the causes of judicial errors and their occurrence in civil and administrative proceedings. The author analyzes separately the common causes of judicial errors, as well as objective and subjective factors of their occurrence.

Key words: judicial error, civil proceedings, administrative proceedings, causes of judicial errors, law enforcement, judicial error as a result of the judge's activity.

Актуальность исследования обусловлена неотъемлемой связью между увеличением правоприменительной нагрузки на судей и необходимостью устранения и сокращения ошибок, допускаемых субъектами данной деятельности. Для достижения этой цели важно исследовать причины, способствующих совершению судебных ошибок, что также имеет практическое значение, поскольку позволяет создать основу для предотвращения ошибок, а также обеспечивает качественное управление правоприменительной деятельностью судей.

В юридической литературе вопрос причины судебных ошибок анализируется достаточно длительное время, но единой точки зрения до настоящего времени в науке не существует. Отдельные авторы подчеркивают объективный характер причин судебных ошибок; другие считают, что причины судебных ошибок находятся за пределами судопроизводства, имеют непроцессуальный характер и состоят всегда в субъективном - в личности; третьи, не оспаривая субъективности судебных ошибок, считают, что судебные ошибки могут быть допущены и по объективным причинам.

Прежде чем изучать вопрос о характере, причинах судебных ошибок, обратимся в судебной статистике и судебной практике, чтобы проанализировать текущую ситуацию в вопросе наличия судебных ошибок и потребности их изучения.

Обратимся к **Обзору судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году** [5], чтобы изучить судопроизводство в суде первой инстанции, апелляционной инстанции и кассационной инстанции в рамках гражданского и административного судопроизводства.

Всего рассмотрено (окончено производством) судами всех уровней гражданских и административных дел **по первой инстанции 30,1 млн** (в 2022 году – 31,3 млн), из них в порядке гражданского судопроизводства, предусмотренного Гражданским процессуальным кодексом Российской

Федерации (далее – ГПК РФ), – 28,4 млн, в порядке административного судопроизводства, предусмотренного Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), – 2,2 млн. В 2023 году количество гражданских и административных дел, принятых к производству **мировыми судьями**, по сравнению с 2022 годом уменьшилось на 2,7 % или более, чем на 700 тысяч (с **27 млн 400 тыс.** до 26 млн 672 тыс. дел). Число окончанных производством дел также уменьшилось на 2,6 % с 27 млн 377 тыс. до 26 млн 654 тыс. дел.

Всего в апелляционной инстанции судов общей юрисдикции и Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году окончено производств по **892,1 тыс.** апелляционных жалоб и представлений (в 2022 году – 812,6 тыс.). Из них в **районные суды в апелляционном порядке** поступило **154,3 тыс.** дел по жалобам и представлениям на судебные акты, вынесенные **мировыми судьями** в порядке гражданского и административного судопроизводства. Большая часть дел поступила по частным жалобам – 92,5 тыс., или 60,0 % (в 2022 году – 90,2 тыс., или 57,8 %), по апелляционным жалобам (59,2 тыс.) и составила 38,4 % от общего числа поступивших дел в апелляционном порядке (в 2022 году – 63,6 тыс., или 40,7 %). Доля **апелляционных дел, по которым удовлетворены жалобы и представления, частные жалобы и частные представления по гражданским и административным делам, составила 31,2 % (42,9 тыс.)** от общего числа пересмотренных по существу в апелляционном порядке судебных актов по гражданским и административным делам (в 2022 году – также 31,6 %, 44,8 тыс.). **Оставлено без удовлетворения** (без каких-либо изменений и корректив) **94,7 тыс. жалоб и представлений**, в том числе частных, **на судебные постановления мировых судей, вынесенные в порядке гражданского и административного судопроизводства** (в 2022 году – 97,0 тыс.).

Доля отмененных и измененных по существу решений от общего числа вынесенных решений мировыми судьями по гражданским и

административным делам составила от общего числа вынесенных решений в порядке искового производства **0,7 %** (в 2022 – 0,9 %).

Выделяются следующие **основания отмены и изменения решений мировых судей по гражданским и административным делам**: в связи с *неправильным определением обстоятельств*, имеющих значение для дела, – 8,8 тыс. дел, или 69,2 % (в 2022 году – 9,2 тыс., или 68,4 %); в связи с *недоказанностью установленных судом первой инстанции обстоятельств*, имеющих значение для дела, – 0,2 тыс. дел, или 1,4 % (в 2022 году – 0,2 тыс., или 1,6 %); в связи с *несоответствием выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда*, обстоятельствам дела – 0,5 тыс. дел, или 3,9 % (в 2022 году – 0,6 тыс. дел, или 4,2 %); в связи с *нарушением или неправильным применением норм материального права или норм процессуального права* – 3,2 тыс. дел, или 25,5% (в 2022 году – 3,5 тыс. дел, или 25,7%).

Таким образом, большинство дел в суде первой инстанции рассматривают мировые судьи (27,4 млн из 30,1 млн). В целом в апелляционной инстанции окончено производств по **892,1 тыс.** апелляционных жалоб и представлений. Из них **154,3 тыс.** дел на решения, вынесенные **мировыми судьями**. Доля отмененных и измененных по существу решений от общего числа вынесенных решений **мировыми судьями – 0,7 %**.

Это порядка **12,7 тыс. дел** (в 2022 году – **13,5тыс. дел**), которые были **отменены или изменены** в связи с судебными ошибками в суде первой инстанции, что на фоне большого количества дел в целом может и составляет небольшой процент и показаться несущественным, но если расценивать, что **12,7тыс. отмененных и измененных решений** привели к справедливому правосудию, истине, **изменили судьбы 12,7тыс человек**, то уже данный факт можно расценивать как существенный, и полагать, что с **причиной исследований судебных ошибок** мы определились хотя бы из данного факта. И это мы еще не говорили, про кассационную инстанцию и судебные ошибки, которые так не были признаны неправомерными.

Итак, наиболее распространенными судебными ошибками среди мировых судей были: *неправильное определение обстоятельств*, имеющих значение для дела (69,2 %), *нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права* (25,5%), *несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда* (3,9 %), *недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств*, имеющих значение для дела (1,4 %).

Приведем пример из судебной практики одной из распространенных судебных ошибок, рассмотренной в апелляционной инстанции, исходя из статистики:

Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам от 07 сентября 2023 года № 2-1-295/2023 [3]

Общество обратилось в суд с иском к Григорьеву А.А. о **взыскании в порядке суброгации денежных средств** в размере **83 497 руб. 50 коп.**, в результате дорожно-транспортного происшествия. **Суть спора** состоит в том, что был поврежден принадлежащий Холоповой Л.И. автомобиль, на момент дорожно-транспортного происшествия по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств машина истца застрахована не была, в связи с чем, истец просил взыскать с него указанную сумму в порядке суброгации.

Решением Калужского районного суда Калужской области от 23 января 2023 года исковые требования ООО «СК «Согласие» к ответчику о возмещении убытков в порядке суброгации **оставлены без удовлетворения**. В апелляционной жалобе поставлен вопрос об отмене решения суда как незаконного и необоснованного.

Судебная коллегия по гражданским делам приходит к следующему. Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о наличии в действиях водителя истца нарушения пункта 8.3 Правил дорожного движения Российской Федерации, состоящего в

прямой причинно-следственной связи с дорожно-транспортным происшествием. Ввиду отсутствия вины ответчика в дорожно-транспортном происшествии **суд первой инстанции не усмотрел правовых оснований** для возложения на ответчика ответственности в порядке суброгации за причиненный истцу ущерб (ст. 965 ГК РФ).

В связи с чем **судебная коллегия** с такими выводами суда первой инстанции **согласиться не может** и при изложенных обстоятельствах решение суда первой инстанции **подлежит отмене ввиду несоответствия изложенных в нем выводов обстоятельствам дела, неправильного применения норм материального и процессуального права** с принятием по делу нового решения.

Судебная коллегия по гражданским делам определила: **решение** Калужского районного суда Калужской области от 23 января 2023 года отменить. Принять по делу новое решение. **Взыскать** в пользу общества в порядке суброгации 83 497 руб. 50 коп., расходы по уплате государственной пошлины в размере 2 705 руб [3].

Таким образом, судебная ошибка была выражена в том, что суд первой инстанции неправильно применил нормы материального и процессуального права, поскольку суд не усмотрел правовых оснований для возложения на ответчика ответственности в порядке суброгации за причиненный истцу ущерб.

Перейдем к изучению кассационной инстанции и вновь обратимся к **Обзору судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году** [5].

В 2023 году в кассационных инстанциях в судах общей юрисдикции всех уровней и кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации по делам судов общей юрисдикции окончено **327,5 тыс.** производств по жалобам и представлениям (в 2022 году – 299,3 тыс.). В кассационных судах общей юрисдикции (далее – КСОЮ) рассмотрено **239,8 тыс.** кассационных дел **по жалобам и представлениям на решения нижестоящих судов**, из них

требования **удовлетворены** всего по **17,1 %**, оставлено без рассмотрения 1,3 тыс. производств. КСОЮ пересматривались следующие решения (определения) нижестоящих судов по гражданским и административным делам: **82,8 %** от общего числа кассационных производств составили решения по существу спора по гражданским и административным делам. Из них поступило на рассмотрение **24,7 тыс.** гражданских и административных дел по **жалобам и представлениям** на судебные **решения мировых судей**, удовлетворены требования по 22,1 % жалоб и представлений от числа оконченных производством. Поступило на рассмотрение **222,9 тыс.** гражданских и административных дел **по жалобам и представлениям** на судебные **решения районных судов**, или почти **87,4 %** в структуре поступивших по разным уровням судов.

Таким образом, в судах кассационных инстанций было рассмотрено **239,8 тыс.** дел и из них **удовлетворены** всего по **17,1 %**. Причем большинство рассмотрено на судебные решения районных судов (87,4 %). По моему мнению 17,1%, а точнее **41тыс дел**, что значительно больше, чем в судах апелляционных инстанций, исходя из чего можно заключить, что на стадии апелляционного обжалования в большинстве своем судебные ошибки остаются незамеченными и их выявление происходит чаще, как показывает статистика, в судах кассационных инстанций. Приведем еще один пример из судебной практики одной из распространённых судебных ошибок в кассационной инстанции, исходя из статистики:

Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 года № 88-2380/2021 [4].

ООО «ЭОС» обратилось в суд иском к Х. о взыскании задолженности по кредитному договору. Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования ООО «ЭОС», суд первой инстанции, ссылаясь на положения статей 309, 310, 382, 384, 811, 819 Гражданского кодекса Российской Федерации, исходил из того,

что ответчик не представил доказательства отсутствия задолженности, в связи с чем пришел к выводу о наличии оснований для взыскания с ответчика долга.

Суд **апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции** и их правовым обоснованием. При этом **суд апелляционной инстанции отклонил довод** апелляционной жалобы Х. о неприменении судом первой инстанции к спорным отношениям **последствий пропуска истцом** срока исковой давности, указав на то, что о применении судом последствий истечения срока исковой давности Х. **ни письменно, ни устно не заявляла. Протокол судебного заседания** суда первой инстанции **не содержит соответствующего ходатайства**, а определением Промышленного районного суда г. Курска от 22 сентября 2020 года замечания Х. на протокол судебного заседания суда первой инстанции отклонены.

*В кассационной жалобе Х. ставит вопрос об **отмене** постановленных по делу судебных актов, ссылаясь на нарушения норм материального и процессуального права. Заявитель указывает на то, что судом первой инстанции было оставлено без внимания ее заявление о применении срока исковой давности, суд апелляционной инстанции не дал оценку аналогичному доводу апелляционной жалобы.*

Судебная коллегия по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции, отменяя состоявшееся по делу апелляционное определение и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указала следующее.

Из правовых норм (229 и 230 ГПК РФ) и разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 года № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции») по их применению следует, что протокол судебного заседания является полным лишь в том случае, если он последовательно отражает все существенные сведения о разбирательстве дела и совершении отдельного процессуального

действия. **Отсутствие записи о заявлении стороной спора ходатайства свидетельствует о существенном нарушении судом норм процессуального права.**

Согласно **аудиозаписи** протокола судебного заседания Промышленного районного суда города Курска от 17 декабря 2019 года, приобщенного к материалам дела, **Х. заявила об истечении срока давности** (с 3 минуты 40 секунды по 4 минуту 20 секунду)

Однако мотивов вывода о необоснованности замечаний на протокол судебного заседания судьей в определении не приведено, в связи с чем оно не может быть признано отвечающим требованиям процессуального закона (статья 225 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Судебная коллегия по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции, **отменила** состоявшееся по делу **апелляционное определение и направила** дело на **новое апелляционное рассмотрение** [4].

Таким образом, подобного характера нарушения норм процессуального права судом первой инстанции привели к созданию препятствий для реализации ответчиком Х. ее процессуальных прав, в том числе права на рассмотрение ее ходатайства о применении к требованиям истца срока исковой давности, что является грубейшей судебной ошибкой, причиной которой послужило не только неправильное применение норм процессуального права, но и неправильное определением обстоятельств, имеющих значение для дела.

Исходя из вышесказанного, делаем вывод, что, изучение причин судебных ошибок имеет приоритетное значение в настоящее время, следует разобраться почему они возникают и разрешаются только в судах высших инстанций. Это позволит минимизировать возникновение причин судебных ошибок и соответственно их недопущение в судах всех инстанций.

Теперь можно переходить к непосредственному исследованию причин судебных ошибок и их классификации. Ошибки могут быть совершены в любой сфере человеческой деятельности, в том числе и в судебной. В научной

и учебной литературе судебной ошибке уделяется большое внимание, так как именно она является причиной вынесения неверного решения, постановления, определения [8, с. 3]. И конечно, судебные ошибки не появляются сами по себе, а всегда имеют определенные причины, которые необходимо исследовать, чтобы знать как справляться с судебными ошибками еще до их появления, через минимизацию их причин.

Так, А.С. Грицанов полагает, что судебные ошибки имеют исключительно объективный характер и правоприменители не виновны в их совершении. По мнению автора, причина возникновения заключается в некотором несовершенстве отдельных процессуальных институтов, в сложности и объеме законодательства, подлежащего применению при рассмотрении гражданских дел, в пробелах в материальном праве, а также в условиях работы судей и других должностных лиц суда [10, с. 129].

Напротив, представляется позиция И.М. Зайцева, который считает, что механизм зарождения судебных ошибок лежит за пределами судебного процесса и причины данного социально-правового явления кроются в субъективном. По мнению автора, в судебных ошибках «...всегда повинны люди, которые не сумели или не захотели точно выполнить все предписания закона при решении определенного вопроса или дела. Все без исключения причины судебных ошибок имеют субъективный характер» [14, с. 65-66].

Все причины судебных ошибок И.М. Зайцев разделяет на 3 группы:

- недостаточная юридическая квалификация должностных лиц суда, осуществляющих процессуальную деятельность в судебном процессе;
- недобросовестное отношение к выполнению служебных обязанностей при разбирательстве конкретного дела, упущения в работе;
- совершение при рассмотрении дела преступных действий [14, с. 68].

Имеется при этом несколько компромиссное решение касательно причин судебных ошибок Б.В. Красильников, который относит к причинам судебных ошибок обстоятельства как субъективного, так и объективного характера,

которые непосредственно связаны с нерешением задач судопроизводства и недостижением его целей применительно к конкретному судебному делу [16, с. 97-98]. Таким образом, по критерию причины ошибки делят на субъективные (происхождение такой ошибки следует искать в несовершенстве субъективного познания судьи) и объективные (те, у которых первопричиной являются объективные факторы: ложь и сокрытие участниками гражданского процесса необходимых фактов от суда, существование пробелов в законодательстве или наличие пробелов в нем; возникновение таких факторов невозможно предупредить даже при самом добросовестном обращении судьи к своим должностным требованиям) [8, с. 4].

В рамках субъективных причин судебных ошибок выделяют: неумение правильно организовать свою работу; низкий уровень исполнительской дисциплины судей; недобросовестность, поверхностное, небрежное и формальное отношение судей к осуществлению своих полномочий; невнимательное, несвоевременное и не всестороннее изучение или рассмотрение дел и оформление процессуальных документов; недостаточно высокий уровень подготовки и образования судей; недостаточное и слабое знание норм материального и процессуального права игнорирование разъяснений высших судебных органов страны по применению законодательства; инерция старых взглядов и подходов судей при осуществлении ими судебной деятельности в условиях обновленного законодательства; приобретение судьей свойства «профессиональной беспристрастности»; пристрастность судей; влияние на судью «эффекта психической установки», субъективные взгляды, симпатии и антипатии судьи и др. [6, с. 9-10].

Объективные ошибки это те, у которых первопричиной являются объективные факторы и возникновение которых невозможно предупредить даже при самом добросовестном обращении судьи к своим должностным требованиям: – ложь и сокрытие участниками гражданского процесса

необходимых фактов от суда; – существование пробелов в законодательстве или наличие пробелов в нем [8, с. 4].

Среди наиболее распространённых причин совершения судебных ошибок в литературе отмечается сложность находящихся в производстве судьи дел. Чрезмерная загруженность судебными делами также может впоследствии негативно сказаться на качестве рассмотрения дел [17, с. 28].

Так, анализ научной литературы показывает такие базовые условия (объективные причины), которые способствуют совершению судебных ошибок, как:

– казуистичность и декларативность некоторых норм права. Большое количество оговорок, исключений в нормативно-правовых актах влияют на правильность правоприменительной деятельности.

– низкое качество законодательной техники: двусмысленность, неясность формулировок, обозначение одинаковыми терминами различных явлений, большое количество оценочных понятий способствуют совершению судебных ошибок;

– несогласованность, противоречивость федерального законодательства и субъектов Российской Федерации; коллизии в праве приводят к вынужденным ошибкам правоприменительной деятельности;

– недолжное внимание на юридическую грамотность при принятии решений при апелляционном и кассационном надзорном производстве;

– низкий уровень правового воспитания и правовой культуры правоприменителей.

– плохой морально-психологический климат в коллективе [12, с. 3-4].

Н.А. Батурина в своей диссертации «Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве» доказывает, что не все судебные ошибки в гражданском судопроизводстве могут быть устранены. На этом основании аргументируется деление судебных ошибок на устранимые и неустранимые. Анализ

гражданского процессуального законодательства РФ позволяет отнести к числу неустранимых судебных ошибок ошибки, допущенные Президиумом Верховного Суда РФ. Однако в судебной практике ошибки, допущенные Президиумом Верховного Суда РФ, устраняются самим Президиумом Верховного Суда РФ [7, с. 220-226].

Особого внимания заслуживает позиция К.Р. Мурсалимова, который, рассматривая вопрос о причинах правоприменительных ошибок, пришел к выводу о том, что истоки правоприменительных ошибок, в основной массе, следует искать в дефектах сознания правоприменителя, его профессиональной подготовки, нравственном уровне, т.е. в дефектах личности, сфере субъективной (психологической) сфере.

По моему мнению, все причины правоприменительных ошибок сводятся к единому - заблуждению правоприменителя, которое возникает в силу двух непосредственных причин: недобросовестного отношения к выполнению служебных обязанностей и объективных обстоятельств, обуславливающих добросовестное заблуждение правоприменителя.

Особое внимание следует уделить второй причине правоприменительных ошибок - объективным обстоятельствам, порождающим правоприменительную ошибку.

К.Р. Мурсалимов считает, что заблуждение правоприменителя, обусловленное объективными обстоятельствами, встречается крайне редко и возникает лишь в тех случаях, когда лицо, применяющее право в силу факторов, независящих от него, которых оно не должно было предвидеть, не имело возможности вынести правильного решения. К причинам добросовестного заблуждения правоприменителя, в частности, он относит ошибку другого субъекта правоприменения (а равно и участника правоприменительного процесса), либо умышленное введение в заблуждение указанными лицами [18, с. 86-87].

Г.А. Жилин отмечает, что судебная ошибка по гражданскому делу есть не что иное, как несовпадение результата процессуальной деятельности суда с целевыми установками судопроизводства, закрепленными в нормах гражданского процессуального права [13, с. 51].

Считаю, что это происходит при наличии субъективных и объективных причин. Говоря о первой причине, речь идет прежде всего о профессиональной квалификации и правовой грамотности судьи, от ряда психологических факторов, эмоционального настроения вершителя правосудия. Второй спектр причин включает в себя как результат вынесение незаконного судебного акта – неправильное применение норм материального и процессуального права. Подобного рода ошибки допускаются зачастую судами первой и апелляционной инстанций.

И.С. Ерёмина считает, что не менее важной, но, как ни странно, почти не обсуждаемой в научных кругах является проблема поддержания профессионального уровня квалификации действующих судей как одной из причин судебных ошибок. Закрепленное в ст. 20.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» право на повышение квалификации не реже одного раза в три года в учреждениях высшего профессионального и послевузовского профессионального образования, нуждается в определенной доработке. Возникает закономерный вопрос о сроках подготовки (в Законе они просто оговорено «не может превышать шесть месяцев»), а во-вторых, периодичность обучения явно не соответствует потребностям [12, с. 10-11].

А.М. Ондар среди причин и условий совершения судебных ошибок выделяет следующие:

Первой причиной является недостаточная подготовка и несоответствие квалификации судьи делу. Гражданское судопроизводство крайне разнообразно и требует от судьи глубоких знаний в различных областях права. Однако, часто случается, что судьи недооценивают сложность дела или не имеют достаточной

квалификации и понимания судебных норм. Это может привести к неправильной интерпретации закона и вынесению ошибочных решений.

Второй причиной судебных ошибок является человеческий фактор. Судейский состав, как и любой другой, подвержен ошибкам и преодолению собственных предубеждений. Нередко влияние эмоций и субъективное отношение судьи к сторонам дела могут исказить его восприятие и принятие обоснованных решений. Также, усталость, нехватка времени на изучение материалов и влияние социального и политического окружения могут стать причиной судебных ошибок.

Третья причина заключается в проблемах с доказательствами и пояснительными материалами. В гражданском судопроизводстве часто возникают сложности с получением однозначных и достоверных доказательств, что может привести к неправильной оценке обстоятельств дела.

Четвертой причиной судебных ошибок является неправильное применение норм права. Некорректное толкование или пропуск важных юридических терминов и понятий может привести к ошибкам в рассудительности суда [20, с. 231-235].

Многообразие причин, способствующих совершению судебной ошибки, обусловлено возможностью их допущения на любом из уровней судебной системы.

Считаю, что возможны такие причины судебных ошибок, как нарушение принципов судопроизводства, закрепленные в статье 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) о реализации правосудия на основе принципов состязательности и равноправия сторон в ходе судебного разбирательства; невыполнение судом своих функций, предусмотренных ч. 2 статьи 56 ГПК РФ и ч. 1 статьи 57 ГПК РФ; отклонение от принципа единообразия в правоприменении; использование судом нормы, не соответствующей Конституции Российской Федерации.

Какие выводы?

Подводя итог по вопросу исследования судебных ошибок, следует сказать, что на данный момент уже очень много сделано для устранения причин судебных ошибок, так успешно функционирует государственная система «ГАС Правосудие», которая отчасти решает проблему чрезмерной загруженности судей (одной из основных причин судебных ошибок), путем распределения гражданских, административных и иных дел между судьями исходя только из количества находящихся в производстве дел у каждого судьи. Да, она требует доработки, например, в части добавления критерия «сложности дел» при распределении последних, но без такой система проблема загруженности судей была бы намного острее, чем сейчас.

Также для разрешения такой причины судебных ошибок, как коллизии в праве, оговорки и исключения, которые усложняют понимание судьями правильного разрешения дела, тоже ведется работа, прежде всего через разъяснения Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также, с помощью Обзоров судебных практик, которые показательны, на примерах, дают возможность судьям анализировать как использовать те или иные оговорки, решать коллизии в праве. В подтверждение этому использование в данной работе Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, использование судами в приведенной в исследовании судебной практики также Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Тем не менее, исходя из Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году, за 2023 год только в судах апелляционной инстанции **отменены или изменены** в связи с судебными ошибками в суде первой инстанции более 12,7тыс дел, что хоть и составляет небольшой процент от общего числа окончанных производств по **892,1 тыс.** апелляционных жалоб и представлений, но даже небольшой процент это уже могли бы быть 12,7тыс лиц, неправомерно лишенных законных прав и

интересов, которые, уверен, оказали огромное влияние на их дальнейшую жизнедеятельность.

В судах кассационных инстанций этот процент намного больше и составляет **17,1 % (это 41 тыс. дел)**, от **239,8 тыс.** рассмотренных кассационных дел **по жалобам и представлениям на решения нижестоящих судов**, что говорит об особой сложности выявления судебных ошибок, поскольку они в большинстве своем выявляются в судах кассационных инстанций.

Таким образом, изучив судебную статистику, а также судебную практику в части выявления причин судебных ошибок, можно сказать, что они есть и будут всегда, ровно как и их причины. Анализ таких причин не менее важен, как и принятие мер к их устранению. Зная корень такого явления, появляются механизмы работы над их ликвидацией, что способствует уменьшению и устранению судебных ошибок впоследствии, автоматически повышая качество самого правосудия.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.05.2024).
2. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7523.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам от 07 сентября 2023 года № 2-1-295/2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://clck.ru/3DWVDM> (дата обращения: 25.09.2024)
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 года № 88-2380/2021. // Официальный интернет-портал правовой

информации. – URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=37
(дата обращения: 25.09.2024)

5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. // Официальный интернет-портал правовой информации.
URL:http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/Obzor__sudebnoy_s_tatistiki_SOYU_2023.pdf (дата обращения: 25.09.2024).

6. Алиева, А. Б. Основные материально-процессуальные ошибки судов при вынесении судебных постановлений по гражданским делам / А. Б. Алиева // Развитие судебной системы в Дагестане: История и современность. Сборник научных трудов Республиканской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Верховного Суда Республики Дагестан, Махачкала, 27 апреля 2023 года / Под редакцией Ш.М. Рашидова. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2023. – С. 45-49.

7. Батурина, Н.А. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве / Н.А. Батурина. — Саратов, 2020. — 23 с.

8. Благинина, Ю. Н. Общая характеристика судебной ошибки: понятие, признаки и виды / Ю. Н. Благинина // Научное образование. – 2022. – № 2(15). – С. 220-226.

9. Волков, А. Р. Понятие, виды и причины судебных ошибок в гражданском процессе; Проблемы формирования правового социального государства в современной России. / А. Р. Волков, Е. Л. Шабалина // Материалы XIX всероссийской национальной научно-практической конференции, Новосибирск, 01–02 декабря 2023 года. – Новосибирск: ИЦ НГАУ "Золотой колос", 2023. – С. 259-261.

10. Грицанов, А.С. Кассационное производство в советском гражданском процессе. /А.С. Грицанов. — Томск, 1980. — С. 128-137.

11. Ерёмина, И.С., Карева А.А. Причины и условия совершения судебных ошибок (теоретический аспект) / И.С. Еремина, А.А. Карева // Современная научная мысль. —2013. —№3. — С. 12-15.

12. Еремина, И. С. Судебная ошибка как социально-правовое явление: пути преодоления. / И. С. Еремина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 321-328.

13. Жилин, Г.А. Целевые установки гражданского судопроизводства и проблема судебной ошибки / Г.А. Жилин// Государство и право.— 2021. — С.107.

14. Зайцев, И.М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе: диссертация ... доктора юридических наук. / Зайцев Игорь Михайлович; Саратовская государственная юридическая академия. — 1986. — 66 с.

15. Колмаков, Н. Теория единого и одного основания для отмены решения по существу решения. / Н. Колмаков // ТАСС. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/29/teoriya_edinogo_i_odnogo_osnovaniya_dlya_otmeny_resheniya_po_suschestvu_resheniya_paradigma_russkog (дата обращения: 27.05.2024).

16. Красильников, Б.В. Судебная ошибка по гражданскому делу как следствие несовершенства материального и процессуального законодательства; диссертация ... кандидата юридических наук. / Красильникова Бориса Викторовича. — М., 2015. — 97 с.

17. Масликов, Д. М. Понятие гражданской ошибки в судебном процессе / Д. М. Масликов // Державинский форум. – 2021. – № 6. – 28 с.

18. Мурсалимов, К.Р. Правоприменительные ошибки; диссертация ... кандидата юридических наук. / Мурсалимов Камиль Рамилевич. —2020. — 86с.

19. Новикова, Э. А. Понятие и классификация судебных ошибок в гражданском судопроизводстве / Э. А. Новикова // Инновационный потенциал

развития науки в современном мире: достижения и инновации: Сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Уфа, 22 октября 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", —2021. – С. 69-72.

20. Ондар, А. М. Понятие и виды судебных ошибок в гражданском судопроизводстве / А. М. Ондар // Молодой ученый. — 2023. — № 46 (493). — С. 262-264.

Корякова Екатерина Александровна

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия

Россия, Челябинск

e_koryakova@mail.ru

Koryakova Ekaterina

Ural Branch of the Russian State University of Justice

Russia, Chelyabinsk

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДОКАЗЫВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в данной статье рассматривается соответствующий раздел Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, посвященный институту доказательств и доказывания. Проведен анализ института «недопустимых доказательств» в результате изучения действующего российского и зарубежного законодательства, выявлены основные проблемы, предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: институт доказательств и доказывания, единый гражданский процессуальный кодекс, недопустимые судебные доказательства, виды доказательств, гражданское процессуальное право, арбитражное процессуальное право.

ON SOME PROBLEMS OF PROOF AND EVIDENCE IN THE CONCEPT OF THE UNIFIED CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: this article discusses the relevant section of the Concept of the Unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation, dedicated to the institute of evidence and proof. The analysis of the institute of "inadmissible evidence" was

carried out as a result of studying the current Russian and foreign legislation, the main problems were identified, and ways to resolve them were proposed.

Key words: institute of evidence and evidence, unified Code of civil procedure, inadmissible judicial evidence, types of evidence, civil procedural law, arbitration procedural law.

Гражданский процесс во все исторические периоды являлся важной сферой общественной жизни народа. Его истоками является Кодекс Хаммурапи, Законы XII таблиц, где особое внимание уделялось не материальному праву, а судопроизводству. Со временем процессуальное законодательство регулярно пересматривалось и изменялось для соответствия современным требованиям. Значимым этапом в реформировании гражданского судопроизводства являлось принятие в 2002 году Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), но, как оказалось, это был далеко не завершающий этап.

Законом РФ о поправке Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» была изменена норма Конституции РФ, регулирующая виды судопроизводства. Наряду с конституционным, гражданским, административным и уголовным судопроизводством было закреплено в качестве самостоятельного арбитражное судопроизводство. В настоящее время разработана Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - Концепция). Основной целью данной Концепции является обеспечение справедливого и доступного правосудия, осуществление правосудия независимыми судьями в разумные сроки в соответствии с процессуальными нормами.

В 2014 году Концепция была одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному

законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ, и вот уже на протяжении десяти лет, ученые и практикующие юристы не разделяют свое мнение о целесообразности объединения ГПК РФ и АПК РФ в единый кодекс.

Профессор кафедры судебной власти факультета права НИУ ВШЭ Малешин Д.Я. считает: «разработка единого проекта ГПК РФ показала минусы российского нормотворческого процесса, когда решение о принятии того или иного акта абсолютно не связано с реальной жизненной потребностью в нем, может быть продиктовано целями, не имеющими ничего общего с необходимостью совершенствования действующего законодательства» [1]. По мнению Слепова В.В., Шарапова Р.А., Фадеева А.В.: «с принятием Кодекса будут устранены противоречия между арбитражным и гражданским процессом, а также будут установлены новые правила разрешения спорных правовых вопросов и учтены международные обязательства России и практика международных судов» [2]. Неоднозначное мнение складывается и при рассмотрении норм, содержащихся в Концепции, регулирующих доказательство и процесс доказывания.

Необходимо обратить внимание на формулировку списка доказательств, поскольку данное положение регулируется по-разному в соответствии с нормами ГПК РФ и АПК РФ. Так, в пункте 2 части 1 статьи 55 ГПК РФ предоставляется исчерпывающий перечень доказательств, тогда как часть 2 статьи 64 АПК РФ содержит выражение "иные документы и материалы", указывающее на открытый перечень средств доказывания. Авторы Концепции склоняются к необходимости закрепить исчерпывающий перечень, аргументируя это тем, что «при введении в законодательство неисчерпывающего перечня доказательств происходит размывание видов доказательств».

В монографии «Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе» Боннер А.Т. акцентирует внимание на

том, что «советское и российское процессуальное законодательство исходило и исходит из необходимости закрепления закрытых перечней средств доказывания» [3].

М.А. Фокина отмечает необходимость закрепления в процессуальных нормах открытого перечня средств доказывания. Она считает, что формулирование исчерпывающего перечня средств доказывания представляет определенные трудности. По мнению Фокиной, развитие современных источников информации происходит слишком быстро [4].

Вторым дискуссионным вопросом является официальное закрепление понятия «недопустимые доказательства». В Концепции содержится более пяти причин, по которым доказательства будут считаться как недопустимые. Например: «в связи с участием в процессуальном действии лица, подлежащего отводу», «с использованием заблуждения лица, участвующего в деле, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие не разъяснения, неполного или неправильного их разъяснения этому лицу», «с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям» и другие. На наш взгляд, законодателю было бы достаточно использовать формулировку «полученные с нарушением закона», таким образом, удалось бы избежать загромождения единого ГПК РФ. При этом, авторы Концепции предоставили обширный список недопустимых доказательств, требующих дополнительных пояснений. Например, они предлагают считать недопустимыми доказательства, полученные с использованием методов доказывания, несовместимых с современными научными знаниями, в связи с этим, возникают вопросы о том, что точно является современными научными знаниями, а что нет.

Значимый шаг в закреплении понятия «недопустимые доказательства» в российском законодательстве был сделан при принятии Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) в 2015 году. Статья 61 КАС РФ РФ аналогично английскому

законодательству, указывает термин «недопустимые доказательства», но через исключение доказательств ввиду их недопустимости, таким образом, исключая само понятие «недопустимые».

К.Б. Рыжков отмечает, что критерии допустимости доказательств является объективным и не может оцениваться судьей по своему внутреннему убеждению [5, с. 168]. При анализе понятий и проблем допустимости доказательств в английском гражданском процессе, С.Л. Будылин отмечает, что основной принцип допустимости не закреплен законодательно. Допустимыми считаются все доказательства, способствующие установлению фактов, в то время как недопустимыми считаются те, которые могут привести к существенным ошибкам при их установлении [6].

В разрешение данной проблемы считаю целесообразным дополнить нормы ГПК РФ и АПК РФ и КАС РФ официальным понятием «недопустимые доказательства». А также дополнить имеющиеся редакции ст. 60 ГПК РФ и ст. 68 АПК РФ понятием допустимого доказательства как полученного с соблюдением всех требований законодательства.

Список литературы:

1. Малешин Д.Я. Смерть «единого ГПК» [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.hse.ru/news/180130381.html>.
2. Слепова В.В., Шарапова Р.А, Фадеев А.В. Достоинства и недостатки концепции единого гражданского процессуального кодекса [Электронный ресурс]//URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstva-i-nedostatki-kontseptsii-edinogo-grazhdanskogo-protsessualnogo-kodeksa>.
3. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Проспект, – 2015. – 611 с.
4. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. – М., 2010. 612 с.

5. Рыжков К.Б. «Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе». Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2011, 27 с.

6. Будылин С. Л. Допустимость доказательств в английском гражданском процессе. [Электронный ресурс] // Юридический институт «М-Логос».

Курячая Юлия Дмитриевна
Малолеткова Екатерина Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
kuryachaya02@gmail.com
maloletkova.2003@mail.ru
Kuryachaya Julia
Maloletkova Ekaterina
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы процедуры медиации, как способа урегулирования спора в административном судопроизводстве. Анализируется статистика применения медиации при урегулировании административных споров, а также положительные и отрицательные аспекты применения медиации в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: законодательство, административное судопроизводство, медиация, спор, разрешение спора.

INSTITUTE OF MEDIATION IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Annotation: this article discusses the issues of mediation procedure as a way to resolve a dispute in administrative proceedings. The article analyzes the statistics of

the use of mediation in the settlement of administrative disputes, as well as the positive and negative aspects of the use of mediation in administrative proceedings.

Key words: legislation, administrative proceedings, mediation, dispute, dispute resolution.

На современном этапе среди ученых и специалистов, занимающихся изучением административного судопроизводства, уделяется особое внимание вопросам применения процедуры медиации при разрешении административно-публичных споров. Достаточно большое количество вопросов, связанных с проблемами применения данного института на практике, а также тенденциями его развития вызывают многочисленные споры и дискуссии. Уникальность и одновременно непопулярность процедуры медиации и возникающие на этой основе дискуссии являются обоснованием актуальности данной темы на современном этапе развития административного судопроизводства.

Процесс появления медиации в отечественном законодательстве берет свое начало с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2], где были установлены правовые условия применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием медиатора.

Альтернативный способ разрешения споров появился в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) только лишь в 2019 году и нашел свое закрепление в статье 137.5 КАС РФ, которая гласит, в соответствии с которой стороны вправе урегулировать спор путем применения процедуры медиации в порядке, установленном законодательством. Вместе с тем, в отличие от гражданского судопроизводства, в КАС РФ предусмотрены исключения по ряду категорий административных дел, по которым медиация не допускается. Например, административные дела об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части; об

оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами; о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации и др. [1].

Согласно отчету о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел, возникающих из гражданских и административных правоотношений в суде первой инстанции, размещенном на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде, за 2023 год рассмотрено 205 экономических споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, среди которых 137 разрешено с участием посредника, в том числе медиатора [3].

Из более чем 2 миллионов административных споров, которые были рассмотрены судами общей юрисдикции в качестве первой инстанции за 2023 год, только 8 были урегулированы путем проведения процедуры медиации, судебного примирения [4].

Таким образом, доля дел, по которым участники административного спора воспользовались процедурой медиации и заключили соответствующее соглашение, ничтожна мала, что говорит о явной непопулярности рассматриваемого института в Российской Федерации.

Непопулярность связана с таким фактором, препятствующим распространению медиации, как отсутствие доверия к медиатору. У незнакомого сторонам медиатора, олицетворяющего для сторон незнакомую им процедуру медиации, отсутствует кредит доверия, а без него медиацию невозможно даже начать [6].

В свою очередь, недоверие, на наш взгляд, связано с низким уровнем информирования и просвещения непосредственных участников спора о возможности заключить медиативное соглашение. Как правило, судебные органы, юрисконсульты ограничиваются простым упоминанием о праве на альтернативное урегулирование конфликта и не разъясняют его суть, содержание, преимущества и недостатки.

Также на нераспространенность медиации влияет тот факт, что отношения в административной сфере предполагают юридическое неравенство сторон. Один субъект правоотношений наделен властными полномочиями, а другой ими не обладает и должен подчиняться властным предписаниям, то есть существуют отношения формата «власти-подчинения». В связи с этим многие субъекты спора, считают, что они находятся в заведомо слабом, проигрышном положении и мирно урегулировать спор не получится.

Таким образом, многие граждане, которые желают урегулировать возникший административно-правовой спор, предпочитают обращение в суд нежели к медиатору по следующим причинам: 1) граждане считают суд неким гарантом определенного и желаемого для них результата; 2) у граждан отсутствует уверенность в результативности деятельности медиатора; 3) у граждан отсутствует достаточная информация о существовании такой примирительной процедуры.

С другой стороны, несомненным плюсом медиации является довольно быстрое урегулирование конфликта, поскольку отсутствует необходимость в собирании доказательств, привлечении свидетелей, назначении экспертизы и т.п. При проведении процедуры медиации не может быть третьих лиц, заявляющих или не заявляющих самостоятельные требования. Все субъекты, чьи права затронуты спорным правоотношением, могут принимать участие в урегулировании споров посредством медиации как полноценные и равноправные участники переговорного процесса. При этом медиатор не является субъектом спорного правоотношения. Он выступает в качестве посредника, с помощью которого стороны на самостоятельной и добровольной основе принимают решение [5, с. 11].

Медиация имеет некоторые преимущества в сравнении с судебным порядком разрешения спора. Например, это относительно бюджетная процедура, поскольку не влечет за собой обязанность несения судебных расходов. Также при медиации появляется вероятность сохранения

доброжелательных взаимоотношений между сторонами, нежели чем при вынесении судебного решения, удовлетворяющего требования лишь одной стороны [7, с. 12].

В современном правовом поле положение процедуры медиации в рамках судебного разбирательства остается шатким и неопределенным, имеются как положительные, так и отрицательные моменты.

Преодоление вышеуказанных недостатков может быть реализовано главным образом, с помощью всеобъемлющего правового информирования и просвещения участников административного судопроизводства, в том числе о личности медиатора, о его квалификации, практической деятельности, деловой репутации, о всех возможностях этой процедуры с целью формирования доверительного отношения к образу медиатора и процедуре в целом [5].

Таким образом, медиация в административном судопроизводстве представляет собой сравнительно новый правовой институт, который на практике еще не получил широкого распространения. Вместе с тем на сегодняшний день это безусловно перспективный вид мирного урегулирования споров, который нуждается в более глубокой проработке как с точки зрения законодательства, так и с точки зрения организации воздействия на общественное правосознание.

Список литературы:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации/ Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) //Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391

2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ: (последняя редакция) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2024 г.).

3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел их гражданских и административных правоотношений по первой инстанции // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687> (дата обращения: 22.09.2024 г.)

4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 22.09.2024 г.)

5. Аболонин, В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 22.09.2024 г.).

6. Балакин, Ю. Н. Востребованность примирительных процедур: взгляд профессиональных представителей / Ю. Н. Балакин // Третейский суд. – 2019. – № 1/2 (117/118). – С. 271-277.

7. Ситько, Н. Г. Институт медиации в современной России // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. – 2016. – С. 11-15.

Матчонова Оксана Алишеровна
Федотов Владислав Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
ox.2002oks@yandex.ru
vladfedotov2002@mail.ru
Matchonova Oksana
Fedotov Vladislav
Saratov State Law Academy
Institute of Public prosecutor's Office
Russia, Saratov

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В
ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Аннотация: в данной статье представлен сравнительный анализ положений действующего законодательства, регулирующего вопросы проведения судебной экспертизы в рамках гражданского и административного судопроизводства. В ходе анализа авторами были затронуты вопросы расширения прав лиц, участвующих в деле, при определении вопросов для эксперта; вопросы проведения комплексной экспертизы и т.д., проанализированы позиции высших судебных инстанций. По результатам исследования правовых норм авторами был сделан вывод о необходимости приведения норм к единообразию, что позволит избежать ошибок в правоприменительной практике.

Ключевые слова: судебная экспертиза, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, доказательства, эксперт.

LEGAL REGULATION OF FORENSIC EXAMINATION IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation: this article presents a comparative analysis of the provisions of the current legislation governing the conduct of forensic examination in the framework of civil and administrative proceedings. During the analysis, the authors raised issues of expanding the rights of persons involved in the case when determining issues for an expert; issues of conducting a comprehensive examination, etc., analyzed the positions of the supreme courts. Based on the results of the study of legal norms, the authors concluded that it is necessary to bring the norms to uniformity, which will avoid mistakes in law enforcement practice.

Key words: forensic examination, administrative proceedings, civil proceedings, evidence, expert.

Судебная экспертиза – одна из форм использования специальных знаний в процессуальной деятельности. С ее помощью получают новые доказательства (заключение эксперта) и проверяют старые [1, с. 649]. Учитывая, что данный процессуальный институт получил свое закрепление и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), не вызывает сомнений, что проведение судебной экспертизы для установления искомых фактов по делу не должно нарушать конституционные права и свободы и полностью соответствовать задачам административного судопроизводства (ст. 3 КАС РФ [2]). Это обуславливает пристальное внимание юридического сообщества к вопросу о том, насколько полноценно правовое регулирование проведения экспертизы по административному делу в сравнение с другими видами судопроизводства (в первую очередь, гражданским) [3, с. 5].

Несмотря на то, что в КАС РФ, как и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [4], отсутствует специально

выделенная глава и предусмотрены лишь отдельные статьи, определяющие порядок проведения судебной экспертизы в данном судопроизводстве (ст. ст. 77-83 КАС РФ) и использование ее результатов в ходе судебного разбирательства (ст. 168 КАС РФ), тем не менее, требуется более подробное изучение различий в нормативном регулировании и практике применения судебной экспертизы, в том числе, на результатах которой суд будет основывать свое решение по делу (п.п. 2-3 ч.4 ст. 180 КАС РФ).

Законность и обоснованность экспертного заключения как доказательства по делу начинают формироваться уже на этапе назначения экспертизы (в виде обсуждения вопросов для эксперта со сторонами и принятия соответствующего определения), соответственно, в целях полноты и всесторонности будут рассмотрены отличительные особенности всех этапов назначения и производства экспертизы. Выявление различий при проведении экспертиз в гражданском и административном судопроизводствах также позволит в дальнейшем разработать практикоориентированные рекомендации, направленные на усовершенствование института судебной экспертизы в административном судопроизводстве.

В связи с тем, что КАС РФ является сравнительно молодым кодексом (принят в 2015 году), не вызывает удивления отсутствие отдельного постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) по вопросам, посвященным экспертизе в административном судопроизводстве. В этом плане практика применения норм ГПК РФ, регламентирующих порядок назначения и производства судебной экспертизы, уже устоялась, о чем свидетельствуют разъяснения ВС РФ, изложенные в действующем «Обзоре судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам» [5].

Одно из значимых отличий правовой регламентации производства судебной экспертизы по административному делу содержится в ч. 4 ст. 77 КАС

РФ, в которой были расширены права лиц, участвующих в деле, при определении вопросов для эксперта. В частности, при формулировании необходимых вопросов они вправе не только предлагать суду свои формулировки вопросов, но и ходатайствовать о внесении в определение суда дополнительных вопросов, которые необходимо поставить перед экспертом (п. 4 ч. 4 ст. 77 КАС РФ). В ГПК РФ в этой части содержится более лаконичное указание на то, что стороны и другие участники процесса могут предлагать суду свои вопросы для эксперта. Нельзя категорично утверждать, что выявленное отличие в регламентации прав участников судопроизводства свидетельствует об их ограничении. Возможность после ознакомления с определением суда о назначении экспертизы просить внести дополнительные вопросы эксперту вытекает и является логическим развитием права лиц, участвующих в деле, предлагать суду свои вопросы для их постановки в соответствующем определении. Тем не менее, законодателю следовало бы для унификации всех видов судопроизводств внести идентичную норму и в ГПК РФ, которая буквально позволяла бы участникам направлять ходатайства о включении дополнительных вопросов в определение о назначении экспертизы после ознакомления с ним.

Далее заслуживает внимания императивная норма ч. 2 ст. 80 КАС РФ, в соответствии с которой в случае возникновения противоречий эксперт, несогласный с мнением другого эксперта или других экспертов, «дает» отдельное заключение по всем вопросам или по отдельным вопросам, вызвавшим разногласия. Напротив, ч. 2 ст. 80 ГПК РФ предоставляет в аналогичной ситуации свободу эксперту: он «вправе» дать отдельное заключение, которое по своим выводам отличается от заключений других экспертов. Затруднительно объяснить причины, по которым законодатель требует от эксперта в случае несогласия с выводами своих коллег в рамках производства комиссионной экспертизы по гражданскому делу всегда составлять отдельное заключение.

Кроме этого, в КАС РФ не предусмотрено получение образцов почерка для сравнительного исследования документа и подписи на документе (ст. 81 ГПК РФ). Оспаривать принадлежность подписи на письменном документе конкретному лицу можно и в административно деле, а вот брать образцы почерка, с помощью которого определяется оригинальность документа, КАС РФ прямо не позволяет.

Положения ч. 2 ст. 81 ГПК РФ и ч. 2 ст. 81 КАС РФ указывают на то, что при проведении комплексной экспертизы участвуют несколько экспертов. Это логично, так как полностью отвечает природе комплексной экспертизы, при которой необходимо применение знаний из нескольких областей. Казалось бы, недопустима ситуация, когда суд поручает провести комплексную экспертизу одному сведущему лицу. Однако именно количество этих областей определяет комплексный характер экспертизы, а не число задействованных в ее проведении экспертов. Например, по делу была назначена комплексная экспертиза, однако исследование проведено одним экспертом, им же дано заключение по делу, суды посчитали, что подобное нарушает нормы УПК РФ, но ВС РФ высказался однозначно: составные части комплексного исследования должны проводится лицами, имеющими специальные знания в соответствующих областях, и в тех случаях, когда комплексная экспертиза проведена одним лицом, последний должен обладать необходимыми знаниями во всех задействованных областях [6]. Тем самым, на уровне правовой позиции ВС РФ признана возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом, чья квалификация и компетентность обязательно должны быть подтверждены материалами дела. Приведенная судебная практика относится к уголовным делам, вместе с тем, в этой части правовая регламентация комплексной экспертизы в УПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ идентична, поэтому данную позицию ВС РФ можно использовать и в административном судопроизводстве.

В ст. 82 КАС РФ более подробно раскрывается содержание заключение эксперта, в отличие от ч. 2 ст. 86 ГПК РФ, где ему посвящено не так много норм. Как и любое доказательство, заключение эксперта, помимо прочего, должно быть допустимым и соответствовать процессуальному закону. Иными словами, заключение строго должно содержать в себе все, что перечислено в ч. 2 ст. 82 КАС РФ. Безусловно, не менее высокие требования предъявляются к экспертному заключению по гражданскому делу, однако с формальной точки зрения его содержание в ст. 86 ГПК РФ не так детально структурировано. Это значит, что в административном судопроизводстве, во-первых, эксперту сложнее надлежащим образом составить свое заключение, предусмотрев в нем все пункты, указанные в ч. 2 ст. 82 КАС РФ. Во-вторых, стороне, для правовой позиции которой сделанные экспертом выводы нежелательны, гораздо легче найти в этом документе процессуальный изъян и добиться признания его недопустимым доказательством. Все изложенное надо иметь в виду, поскольку подача частной жалобы на определение суда о назначении экспертизы ни ГПК РФ, ни КАС РФ не предусмотрена.

Таким образом, при детальном рассмотрении процессуальной формы судебной экспертизы в гражданском и административном судопроизводстве выявляются достаточно существенные различия в части проведения и закрепления ее результатов. Безусловно, законодательным органам целесообразно привести в единообразие нормы КАС РФ и ГПК РФ, регламентирующие производство судебной экспертизы по соответствующим делам. Тем самым, будет как реализовываться принцип унификации процессуального законодательства [7, с. 100], так и формироваться благоприятные условия для правоприменителей соответствующих положений КАС РФ и ГПК РФ.

Список литературы:

1. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник. М.: Норма. - 2008. С. 649.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации Федеральный закон Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с изм. и доп. от. 08.08.2024, № 255-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391; 2024. № 33 (Часть I), ст. 4951.
3. Антонян А. К. Экспертиза в производстве по делам об административных правонарушениях и административном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ // Актуальные вопросы административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях: Материалы Региональной научно-практической студенческой конференции, Пермь, 26 ноября 2019 года / Под научной редакцией А.С. Телегина, О.А. Ивановой, Н.В. Тиуновой. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 4–7.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 138-ФЗ (с изм. и доп. от. 08.08.2024, № 255-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2024. № 33 (Часть I), ст. 4951.
5. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 3.
6. Кассационное определение ВС РФ от 16.11.2023 по делу № 5-УД23-93-А1 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=788205&caseid=BEE0C9F65F09EA15FF773D6A306D0E2C&mode=splus&rnd=MMVY7Q#jK5XPPUCNkPaGhJr> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Гук Павел Александрович. Экспертиза в административном судопроизводстве: понятие, виды, основания назначения // Юридическая техника. 2022. №16. С. 98–102.

Новикова Валерия Дмитриевна
Уральский филиал
Российский государственный университет правосудия
Россия, Челябинск
lernov94@mail.ru
Novikova Valeria
Ural branch
Russian State University of Justice
Russia, Chelyabinsk

ПОДПИСКА ЭКСПЕРТА

Аннотация: при разрешении судебных дел часто требуется заключение эксперта, обладающего специальными знаниями. Эксперты имеют права и обязанности согласно действующему законодательству и несут ответственность за заведомо ложные заключения. В научной статье автор выявляет противоречия в нормативных правовых актах, касающиеся последовательности отбора подписки и ее содержания. Автор предлагает два решения выявленных в нормативных правовых актах противоречий.

Ключевые слова: подписка эксперта, заведомо ложное заключение, заключение эксперта, эксперт, экспертная ошибка.

EXPERT SUBSCRIPTION

Annotation: when resolving court cases, an expert opinion with special knowledge is often required. Experts have rights and obligations under current legislation and are responsible for knowingly false conclusions. In the scientific article, the author identifies contradictions in regulatory legal acts concerning the sequence of subscription selection and its content. The author offers two solutions to the contradictions identified in the normative legal acts.

Key words: expert's subscription, knowingly false conclusion, expert's conclusion, expert, expert error.

Часто при разрешении и установления обстоятельств судебного дела требуется привлечение лица, обладающего специальными знаниями, которое подготовит Заключение эксперта. Эксперт, которому будет поручено проведение судебной экспертизы, обладает правами и обязанностями в соответствии с действующим законодательством, а также несет ответственность за дачу заведомо ложного заключения. Указание на ответственность за дачу заведомо ложного заключения имеется в соответствующих виду судебного разбирательства нормативных правовых актах: "Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (далее - АПК РФ), "Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (далее - ГПК РФ), "Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (далее – КАС РФ), "Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (далее – КоАП РФ).

В соответствии с ч. 5 ст. 55 АПК РФ [7], ч. 2 ст. 80 ГПК РФ [8], ч. 16 ст. 49 КАС РФ [9], ч. 3 ст. 25.9 КоАП РФ [6], эксперт несет ответственность за дачу заведомо ложного заключения. АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ предусматривают уголовную ответственность в соответствии со ст. 307 "Уголовного кодекса Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ [4] (далее – УК РФ), а КоАП РФ предусматривает административную ответственность в соответствии со ст. 17.9 КоАП РФ [6].

Также согласно ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" «В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены: предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской

Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения» [10].

В соответствии с ч. 23 Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия", заведомо ложные заключение или показание эксперта, в ходе досудебного производства (статья 307 УК РФ) заключаются, в частности, в таких умышленных действиях, неправильное отражение экспертом в заключении результатов проведенного исследования, а также в бездействии в тех случаях, когда, например, эксперт в ответах на поставленные им вопросы не сообщает (умалчивает) о существенных для дела обстоятельствах, о которых им известно или которые были установлены ими в ходе исследования [14].

В научных статьях определение заведомости характеризуется двумя основными признаками: лицо осознает намеренное искажение истинной информации, лицо осознает общественную опасность сообщения ложной информации в компетентные органы [19, с. 2]. То есть не всякая ошибка эксперта в рамках Заключения эксперта будет являться заведомо ложным заключением: должен быть умысел и осознание искажения. Данный факт необходимо четко осознавать, ведь заведомо ложное заключение не зависит от квалификации эксперта. Также при выполнении судебных экспертиз эксперт может заблуждаться в своих суждениях, допускать субъективные недоразумения, что приведет к экспертным ошибкам. При этом имеется ввиду добросовестное заблуждение, при котором эксперт был искренен в своих суждениях, не превышал своих полномочий и не имел умысла выдать ложное заключение. Необходимо разграничить экспертные ошибки и сознательные искажения в заключении эксперта, где эксперт может намеренно утаивать ключевые факты. Заведомо ложное заключение может включать умышленные ошибки в применении методов и искажения результатов экспертизы.

Также психологический аспект играет существенную роль, особенно когда эксперт не осознает ошибочности своих суждений или действий, создавая

иллюзию добросовестности. Это может случиться, если эксперт уверен в логической правильности своих мыслей, несмотря на возможные ошибки.

Ошибки в выводах эксперта не всегда связаны с допущенными экспертом погрешностями. При подделке или предоставлении поддельных данных начальные сведения могут быть ложными, что делает позицию эксперта об истинности недостоверной. В таких случаях говорить о чисто экспертной ошибке может быть некорректно, поскольку это может быть следствием неправомерных действий тех, кто заказал или предоставлял данные для экспертизы.

Предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения подтверждается отбором соответствующей подписки. При этом четкие требования к данной подписке отсутствуют.

В научных работах исследователями отмечается, что на законодательном уровне разработан и описан лишь алгоритм действий для государственных судебных учреждений, а для негосударственных экспертных учреждений имеется большое количество пробелов, которые требуют устранения [15, с. 15]. Действительно, не существует ни одного нормативного документа, в котором будет определена последовательность отбора подписки и ее содержание.

При этом отсутствие подписки исключает возможность привлечения эксперта к уголовной ответственности [15, с. 13].

Данную позицию подтверждает Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2022 N 69-КГ21-16-К7 [11], Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.11.2016 N 5-КГ16-155 [12].

Интересной представляется также позиция Верховного суда по отношению к наличию подписки об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение во внесудебных заключениях. Согласно Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.02.2017 N 18-КГ16-187 данное доказательство следует квалифицировать не как

заключение эксперта применительно к положениям статьи 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а как письменное доказательство, к которому предъявляются иные требования [13]. Таким образом, можно сделать вывод, что подписка эксперта необходима только при проведении судебной экспертизы, назначенной судом.

Исследователями отмечается противоречие нормативных правовых актов в части лица, отбирающего подписку [16, с. 47], порядка исполнения требований о разъяснении прав и ответственности за дачу заведомо ложного заключения сотрудникам государственных учреждений [17, с. 178], дате и тексте подписки [18, с. 81].

Несоответствие подписки о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения является самым серьезным нарушением нормативных правовых актов, регулирующих проведение судебных экспертиз. Важно правильно указать текст подписки, дату ее подписания.

Недостаточно разъяснения содержания ст. 307 УК РФ, имеется судебная практика, что такое разъяснение не признается судами в качестве предупреждения.

Также существует дискуссионный момент о том, как процессуально должна отбираться подписка. В большинстве случаев подпись эксперта ставится в день печати Заключения эксперта и его переплета, а не в день предупреждения.

На сегодняшний день привлечение экспертов к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 УК РФ носят единичный характер. Чему способствует также примечание к ст. 307 УК РФ о том, что эксперт освобождается от уголовной ответственности, если он добровольно в ходе досудебного производства или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данного им заключения [4].

Мной предлагается следующее решение выявленных в нормативных

правовых актах противоречий:

1) Изменить вид ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения в ч. 3 ст. 25.9 КоАП РФ с административной на уголовную. Предлагается следующая редакция: «Эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации».

2) Прикладывать к определению суда о назначении судебной экспертизы подписку об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, уже подписанную судьей в день вынесения вышеназванного определения, которую эксперт будет подписывать в день получения материалов дела для проведения судебной экспертизы. Форма подписки об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение в соответствии со ст. 307 УК РФ представлена в Приложении. Подписка аналогична Подписке эксперта об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение и отказ от дачи показаний, согласно Приложению 14 к Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 N 100 "Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)".

При этом возникает иная проблема в том, что материалы дела для проведения судебной экспертизы должен будет получать непосредственно сам эксперт, которому поручено проведение судебной экспертизы. Станет невозможным получение материалов дела по доверенности другими лицами. Однако, данная проблема представляется ничтожной в сравнении с возможными последствиями дачи заведомо ложного заключения эксперта.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-

портал правовой информации. – URL:
<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения:
19.11.2023).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. - № 238-239.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. – 1996. - № 23, 24, 25, 27.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. - № 113-115.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. - № 249.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. - № 256.

7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 137.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 220.

9. "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08 марта 2015 № 21-ФЗ // Российская газета. – 2015. № 49.

10. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" // Российская газета. - 2001. - № 106.

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2022 N 69-КГ21-16-К7 // СПС КонсультантПлюс. – URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=703411&ysclid=lupeh7f55x633792438#JoSsF9UAellYLGVs> (дата обращения: 07.04.2024).

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.11.2016 N 5-КГ16-155 // СПС КонсультантПлюс. – URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=486448&ysclid=lupejcf4f132416731#LOtsF9U8EMeoIXT> (дата обращения: 07.04.2024).

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.02.2017 N 18-КГ16-187 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=491696&ysclid=lupejygh3139070116#eB0tF9UgxiJfgSVN1> (дата обращения: 07.04.2024).

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия" // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/?ysclid=lupgks3k2f847053187 (дата обращения: 07.04.2024).

15. Вехарева, Т. В. Разъяснение прав и ответственности эксперта при производстве судебной экспертизы / Т. В. Вехарева // Вестник международного Института управления. – 2018. – № 2(147). – С. 12-15. – EDN URZXGS.

16. Землянский, Д. Ю. О некоторых противоречиях законодательных актов, существующих в Российской Федерации, которые регламентируют судебно-экспертную деятельность, или о том, кто должен предупреждать эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения / Д. Ю. Землянский, А. В. Нестеров // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы : Сборник статей / Под редакцией А.И. Авдеева, И.В. Власюка. Том Выпуск 21. – Хабаровск : Дальневосточный государственный медицинский университет, 2022. – С. 46-48. – EDN GDZZEZ.

17. Надоненко Ольга Николаевна ПОРЯДОК ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ О РАЗЪЯСНЕНИИ ПРАВ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДАЧУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОТРУДНИКАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ // Право и государство: теория и практика. 2020. №6 (186). – С. 178-180.

18. Малахов Александр Юрьевич, Польшгалова Оксана Анатольевна, Вульман Наталья Николаевна ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ,

ДОПУСКАЕМЫЕ ЭКСПЕРТАМИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ
ЭКСПЕРТИЗ // Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли. 2022.
№1 (2). – С. 73-83.

19. Пикин Иван Викторович К ВОПРОСУ О ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ
ПОКАЗАНИЯХ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА, СПЕЦИАЛИСТА ИЛИ
НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД // Научный вестник Крыма. 2021. №6 (35). – С.
1-9.

Приложения
ПОДПИСКА ЭКСПЕРТА

об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение

Я, нижеподписавшийся _____

(фамилия, имя, отчество, паспортные данные)

_____.

назначенный судом _____

(наименование суда)

по делу N _____

по иску _____

к _____

о _____

в качестве эксперта, даю настоящую подписку в том, что мне разъяснена ответственность за дачу заведомо ложного заключения по статье 307 УК РФ.

(личная подпись эксперта)

(дата)

Подписку взял судья _____

(фамилия, инициалы)

(дата)

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 004.81

Береснева Нина Андреевна
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
Россия, Иркутск
beresnyovanina@mail.ru
Beresneva Nina
East Siberian branch
Russian state University of Justice
Russia, Irkutsk

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация: в статье анализируется понятие «искусственный интеллект», а также особенности правового регулирования его применения в банковской сфере. Уделяется внимание рискам при применении искусственного интеллекта и делается вывод о необходимости формирования технологий, осуществляющих защиту данных от кибератак злоумышленников. В рамках проведенного исследования было установлено, что искусственный интеллект способствует радикальному изменению бизнес-моделей банков, осуществляет борьбу с финансовыми мошенничествами и может анализировать эмоции клиентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, банковская система, технологии, новации, финансы.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE BANKING SECTOR

Annotation: the article analyzes the concept of "artificial intelligence", as well as the peculiarities of legal regulation of its application in the banking sector. Attention is paid to the risks associated with the use of artificial intelligence and the conclusion is

made that it is necessary to form technologies that protect data from cyber attacks by intruders. As part of the study, it was found that artificial intelligence contributes to a radical change in banks' business models, combats financial fraud and can analyze customer emotions.

Key words: artificial intelligence, banking system, technologies, innovations, finance.

Нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации осуществляется Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», который разработан с целью обеспечения ускоренного развития информационных технологий на территории нашего государства, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для граждан (далее по тексту – Указа от 10 октября 2019 года № 490) [1]. Принятие и реализация Указа от 10 октября 2019 года № 490 позволяет сформировать развитую систему комплексного правового регулирования правоотношений, которые складываются по поводу совершенствования и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Необходимо отметить, что появление искусственного интеллекта способствовало не только нормативно-правовому регулированию данного явления, но и нормативно-техническому и разработке этического регулирования. Основными задачами регулирования искусственного интеллекта выступают формирование основ правового регулирования абсолютно новых правоотношений, складывающихся в робототехнике; определение юридических барьеров, которые затрудняют интеграцию и применение искусственного интеллекта; формирование национальной системы стандартизации и оценки соответствия в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Немалое значение в правовом регулировании искусственного интеллекта имеет Федеральный проект «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее по тексту – Проект) [2]. Основными направлениями реализации проекта являются повышение уровня обеспечения рынка России инновационными технологиями; разработка и совершенствование программного обеспечения; формирование комплексной системы правового регулирования в области искусственного интеллекта и повышение доступности качества данных.

Интересно то, что в рамках искусственного интеллекта разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который пока не имеет юридической силы, поскольку исполнение его пунктов – это право, а не обязанность. В настоящее время указанный Кодекс подписан такими компаниями как Сбер, Яндекс, Росбанк, МТС, Роспатент, всего к нему присоединились 247 российских компаний.

В.А. Игнатенко указывает: «Кодекс учитывает законодательство Российской Федерации, в том числе Конституцию Российской Федерации, иные нормативно-правовые акты, документы стратегического планирования, включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта, Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, Концепцию регулирования искусственного интеллекта и робототехники, а также ратифицированные Российской Федерацией международные договоры и соглашения, применимые к вопросам обеспечения прав и свобод граждан в контексте использования информационных технологий» [3, с. 20].

Кодекс этики искусственного интеллекта устанавливает такие важные положения как приоритет развития искусственного интеллекта в защите прав и свобод граждан; несение персональной ответственности за использование искусственного интеллекта; применение искусственного интеллекта только по назначению; соблюдение прозрачности применения искусственного интеллекта в той или иной сфере [6, с. 76].

Банковская сфера стала одной из первых сфер, в которой был внедрен искусственный интеллект. Технологии искусственного интеллекта являются серьезным механизмом, направленным на комплексную трансформацию банковской сферы Российской Федерации. Применение искусственного интеллекта способствует радикальному изменению бизнес-моделей банков, их корпоративной структуре, методов взаимодействия с клиентами и так далее. Банки многих государств, в том числе России, активно применяют искусственный интеллект с целью повышения качества работы с гражданами, изучения их потребностей, увеличения дохода, сокращения опционных расходов, укрепления на рынке.

Т.Н. Кочкин, проводя исследование внедрения искусственного интеллекта в деятельность банковской сферы, отметил положительный опыт ПАО «Сбербанк», где искусственный интеллект используется с целью оптимизации мест размещения терминалов, движения инкассаторов, улучшения операционной деятельности, улучшения взаимодействия с клиентами [5, с. 67].

Значение искусственного интеллекта в банковской сфере состоит в том, что он позволяет осуществлять борьбу с финансовыми мошенничествами (антифрод). Антифрод базируется на искусственно интеллекте и представляет собой автоматизированную систему, которая запрограммирована выявлять подозрительные операции, отклоняя их или блокируя. В настоящее время практически все банковские организации применяют антифрод. Следовательно, антифрод включает в себя механизм, направленный на предотвращение мошеннических действий посредством заданных алгоритмов, постоянно пополняемых.

Еще одной интересной разработкой на базе искусственного интеллекта является персонализация обслуживания и анализ эмоций клиента. Данная программа активно развивается Альфа-банком. Такая система позволяет установить, нравится или услуга/продукт клиенту. Суть такого программного обеспечения состоит в том, что оно распознает поведенческие паттерны в

транзакциях лица, совмещает его интересы к продуктам и сервисам банка в реальном времени.

Центральный банк Российской Федерации также внедряет искусственный интеллект в свою деятельность. Сейчас данный орган использует искусственный интеллект с целью выявления проблемных зон, где наблюдается наиболее высокая концентрация рисков. Сказанное позволяет прийти к выводу, что искусственный интеллект постепенно внедряется и активно используется в банковской сфере. Например, Сбербанк за 2023 год предоставил отчетность, в которой указал, что эффективность применения искусственного интеллекта оценивается в 230 млрд. рублей [4, с. 80].

Помимо положительных моментов, необходимо отметить и отрицательные аспекты внедрения искусственного интеллекта в банковской сфере. Например, Г.В. Семеко указывает: «массовое внедрение ИИ в сфере финансовых услуг сопряжено с определенными рыночными рисками, такими как нарушение конфиденциальности, кибератаки, рост концентрации на рынке, предвзятость (необъективность) и дискриминация при применении ИИ, ослабление системы подотчетности, повышение уровня нестабильности внешней среды. Причем около 20% опрошенных считают, что их компании не в состоянии смягчить эти риски. Особую обеспокоенность вызывает усиление предвзятости и дискриминации и риск массовых нарушений конфиденциальности персональных данных» [7, с. 56].

В рамках данного исследования мы подчеркиваем необходимость создания механизмов, направленных на защиту конфиденциальных и персональных данных при применении искусственного интеллекта в банковской сфере. Более того, искусственный интеллект может использоваться с целью мошеннических действий, поэтому государство и субъекты банковской деятельности должны быть готовы к возможным рискам и опасностям при внедрении искусственного интеллекта. Например, ChatGPT, базирующийся на искусственном интеллекте, смог обмануть интернет-тест Тьюринга CAPTCHA,

предназначенный для отсеивания ботов и автоматизированных запросов [8, с. 89]. При том, что такой интернет-тест применяется многими банками. В связи с чем нами предлагается обратить более пристальное внимание на создание программного обеспечения, направленного на отражение кибератак со стороны злоумышленников и защиту конфиденциальных данных.

По итогам проведенного исследования можно прийти к выводу, что искусственный интеллект представляет собой автоматизированную систему, которая основана не нейронных связях человеческого мозга. Искусственный интеллект активно внедряется в банковскую сферу, позволяя улучшать взаимодействие банков с клиентами, повышать доход, повышать оперативность и эффективность своей деятельности.

Однако, не стоит забывать о том, что существуют определенные риски при применении искусственного интеллекта, поэтому перед государством стоит важная задача по формированию нормативно-правовой основы, направленной на защиту персональных и конфиденциальных данных при применении искусственного интеллекта, что особенно важно для банковской деятельности. Проведенные тесты экспертами показывают, что искусственный интеллект может преодолевать существующие способы защиты данных. Такие технологии могут применяться мошенниками с целью кражи личных данных и денежных средств.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?ysclid=1w1vmrsqpn26653882> (дата обращения: 25.04.2024).

2. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»

(приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17) // Интернет-портал правовой информации – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398627/9e733b9ece0472e8f17a73cd753a75784f9e1fab/?ysclid=lw1vnrwvrg252400597 (дата обращения: 29.04.2024).

3. Игнатенко В.А. Этические проблемы внедрения искусственного интеллекта в жизнь российского общества: культурно-философский аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-problemy-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-zhizn-rossiyskogo-obschestva-kulturno-filosofskiy-aspekt> (дата обращения: 11.05.2024).

4. Ковалев Н.Д., Степаненко Д.А. Внедрение технологии искусственного интеллекта в бизнесе: этические аспекты // Стратегии бизнеса. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-biznese-eticheskie-aspekty> (дата обращения: 11.05.2024).

5. Кочкин, Т. Н. Применение искусственного интеллекта в банковской сфере на примере Сбербанка / Т. Н. Кочкин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 4 (399). — С. 108-109. URL: <https://moluch.ru/archive/399/88284/> (дата обращения: 11.05.2024).

6. Кузовкова Т.А., Шаравова М.М., Катунин Д.А. Анализ перспектив развития искусственного интеллекта // Экономика и качество систем связи. 2024. №1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-perspektiv-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.05.2024).

7. Семеко Г.В. Искусственный интеллект в банковском секторе: возможности и проблемы // Социальные новации и социальные науки. 2021. №2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-bankovskom-sektore-vozmozhnosti-i-problemy> (дата обращения: 11.05.2024).

8. Хадижат С.С. Правовое регулирование систем искусственного интеллекта // Закон и право. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistem-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.05.2024).

Зарипов Шамиль Ришатович
Уфимский университет науки и технологий
Институт права
Россия, Уфа
zaripovshamilrishatovich@mail.ru
Zaripov Shamil
Ufa University of Science and Technology
Institute of Law
Russia, Ufa

ТЕХНОЛОГИЯ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ РЕЕСТРОВ (НА ПРИМЕРЕ БЛОКЧЕЙН), КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВХОДЯЩИХ В ПРЕДМЕТ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: в данной работе рассмотрена одна из ключевых финансовых технологий цифровой экономики – технология распределенных реестров. Показано отечественное и международное финансово-правовое регулирование и правоприменение технологии распределенных реестров. Указаны основные свойства, преимущества и недостатки распределенных реестров с указанием перспектив совершенствования финансово-правового регулирования. Выявленные обстоятельства подтверждают технологию распределенных реестров как фактор динамики общественных отношений входящих в предмет финансового права в цифровой экономике.

Ключевые слова: технология распределенных реестров, блокчейн, финансовые технологии, цифровая финансово-правовая политика, финансовое право.

**DISTRIBUTED LEDGER TECHNOLOGY (USING THE EXAMPLE OF
BLOCKCHAIN) AS A FACTOR IN THE DYNAMICS OF PUBLIC
RELATIONS INCLUDED IN THE SUBJECT OF FINANCIAL LAW IN THE
DIGITAL ECONOMY**

Annotation: in this paper, one of the key financial technologies of the digital economy is considered – the technology of distributed registries. Domestic and international financial and legal regulation and law enforcement of distributed ledger technology are shown. The main properties, advantages and disadvantages of distributed registries are indicated, indicating the prospects for improving financial and legal regulation. The revealed circumstances confirm the technology of distributed registries as a factor in the dynamics of public relations included in the subject of financial law in the digital economy.

Key words: distributed ledger technology, blockchain, financial technologies, digital financial and legal policy, financial law.

Цифровая экономика как отдельный сегмент мировой экономики примерно на 60% состоит из виртуальных услуг. Её фундаментом являются технология блокчейн и продукты, которые создаются на её основе – это, прежде всего криптовалюты, ICO (Initial Coin Offering) и майнинг [7, с. 437]. Стремительное развитие цифровых технологий привело к появлению принципиально новых форм финансовых отношений. Как отмечает Э.Л. Сидоренко: «Вслед за появлением частных цифровых валют, основанных на технологии распределенного реестра (блокчейн), начали формироваться качественно новые финансовые продукты и сервисы» [8, с. 88]. Особенностью текущего этапа развития цифровой экономики является не только внедрение уже существующих, но и осознание потенциала новых технологий (например, технологий больших данных (Big Data), нейротехнологий, технологии распределенного реестра (блокчейн), роботизации и т.д.). Как отмечает Н.В. Попов: «Одной из технологий, формирующей основу цифровой трансформации

экономических отношений, является технология распределенного реестра (блокчейн)» [5, с. 65]. Таким образом, можно прогнозировать, что общественные отношения, связанные с использованием технологий распределенного реестра, получают свое дальнейшее развитие. Это, в свою очередь, рождает новые, зачастую трудноразрешимые вызовы для финансового права в рамках правового регулирования финансовых отношений нового типа и в рамках осуществления регулятивно-динамической подфункции финансового права, а также для науки финансового права, призванной выполнять прогностическую функцию, связанную с оценкой рисков внедрения новых технологий и выработкой эффективных подходов к их правовому регулированию [9, с. 28]. А.А. Ситник отмечает: «Говоря о финансовом праве в условиях цифровизации экономики, следует отметить, что новые технологии, с одной стороны, ведут к динамике и расширению предмета правового регулирования (например, рассматриваемая отрасль стала регулировать финансовые отношения, складывающиеся в процессе обращения цифровой валюты), а с другой — являются инструментом, способствующим регулированию, администрированию, финансовому контролю и надзору» [9, с. 30].

В 2018 г. произошел беспрецедентный сдвиг в сторону потенциального принятия инфраструктуры технологии распределенных реестров и сделаны первые шаги в сторону признания криптовалют как нового вида объекта гражданского права и налогообложения. Первая попытка законотворчества была совершена в 2018 году проектом Федерального закона от 25.01.2018 № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» [4], но тогда законопроект принят не был. 23 июля 2020 года на законодательном уровне технология распределенного реестра урегулирована ч. 7, ст. 1 Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «под распределенным реестром понимается совокупность баз данных,

тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма)» [10]. В 2021 году Постановлением Правительства РФ объявлено о применении информационной системы Мастерчейн, основанной на технологии распределенных реестров [6].

Все чаще регулирующие органы начинают осознавать, что блокирование-блокчейна имеет более широкое применение, чем криптовалюты, в том числе потенциал для обеспечения большей прозрачности, инновационных способов решения проблем и расширения доступа для граждан. Особое внимание в сфере регулирования уделяется разработке новых способов управления и отслеживания физических и цифровых активов, регистрации внутренних транзакций и проверки личности. Одним из наиболее значимых событий в области блокчейна в 2020 году стал быстрый рост децентрализованных финансовых услуг (DeFi) [11, с. 170]. К концу 2020 года в смарт-контрактах DeFi было зафиксировано криптовалюты на сумму более 14 миллиардов долларов, которые использовались в качестве ликвидности для различных услуг. В целом, протоколы DeFi предоставляют финансовые услуги в форме децентрализованных, открытых, программируемых и компонуемых смарт-контрактов. Они обещают полное воссоздание системы финансовых услуг на основе блокчейна и криптоактивов. Примерами являются Uniswap и Curve (децентрализованные криптовалютные биржи, использующие автоматизированные алгоритмы формирования рынка, а не книги заказов), Aave и Compound (предоставление криптовалют в кредит), Synthetix и DYDX (создание производных криптоактивов) и Nexus Mutual (децентрализованное страхование). Услуги DeFi, как правило, не связаны с хранением и основаны на смарт-контрактах, что означает, что пользователи сохраняют контроль над своими активами и совершают транзакции с помощью автоматизированных программных систем, работающих на блокчейне. Многие сервисы DeFi включают в себя механизмы стимулирования, такие как выплата процентов тем, кто размещает токены криптовалюты в пулах ликвидности или выпускает

токены, предоставляющие права правительства на определенные аспекты сервиса. В 2021 году Ассоциация ФинТех в партнерстве с крупнейшими участниками (НСПК, ВТБ, Газпромбанк, ПСБ, Московская биржа) учредили первый в России блокчейн оператор «Системы распределенного реестра» для платформы «Мастерчейн». В 2018 году была запущена децентрализованная депозитарная система (ДДС) для учета и хранения электронных ипотечных закладных. Вскоре после этого Райффайзенбанк, а за ним Ак Барс Банк выпустили пилотные электронные ипотечные закладные и провели сделки по их учету и хранению в ДДС на «Мастерчейне». В 2019 году Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ была принята Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «системы распределенного реестра» [3]. В конце 2019 года ДДС была запущена в промышленную эксплуатацию, к ней подключились Сбербанк и Рыночный спецдепозитарий, а также Ак Барс Банк и Финанс, Газпромбанк, ДК «Регион» и Райффайзенбанк. С 2020 года работает система для выдачи цифровых банковских гарантий на «Мастерчейне». Первой сделкой стала выдача ВТБ банковской гарантии на 392 млн. руб. в пользу МТС. Для сравнительного анализа представим опыт финансово-правового регулирования блокчейна и криптовалют в Великобритании. В марте 2018 года Казначейство Её Величества (НМТ), FCA и Банк Англии создали целевую группу (Taskforce) для оценки текущего регулирования криптоактивов в Великобритании и определения того, должны ли все криптоактивы подлежать особому надзору со стороны регулирующих органов. В октябре 2018 года Целевая группа опубликовала отчет, в котором указывалось, что в ближайшие годы криптоактивы будут подвергаться более строгому надзору со стороны регулирующих органов. В отчете отражено использование блокчейна и выявлен ряд потенциальных препятствий для его более широкого внедрения, а также подчеркивается поддержка регулируемыми органами Великобритании инноваций с использованием блокчейна и приветствуется возможность

приобрести опыт работы с блокчейн-приложениями и изучить, как их можно использовать в ряде новых областей, включая услуги по расчетам в режиме реального времени, регулярную отчетность, а также в государственном секторе (например, с фондом GovTech Catalyst). В отчете отмечается, что служебные токены, как правило, не регулируются; биржевые токены уже могут подлежать регулированию, в то время как токены безопасности уже регулируются. В отчете далее отмечается, что периметр регулирования зависит не только от характеристик токена (например, является ли он токеном обмена, утилиты или безопасности), но и от того, для какого использования используется токен (например, является ли он средством обмена, инструментом привлечения капитала или инвестиция). FCA предоставило дополнительные рекомендации по регулированию криптоактивов в своем заявлении о политике от июля 2019 года [11, с. 106].

Технология распределенных реестров – это самая широкая категория, которая включает в себя набор записей, идентичные копии которых хранятся на множестве компьютеров в организации или нескольких организациях. Также технологию распределенных реестров можно рассматривать как концепцию хранения, обработки и передачи данных, которая базируется на распределенной базе данных, содержащей информацию о транзакциях и других записях. Системы технологий распределенных реестров отличаются от централизованных распределенных реестров, таких как традиционные базы данных о взаимоотношениях, в которых один объект имеет полный контроль над записанной информацией. М.В. Горбунова, А.Я. Омётов, М.М. Комаров, С.В. Беззатеев раскрывают рассматриваемую категорию следующим образом: «Технология распределенных реестров – это база данных активов, которая может быть распределена по сети, в разных географических зонах или организациях» [2, с. 10].

В.В. Беспалов и А.Ю. Ремесленникова отмечают: «Технология распределенных реестров лежит в основе цифрового рубля, которая

обеспечивает устойчивость за счет системы, основанной на хранении и подтверждении операций среди нескольких участников сети, что позволяет минимизировать риски падения сети, так как работоспособность системы будет поддерживаться, даже если у одного из участников произойдет сбой системы» [1, с. 15]. Один из сценариев заключается в том, что криптовалюта может занять место государственных валют в качестве базового номинала для финансовых операций внутри страны. Эти сценарии обычно ориентированы на страны с нестабильной денежно-кредитной политикой и гиперинфляцией. С другой стороны, центральный банк мог бы использовать технологию блокчейна для, по сути, токенизации и оцифровки своей существующей валюты. Такие системы были бы основаны на разрешенной технологии распределенного реестра, при этом правительство сохраняло бы контроль над тем, какие организации могли бы участвовать в транзакциях или подтверждать их достоверность. Это привело бы к созданию цифровой валюты Центрального банка (CBDC), которая по-прежнему подчинялась бы традиционной денежно-кредитной политике. Из 76 центральных банков, принявших участие в опросе Банка международных расчетов, опубликованном в начале 2020 года, 80 процентов изучали CBDC, 40 процентов приступили к проверке концепции, а 10 процентов разработали пилотные проекты. Осенью 2020 года Бермудские острова официально ввели в обращение свой песочный доллар. Примерно в то же время Китай начал выпускать в обращение свой DCEP.

Принцип работы распределенных реестров лучше всего понять, взглянув на их аналог – централизованный реестра. Централизованный реестр — это наиболее распространенное на сегодняшний день устройство хранения данных в финансовой сфере. В централизованном реестре данные хранятся в единой книге учета, и доверенный администратор этой книги ведет ее и регистрирует перемещения активов. В этом случае риски, как и сама книга учета, централизованы. Централизованный реестр может быть уничтожена или взломана с целью получения выкупа за исходные данные или манипулирования

ими и замены их новыми (неточными) данными. Централизованный реестр позволяет реализовать надежные меры кибербезопасности, но при наличии достаточной вычислительной мощности можно управлять любым сервером.

Распределенные реестры решают эту проблему, повышая барьеры для манипулирования хранимыми данными. В распределенных реестрах многие узлы связаны друг с другом и хранят все данные одновременно, образуя общую книгу учета. Распределенный реестр требует консенсуса между этими узлами, а не простого подтверждения с помощью одного иерархически структурированного устройства хранения. Технические детали того, как достичь консенсуса, различаются – технология позволяет использовать «proof of work», концепции «proof of stake» и ряд других.

В отличие от предыдущих решений технологий распределенных реестров, биткойн «не имеет разрешений»: любой желающий может участвовать в сети без какой-либо проверки личности. Чтобы гарантировать, что враждебно настроенные участники не смогут захватить сеть, создав множество своих виртуальных копий (известная как атака Сивиллы), Биткойн использовал разработан новый согласованный алгоритм под названием «proof of work». В «proof of work» проверяющие блоки, известные как майнеры, получают стимул тратить значительное количество вычислительной мощности компьютера и электроэнергии, соревнуясь за вознаграждение в виде самого биткоина. Злоумышленник должен конкурировать с совокупной вычислительной мощностью сети, которая обходится дороже, чем потенциальные выгоды.

Преимущества распределённых реестров перед SWIFT заключается в том, что обработка международного платежа через устаревшую сеть SWIFT требует доверия к денежно-кредитной политике двух центральных банков, которые выпустили валюты, доверия к банкам-конечным точкам, доверия к банкам-посредникам-корреспондентам и доверия к операторам сети SWIFT. Отправка

одного и того же платежа через границу в биткоинах не требует участия какого-либо доверенного эмитента, посредника или оператора.

Преимуществом распределенных реестров также заключается в возможности записи данных и передачи ценностей без посредничества доверенных третьих сторон, что означает увеличение скорости решения таких вопросов, а затраты снижены не только за счет избежания комиссионных за транзакции, но и, например, за счет расходов на безопасность, надзор и правоприменение. Предел достоверности блокчейна - большинство данных в распределенном реестре являются достоверными и непротиворечивыми вплоть до значительного числа (обычно от 33 до 50%) участников, стремящихся взломать его.

Можно выделить 3 особенности технологии распределенных реестров:

1) Политика доступа. Большинство приложений для предоставления финансовых услуг, связанных с функциями бэк-офиса (например, платежами) или взаимоотношениями между финансовыми учреждениями (например, торговым финансированием или синдицированием займов), внедряются в разрешенных сетях. Отчасти это объясняется соображениями производительности (в частности, скоростью и масштабируемостью), а отчасти - регулированием, которое часто требует четкой идентификации сторон. Приложения, связанные с предоставлением займов или торговлей ценными бумагами и другими финансовыми инструментами, как правило, основаны на блокчейнах без ограничений. Нормативные требования к идентификации могут быть предъявлены к точкам, находящимся за пределами самой блокчейн-системы, таким как кошельки, биржи или эмитенты токенов.

2) Неизменность. Неизменяемость означает, что после того, как информация записана в распределенном реестре, ее невозможно легко изменить. На техническом уровне все распределенные реестры требуют неизменяемых транзакций. Это подразумевается тем фактом, что нет доверенной стороны, обладающей полномочиями отменить предыдущую

транзакцию. Сила неизменности на практике зависит от политики и практических приемов ключевых участвующих организаций. Например, эмитент токенов в рамках первичного размещения монет (ICO) может иметь право изменять права, связанные с этими токенами, постфактум, и даже замораживать токены в случае взлома. Или большинство майнеров в сети «proof of work» могут согласиться перевести реестр в новое состояние, возможно, чтобы отменить мошенническую транзакцию.

3) Прозрачность. В блокчейн-сети без разрешений все транзакции являются общедоступными, поскольку они должны быть доступны всем узлам сети, а также верификаторам в процесс проверки работоспособности. Однако личности тех, кто совершает транзакции, представлены криптографическими ключами, а не индивидуальными идентификационными данными. В сетях с разрешенным доступом часто используются механизмы, которые позволяют обмениваться информацией о транзакциях только между непосредственно вовлеченными сторонами. Как и в случае с самой проверкой личности, это может быть необходимо по оперативным соображениям (компании не хотят делиться своими схемами работы с конкурентами) или по нормативным соображениям (некоторые транзакции по закону требуют конфиденциальности).

Потенциальные выгоды применения технологии распределённых реестров заключается в послании мирового экономического форума, который перечисляет шесть «ключевых факторов повышения ценности» этой технологии для индустрии финансовых услуг: упрощение операционной деятельности, повышение эффективности регулирования, снижение рисков со стороны сторон, сокращение времени клиринга и расчетов, повышение ликвидности и капитала, а также минимизация мошенничества. По некоторым оценкам, крупные банки могли бы сэкономить около 10 миллиардов долларов США в год за счет использования блокчейна в этой области. Однако проверка расчетов по транзакциям в системе, основанной на блокчейне, может занять

больше времени, чем в центральном учреждении. Ежедневно системы клиринга и расчетов обрабатывают огромное количество транзакций. Например, Депозитарная трастовая и клиринговая корпорация (DTCC) обрабатывает в среднем 100 миллионов сделок в день. DTCC в сотрудничестве с 15 глобальными банками и MarkitSERV, находится в процессе «ре-платформинга» своего хранилища торговой информации, переноса своих данных на блокчейн и облачные технологии [11, с. 153].

Многие признали потенциал распределенных реестров, среди прочего, для повышения прозрачности и снижения транзакционных издержек за счет улучшения управления данными и оптимизации процессов, совершенствования цепочек поставок, обеспечения отслеживания интеллектуальной собственности и управления ею, повышения надежности и прослеживаемости записей, снижения скорости и стоимости расчетов, содействия защите авторских прав и патентов, и повысить эффективность с помощью автоматизированной отчетности и смарт-контрактов. Потенциал блокчейна для отрасли заключается в его способности повысить эффективность существующих процессов в краткосрочной перспективе (отказавшись от посредников и трудоемких административных процессов), а также трансформировать существующие бизнес-модели в долгосрочной перспективе. Около 90% крупных североамериканских, европейских и австралийских банков уже изучают его потенциал [11, с. 141]. Ежегодно отрасль тратит около 1,7 млрд долларов США на эксперименты с блокчейном. Кроме того, около половины выявленных случаев использования распределенных реестров приходится на сферу финансовых услуг, а финансовые учреждения в настоящее время являются крупнейшими клиентами поставщиков блокчейн-технологий. Технология распределенных реестров, весьма вероятно, окажет значительное влияние на финансовые отношения и финансово-правовое регулирование соответственно. Вышеуказанные обстоятельства подтверждают, что технология

распределенных реестров является фактором динамики общественных отношений входящих в предмет финансового права в цифровой экономике.

Список литературы:

1. Беспалов В.В., Ремесленников А.Ю. Предпосылки и условия введения цифрового рубля на основе системы блокчейна как инструмента повышения экономической безопасности в финансовой сфере // Современные технологии управления. № 1 (94). 2021. С. 7-17.

2. Горбунова М.В., Омётов А.Я., Комаров М.М., Беззатеев С.В. Обзор проблем внедрения технологии распределенного реестра // Информационно-управляющие системы. № 2 (105). 2020. С. 10-19.

3. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» // [Электронный ресурс] Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ: официальный сайт. URL.: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6670/> (дата обращения: 01.10.2024).

4. Законопроект от 25.01.2018 № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» // СПС «Консультант плюс». Документ не был опубликован.

5. Попов Н.В. Технология распределенного реестра (блокчейн): исторический аспект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 2. С. 65-72.

6. Постановление Правительства РФ от 02.09.2021 № 1471 (ред. от 10.10.2022) О проведении эксперимента по апробации способа взаимодействия между депозитарием, осуществляющим хранение электронной закладной, и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, с применением информационной системы Мастерчейн, основанной на технологии распределенных реестров // Официальный интернет-портал

правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

7. Севрюкова С.В. Инновационные технологии цифровой экономики в системе финансовых отношений // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. 2018. С. 436-440.

8. Сидоренко Э.Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // Lex Russica. № 76-3 (196). 2023. С. 87-99.

9. Ситник А.А. Финансовые технологии: понятие и виды // Актуальные проблемы российского права. № 6 (103). 2019. С. 27-31.

10. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

11. Madir J. Fintech. Law and regulation. // Edward Elgar Publishing Limited. Cheltenham, UK. 2021. 520 p.

Лебедев Николай Александрович

Высшая школа экономики

Факультет права

Россия, Москва

nikolai.a.lebedev@yandex.ru

Lebedev Nikolai

HSE University

Faculty of Law

Russia, Moscow

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ФИСКАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Аннотация: в статье рассмотрены два подхода к проведению мероприятий по цифровизации в сфере государственного и муниципального управления: децентрализованный и централизованный. Автор рассматривает каждый из них в свете концепции фискального федерализма, то есть с точки зрения распределения между уровнями публичной власти полномочий по определению содержания и по финансированию таких мероприятий. В результате исследования предложен вариант указанного распределения.

Ключевые слова: цифровизация, государственное и муниципальное управление, фискальный федерализм, НФАП, ГосТех.

GOVERNMENT DIGITAL TRANSFORMATION IN A VIEW OF FISCAL FEDERALISM

Annotation: the article considers two approaches to government digital transformation: decentralized and centralized. The author examines each of them in the light of the concept of fiscal federalism, that is, from the point of view of the distribution of powers between levels of public authority to determine the content and

financing of such transformation. As a result of the study, a variant of this distribution is proposed.

Key words: government digital transformation, public administration, fiscal federalism, NFAP, GosTech.

Введение

Создание, развитие и эксплуатация информационных систем являются ключевыми мероприятиями цифровизации государственного и муниципального управления. Ранее общим правилом было создание каждой новой информационной системы «с нуля». В настоящий же момент существует два относительно централизованных решения для проведения мероприятий по цифровизации: Национальный фонд алгоритмов и программ для электронных вычислительных машин (далее - НФАП) и Единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех» (далее - ГосТех).

В НФАП с 2013 года размещаются программы для ЭВМ, исключительные права на которые принадлежат Российской Федерации. Использовать эти программы или их элементы могут органы публичной власти всех уровней, а также органы управления государственными внебюджетными фондами. В рамках ГосТех с 2023 года централизованно создаются элементы цифровых продуктов, в том числе информационных систем. Государственные органы и органы управления государственными внебюджетными фондами могут заключить контракт на создание, развитие и эксплуатацию необходимой государственной информационной системы с оператором ГосТех, а оператор исполнит этот контракт, применяя универсальные программные коды, созданные по его заказу иными исполнителями.

В соответствии с действующим законодательством, применение указанных решений является добровольным. Однако в Правительстве Российской Федерации обсуждался вопрос обязательного применения [11]. Другими словами, сейчас регулирование находится в состоянии «мигающего

желтого сигнала светофора»: действуют общие правила, но в любой момент может загореться «красный» или «зеленый». В связи с чем и было проведено настоящее исследование, в рамках которого были рассмотрены проблемы централизации мероприятий по цифровизации в контексте концепции фискального федерализма.

Основная часть

Цифровизация в сфере государственного и муниципального управления представляет собой внедрение информационных технологий в процесс осуществления функций публичной власти, в том числе оказание государственных и муниципальных услуг, а также в процесс взаимодействия органов публичной власти между собой и с частными лицами [5, с. 9]. Цифровизация охватывает как правоприменение, так и правотворчество [8, с. 15]. При этом проведение мероприятий по цифровизации является обязательным на всех уровнях публичной власти [3]. В связи с этим возникает вопрос, на каком уровне публичной власти следует определять содержание таких мероприятий и за счет бюджета какого уровня их следует финансировать.

С точки зрения концепции фискального федерализма, или многоуровневого управления, в силу лучшей информированности субнациональных и местных правительств о потребностях населения на конкретной территории установление расходных обязательств должно осуществляться именно на этих уровнях. Финансирование таких обязательств должно производиться за счет бюджетов именно указанных уровней публичной власти для обеспечения эффективного расходования бюджетных средств [10]. Такой подход позволяет учесть предпочтения населения относительно необходимых ему общественных благ, что в свою очередь влияет на его налоговое бремя [9]. Исключением из правила является ситуация, когда за счет передачи расходного обязательства на федеральный уровень возможно сократить издержки на его исполнение за счет «эффекта масштаба». Именно

такая ситуация экономии за счет «эффекта масштаба» складывается при осуществлении мероприятий по цифровизации централизованно.

Мероприятия по цифровизации включают создание, развитие и эксплуатацию информационных систем, внедрение программно-аппаратных средств, использование сетей связи. Создание и развитие информационных систем, например, является дорогостоящим мероприятием. При этом однажды написанный код может использоваться неограниченное количество раз. В таком случае эффективно централизованно создавать и развивать информационные системы. Данная идея нашла свое отражение, в частности, в создании НФАП [4], а также ГосТех [2]. Субнациональные и местные правительства вправе использовать эти решения для проведения мероприятий по цифровизации. Однако, учитывая экономию «за счет масштаба», можно ли представить, что однажды использование таких решения для соответствующих уровней власти станет обязательным?

С одной стороны, следуя принципам федерализма и самостоятельности местного самоуправления, нельзя ограничить право соответствующего публично-правового образования автономно определять содержание и сроки мероприятий по цифровизации. С другой стороны, как отмечается в юридической доктрине [7, с. 29], указанные принципы следует применять наряду с положением о том, что Российская Федерация – социальное государство. В таком случае на всей ее территории должны быть обеспечены единообразные условия, своего рода минимальный стандарт цифровизации в определенных сферах. Кроме того, по мнению отдельных ученых, право на использование цифровых средств в процессе правоприменения (право на цифровизацию) является конституционным [6, с. 34]. Исходя из этого, в Российской Федерации на всех уровнях публичной власти должны быть проведены некоторые основные мероприятия по цифровизации, которые предусмотрены федеральным законодательством. Примером «федерального мандата» является обязанность органов всех уровней публичной власти

предоставлять по выбору частных лиц информацию в форме электронных документов [1].

Возвращаясь к вопросу централизации мероприятий по цифровизации, важно обратить внимание, что в силу отличий в расходных обязательствах различных публично-правовых образований (это, кстати, в духе фискального федерализма), невозможно создать универсальную информационную систему для всех. Функционал такой системы будет зависеть от особенностей конкретного публично-правового образования. Однако допустимо использование централизованно созданного кода. Хотя можно предположить, что в некоторых публично-правовых образованиях считают, что их собственный код больше отвечает существующим общественным потребностям, и будут готовы израсходовать большие бюджетные средства на его разработку.

Наконец, следует отметить, что, в соответствии с концепцией фискального федерализма, у субнациональных и местных правительств должны быть равные финансовые возможности [7, с. 189], в том числе для осуществления мероприятий по цифровизации. «Федеральные мандаты» должны быть обеспечены соответствующими по размеру расходам на их исполнение межбюджетными трансфертами. Мероприятия по цифровизации сверх минимального стандарта также должны быть обеспечены посредством вертикального и горизонтального межбюджетного выравнивания в зависимости от населения и уровня развития соответствующего публично-правового образования.

Заключение

Таким образом, следует придерживаться следующих правил при централизации отдельных мероприятий цифровизации. Определение содержания мероприятий по цифровизации, необходимых для обеспечения минимального социального стандарта, должно находиться в ведении федерации. В таком случае и финансирование должно быть обеспечено федерацией.

Примерами являются мероприятия по цифровизации в сфере здравоохранения или правосудия. Определение содержания мероприятий сверх минимального стандарта следует оставить субнациональным и местным правительствам, например, создание сервисов по типу «Активный гражданин». Важно отметить, что это не исключает применение «централизованных» цифровых решений. При этом соответствующему публично-правовому образованию должны быть предоставлены достаточные финансовые ресурсы для этого.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006. № 31. Ст. 3448.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.04.2023. № 14. Ст. 2407.
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 15.05.2017. Ст. 2901.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2013 года № 62 «О национальном фонде алгоритмов и программ для электронных вычислительных машин» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.02.2013. № 5. Ст. 402.
5. Артемова С.Т. Влияние цифровизации на развитие доктрины конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 9 - 13.

6. Волос А.А., Иванов А.А. Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34 – 45.
7. Пешина Э.В., Стрекалова А.А. Фискальный федерализм в зарубежных странах. Екатеринбург: УЦАО, 2015. 214 с.
8. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5 – 16.
9. Richard A. Musgrave. The Theory of Public Finance: A Study in Public Economy. New York: Mc Graw-Hill, 1959. 628 p.
10. Wallace E. Oates. Fiscal Federalism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. 280 p.
11. Минцифры обсуждает вопрос обязательного использования платформы «ГосТех» с 2024 год [электронный ресурс] // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/mintsifry-obsuzhdaet-vopros-obyazatelno-go-ispolzovaniya-platformy-gostekh-s-2024-goda>. (Дата обращения: 30.09.2024).

Макарова Милена Витальевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

milnavm@mail.ru

Makarova Milena

Lomonosov Moscow State University

Higher School of State Audit

Russia, Moscow

**МНОГОСТОРОННИЙ ИНСТРУМЕНТ ПО ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕР
ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ BEPS: ЭФФЕКТИВНОСТЬ В РАМКАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА
НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РФ**

Аннотация: одним из ключевых инструментов, обеспечивающих реализацию мер BEPS, является Конвенция, или Инструмент, MLI (Multilateral Instrument). В настоящей работе рассматриваются особенности применения MLI, оценивается ее эффективность в практике международного налогообложения. Автор анализирует влияние документа на налоговое регулирование в Российской Федерации и дает оценку перспективам его применения.

Ключевые слова: Конвенция (Инструмент) MLI, налоговые соглашения, уклонение от налогообложения, международное налогообложение, правило основной цели.

**MULTILATERAL INSTRUMENT TO IMPLEMENT MEASURES TO
PREVENT BEPS: EFFICIENCY IN THE FRAMEWORK OF
INTERNATIONAL TAXATION AND ITS IMPACT ON TAX REGULATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation: the Multilateral Convention (Multilateral Instrument, MLI) is one of the key instruments for ensuring the implementation of BEPS measures. This paper examines the specifics of its application and evaluates its effectiveness in international taxation practice. The author analyses the impact of this document on tax regulation in the Russian Federation and assesses the prospects for its application.

Key words: Multilateral Convention (Instrument), tax treaties, tax evasion, international taxation, principal purpose test.

Введение

Международное налогообложение на протяжении последних десятилетий сталкивалось с проблемой использования транснациональными корпорациями различных механизмов для минимизации налоговых обязательств, что приводило к существенным потерям налоговых поступлений для стран с более высокими налоговыми ставками. Основным инструментом для реализации подобных схем является использование разницы в налоговых режимах между различными юрисдикциями, а также пробелов и несогласованностей между двусторонними налоговыми соглашениями, что позволяет компаниям перемещать прибыль в юрисдикции с низким налогообложением без фактического изменения характера их деятельности.

Для противодействия таким схемам в 2015 году ОЭСР и страны G20 разработали и представили План действий BEPS, который включает 15 ключевых мер, направленных на устранение пробелов в международном налоговом регулировании и снижение возможностей для уклонения от уплаты налогов. Одной из важнейших составляющих плана является Многосторонняя конвенция (Инструмент) MLI [1], которая позволяет одновременно вносить изменения в большое количество двусторонних налоговых соглашений, облегчая и ускоряя процесс их адаптации к новым стандартам.

Применение Конвенции MLI в международной практике

Многосторонняя конвенция MLI была подписана в 2016 году и вступила в силу 1 июля 2018 года, став первым многосторонним налоговым инструментом, позволяющим одновременную модификацию множества двусторонних налоговых соглашений. На момент написания статьи Конвенцию подписали более 90 стран, что охватывает значительную часть глобальных налоговых соглашений.

Основной целью Конвенции MLI является противодействие таким схемам, как «налоговый шоппинг» (treaty shopping), когда компании создают искусственные структуры для использования более благоприятных налоговых соглашений, и злоупотреблениям в рамках льготных режимов налогообложения. Конвенцией также предусмотрены меры по устранению «двойного неналогообложения» и предотвращению искусственного перемещения прибыли в низконалоговые и офшорные юрисдикции.

Ключевым элементом MLI является его гибкость: каждая страна-участница может выбрать, какие положения Конвенции она хочет применить к своим двусторонним налоговым соглашениям. Это позволяет странам учитывать свои национальные особенности и стратегические приоритеты. Тем не менее, такая гибкость также создает определенные трудности в унификации налоговых режимов и может приводить к возникновению правовых конфликтов между странами, по-разному трактующими положения Конвенции.

Эффективность Конвенции MLI

Эффективность Конвенции MLI напрямую связана с тем, насколько быстро и гибко она позволяет вносить изменения в существующие налоговые соглашения. К.К. Токарева отмечает, что, в отличие от традиционного подхода, при котором страны вынуждены заключать новые соглашения или пересматривать старые через длительные двусторонние переговоры, MLI предлагает механизм автоматического внесения изменений на основе принципов, согласованных на международном уровне [2, с. 152]. Это

значительно ускоряет процесс адаптации налоговых соглашений к новым стандартам и способствует более широкому охвату юрисдикций.

Помимо этого, Инструментом MLI предусматривается ряд обязательных для применения положений, включая правило основной цели (Principal Purpose Test, PPT), назначением которого является предотвращение использования налоговых соглашений в целях, противоречащих их основной задаче — избежанию двойного налогообложения. PPT позволяет государствам отказывать налогоплательщикам в предоставлении налоговых льгот, в случаях, когда установлено, что главной целью сделки или соглашения является получение налоговой выгоды [3, с. 26].

Однако следует отметить, что не все государства применяют положения MLI в полном объеме. Некоторые юрисдикции вправе при ратификации Конвенции исключить некоторые отдельные статьи или выбрать при наличии альтернативы менее жесткие меры. Результатом такой вариативности для государств является риск снижения эффекта от Конвенции и сохранение в некоторых случаях налоговых лазеек и агрессивного налогового планирования.

Следовательно, конечная эффективность MLI во многом зависит от того, в какой степени она будет имплементирована государствами-участниками и насколько их национальные налоговые органы будут готовы применять её на практике. Помимо этого, немаловажным фактором является сотрудничество и координация между государствами по вопросам налогового администрирования и обмена информацией, что является критически важным для успешного противодействия трансграничным схемам налогового планирования. Однако на сегодняшний день в связи с политической напряженностью в мире мы наблюдаем значительный спад в сотрудничестве налоговых органов некоторых иностранных государств с российскими налоговыми органами.

Таким образом, обнаруживается, что применение Инструмента MLI имеет как очевидные преимущества, так и определенные ограничения,

связанные с его гибкостью и сложностью имплементации. Обобщим основные из них.

Преимущества Конвенции MLI

MLI позволяет одновременно провести модификацию, т.е. внести изменения в большое количество налоговых соглашений, в результате чего существенно ускоряется процесс модернизации международных соглашений. Это является важным преимуществом в условиях глобализации и стремительного появления и изменения различных налоговых схем [4, с. 42].

Благодаря Конвенции уровень прозрачности международных налоговых отношениях растет, в результате чего уменьшаются возможности для злоупотребления налоговыми соглашениями и минимизируется количество схем *treaty shopping*. Инструменты, предусмотренные MLI, позволяют бороться с наиболее распространенными в мире способами уклонения от налогообложения.

Предоставление государствам-участникам альтернативности положений Конвенции для имплементации и возможность их адаптации к национальным интересам позволяет юрисдикциям встраивать MLI в собственное юридическое и экономическое поле.

Недостатки Конвенции MLI

Для внедрения MLI в налоговую практику требуется детальное изучение изменений в налоговых соглашениях как налогоплательщиками, так и налоговыми органами. В связи с возможностью каждой юрисдикции имплементировать Конвенцию в собственном адаптированном виде возможно возникновение правовой неопределенности и существенных сложностей в интерпретации налоговых соглашений.

Созданная Конвенцией альтернативность для государств в выборе имплементируемых положений препятствует достижению глобальной унификации налогового регулирования, вследствие чего есть риск сохранения некоторых лазеек в национальном законодательстве. Берберов А.Б. и

Милоголов Н.С. акцентируют внимание на том, что среди государств, имплементирующих минимальный набор положений MLI, большинство составляют небольшие государства с высоким уровнем злоупотребления налоговыми соглашениями для налоговой оптимизации, такие как Кипр, Монако, Сейшельские острова и другие [5, с. 29].

Внедрение Конвенции MLI может привести к увеличению налоговой нагрузки на компании, особенно транснациональные корпорации, которые использовали сложные структуры для минимизации налогов. В некоторых случаях это также влечет за собой увеличение административных затрат на соблюдение новых правил и отчетности.

Влияние на международное налогообложение

Конвенция MLI оказала значительное влияние на международное налогообложение, став важным шагом на пути к более прозрачной и справедливой налоговой системе. Она способствует устранению двойного неналогообложения и налоговых злоупотреблений, что особенно важно в условиях глобализации экономики, когда транснациональные корпорации имеют возможность использовать пробелы в законодательстве различных стран.

Одним из ключевых эффектов MLI стало развитие сотрудничества между налоговыми органами разных стран. Конвенция предусматривает усиление обмена налоговой информацией, что помогает государствам более эффективно отслеживать деятельность транснациональных компаний и предотвращать уклонение от уплаты налогов.

В то же время следует отметить, что для достижения максимальной эффективности необходима глобальная координация действий по применению MLI. Если некоторые страны будут продолжать предоставлять льготные налоговые режимы или допускать использование лазеек в своих налоговых соглашениях, это может свести на нет усилия по борьбе с BEPS.

Применение Конвенции MLI в Российской Федерации

Россия подписала Конвенцию MLI в июне 2017 года и ратифицировала её в мае 2019 года. Это сделало Российскую Федерацию одной из стран, активно участвующих в процессе внедрения мер BEPS для борьбы с размыванием налоговой базы и агрессивным налоговым планированием. Введение Инструмента MLI в российское налоговое законодательство имеет важное значение для улучшения налоговой прозрачности, предотвращения злоупотреблений международными налоговыми соглашениями и снижения налоговых рисков для государства.

Основной задачей Российской Федерации в рамках имплементации MLI стало адаптирование положений Конвенции к национальной системе налогообложения. Для этого был разработан список положений, которые государство обязалось применять, и тех, которые оно оставило за рамками действия Конвенции.

Одним из важнейших инструментов, имплементированных Россией, является правило основной цели (PPT), позволяющее налоговым органам Российской Федерации отказывать в применении налоговых льгот по соглашениям об избежании двойного налогообложения (СОИДН), если будет доказано, что главной целью операции было уклонение от налогов.

Также Россия приняла положения MLI, направленные на предотвращение искусственного избегания статуса постоянного представительства (ПП). Это позволяет налоговым органам рассматривать действия компаний, направленные на дробление или реорганизацию бизнеса, как искусственные схемы, которые должны облагаться налогами в соответствии с законодательством о ПП. В частности, положения о расширении концепции «агентского» ПП и «сплиттинге контрактов» призваны устранить возможности для уклонения от налогообложения через создание искусственных условий для избегания налогообложения прибыли в России.

Однако не все инструменты, предлагаемые MLI, были имплементированы Российской Федерацией, например, арбитражные процедуры для разрешения

налоговых споров. Это обусловлено тем, что отечественное налоговое законодательство уже содержит некоторые достаточно эффективные механизмы разрешения налоговых споров, в связи с чем государством было решено ограничиться ими [6, с. 34].

Влияние Конвенции MLI на российскую экономику и бизнес

Принятие Конвенции MLI Российской Федерацией, несомненно, оказало значительное влияние на бизнес-сообщество. Во-первых, усиление контроля за применением налоговых соглашений и более строгие меры по предотвращению агрессивного налогового планирования привели к повышению налоговой прозрачности и сокращению возможностей для уклонительных практик.

Кроме того, принятие Конвенции позитивно сказывается на привлекательности РФ для иностранных инвестиций, так как оно подтверждает, что государство идет в ногу со временем и заботится о повышении налоговой прозрачности.

Таким образом, с одной стороны, принятие MLI усложняет деятельность бизнеса и требует от компаний дополнительных затрат на налоговое планирование и консультационные услуги, с другой — способствует формированию более справедливых условий для всех участников рынка.

В долгосрочной перспективе Россия, вероятно, продолжит активное участие в глобальной налоговой реформе и дальнейшую имплементацию мер BEPS, что позволит государству укрепить свою позицию на международной арене и создать более справедливую и эффективную налоговую систему.

Заключение

Многосторонняя конвенция MLI является значимой международной мерой по созданию более справедливой и прозрачной системы международного налогообложения в условиях глобализации экономики. Применение данного Инструмента в Российской Федерации уже показало его преимущества и недостатки и оказало заметное влияние на налоговую систему и бизнес. Для достижения максимальной эффективности от применения MLI от

государств требуется интернациональная координация действий и обмен информацией и опытом с целью устранения пробелов в международной налоговой системе и обеспечения более справедливого распределения налоговых доходов между юрисдикциями.

Список литературы:

1. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/10/main/MLI_eng.pdf.

2. Токарева К.К. Документы организации экономического сотрудничества и развития в системе источников налогового права Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2018. 241 с.

3. Иванов О.С. Международная координация стран в отношении проблемы размытия налогооблагаемой базы и перемещения прибыли // Национальная безопасность. 2018. № 2. С. 19-32.

4. Подшивалова Д.Я. Многосторонняя конвенция: возможные проблемы правовой неопределенности // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 1. С. 38-55.

5. Берберов А.Б., Милоголов Н.С. Налоговая политика при присоединении к Многостороннему инструменту по имплементации BEPS: анализ подходов в России и зарубежных странах // Налоги и налогообложение. 2017. № 10. С. 27-44.

6. Винницкий Д.В., Савицкий А.И., Пустовалов Е.В. Налоговый арбитраж в соответствии с международными налоговыми соглашениями // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 21–36.

Сухарькова Дарья Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

dariashrkv2003@gmail.com

Sukharkova Daria

Lomonosov Moscow State University

Higher School of State Audit

Russia, Moscow

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ САНКЦИЙ В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ

Аннотация: данная работа посвящена анализу эффективности выработанных Правительственной комиссией фискальных мер по ликвидации последствий санкционных ограничений. Исследование практической реализации внесенных изменений в налоговое законодательство показал, что принятые меры неэффективны в условиях необходимости быстрого снижения экономической нагрузки на российские нефтегазовые компании.

Ключевые слова: санкции, фискальные меры, налог на добычу полезных ископаемых, налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, нефтегазовые доходы.

TAX LEGISLATION EFFICIENCY AS A MEANS OF ELIMINATING THE CONSEQUENCES OF SANCTIONS IN THE OIL AND GAS SECTOR

Annotation: the article is devoted to the analysis of the effectiveness of the tax measures elaborated by the Government Commission to eliminate the consequences of the restrictions caused by the sanctions. The study of the practical implementation

of the amendments to the tax legislation proved that adopted measures are ineffective in the context of the urgent necessity to promptly reduce the economic burden on Russian oil and gas companies.

Key words: sanctions, tax measures, mineral extraction tax, tax on additional income from the extraction of oil and gas, oil and gas revenues.

Роль нефтегазовых доходов всегда значима для Российской Федерации как ресурсодобывающей страны, особенно в условиях острой внешнеполитической обстановки. В настоящее время российский топливно-энергетический комплекс функционирует в условиях внешних ограничительных мер. С 2022 года западные страны начали проводить политику дестабилизации российского нефтяного рынка посредством блокирования сделок с некоторыми российскими экспортирующими нефтяными компаниями [9], установления эмбарго или «ценовых потолков» в отношении российской нефти [8]. Рассматриваемые санкции были в первую очередь направлены на снижение доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации от экспорта российских энергоресурсов, более половины внешнего товарооборота которых до 2022 года приходилось на «недружественные» страны.

После столкновения с установленными ограничениями цены на российскую сырую нефть, поставляемую морским путем, в размере 60 долларов за баррель [4], российские компании были вынуждены делать послабления для дальнейшего выхода на новые рынки и нивелирования торгово-экономических ограничений, вызванных санкциями. В качестве ответной меры был издан Указ Президента [4] о запрете экспорта российской нефти в страны, устанавливающие «механизм фиксации предельной цены» на российскую нефть. Исключения могли составлять только поставки, санкционированные на основании специального разрешения Президента Российской Федерации.

Также в соответствии с задачей, поставленной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ходе совещания о текущей ситуации в нефтегазовом секторе 14 апреля 2022 г. [14], российские нефтяные компании начали переориентацию энергоэкспорта на рынки Юга и Востока. Новая «география» экспортных энергопоставок повлекла за собой трудности, связанные с налаживанием логистики, технологическим обеспечением, увеличением стоимости фрахта судна для перевозки российских нефти и нефтепродуктов. Кроме того, негативное развитие событий в части санкционных ограничений приводит к снижению экспортного потенциала Российской Федерации, поступлений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, «затовариванию» внутреннего рынка с последующими негативными последствиями для нефтедобычи и нефтепереработки.

Для решения вышеуказанных проблем в 2022 году была созвана Правительственная комиссия по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций, итоги которой были выражены в соответствующем положении [6]. Автору представляется интересным рассмотреть реализацию и оценить эффективность всех выработанных высшим исполнительным органом государственной власти фискальных мер, направленных на ликвидацию последствий санкционных ограничений в нефтегазовой сфере. Выбор данных мер для анализа обуславливается тем, что многие ученые считают регулирующую функцию налогов наиболее эффективной в условиях санкций (М.В. Ризаева, Мельникова Н.П., Тихонова А.В., Гаврилов И.П., Шульдякова В.В.) [11, с. 125; 10, с. 99; 12, с. 54-57]. Так, целью настоящего исследования является проверка доводов о существенном влиянии мер налогового законодательства на проблемы, возникшие вследствие введения санкционных ограничений, на примере предложений Правительственной комиссии 2022 года.

Первая мера, предложенная Правительством Российской Федерации, заключалась в проработке вопроса перевода расчета налога на добычу полезных

ископаемых (далее – НДСИ) с котировок «Юралс» на базисе CIF (Cost, Insurance and Freight) на базис FOB (Free On Board) [7], для учета реальных ценовых условий на рынке при уплате налогов. Различие данных базисов, закреплённых в Инкотермс, состоит в месте доставки товара и субъекте ответственности за него. В случае с базисом CIF товар доставляется до пункта выгрузки, а ответственность за его случайную гибель несет собственник до момента его выгрузки. FOB предполагает, что доставка товара происходит до порта отправления, следовательно, ответственность за случайную гибель товара во время морской перевозки отправитель не несет. Итак, предложение Правительства Российской Федерации заключалось в изменении расчета налоговой базы НДСИ в статье 346.37 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [2] с целью снижения финансовых рисков российских нефтеперерабатывающих компаний и повышения рентабельности их деятельности в условиях санкций. Данная мера не была поддержана Минфином России в силу нерентабельности, поскольку разница в «Юралс» CIF и «Юралс» FOB составляет около 3-5 долларов США за баррель, что существенно уменьшает доходы федерального бюджета Российской Федерации от НДСИ (ст. 50 Бюджетного кодекса Российской Федерации, далее – БК РФ) [3].

Вторая мера, представленная Правительством Российской Федерации, заключалась в проработке вопроса индексации размера вычитаемых расходов для целей расчета налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (далее – НДС) с 2023 года для учета реальной инфляции. Итак, налоговой базой НДС является положительная разница между доходами и расходами налогоплательщика на данном участке недр при добыче углеводородного сырья. При этом законодателем установлен порядок расчета минимального налога, который налогоплательщик НДС уплачивает в случае, когда полученная в результате расчета сумма НДС меньше суммы минимального налога. Одним из элементов порядка расчета минимального налога является

«сумма предельных расходов». Так, в 2022 году в целях обеспечения стабильных условий осуществления деятельности налогоплательщиков НДС была установлена сниженная фиксированная сумма предельных расходов на добычу углеводородного сырья для исчисления минимальной суммы НДС в размере 7 140 рублей с 01.01.2023 года и 8 600 рублей с 2024 года [1] взамен установленной предыдущей редакцией НК РФ суммы в размере 9520 рублей [2]. Так, указанная мера Правительства снизила финансовую нагрузку на российские нефтеперерабатывающие компании для целей более быстрого налаживания экспортных поставок углеводородного сырья на рынки Юга и Востока.

Третьей мерой, рассмотренной Правительственной комиссией, была реализация вопроса двухлетней отсрочки запланированной модернизации нефтеперерабатывающих заводов для целей получения российскими экспортерами углеводородного сырья налоговых вычетов. Данное предложение предполагало решение вопроса, связанного с задержкой поставок технологического оборудования для ремонта российских нефтеперерабатывающих заводов, а именно представление российским нефтеперерабатывающим компаниям дополнительные возможности в виде распоряжения «свободными средствами», полученными за счет налоговых вычетов, налаживания партнёрских отношений с покупателями, разрешения возникших логистических трудностей. Рассматриваемая мера была принята – перенесены сроки ввода основных средств в рамках реализации соглашений о модернизации нефтеперерабатывающих мощностей и инвестиционных соглашений [1]. Окончательно данная мера была реализована путем внесения изменений в формы и правила заключения (расторжения) соглашений о модернизации нефтеперерабатывающих мощностей и инвестиционных соглашений [5].

Четвертая мера заключалась во введении налогового вычета по НДС на нефть с целью поддержки субъектов реализации инвестиционных проектов по

обеспечению производства полимеров. Предложение было реализовано в п. 3.7. статьи 343.2 НК РФ, предоставившей налоговый вычет при добыче нефти на участках недр, расположенных полностью или частично в границах Иркутской области [1].

Рассмотрев все реализованные на нормативном уровне фискальные меры, предложенные Правительственной комиссией в 2022 году, необходимо сделать заключение об их эффективности. Так, согласно данным Минэнерго России в 2023 году экспорт российских углеводородов снизился 3,3 % по сравнению с 2022 годом, что является незначительным показателем. При этом нефтегазовые доходы федерального бюджета за 2023 год упали почти на 20 % по сравнению с предыдущим годом, что говорит о неэффективности фискальных правительственных мер, введенных в 2022 году, а, следовательно, о несущественном влиянии регулирующей функции налогов в условиях санкционных ограничений.

Действительно, для российских нефтеперерабатывающих компаний представленные за счет налоговых вычетов «свободные деньги» и временные ресурсы не могут иметь большого значения в решении проблем, связанных с последствиями санкций, в частности логистическими, представляющими угрозу для российского экспорта. Снизить последствия санкционных ограничений представляется только путем создания новой системы защиты интересов грузо- и судовладельцев – российских энергоэкспортёров – с участием суверенных государств в форме наднациональной перестраховочной международной компании с участием суверенных правительств стран-внешнеторговых партнеров Российской Федерации. Одним из преимуществ статуса такой международной организации являются наименьшие риски попадания под санкционные ограничения с учетом гарантий деятельности на территории стран-участниц вне зависимости от введенных санкций.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 323-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 18.07.2022, № 29 (часть III), ст. 5290.
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
3. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
4. Указ Президента РФ от 27.12.2022 № 961 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты» // СЗ РФ, 2023, № 1, ст. 194; № 18, ст. 3296; № 27, ст. 4977; № 52, ст. 9591.
5. Постановление Правительства РФ от 18.11.2022 № 2094 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ, 28.11.2022, № 48, ст. 8471.
6. Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 № 25–2 (ред. от 31.10.2022) «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций».
7. Incoterms 2020.
8. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine.
9. Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine.
10. Мельникова Н.П., Тихонова А.В. — Налоговая политика России в условиях санкционного давления: теоретические подходы и альтернативные направления практической реализации // Национальная безопасность / nota bene. - 2023. - № 3. - С. 107 - 123.

11. Ризаева М.В. О реализации регулирующей функции налогов в промышленном секторе экономики в условиях санкций и ограничительных мер // Теория и практика общественного развития. 2022. No 6. С. 123-126.

12. Гаврилов, И. П. Нефтегазовая отрасль в условиях санкций / И. П. Гаврилов, В. В. Шульдякова // Проблемы развития современного общества : Сборник научных статей 8-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 4-х томах, Курск, 19–20 января 2023 года / Под редакцией В.М. Кузьминой. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2023. – С. 54-57.

13. Официальный сайт Президента Российской Федерации. [эл. ресурс] URL: kremlin.ru.

14. Official website of the U.S. Department of the Treasury. [эл. ресурс] URL: treasury.gov.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 355.469.34

Казакова Диана Анатольевна
Курский государственный университет
Юридический факультет

Россия, Курск

kazakovadiana2754@gmail.com

Kazakova Diana

Kursk State University

Faculty of Law

Russia, Kursk

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Аннотация: в статье рассматривается история создание беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). На сегодняшний день прогресс в развитии беспилотных летательных аппаратов – это одно из самых важных достижений в современной авиации нескольких последних десятилетий. Несмотря на активное развитие беспилотного воздушного транспорта, до сих пор существует проблема совершенствования действующих, а также принятия новых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения по использованию беспилотных транспортных средств.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, авиационная техника, разработки, история, развитие, дрон.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

Annotation: the article discusses the history of the creation of unmanned aerial vehicles (UAVs). To date, progress in the development of unmanned aerial vehicles is one of the most important achievements in modern aviation over the past few

decades. Despite the active development of unmanned air transport, there is still a problem of improving existing ones, as well as the adoption of new regulatory legal acts regulating relations on the use of unmanned vehicles.

Key words: unmanned aerial vehicle, aviation technology, developments, history, development, drone.

В течение последнего десятилетия разработка и производство беспилотных авиационных систем являются наиболее динамичным сегментом мировой авиационной отрасли и стабильно обеспечивают совокупный среднегодовой темп роста не менее 10 %. В настоящее время основные объемы этого рынка обеспечиваются потребителями из силового сектора, решающими задачи военного и специального применения, охраны границ, общественного порядка и т. п. Вместе с этим и рынок гражданского и коммерческого применения беспилотных летательных аппаратов имеет высокий потенциал роста.

Правительством Российской Федерации утверждена Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. от 27 ноября 2021 г. №3363-р [1], основной целью которой является удовлетворение потребностей инновационного социально ориентированного развития экономики и общества в качественных транспортных услугах, конкурентоспособных по сравнению с лучшими мировыми аналогами.

19 сентября 2024 г. Президент России Владимир Путин на заседании Военно-промышленной комиссии РФ по вопросу развития беспилотных авиационных систем рассказал, что проектированием, испытанием и серийным выпуском БПЛА будут заниматься особые научно-производственные центры. «Ключевая задача – производить широкую линейку воздушных беспилотных аппаратов, максимально быстро наладить серийное производство такой перспективной техники», отметил Путин и призвал производителей

беспилотников задуматься о будущем развитии отрасли и решить, какие задачи в будущем будут решать беспилотные системы

В самом деле, Российская Федерация традиционно входит в число ведущих авиационных держав мира, имеющих развитое авиастроение. При этом, как известно, наличие собственной авиационной промышленности является одним из принципов независимого промышленного развития государства.

Отечественная авиационная техника, включая военную, обеспечивает независимость страны в целом. Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) являются одним из наиболее перспективных видов авиационной техники. Они входят в состав авиационных комплексов Российской армии и силовых ведомств. БПЛА все чаще применяются и в гражданском секторе, коммерческих предприятиях и частными лицами.

Изготовление БПЛА относится к самым высокотехнологичным производствам авиационной отрасли, составляет основу технологической самостоятельности национального авиастроения. Организация производства БПЛА на своей территории является приоритетной для любой экономики мира в силу высокой добавленной стоимости. В частности, за рубежом производство БПЛА весьма рентабельно: их мировой рынок оценивается в несколько десятков миллиардов долларов в год.

В истории создания и развития отечественных БПЛА в общем виде можно выделить пять периодов средней продолжительностью по 20 лет.

Первый период (1920–1939) характеризовался зарождением отечественной беспилотной техники и первым ее практическим применением. В СССР работы по созданию систем автоматического управления беспилотными самолетами проводились с начала 1920-х годов и имели сугубо военное предназначение. Основными направлениями в создании беспилотных управляемых средств были самолеты-мишени и самолеты-бомбы.

Первый экспериментальный 20-минутный полет состоялся 28 июля 1927 г. Было проведено испытание автопилота и приборов управления самолетом У-1 по радио. Самолет по команде с наземного пункта управления совершал развороты, снижение и набор высоты, полет по прямой линии [2].

В 1933 г. был испытан отечественный радиоуправляемый тяжелый бомбардировщик ТБ-1 с автопилотом АВП-2 [3]. В 1937 г. Госкомиссии СССР были продемонстрированы и другие телеуправляемые самолеты У-2 и ТБ-2.

Телесамолеты, их автопилоты и другое оборудование было принято на вооружение. В работах по созданию БПЛА принимали участие КБ и НИИ нескольких отраслей промышленности. К сожалению, Великая Отечественная война практически полностью прервала опытные работы в этом направлении.

Во втором периоде (1940–1959) создавались разведывательные БПЛА на базе серийных самолетов и самолеты-мишени на базе отработавших свой ресурс боевых самолетов, развивалось серийное производство беспилотных самолетов-мишеней.

Тем не менее, после Великой Отечественной войны в СССР продолжились разработки некоторых видов БПЛА. Так, в ОКБ им. А.С. Яковлева был разработан радиоуправляемый беспилотный самолет дозиметрического контроля Як-9В, который в 1949 г. пролетел через «атомный гриб» под Семипалатинском [4, с. 25-31]. В 1959 г. в ОКБ создали беспилотный самолет Як-25РВ [5]. С 1952 г. на базе отработавших свой ресурс МиГ-15бис, -17, -17Ф и других самолетов создавались беспилотные самолеты-мишени [6]. В 1953 г. ОКБ им. С.А. Лавочкина создало беспилотный самолет – воздушную мишень Ла-17 [7].

Третий период (1960–1979) характеризовался двумя направлениями: как интенсивным производством военных БПЛА, так и появлением БПЛА гражданских.

В военном секторе создавались беспилотные самолеты-разведчики различных классов – от стратегических до тактических БПЛА, с мощными и

надежными газотурбинными двигателями. Создавались наиболее крупные отечественные самолеты-мишени. Под беспилотные самолеты-мишени переоборудовали и транспортные самолеты.

Что касается гражданского сектора, то третий период характеризовался появлением в СССР гражданских БПЛА – беспилотных самолетов и вертолетов, созданных силами студенческих КБ МАИ, ЛИАП, КАИ и других вузов. Первые гражданские БПЛА были созданы в 1960-е годы и отличались разнообразием аэродинамических схем и компоновок [8]. Один из первых беспилотных самолетов был создан В.П. Махровым совместно со студентами МАИ в 1962 г. – это радиоуправляемый самолет «Синица». Известны и другие дистанционно пилотируемые летательные аппараты МАИ: РМ, «Рама», «Эльф-Д», «Потап», «Комар» и др. БПЛА использовали в интересах народного хозяйства, для проверки своего изобретенного оборудования, отработки принципов управления аппаратами.

Четвертый период (1980–1999) характеризовался дальнейшим развитием и одновременным расширением двух направлений:

1) в военном секторе создавались беспилотные системы на качественно новом уровне: стратегические БПЛА (Ту-300 «Коршун»), самолеты-мишени «Дань», тактические БПЛА малой дальности в ОКБ А. С. Яковлева – «Пчела-60С», «Шмель» и «Пчела-1Т» [9, с. 35-37], многоцелевые беспилотные вертолеты малой (Ка-37) и средней дальности (Ка-137) в ОАО «Камов» [10] и другие БПЛА;

2) в гражданском секторе были созданы уникальные для своего времени БПЛА в МАИ. Среди них известны БПЛА самолетного типа с гибким крылом – АГК-1, БПЛА вертолетного типа – ДПВ-100, «Ворон», БПЛА-конвертоплан – СВВП и др.

Необходимо отметить, что середина 1980-х годов явилась и наивысшей точкой развития и производства советских БПЛА. Так, в Советской армии на

вооружении 30 воинских частей стояли тысячи БПЛА различного назначения. Одних только Ту-143 «Рейс» было изготовлено 950 экземпляров.

Пятый период (с 2000 г. по настоящее время) характеризуется массовым применением БПЛА, резким ростом числа моделей, разработчиков и производителей БПЛА как в военном, так и в гражданском секторе. Этот период можно охарактеризовать следующими изменениями:

- растет число предприятий и организаций, занимающихся разработкой и изготовлением БПЛА;
- на выставках представлены не только макеты БПЛА, но и серийная продукция;
- увеличивается число публикаций о разработке, испытании, производстве и эксплуатации БПЛА;
- в ВУЗах активно занимаются научно-исследовательскими работами по тематике БПЛА;
- появляются новые конструкции, расширяется модельный ряд БПЛА;
- при изготовлении БПЛА применяются новые материалы и технологии;
- создаются новые кооперации для исследований и производства БПЛА;
- возрастает потребление отечественных БПЛА на внутреннем рынке;
- расширяется экспортный рынок отечественных БПЛА.

Все вышеприведенные положительные изменения стали возможны благодаря снижению стоимости изготовления и эксплуатации БПЛА, расширению области решаемых задач в военном и гражданском секторах, а также существенному экономическому эффекту от использования летательных объектов.

Одним из наиболее важных и приоритетных направлений политики государства является развитие транспортной системы, что является особенно актуальным в условиях цифровой трансформации. На территории Российской Федерации разрабатываются и успешно эксплуатируются беспилотные воздушные суда в условиях экспериментального правового режима. Вместе с

этим, в настоящее время отсутствует детальное правовое регулирование отношений в области беспилотных воздушных перевозок пассажиров и грузов, что, в свою очередь, затрудняет развитие таких перевозок на территории страны.

Кроме транспорта и логистики, в России беспилотные авиационные системы широко используются и с целью экологического мониторинга; создания и обновления цифровой картографической информации; привязки изображений к географическим координатам и др. При этом эффективных, согласованных и одобренных государственными регуляторами правил их эксплуатации в Российской Федерации на данный момент не также существует.

Несмотря на активное развитие беспилотного воздушного транспорта, до сих пор существует проблема совершенствования действующих, а также принятия новых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения по использованию беспилотных транспортных средств. Существующее в настоящее время легальное определение БПЛА не учитывает, что в числе высокоавтоматизированного транспорта выделяется полностью автоматизированный, который технически может эксплуатироваться даже без внешнего управления (контроля) в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна.

Принятые в течение 2022 – 2023 гг. нормативные акты в основном наметили направления государственной политики в области развития беспилотных систем, позволяющие регулировать и развивать эту сферу в интересах экономики страны, а также предоставив органам государственной власти больше мер административного воздействия в случае прямой угрозы, исходящей от БПЛА, жизни, здоровью людей, наиболее значимым интересам общества и государства.

Таким образом, создание нормативно-правовой базы для интеграции беспилотных летательных аппаратов в единое воздушное пространство России является одним из наиболее перспективных направлений развития

транспортной отрасли, что, в свою очередь, позволит создать условия для повышения надежности и безопасности транспортной системы в целом, увеличения транзитного потенциала страны, улучшить качество предоставляемых услуг и дополнительных функций, а также позволит выйти Российской Федерации на конкурентоспособные и передовые позиции по развитию беспилотных воздушных судов на мировом рынке в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28 сентября 2024 года).
2. Кудряков С. А. Беспилотные авиационные системы. Общие сведения и основы эксплуатации. – Санкт-Петербург.: Свое издательство, 2015. 121 с.
3. Бычков В. Н. Летопись авиации и воздухоплавания. – М.:Academia, 2006. 816 с.
4. Янкевич Ю. Беспилотные разведчики ОКБ им. А. С. Яковлева. // Общероссийский научно-технический журнал «Полет», 2000, № 3, с. 25-31.
5. Бадеха В. А. Беспилотные авиационные системы. Современное состояние и опыт применения. – Москва.: Перо, 2014. 207 с.
6. Павлушенко М. И., Евстафьев Г. М., Макаренко И. К. Национальная и глобальная безопасность. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития. – Москва.: Права человека, 2005. 610 с.
7. Ганин С. М., Карпенко А. В., Колногоров В. В., Петров Г. Ф. Беспилотные летательные аппараты. – Санкт-Петербург.: Невский бастион, 1999. 160 с.

8. Макаров Ю. В. Летательные аппараты МАИ. – М.: Издательство МАИ, 1994. 256 с.
9. Янкевич Ю., Ермаков А. Так мы начинали. – Двигатель, 2000. № 2, с. 35-37.
10. Василин Н. Я. Беспилотные летательные аппараты. – Минск.: Попурри, 2003. 272 с.

Сидельникова Элина

Тюменский государственный университет

Института государства и права

Россия, Тюмень

elinasidelnikova@mail.ru

Sidelnikova Elina

Tyumen State University

Institute of State and Law

Russia, Tyumen

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОМПЬЮТЕРНОЙ СФЕРЕ (МОШЕННИЧЕСТВО) И ИХ ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Аннотация: с появлением и активным развитием интернет-технологий выросла и доля преступлений, совершаемых с их помощью. С каждым днем растет количество пострадавших от рук мошенников и ущерб оценивается миллиардами рублей. Основная проблема данного рода правонарушений заключается в возможности дистанционного совершения хищения денежных средств граждан, что дает преступникам огромные возможности для сокрытия своей личности. В работе предлагается несколько методов, которые могли бы повысить процент раскрываемости данного рода преступлений, рассмотрена официальная статистика по изучаемому вопросу и дана правовая оценка преступления.

Ключевые слова: мошенничество, преступление, фишинг, латентность преступления, потерпевший.

COMPUTER CRIMES (FRAUD) AND THEIR LEGAL ASSESSMENT

Annotation: with the advent and active development of Internet technologies, the share of crimes committed with their help has also increased. Every day the number

of victims at the hands of fraudsters is growing and the damage is estimated at billions of rubles. The main problem of this type of offense is the possibility of remote theft of citizens' funds, which gives criminals enormous opportunities to hide their identity. The work proposes several methods that could increase the detection rate of this type of crime, considers official statistics on the issue under study and provides a legal assessment of the crime.

Key words: fraud, crime, phishing, crime latency, victim.

С каждым днем все больше людей встречается с интернет-мошенничеством и теряет деньги под влиянием преступником, успешно манипулирующих чувствами и эмоциями людей. Затрагивая самые актуальные, и порой даже страшные для человека темы, мошенники добиваются перевода денежных средств на собственные счета, получения логина и пароля от аккаунта, что впоследствии позволяет им шантажировать жертву. Несмотря на широкую огласку и распространение данной темы, граждане Российской Федерации все еще остаются подвержены влиянию людей «на другом конце провода» и миллиарды рублей ежегодно уходят в руки злоумышленников. В. А. Номоконов и Т. Л. Тропина в своей работе приводят сумму, ушедшую в руки мошенникам по всему миру: «По некоторым данным, ежегодные потери от киберпреступности в мире составляют примерно 750 млрд. — 1 трлн. долларов. Растут и доходы преступников. С 2004 по 2009 год доходы от киберпреступности возросли в десять раз, до 1 трлн. долларов» [6, с. 51]. С 2019 по 2021 год по статистике от МВД РФ число преступлений, связанных с использованием информационных технологий постоянно растет: в 2019 году количество преступлений составило 294409, когда в 2021 насчитывалось около 517722 [2]. Данная статистика не является точным отражением количества преступлений, так как доля населения предпочитает не обращаться в органы полиции с заявлением о хищении денежных средств из-за стыда, личных убеждений и недоверия органам власти. На деле данного рода преступлений

намного больше, чем предлагает нам статистика. Таким образом, количество преступлений, совершенных с использованием информационных технологий увеличилось на 75% за 2 года. Однако усложняет данную ситуацию то, что около 20% дел по мошенничеству раскрываются по официальной статистике. Для сравнения можно рассмотреть процент раскрываемости уголовных дел по статье «убийство», статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], он составляет 99% на 2022 год - об этом заявил Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев [8].

Мошеннические действия относятся к категории преступлений в компьютерной сфере, так как для реализации неправомерных действий используются информационные технологии и Интернет. Наиболее точное, на наш взгляд, определение данного рода преступлений дает ООН в своем докладе: ««киберпреступность» — это любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети» [4]. Похожее определение дает М. Е. Батухтин в своей работе: «киберпреступление — это любое преступление в электронной сфере, совершенное при помощи компьютерных средств или виртуальной сети, или против них» [5, с. 28].

Для более детального анализа данного вида преступлений стоит рассмотреть наиболее популярные мошеннические схемы, применяемые с помощью информационных технологий и телефонных звонков. Рассмотрение мошеннических схем поможет не только не отдать деньги злоумышленникам, но и оградить от этого родных и близких. По статистике от Центрального банка на 2023 год наиболее частой мошеннической схемой является мошенничество с помощью телефонных звонков от правоохранительных органов, представителей банков: данная категория составляет 73% [3]. В качестве примера можно рассмотреть реальную историю женщины, которая подверглась телефонному мошенничеству таким образом. Злоумышленники позвонило

гражданке М. И представившись сотрудниками банка, оформили заем на гражданку в микрофинансовой организации, украв доступ к подтвержденному аккаунту на «Госуслугах» женщины. С ее карты было списано около 20 тысяч рублей. Данная схема является наиболее эффективной и рабочей, так как в большинстве своем люди во время звонков от банка или правоохранительных органов слепо верят человеку «на другом конце провода». Страх и растерянность руководит людьми, которые диктуют данные своей карты или паспорта. Однако всегда нужно критически относиться к звонкам, которые вам поступают. Следующая мошенническая схема будет относиться именно к необходимости критической оценки лиц, которые вам пишут или звонят, так как в деятельность мошенников активно начинает внедряться искусственный интеллект, с помощью которого реально в точности воссоздать тембр, голос вашего знакомого или родственника и с помощью таких манипуляций выманить деньги у абонента.

Использование так называемых «дипфейк» технологий получает широкое распространение в мошенничестве, так как это не только удобный и быстрый способ получить желаемый результат, воздействуя на чувства и эмоции людей, но и отличный способ для сокрытия собственной личности за искусственно созданным чужим лицом или голосом, что увеличивает латентность преступления и усложняет работу компетентных органов по поиску преступника. С открытым доступом к нейросетям люди могут вторгаться в частную жизнь знаменитостей, политиков, создавая видео с использованием фотографий, голоса определенной личности для манипуляции общественным мнением или сбора денежных средств. Стоит вспомнить случай в 2021 году, произошедший в Объединенных Арабских Эмиратах: мошенники смогли ограбить банк на 35 миллионов долларов, используя несколько поддельных документов, свидетельствующих о предстоящих сделках, и имитацию голоса директора банка. По мнению Масликовой Я. А. «в случае неправомерного использования в дипфейке информации, относящейся к какой-либо личности,

характеризующей физиологические и биологические особенности этой личности, можно говорить о нарушении режима использования персональных данных» [7, с. 116]. Таким образом, беря во внимание тот факт, что использование фото, аудио и видео материалов другого человека без его согласия с целью получения выгоды является важным аспектом деятельности мошенника, использующего данный вид технологий.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить то, что проблемы мошенничества остро стоит в российском обществе и мошеннические сны с каждым днем развиваются все больше, принимают новые, ранее не изученные формы, что вводит в заблуждение потенциальных жертв мошеннических действий. Развитие и активное внедрение в повседневную жизнь искусственного интеллекта ставит под угрозу конфиденциальность персональных данных, так как материалы, находящиеся в общем доступе, могут использоваться для получения выгоды злоумышленниками. В связи с развитием мошенничества стоит помнить об информационном следе, который оставляет каждый гражданин в сети Интернет и тщательно относиться к публикуемым материалам, оценивать критически поступающие звонки и сообщения.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024 // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954
2. Состояние преступности на 2019-2021 год (архивные данные) // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.
3. Основные типы компьютерных атак в кредитно-финансовой сфере 2019-2020 годы от 23.03.2021 // URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/32122/attack_2019-2020.pdf.

4. Доклад X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

5. Батухтин М. Е. Киберпреступления: причины, виды, формы, последствия, направления противодействия // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. 2018.

6. Номоконов В.А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. №1 (24).

7. Масликова Я. А., Дипфейки как угроза персональным данным // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ногинск, 2021. С. 397.

8. Выступление Владимира Колокольцева в Государственной Думе в рамках «правительственного часа» // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministray-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-a-politsii-rossiyskoy-federatsii-v/> (дата обращения: 01.09.2024).